

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Москва
ИДВ РАН
2020

УДК 908(5-012)
ББК 26.89(55)
В78

*Утверждено к печати
Ученым советом ИДВ РАН*

Редакционная коллегия:

к.и.н. К.В. Асмолов; к.э.н. Л.В. Захарова; к.и.н. К.А. Корнеев;
с.н.с. А.Ч. Мокрецкий; н.с. К.А. Чирков

В78 Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее / Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока; отв. ред.-сост. Ю.В. Кулинцев. — М. : ИДВ РАН, 2020. — 400 с.

ISBN 978-5-8381-0375-8

В основу сборника статей российских и зарубежных востоковедов легли материалы 7-й международной конференции молодых востоковедов, проведенной 28—29 ноября 2019 г. при содействии Института Дальнего Востока РАН. Исследуются вопросы регионального развития Китая, Японии, Северной и Южной Кореи, Вьетнама и их сотрудничества с Россией по основным направлениям: политика, экономика, история, культура и общество. Особое внимание уделено актуальным проблемам использования новых информационных технологий, взаимодействию в области финансового сектора, вопросам торгово-экономического сотрудничества между странами региона. Ряд материалов посвящен историческим и культурно-гуманитарным аспектам двустороннего и многостороннего взаимодействия государств в Восточной Азии.

Ключевые слова: Восточная Азия, Россия, Китай, Корея, Япония, Вьетнам, политика, экономика, история, культура.

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

УДК 908(5-012)
ББК 26.89(55)

ISBN 978-5-8381-0375-8

© Коллектив авторов, 2020
© ИДВ РАН, 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies

**EAST ASIA:
PAST, PRESENT
AND FUTURE**

Moscow
Russian Academy of Sciences
Institute of Far Eastern Studies
2020

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute of Far Eastern Studies
of the Russian Academy of sciences*

East Asia: past, present and future. Moscow, RAS IFES Press, 2020.

The collection of articles by Russian and foreign Orientalists is based on the materials of the 7-th International Scientific Conference of Young Orientalists, held on November 28—29, 2019 in Moscow with support of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

The book focuses on the different aspects of regional development of China, Japan, South and North Korea, Vietnam and cooperation with Russia in the areas of politics, economics, history and social sciences.

Special attention is paid to the analysis of the new information technologies, cooperation in the finance sector and issues of the trade-economic interaction between the countries of the region. A number of papers describe historical and cultural aspects of bilateral and multilateral cooperation in East Asia.

Keywords: East Asia, Russia, China, Korea, Japan, Vietnam, politics, economic cooperation, history, culture.

Содержание

ПОЛИТИКА

<i>Мокрецкий А. Ч.</i> О дипломатии «новых возможностей» Китая	13
<i>Волошина А. В.</i> Тайваньский вопрос в современных отношениях Китая и США	24
<i>Кочешков Г. А.</i> Выборы 2020 года на Тайване в контексте ситуации в Тайваньском проливе и американо-китайского конфликта	34
<i>Кулинецв Ю. В.</i> Региональные вызовы российско-китайскому сотрудничеству на примере протестов в Казахстане	45
<i>Калюга А. А.</i> Восприятие инициативы «Пояса и пути» в Польше: обзор экспертного дискурса	56
<i>Скосырев В. А.</i> К вопросу о терминологическом определении партийно-государственной системы КНР	63
<i>Игнатов А. А.</i> Итоги и достижения председательства Японии в «Группе двадцати» в 2019 году	70
<i>Нелидов В. В.</i> Российско-японское сближение: причины застоя	82
<i>Киреева А. А.</i> Япония и Индия: стратегическое партнерство на Индо-Тихоокеанском пространстве	91
<i>Шуплецова К. В.</i> Новые вызовы безопасности в регионе в контексте ухудшения японо-южнокорейских отношений: позиция Японии	103
<i>Дьячков И. В.</i> Проблема «комфортанток» в южнокорейско-японских отношениях вчера и сегодня	113

<i>Поленова А.Л.</i> Внешняя политика КНДР в децентрализованной системе международных отношений	124
<i>Лысенко М.А.</i> Нетрадиционные угрозы безопасности СРВ	133
<i>Сафронова И.А.</i> Проблемы институционализации многостороннего сотрудничества в области безопасности в Восточной Азии	141

ЭКОНОМИКА

<i>Корнеев К.А.</i> Внутренняя энергетическая политика Японии: новый этап развития	149
<i>Лемутов В.А.</i> Вклад информационных технологий в экономический рост КНР в 2000-е — 2010-е годы	160
<i>Сербина Е.М.</i> Государственный банк развития Китая: особенности деятельности и стратегическое управление	169
<i>Трофимов А.А.</i> Внебюджетные фонды в России и Китае: вопросы правового регулирования	180
<i>Грачева Ю.А.</i> «Бренд с национальным характером» как один из ключевых инструментов развития экономики и культуры в районах проживания малочисленных народов КНР	188
<i>Томайчук Л.В.</i> Перспективы интеграции регионов Китая в Инициативу «Один пояс, один путь»	199
<i>Бейсенбаев О.Т.</i> Сотрудничество Казахстана, России и Китая в развитии цифрового шелкового пути: новые вызовы и перспективы	209
<i>Олейников И.В.</i> Китай—Новая Зеландия: на пути к модернизации соглашения о свободной торговле	220
<i>Полхова Е.В.</i> Роль японских компаний в эволюции арктической стратегии Токио	229

<i>Варкентин А.Е.</i> Экономические и институциональные факторы для определения кластеров внешнеторговых партнеров Японии: расширенный подход с использованием машинного обучения	240
<i>Мищенко Я.В.</i> Топливо-энергетический комплекс Вьетнама как объект сотрудничества и конкуренции России и Японии: современные тенденции	249
<i>Захарова Л.В., Захарова М.С.</i> Корпоративный сектор Северной Кореи: чэболи по-чуждейски?	258
<i>Синякова А.Ф.</i> Домохозяйства, состоящие из одного человека, меняют структуру потребительского спроса в Республике Корея	267
<i>Дёмина Я.В.</i> Портфельные инвестиции в странах Восточной Азии	275
<i>Рыбникова Д.Д.</i> Тенденции развития промышленности Республики Корея в контексте четвертой индустриальной революции	290
<i>Лешакова Н.П.</i> Перспективы развития логистической отрасли Республики Корея	300
<i>Тетеркина И.Г.</i> Развитие рынка туристских услуг Вьетнама и сотрудничество с Россией	309

ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВО

<i>Мусинова И.А.</i> Образ государства Чосон в работах немецких миссионеров, дипломатов и путешественников XIX в.	319
<i>Игнатенко А.С.</i> Система торговых договоров Кореи в конце XIX — начале XX вв.	327
<i>Лушников А.О.</i> Эволюция этнической политики в колониальной Корее: от ассимиляции к этноциду	336

<i>Харитонова А.М.</i> «О пребывании в Маньчжурии и Порт-Артуре»: русско-японская война глазами дипломата Г.А. Плансона	344
<i>Яковкин Е.В.</i> Русская молодёжь на «жертвенных работах» в Маньчжу-Ди-Го в годы Второй мировой войны	351
<i>Дмитриевская Н.В.</i> Национальная безопасность в период Третьей и Четвертой республик (1963—1979 гг.)	360
<i>Логиновский Е.Л.</i> Северокорейские свидетельства контактов Ким Ир Сена с КНР: смена акцентов в 1992—2019 гг.	371
<i>Лобова А.А.</i> Женский вопрос в философской мысли Китая в начале XX в.	382
<i>Иванова А.И.</i> КНДР на Олимпийских играх-2018 в Пхёнчхане	390

Contents

POLITICS

<i>MOKRETSKIY Alexander.Ch.</i> About China’s Diplomacy of “New Possibilities”	13
<i>VOLOSHINA Anna V.</i> The Taiwan issue in the modern China-US relations	24
<i>KOCHESHKOV Georgy A.</i> 2020 Taiwan elections in the context of the situation in the Taiwan Strait and the United States-China conflict	34
<i>KULINTSEV Yury V.</i> Regional Challenges to the Russian-Chinese Cooperation based on case study of anti-Chinese protests in Kazakhstan	45
<i>KALYUGA Anton A.</i> Perception of Belt and Road Initiative in Poland: review of experts discourse	56
<i>SKOSYREV Vladimir A.</i> Defining the Chinese party-state: authoritarianism, totalitarianism or socialism with Chinese characteristics	63
<i>IGNATOV Alexander A.</i> Results and decisions of Japan’s G20 presidency in 2019	70
<i>NELIDOV Vladimir V.</i> Russo-Japanese Rapprochement: Reasons for the Standstill	82
<i>KIRIEVA Anna A.</i> Japan and India: Strategic Partnership in the Indo-Pacific	91

<i>SHUPLETSOVA Kseniya V.</i> New Challenges to Regional Security in the Context of Deterioration in Japan–South Korea Relations: Position of Japan	103
<i>DYACHKOV Ilya V.</i> ‘Comfort Women’ in Relations Between South Korea and Japan Then and Now	113
<i>POLENOVA Anna L.</i> DPRK in a decentralized system of international relations	124
<i>LYSENKO Maksim A.</i> Non-traditional Security Threats to Socialist Republic of Vietnam	133
<i>SAFRONOVA Irina A.</i> Problems of institutionalization of multilateral security cooperation in East Asia	141

ECONOMICS

<i>KORNEEV Konstantin A.</i> Japan’s domestic energy policy: a new phase of development	149
<i>LEMUTOV Vasily A.</i> The Role of Information Technology in Economic Growth of the PRC during the Past Two Decades	160
<i>SERBINA Ekaterina. M.</i> China Development Bank: Activity Features and Strategic Management	169
<i>TROFIMOV Albert A.</i> Extra-budgetary Funds in Russia and China: Legal Regulation Issues	180
<i>GRACHEVA Yulia A.</i> “Brand with national character” as one of the key tools for the development of economy and culture in the areas of residence of national minorities in China ..	188
<i>TOMAICHUK Lilia V.</i> Prospects of Integration of China’s Regions into the “Belt and Road” Initiative	199
<i>BEISENBAYEV Olzhas Tusupbekuly</i> The cooperation between Kazakhstan, Russia and China in the development of the Digital Silk Road: new challenges and prospects	209
<i>OLEYNIKOV Ilya V.</i> China — New Zealand: on the road to modernizing the Free Trade Agreement	220

<i>POLKHOVA Ekaterina V.</i> The Influence of Japanese Business on Arctic Strategy of Tokyo	229
<i>VARKENTIN Andrey E.</i> Economic and institutional factors of Japanese foreign trade partners clusterization: enhanced machine learning approach	240
<i>MISCHENKO Yana V.</i> Fuel and energy complex of Vietnam as an object of cooperation and competition between Russia and Japan: contemporary trends	249
<i>ZAKHAROVA Liudmila V.; ZAKHAROVA Maria S.</i> North Korea's Corporate Sector: Juche-Style Chaebols?	258
<i>SINYAKOVA Anna F.</i> South Korea: Singles Change Consumer Demand	267
<i>DYOMINA Yana V.</i> Portfolio Investment in East Asia	275
<i>RYBNIKOVA Daria D.</i> Trends in the Industrial Development of the Republic of Korea in the Context of the Fourth Industrial Revolution	290
<i>LESHAKOVA Natalia P.</i> Development Prospects of the Logistics Industry of the Republic of Korea	300
<i>TETERKINA Irina G.</i> The development of the tourism market of Vietnam and cooperation with Russia	309

HISTORY AND SOCIAL SCIENCES

<i>MUSINOVA Irina Al.</i> The image of Korea in the works of German missionaries, diplomats and travelers in XIX century	319
<i>IGNATENKO Anastasia S.</i> The system of trade agreements in Korea in the late XIX — early XX centuries	327
<i>LUSHNIKOV Aleksei O.</i> The evolution of ethnic politics in colonial Korea: from assimilation to ethnocide	336
<i>KHARITONOVA Anna M.</i> “About staying in Manchuria and Port-Arthur”: Russo-Japanese war seen by diplomat G. A. Planson	344

<i>YAKOVKIN Eugene V.</i> Russian youth on “sacrificial” works in Manchukuo during the World War II	351
<i>DMITRIEVSKAYA Natalia V.</i> National Security Policy during the Third and Fourth Republics in South Korea (1963—1979)	360
<i>LOGINOVSKIY Egor L.</i> North Korean Evidences of Kim Il Sung’s Communications to the PRC: Changing Trends, 1992—2019	371
<i>LOBOVA Alisa A.</i> The women’s issues in Philosophical thoughts in China at the beginning of the XX century	382
<i>IVANOVA Alina I.</i> North Korea at 2018 Pyeongchang Olympic Games	390

А. Ч. Мокрецкий

О ДИПЛОМАТИИ «НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ» КИТАЯ

Аннотация. К 70-летию КНР китайская дипломатия подошла вооруженной новыми идеями и концепциями. В настоящее время ранее консервативная сфера деятельности КПК обогащается как в теории, так и на практике, постепенно отходя от известных заветов Дэн Сяопина в виде 28 иероглифов.

Статья обыгрывает известный китайский фразеологизм «большие перспективы» (大有可为) и экстраполирует его на дипломатию. Таким образом, современная китайская дипломатия объясняется через термин «новая эпоха», раскрываются ее три составные части — всевекторность, многослойность и объемность.

Кроме того, добавляется еще один фактор — фактор цикличности в передаваемой тональности китайских идей на уровне пропаганды. Такая цикличность, весьма вероятно, связана с новыми вызовами и возможностями, с которыми сталкивается Пекин как на международной арене, так и внутри собственного государства.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, дипломатия, новая эпоха, всевекторность, многослойность, объемность, цикличность.

Автор: Мокрецкий Александр Чеславович, старший научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: 88am@mail.ru

A.Ch. Mokretskiy

About China's Diplomacy of "New Possibilities"

Abstract. On the eve of the 70th anniversary of the PRC, Chinese diplomacy's come armed with new ideas and concepts. At present, the previously conservative sphere of the CPC activity is enriched both in theory and in practice, gradually moving away from the famous precepts of Deng Xiaoping in the form of 28 hieroglyphs.

The article plays on the well-known Chinese phraseology "great prospects" (大有可为) and extrapolates it to diplomacy. Thus, modern Chinese diplomacy is explained through the term "new era", its three components are revealed — all-vector, multi-layered and three-dimensional.

In addition, another factor is added — the factor of cyclicity in the transmitted tonality of Chinese ideas at the level of propaganda. Highly likely that this cycle has appeared due to new challenges and opportunities, that Beijing faces both in the international arena and within its own state.

Keywords: China, Xi Jinping, diplomacy, new era, multi(all)-vector, multi-layered, volume, cycle.

Author: Alexander Ch. MOKRETSKIY, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: 88am@mail.ru).

Для китайских экспертов современный мир живет в эпоху «трех больших», т. е. «большого развития, перемен и трансформаций», или «в эпоху, когда мир переживает изменения, невиданные за 100 лет».

2019 год — юбилейный год для Китая. КНР торжественно отметила 70-летнюю годовщину образования «нового Китая». Этот ажиотаж был виден в прессе, официальные каналы транслировали толпы ликующих китайцев, размахивающих национальными флагами и дружно распевających «Я люблю тебя, Китай» на пути к площадям китайских провинциальных центров и крупных городов.

Дипломатия «новых возможностей» это не официальный термин КПК, а обыгрывание известного китайского фразеологизма «большие перспективы» (大有可为), который все чаще звучит из уст лидеров страны. Таким образом, дипломатию «новых возможностей» в юбилейный для Китая год раскроем через терминологию, как «новая эпоха», три составляющие современной китайской дипломатии (все векторность, многослойность и объемность) и цикличность в тональности принимаемых идей.

Формирование термина «новая эпоха» в китайской дипломатии

С момента проведения 18-го съезда КПК (осень 2012 г.) термин «китайская дипломатия» претерпел существенные изменения. Его полное название сейчас — «китайская самобытная дипломатия великой державы новой эпохи». Нужно сразу оговориться, что дипломатия — наиболее консервативная сфера в деятельности КПК, которая практически не получала непосредственного влияния теоретических новаций. Во многом это было связано с установкой Дэн Сяопина — «не высовываться». Наступила ее очередь. Дипломатия великой державы стала именоваться «самобытной»: термин впервые использовали в докладе о работе правительства в 2016 г., а с 7-го пленума 18-го созыва (2017 г.) — и в партийных документах [*Ежегодный доклад правительства...*]. 19-й съезд стал вехой, начиная с которой китайская дипломатия вступает в «новую эпоху».

Формированию термина «новая эпоха» способствовали важные мероприятия (в том числе международные форумы), которые проходили на территории Китая или в крупнейших городах мира.

В конце октября 2013 г. в Пекине прошло первое после создания Китайской Народной Республики рабочее заседание по вопросам внешней политики по отношению к соседним странам. В ходе встречи было подчеркнуто, что стратегической целью китайской дипломатии является национальное возрождение, для этого Китай должен консолидировать дружеские отношения с сопредельными государствами и наилучшим образом использовать существующие стратегические возможности [*Си Цзиньпин: Китай*].

На центральном рабочем совещании по внешней политике 28—29 ноября 2014 г. в Пекине было пристально рассмотрено продвижение «международных отношений нового типа». Их отличительной чертой были названы «сотрудничество и общий выигрыш». Руководство осознало, что назрела необходимость в том, чтобы «дипломатическая работа Китая имела яркую самобытность, стиль и размах» [*Си Цзиньпин чуси*].

19-й съезд (осень 2017 г.) придал китайской дипломатии новые качества: «всевекторность», «многослойность» и «объемность».

Всеобъемлющий характер китайской внешней политики теперь оценивается руководством не только количественно (проведение крупных форумов «на домашней площадке», участие ведущих политических деятелей в международных саммитах, количество выездов и т. д.), но и качественно (концептуальный вклад в теорию и практику международных отношений путем формирования собственных дискуссионных платформ и выдвижения стратегических инициатив).

Повышение внимания коммунистической партии Китая к внешней политике нашло отражение в кадровых назначениях. Министр иностранных дел Ван И стал членом Госсовета на 1-й сессии ВСНП 13-го созыва (март 2018 г.). Ян Цзечи, заведовавшего внешней политикой в Госсовете, на 19-м съезде избрали в Политбюро ЦК КПК. Впервые за 25 лет в высшем руководящем органе КПК появился чиновник, непосредственно отвечающий за внешнюю политику. Последний раз такое происходило в 1992 г., когда министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь [*Цянь Цичэнь тунчжи*] стал членом Политбюро ЦК КПК.

Выход китайской дипломатии на новые рубежи стимулировал поиск новой методологии сотрудничества, в которой Китаю отводилась бы ведущая роль. Таким инновационным направлением после 19-го съезда стали контакты с ведущими политическими партиями мира в многостороннем формате. В частности, в декабре 2017 г. был проведен Диалог между КПК и политическими партиями мира на высоком уровне в Пекине. Структура Диалога напоминает внутрикитайскую модель многопартийного сотрудничества в рамках Единого фронта под руководством КПК. Этому же свидетельствуют и статистические данные: в работе приняло участие более 600 представителей из 300 политических партий и 120 государств [*Dialogue links global*]. Очевидно, что Китай путем форсированного создания собственной международно-политической инфраструктуры усиливает свою роль в глобальном управлении.

В ходе работы второго при Си Цзиньпине центрального рабочего совещания по внешней политике 22—23 июня 2018 г. прозвучало два важных тезиса. Служение целям национального возрождения было тесно связано с содействием прогрессу человечества, в то вре-

мя как строительство сообщества единой судьбы человечества упоминалось вместе с решительной защитой государственного суверенитета, безопасностью и интересами развития [Си Цзиньпин: нули].

Три качества китайской дипломатии: «всевекторность», «многослойность» и «объемность»

Формирование новой внешнеполитической доктрины у Китая носит адресный характер. МИД КНР разработал индивидуальные стратегии для каждого региона мира и представил их в виде программных документов. В частности, в 2006 и 2015 гг. были приняты две африканские стратегии. 5 ноября 2008 г. был разработан первый документ для государств Латинской Америки и Карибского бассейна (вторая программа вышла 24 ноября 2016 г.), 2 апреля 2014 г. — для стран Европы (обновленная версия появилась в декабре 2018 г.), 13 января 2016 г. — для арабских государств. В январе 2018 г. свет увидел первое издание Белой книги «Арктическая политика Китая».

При этом стоит отметить, что ранние издания «континентальных» документов (в том числе Арктика) носят справочный характер. В них коротко излагаются общие положения о роли и месте конкретных регионов в современных международных отношениях и мировой политике, исторический обзор развития связей с КНР, универсальные принципы китайской дипломатии: «искренняя дружба», «равноправие», «взаимная выгода», «совместное процветание», «взаимное обучение» и др. Эти документы демонстрировали растущий интерес Китая к конкретным регионам.

Более «свежие» публикации (после прихода к власти Си Цзиньпина) фокусируются на создаваемых институтах кооперации и концептуальной основе сотрудничества. Китайские авторы сосредоточиваются на новой терминологии — «сообщество судьбы», «концепция правильного понимания долга и выгода», специально выработанный для африканского континента курс из четырех иероглифов: «истинность», «практичность», «близость» («родственность») и «искренность». Отмечается готовность Пекина продолжать углублять всестороннее сотрудничество не только в рамках двусторонних связей, но и с такими регио-

нальными организациями как Африканский Союз, в рамках трехсторонней кооперации (например, Китай — страны Латинской Америки и Карибского бассейна — третий субъект мировой политики).

В настоящее время функционируют следующие механизмы: Форумы «Китай—Африка», «Китай—Арабские страны», «КНР—страны Латинской Америки и Карибского бассейна», сотрудничество по линии Китай+АСЕАН, регулярные встречи на высшем уровне между КНР и странами Центральной и Восточной Европы (16+1), международный диалог между Китаем и странами Океании, ШОС и др. Большинство из упомянутых форумов и площадок появились до 18-го съезда, но пришедший к власти Си Цзиньпин существенно ускорил их развитие.

Особое внимание Китай уделяет Черному континенту. В сентябре 2018 г. в Пекине состоялся 7-й саммит Форума «Китай—Африка». Си Цзиньпин лично встретился с 54 африканскими представителями, в том числе с 40 президентами, 10 премьер-министрами, 1 вице-президентом и председателем Африканского Союза (АС). В столицу Китая прибыло 249 высоких чиновников и министров различных ведомств, генсек ООН А. Гутерреш и 26 представителей международных и региональных (в основном африканских) организаций, а также более 3200 других участников [*Ван И цзю ЧжунФэй*]. О масштабности пекинского саммита свидетельствуют подписанные документы. По данным МИД КНР, стороны заключили около 150 соглашений, в том числе 28 государств и АС подписали с КНР меморандум о сотрудничестве в ходе совместного строительства китайской инициативы «Один пояс, один путь». Согласно документу, Китай и страны-подписанты намерены проводить «стыковку»/сопряжение стратегий развития КНР и африканской «Повестки — 2063» [*И Си Цзиньпин*].

Цикличность тональности выдвигаемых концепций

Несмотря на то, что было официально провозглашено вступление Китая в новую эпоху (эпоху становления могущественного государства 强起来), далеко не все идет гладко.

Наблюдается цикличность тональности в принимаемых решениях и пропаганде внешнеполитических идей. По аналогии с активным/агрессивным «мирным возвышением» (和平崛起) и нейтральным «мирным развитием» (和平发展), лозунг «действовать решительно»/«показать себя» (奋发有为) смягчается на умеренное «широкие перспективы для действия» (大有可为).

В частности, в ответ на китайский лозунг «действовать решительно» американские эксперты, как, например, Артур Уолдрон, профессор международных отношений университета Пенсильвании, консультант Министерства обороны США, отреагировали весьма бурно, назвав КНР «больше «ревизионистской» державой, которая стремится изменить положение вещей, исправляя то, что она считает историческими ошибками, и постоянно примериваясь к роли доминирующей региональной державы» [*Waldron*].

В целях смягчения «неправильной» трактовки «мирного возвышения», как угрозы и стремления страны к великодержавности и гегемонизму, появляется «мирное развитие».

В монографии Лукаса К. Дэннера «China's Grand Strategy. Contradictory Foreign Policy?» особый акцент сделан на стратегии «мирного развития». КНР стремится вернуть страну в круг великих держав, к которому Китай принадлежал тысячелетиями до «Века унижений» (так называется в Китае 100-летний период в истории государства, датируемый началом «Опиумных войн» в 1840 г. и до образования КНР в 1949 г.). В этих целях руководством принят основополагающий внешнеполитический курс в виде мирной стратегии Китая.

Большая стратегия, основанная на «мирном развитии», находит отражение в двух «Белых книгах» 2005 и 2011 гг., опубликованных Пресс-канцелярией Госсовета КНР. Первое издание называлось «мирный подъем». При этом идея «мирного подъема/развития» не была абсолютно новой, а такие стратеги, как Чжэн Бицзянь, последовали за Дэн Сяопином [*Danner*], выдвинувшим доктрину из 28 иероглифов [*Портяков*]. В основе доктрины Дэна стоят постулаты «скрывать собственные способности, ждать свое время» и «не высываться». Вместе с тем, большая стратегия КНР определяет защиту территориальной целостности, объединение Китая и решение тер-

риториальных споров в качестве главных международных целей. К менее важным задачам относятся продолжение политики борьбы с гегемонизмом, создание благоприятной международной среды для экономического роста и недопущение восприятия Китая как угрозы международной безопасности.

Кроме того, терминологический язык тоже циклично меняется: самоуверенная/агрессивная риторика сменяется нейтрально окрашенной. Недавнее высказывание министра иностранных дел Ван И во время вечернего приема в Нью-Йорке 24 сентября прошлого года о «сходе с крючка» («разорвать отношения с Китаем, значит потерять шансы, потерять будущее» [*Ван И: юй...*]) — яркий тому пример. Или в выступлении на 74-й сессии ГА ООН «Китай сегодня, Китай мира» упомянутый чиновник призвал весь мир рука об руку создавать сообщество единой судьбы человечества [*Цзай ди 74 цзе...*].

Такая цикличность, весьма вероятно, связана с новыми вызовами и шансами, с которыми сталкивается Пекин как на международной арене, так и внутри собственного государства. Прежде всего, речь идет о непростых переговорах с США о большой инвестиционной сделке на фоне прогрессирующей гибридной войны (в основном торговой и технологической). А внутренние проблемы упираются в совершенно запутанную ситуацию с Гонконгом, сложные переговоры с Тайванем и др.

Важно отметить, что общим во всех приведенных примерах является тезис, который фигурирует в официальных документах и транслируется политиками и экспертами, а именно: «Китай по-прежнему находится в периоде важных стратегических возможностей». Вместе с тем, в Китае изменилась оценка этого периода. Бывший директор Шанхайской академии мировых проблем Ян Цземьянь отмечает, что раньше Пекин защищал период шансов, который предлагал внешний мир (такая формулировка звучала во время первого заседания по внешним делам в августе 2006 г.), сейчас же источник этих шансов переместился внутрь — собственное непрерывное развитие и могущество [*Ян Цземьянь*]. В тексте доклада на XIX съезде эта мысль была выражена следующим образом: повышается китайская сила «международного влияния», «вдохновения» и «созидания», вносится новый

значительный вклад в дело международного мира и развития [*Из доклада Си Цзиньпина*].

Дипломатия «новых возможностей» Китая будет обогащаться как в теории, так и на практике. Такой креативный подход, о котором когда-то писал сотрудник Института мировой экономики и политики КАОН Ван Ичжоу («креативное вовлечение» или «вхождение»), на практике реализуется изобилием внешнеполитических идей/концепций. В «новую эпоху» их объем будет расти, наполняться свежей «мудростью» и, сталкиваясь с реакцией мира, менять тональность, но не суть. Они, словно восточные циклы, будут сменять и дополнять друг друга. На тональность концепций будут влиять «веховые» события, как «вступление в ВТО» (2001 г.), летняя Олимпиада в Пекине (2008 г.), довольно успешный выход из глобального финансового кризиса (2010 г.), первая международная импортная ярмарка в Шанхае (2018 г.), предстоящая зимняя Олимпиада в Пекине (2022 г.), «горячие точки» в регионах мира.

В целом, если идеи, декларируемые Китаем на международной арене, действительно учитывают национальные интересы всех участников международного сообщества, то в таком случае диалог цивилизаций, народов и государств будет плодотворным и поспособствует решению сложных проблем. В противном случае, будет возникать ответная реакция отторжения китайских идей в той или иной форме.

Библиографический список

7-й пленум 18-го созыва состоялся 11–14 октября 2017 г. в Пекине. Сайт КПК. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1015/c64094-29587706.html> (дата обращения: 15.12.2019).

Ван И цзю ЧжунФэй хэцзо луньтань бэйцзин фэнхуэй цзешоу мэйти цайфан : [Ван И дал интервью по итогам Пекинского саммита форума «Китай—Африка»]. 06.09.2018. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1592649.shtml> (дата обращения: 15.12.2019).

Ван И: юй Чжунго «тогоу», цзю ивэйчжэ юй цзиюй тогоу, юй вэйлай тогоу : [Ван И: «потерять связи» с Китаем значит потерять связи с шансами, потерять

будущее]. 24.09.2019. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1701309.shtml>. (дата обращения: 15.12.2019).

Ежегодный доклад правительства КНР. 17.03.2016. URL: http://www.gov.cn/premier/2016-03/17/content_5054901.htm (дата обращения: 15.12.2019).

И Си Цзиньпин вайцзяо сысян вэй иньлин. Будуань кайчуан Чжунго тэсэ даго вайцзяо синь цзюймянь : [Руководствуясь дипломатическими идеями Си Цзиньпина, непрерывно открывать новое будущее для китайской самобытной дипломатии великой державы]. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2019-01/01/c_1123923828.htm (дата обращения: 15.12.2019).

Из доклада Си Цзиньпина, сделанного на 19-м съезде КПК. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660.html> (дата обращения: 15.12.2019).

Портяков В.Я. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 14—27.

Си Цзиньпин: Китай будет продвигать дружеские отношения с сопредельными странами. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8437415.html> (дата обращения: 15.12.2019).

Си Цзиньпин: нули кайчуан Чжунго тэсэ даго вайцзяо синь цзюймянь : [Си Цзиньпин: старательно открывать новое будущее китайской самобытной дипломатии великой державы]. 23.06.2018. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1571169.shtml> (дата обращения: 15.12.2019).

Си Цзиньпин чуси чжунъян вайши гунцзо хуэйи бин фабяо чжунъяо цзянхуа : [Си Цзиньпин выступает на центральном рабочем заседании по внешней политике]. 29.11.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.htm (дата обращения: 15.12.2019).

Цзай ди 74 цзе Ляньхэго дахуэй ибаньсин бяньлунь шан дэ цзянхуа : [Выступление на 74-й ежегодной сессии ГА ООН], 28.09.2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbz_673089/zyjh_673099/t1703211.shtml (дата обращения: 16.12.2019).

Цянь Цичэнь тунчжи шэнпин : [Жизненный путь товарища Цянь Цичэня] / Жэньминь жибао. 18.05.2018. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/0518/c87393-29284897.html> (дата обращения: 15.12.2019).

Ян Цзэмянь. Си Цзиньпин фэнгэдэ тисянь : [Ян Цзэмянь. Воплощение стиля Си Цзиньпина] // Шицзе чжиши. 2015. № 2. С.15.

Danner L.K. (2018). *China's Grand Strategy. Contradictory Foreign Policy? USA:* Florida International University, Palgrave Macmillan. 219 p.

Dialogue links global political parties // China Daily, December 1st, 2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-12/01/content_35148252.htm (дата обращения: 15.12.2019).

Waldron A. China's 'Peaceful Rise' Enters Turbulence // Orbis. 2014. Vol. 58, Issue 2. P. 164—181.

References

Danner, L.K. (2018). *China's Grand Strategy. Contradictory Foreign Policy? USA*: Florida International University, Palgrave Macmillan. 219 p.

Dialogue links global political parties // China Daily, December 1st, 2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-12/01/content_35148252.htm (accessed: 15 December, 2019).

Jinri zhi Zhongguo, shijie zhi Zhongguo : [China Today: A Proud Member of the Global Community], 28 September, 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjzb_673089/zyjh_673099/t1703211.shtml. (accessed: 16 December, 2019).

Portyakov, V. Ya. (2012). Vneshnepoliticheskie zaveti Deng Xiaopinga i ikh sovremennaya interpretatsiya : [Portyakov, V. Ya. Deng Xiaoping's Foreign Policy Precepts and Their Current Interpretation] // The Russian Far East, No5, 14—27. (In Russian).

Qian Qichen tongzhi shengping [Qian Qichen comrade's lifetime]/ Renmin ribao, 18 May, 2018. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/0518/c87393-29284897.html> (accessed: 15 December, 2019).

Waldron, A. China's 'Peaceful Rise' Enters Turbulence // Orbis. 2014. Vol. 58, Issue 2. P. 164—181.

Wang Yi: yu Zhongguo “tuogou”, jiu yiweizhe yu jiyu tuogou, yu weilai tuogou : [Wang Yi: Decoupling from Chinese economy means decoupling from opportunities, future], 24 September, 2019. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbhd/t1701309.shtml> (accessed: 15 December, 2019).

Xi Jinping zai Zhongguo gongchandang di shijiu ci quanguo daibiao dahui shang de baogao : [Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress], URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660.html> (accessed: 15 December, 2019).

Yang Zemian. Xi Jinping fengge de tixian : [Yang Zemian. The embodiment of Xi Jinping's style] // Shijie zhishi. 2015. № 2. C.15.

Yi Xi Jinping wajiao sixiang wei yinling buduan kaichuang Zhongguo tese daguo wajiao xin jumian : [With Xi Jinping's diplomatic thinking as a guide to create a new situation of China's great power] // Qiushi, 2019, No1. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2019-01/01/c_1123923828.htm (accessed: 15 December, 2019).

Zhengfu gongzuo baogao (quanwen) : [The Government's annual work report], 17 March, 2016. URL: http://www.gov.cn/premier/2016-03/17/content_5054901.htm (accessed: 15 December, 2019).

Zhonggong shiba jie qizhong quanhui zai Jing juxing : [18th CPC Central Committee concludes 7th plenum in Beijing]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1015/c64094-29587706.html> (accessed: 15 December, 2019).

А.В. Волошина

ТАЙВАНЬСКИЙ ВОПРОС В СОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ КИТАЯ И США

Аннотация. На протяжении семи десятилетий тайваньский вопрос продолжает оставаться фактором, привносящим конфликтность в развитие китайско-американских отношений. На фоне роста соперничества между Соединенными Штатами и Китаем и происходящих изменений в стратегическом ландшафте азиатского региона вновь актуализируется задача осмысления места «тайваньского вопроса» в современной политике Пекина и Вашингтона.

Рассматривая периоды с 2008 по 2016 г. и с 2016 по настоящее время, автор пытается раскрыть, каким образом происходило взаимодействие двух держав по тайваньскому вопросу и какие изменения оно претерпевало. Анализируя текущие проблемы в рамках треугольника КНР-Тайвань-США, автор предлагает возможный сценарий развития этих отношений.

Ключевые слова: Китай, тайваньский вопрос, США, продажи оружия, администрация Д. Трампа, Цай Инвэнь.

Автор: Волошина Анна Валерьевна, младший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

A. V. Voloshina

The Taiwan issue in the modern China-US relations

Abstract. For seven decades, the Taiwan issue has been a stumbling block for the development of Sino-American relations. Given the growing competition between the United States and China, as well as the changing strategic landscape of the Asian region, the task of understanding the place of the Taiwan issue in the modern relations of Beijing and Washington again becomes actual.

Considering the periods from 2008 to 2016 and from 2016 to the present, the author tries to reveal how the two powers interacted on the Taiwan issue and what changes their interaction went through. Analyzing the current problems in the China-US-Taiwan triangle, the author offers a possible scenario of the development of these relations.

Keywords: China, Taiwan issue, the US, China, arms sales, the Trump administration, Tsai Ing-wen.

Author: Anna V. VOLOSHINA, Junior Researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
(e-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru).

На протяжении семи десятилетий тайваньский вопрос остается фактором, усиливающим напряженность и недоверие в отношениях Китая и Америки. Однако, несмотря на долгую историю существования этой проблемы и неоднократные заявления сменявших друг друга лидеров Вашингтона и Пекина о стремлении выстраивать конструктивные партнерские отношения между двумя странами, за прошедшие годы не только не были разрешены коренные противоречия в позициях сторон по проблеме статуса Тайваня, но, переживая эволюцию, отношения внутри треугольника КНР—США—Тайвань существенно усложнились.

Так, в принятых Китаем и Америкой документах, где стороны пытались зафиксировать руководящие принципы для взаимодействия по тайваньскому вопросу (Шанхайское коммюнике 1972 г., Коммюнике об установлении дипломатических отношений между КНР и США 1978 г. и Китайско-американское совместное коммюнике 1982 г.), не было ни четкого заявления Соединенных Штатов о статусе Тайваня, ни каких-то определенных сроков окончания аме-

риканских поставок оружия острову, что создало основу для разночтений подписанных как Пекином, так и Вашингтоном текстов. Более того, стороны закрепили свои позиции по тайваньскому вопросу в одностороннем порядке. Конституция Китая заявляет, что «Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики» [Конституция КНР (1982 г.)] и КНР выступает единственным законным представителем всего китайского народа, а Закон о противодействии расколу страны 2005 г. легитимизирует право КНР на применение силы в деле объединения страны. Что касается США, то, сохраняя неопределенность по вопросу о суверенитете Тайваня, свою приверженность острову они подтвердили «шестью гарантиями» Р. Рейгана, а также принятием в 1979 г. Закона об отношениях с Тайванем. С его помощью Соединенные Штаты закрепили возможность своего вмешательства, в том числе военного, в межбереговые отношения, если действия материка создадут «какую бы то ни было угрозу безопасности или общественной или экономической системе народа Тайваня и возникающую из этого... угрозу интересам Соединенных Штатов» [Taiwan Relations Act. 1979].

Еще более усложнили взаимоотношения Пекина и Вашингтона активизировавшиеся с 1990-х годов процессы демократизации на Тайване. На его политической арене появились силы, отстаивающие идею Тайваня как независимого суверенного государства, такие как Демократическая прогрессивная партия (ДПП). Примером того, насколько рискованной может стать политика Тайбэя, стал период президентства представителя ДПП Чэнь Шуйбяня (2000—2008 гг.). КНР и США были вынуждены проводить отчасти параллельный курс, направленный на сдерживание этого лидера, дабы избежать разгорания конфликта в зоне Тайваньского пролива.

Победа на тайваньских президентских выборах 2008 г. кандидата от партии Гоминьдан Ма Инцзю привнесла положительную динамику в развитие отношений в треугольнике КНР—Тайвань—США. Благодаря стремлению Ма Инцзю наладить отношения с Китаем и признанию им «консенсуса 1992 г.» (т. е. признание принципа «одного Китая» с его различной интерпретацией Китаем и Тайванем), происходит запуск переговорных процессов с матери-

ком. Уже к концу 2008 г. были установлены три канала связи между берегами Тайваньского пролива: прямые грузоперевозки, авиасообщение, почтовое сообщение. Бурное развитие экономических отношений и подписание Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве в 2010 г. привело к прорыву в двусторонних политических консультациях — с уровня неправительственных организаций они перешли на уровень чиновников в ранге заместителей министров с обеих сторон. А 7 ноября 2015 г. состоялась первая с 1949 г. встреча лидеров с обоих берегов Тайваньского пролива: председателя КНР Си Цзиньпина и президента Китайской Республики Ма Инцзю.

Улучшение межбереговых отношений вызвало у китайской стороны надежды на благоприятные подвижки в американской позиции по тайваньскому вопросу. Этому способствовало то, что в первый год пребывания у власти команда избранного в 2008 г. президента Б. Обамы подчеркивала свое желание установить партнерские отношения с Китаем и пыталась избежать провоцирования Пекина по чувствительным для него вопросам, посылая не всегда верно трактуемые сигналы китайской стороне. Так, в сентябре 2009 г. тогдашний заместитель государственного секретаря Джеймс Стейнберг озвучил идею о необходимости «стратегического успокоения» в американо-китайских отношениях, заявив, что каждая из двух стран «должна предпринять конкретные шаги для устранения и уменьшения опасений друг друга» [‘[Obama] Administration’s Vision of the U.S.-China Relationship’...]. Затем, в ходе визита президента США Б. Обамы в Китай в ноябре 2009 г. было подписано совместное заявление США и Китая, где фиксировалось крайняя важность уважения коренных интересов друг друга для обеспечения устойчивого прогресса в американо-китайских отношениях [U.S.-China Joint Statement. 2009]. Более того, перед своим визитом в Китай Б. Обама отложил уведомление Конгресса о продаже оружия Тайваню, а также решил отказаться от встречи с Далай-ламой — для американской стороны эти шаги были лишь тактическим ходом во избежание нагнетания напряжения между странами в преддверии двусторонних переговоров, однако же в свете речи Д. Стейнберга они создали ложное впечатление о готовности США перейти от слов к делу в проак-

тивном «стратегическом успокоении» КНР [*Christensen, T.*: 252]. В то же время в американских политических и научных кругах зазвучали призывы «отказа» от Тайваня (У. Оуэнс, Б. Джилли, Т. Карпентер, Д. Роткопф и др.) в пользу улучшения отношений с КНР. Среди китайских экспертов, пристально следивших за этими подвижками и дебатами, стали высказываться мнения о том, что в их основе лежат ослабление США и увеличивающаяся взаимозависимость двух держав, заставившие американских деятелей задуматься о пересмотре политического курса в отношении Китая и тайваньского вопроса [См.: *Лю Фэйтао*].

Однако, продажа оружия Тайбэю в 2010 г. стоимостью 6,4 млрд долл. подтвердила неизменность официальной линии США и вынудила китайскую сторону занять более реалистичную позицию. В ответ Пекин продемонстрировал готовность жестко отстаивать свои коренные интересы, так, в частности, Министерство обороны КНР остановило все военные обмены с США с января по октябрь 2010 г., были озвучены угрозы принятия санкций в отношении американских компаний, вовлеченных в продажи оружия, а также отменен ряд важных двусторонних переговоров. По мнению исследователей Китайского института международных исследований, обозначение для США «красной линии» по вопросам, касающимся Тайваня, стало успехом китайской дипломатии [*Лю Фэйтао, Тэн Цзяньцюнь, Шэнь Ямэй, Цуй Лэй, Ду Лань. С. 48*]. Действительно, следующие продажи оружия администраций Б. Обамы носили нерегулярный характер (производились в 2011, 2015 гг. на суммы 5,9 млрд долл. и 1,83 млрд долл. соответственно) и не нарушали «красной линии» Пекина относительно того, чтобы в пакетах не фигурировали истребители F-16C/D и дизель-электрические подводные лодки.

В целом, политика двух администраций Б. Обамы оказалась направлена на поддержание статус-кво в тайваньском вопросе, а не его изменение. Нацеленность Америки на сохранение стабильных отношений в районе пролива и решение не разыгрывать «тайваньскую карту» в ходе реализации своей стратегии «возвращения в Азию» были отмечены китайской стороной. Так, после переговоров с госсекретарем США Джоном Керри в сентябре 2013 г. министр ино-

странных дел КНР Ван И заявил, что «тайваньский вопрос находится в контролируемом состоянии» [Ван И хуэйу Кэли тань тайвань вэньти...]. Китайские исследователи также отмечали, что при условии поддержания стратегической сдержанности и Китаем и США тайваньский вопрос будет оставаться в числе «управляемых» разногласий между двумя странами [*Лю Фэйтао, Тэн Цзяньцюнь, Шэнь Ямэй, Цуй Лэй, Ду Лань*. Там же].

Победа на тайваньских президентских выборах 2016 г. кандидата ДПП Цай Инвэнь и приход к власти в США администрации республиканца Дональда Трампа поколебали хрупкий баланс трехсторонних отношений, обострив неразрешенные разногласия по тайваньскому вопросу.

Отказ Цай Инвэнь признать «консенсус 1992 года» разрушил политическую основу для межберегового взаимодействия. Была остановлена работа механизма консультаций и переговоров между Канцелярией Госсовета КНР по делам Тайваня и тайваньским Советом по делам материковой части, Ассоциацией по развитию связей между берегами Тайваньского пролива и Фондом обменов через Тайваньский пролив. В качестве ключевого условия для позитивного развития межбереговых отношений Цай Инвэнь выдвигает принцип «четырёх долженствований». В соответствии с ним, Китай должен: признать реальность существования Китайской Республики (Тайвань); уважать приверженность 23-миллионного народа Тайваня свободе и демократии; мирным путем, на основе равенства, урегулировать межбереговые разногласия; вести переговоры с участием правительства или уполномоченных правительством учреждений.

Китай не меняет свою позицию, что условием для начала межбереговых переговоров является признание тайваньской администрацией «консенсуса 1992 г.», и подчеркивает, что объединение с Тайванем является исторической задачей КНР, а наилучшей моделью его реализации — принцип «одна страна — две системы». В ответ на неуступчивую позицию Тайбэя Китай увеличил количество воздушных и военно-морских учений в районе Тайваньского пролива, а также предпринял шаги по сокращению международного пространства Тайваня. С момента прихода к власти администрации Цай Инвэнь 7 стран разорвали дипломатические отношения с островом в

пользу признания КНР, пострадало членство Тайваня в международных организациях.

Также произошло обострение китайско-американских отношений. Новая администрация США переосмысливает свою стратегию по отношению к Китаю, отказываясь от попыток «вовлечения» КНР в пользу гораздо более конфронтационного подхода. Китай признается прямым соперником Соединенных Штатов, ревизионистской державой, стремящейся занять их место в регионе, «бросающей вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытающейся подорвать безопасность и процветание Америки» [National Security Strategy, 2017]. На этом фоне обострились разногласия Пекина и Вашингтона по поводу Тайваня. Администрация Д. Трампа взяла курс на укрепление отношений с островом и углубление сотрудничества в сфере безопасности. Тайвань подключается к Индо-Тихоокеанской стратегии США, причем в докладе Пентагона «Индо-Тихоокеанская стратегия США» 2019 г. можно увидеть критически важное обозначение Тайваня в качестве страны и его сравнительно высокое позиционирование в ряду государств, с кем Соединенным Штатам следует укреплять региональные партнерства. Не совсем прямое упоминание Тайваня как страны в этом документе не является официальным отказом США от следования принципу «одного Китая», однако, демонстрирует готовность Америки относиться с меньшим уважением к чувствительности Китая в отношении острова.

Кроме этого, в марте 2018 г. Америка принимает Закон о поездках на Тайвань, согласно которому США и Тайвань могут официально посылать друг к другу чиновников высшего ранга, а в апреле того же года Госдепартамент одобряет план, позволяющий американским оборонным компаниям изучить возможность продажи Тайваню технологий и систем вооружения для его программы по созданию подводных лодок. Эти шаги воспринимаются Китаем как действия, нарушающие статус-кво по «тайваньскому вопросу». Также протест Пекина вызвали продажа оружия Соединенными Штатами Тайваню в 2017 г. на сумму 1,4 млрд долл.; сделка на сумму 330 млн долл., объявленная в конце сентября 2018 г.; и одобренные в июле и в августе 2019 г. продажи оружия на 2,2 млрд долл. и 8 млрд

долл. соответственно. Положения готовящегося к принятию Закона об ассигнованиях на национальную оборону на 2020 г. подтверждают, что курс на укрепление отношений в сфере безопасности с Тайванем будет продолжен.

Таким образом, тайваньский вопрос обостряется на фоне общего нарастания силового балансирования в китайско-американских отношениях. Представляется, однако, что развязывание конфликта в зоне Тайваньского пролива в краткосрочной и среднесрочной перспективе противоречит интересам всех участников треугольника. Перед китайской дипломатией стоит задача стабилизации отношений с США при обеспечении соблюдения своих коренных интересов в отношении Тайваня. Что касается США, то несмотря на их сегодняшний, более конфронтационный подход к Китаю, возгорание конфликта в зоне Тайваньского пролива — риск, на который американская администрация маловероятно отважится.

Дальнейшее взаимодействие стран по тайваньскому вопросу во многом будет зависеть от того, насколько точно две страны смогут определить свои цели в регионе, средства для их реализации и возможные издержки принимаемых решений.

Библиографический список

Ван И хуэйю Кэли тань тайвань вэньти: цзай кэ кун дэ чжуантай чжи нэй : [Ван И встречается с Керри для обсуждения тайваньского вопроса: находится в контролируемом состоянии]. URL: <http://news.takungpao.com/taiwan/shizheng/2013-09/1915753.html> (дата обращения: 14.12.2019).

Конституция КНР (1982 г.). URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения: 15.11.2019).

Лю Фэйтао. Мэйго шэ Тай чжэнцэ бяньлунь цзи Тай цзюнь шуо чжэнцэ цзоуши : [Дебаты об американской политике по отношению к Тайваню и тенденции в политике продаж оружия] // «Гоцзи вэньти яньцзю» [Исследования международных проблем]. 2012. № 4. С. 51—65.

Лю Фэйтао, Тэн Цзяньцюнь, Шэнь Ямэй, Цуй Лэй, Ду Лань. Чжун-мэй фэньци гуань кун дэ лилунь юй шицзянь — и чжэнчжи, цзинци, аньцюань вэй ши цзяо : [Теория и практика сдерживания и контроля китайско-американских разногласий — с точки зрения политики, экономики, безопасности] // СПС яньцзю бао-

гао (Чжунго гоцзи вэньти яньцзю юань) : [Исследовательский отчет CIIS (Китайский институт международных исследований)]. 2015. № 11. 57 с.

Christensen T. The China challenge: shaping the choices of a rising power. New York: W. W. Norton & Company, 2015. 387 p.

National Security Strategy of the United States of America. 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).

'[Obama] Administration's Vision of the U.S.-China Relationship'. Deputy Secretary of State James B. Steinberg's Keynote Address at the Center for a New American Security on September 24, 2009. URL: <https://china.usc.edu/james-steinberg-obama-administrations-vision-us-china-relationship-september-24-obam> (дата обращения: 15.12.2019)

Taiwan Relations Act. 1979. URL: <http://www.ait.org.tw/en/taiwan-relations-act.html> (дата обращения: 10.11.2019).

U.S.-China Joint Statement. 2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/realitycheck/the-press-office/us-china-joint-statement> (дата обращения: 15.12.2019).

References

Christensen, T. (2015). The China challenge: shaping the choices of a rising power. New York: W. W. Norton & Company. 387 p.

Konstitutsiya KNR (1982) : [The Constitution of the PRC]. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (accessed: 15 November, 2019). (In Russian).

Liu Feitao (2012). Meiguo she Tai zhengce bianlun ji Tai jun shou zhengce zoushi : [Debate about American policy toward Taiwan and trends in arms sales policy]. *Guoji wenti yanjiu* : [International studies], 4. P. 51—65.

Liu Feitao, Teng Jianqun, Shen Yamei, Cui Lei, Du Lanet (2015). Zhong-Mei fenqi guan kong de lilun yu shijian — yi zhengzhi, jingji, anquan wei shi jiao : [Theory and practice of Sino-U.S. disagreement control and management — in terms of politics, economy, security]. *CIIS yanjiu baogao (Zhongguo gouji wenti yanjiu yuan)* : [CIIS Research Report (China Institute of International Studies)]. № 11. 57 p.

National Security Strategy of the United States of America (2017). URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 10 December, 2019).

'[Obama] Administration's Vision of the U.S.-China Relationship'. Deputy Secretary of State James B. Steinberg's Keynote Address at the Center for a New

American Security on September 24, 2009. URL: <https://china.usc.edu/james-steinberg-obama-administrations-vision-us-china-relationship-september-24-obam> (accessed: 15 December, 2019).

Taiwan Relations Act (1979). URL: <http://www.ait.org.tw/en/taiwan-relations-act.html> (accessed: 10 November, 2019).

U.S.-China Joint Statement (2009). URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/realitycheck/the-press-office/us-china-joint-statement> (accessed: 15 December, 2019)

Wang Yi huiwu Keli tan Taiwan wenti: Zai ke kong de zhuangtai zhi nei : [Wang Yi meets with Kerry to discuss the Taiwan issue: it's under control]. URL: <http://news.taikungpao.com/taiwan/shizheng/2013-09/1915753.html> (accessed: 14 December, 2019).

Г.А. Кочешков

ВЫБОРЫ 2020 ГОДА НА ТАЙВАНЕ В КОНТЕКСТЕ СИТУАЦИИ В ТАЙВАНЬСКОМ ПРОЛИВЕ И АМЕРИКАНО-КИТАЙСКОГО КОНФЛИКТА *

Аннотация. 11 января 2020 г. на Тайване должны состояться очередные выборы главы острова и парламента. Данные выборы проходят в условиях ухудшения в отношениях между Пекином и Тайбэем, а также — развивающегося конфликта между КНР и США. Пока что этот конфликт наиболее ярко проявляется в рамках торговой войны, однако вопрос Тайваня также является очень важным для обеих сторон.

В данном докладе сделана попытка анализа возможного результата выборов на Тайване в контексте ситуации в Тайваньском проливе, а также американо-китайского конфликта.

Ключевые слова: Тайвань, выборы на Тайване 2020 г., Тайваньский пролив, Китай, КНР, Соединённые Штаты, США, торговая война, американо-китайский конфликт.

Автор: Кочешков Георгий Андреевич, выпускник магистратуры Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
E-mail: geo-kocheshkov@yandex.ru

* Данный текст написан в ноябре—декабре 2019 г.

G .A. Kochechkov

2020 Taiwan elections in the context of the situation in the Taiwan Strait and the United States-China conflict

Abstract. On 11 January 2020 Taiwan is going to held its next general elections. These elections take place in the context of deterioration in relations between Beijing and Taipei, as well as the developing conflict between the PRC and the USA. So far, this conflict is mostly going as the trade war, but the issue of Taiwan is also very important for both sides.

This report represents an attempt to analyze the possible outcome of 2020 Taiwan elections in the context of the situation in the Taiwan Strait, as well as the United States-China conflict.

Keywords: Taiwan, 2020 Taiwan Elections, Taiwan Strait, China, PRC, United States, USA, Trade War, United States-China Conflict.

Author: Georgy A.KOCHESHKOV, graduate master of Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University (e-mail: geo-kocheshkov@yandex.ru).

11 января 2020 г. на Тайване должны состояться очередные выборы главы и парламента острова. И на момент написания данного текста в ноябре-декабре 2019 г. внешне они достаточно похожи на типичные тайваньские выборы последнего времени.

Есть две основные партии и союзные им силы: скорее правоцентристский Гоминьдан и союзная ему так называемая «синяя коалиция», выступающие за сохранение китайской идентичности, и в настоящей момент правящая скорее левоцентристская Демократическая Прогрессивная Партия и союзная ей «зелёная коалиция», стратегической целью которой является формальная независимость острова от Китая как отдельного государства Тайвань (вместо нынешнего официального наименования «Китайская республика»). От двух этих партий и идут два основных кандидата в президенты: действующая президент Цай Инвэнь от ДПП и недавно выигравший выборы мэра обычно «зелёного» города Гаосюн Хань Гоюй от Гоминьдана.

После местных выборов и серии референдумов, которые прошли в ноябре 2018 г. и на которых «зелёные» потерпели разгромное поражение от «синих», и вплоть до лета 2019 г. казалось, что Го-

миньдан без проблем выиграет парламентские выборы, а его кандидат — президентские.

Однако к настоящему моменту и в партийных опросах Гомиьдан уступает ДПП, и в президентских опросах Цай Инвэнь уверенно обходит Хань Гоюя [ЕТ цзунтун минь дяо/ Цай Инвэнь 46,6 %...]. Похоже, что основной причиной этого стали резко возросшие на острове антикнровские настроения.

Первая предпосылка этого произошла ещё в январе 2019 г., когда Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с речью по проблеме Тайваня. Она состоялась 2 января 2019 г. и была посвящена 40-летию юбилею обнародования «Обращения к тайваньским соотечественникам» [Си Цзиньпин: Вэй шисянь миньцзу вэйда фусин...].

По сути, Си Цзиньпин не сказал в ней ничего нового. Давно известно, что, хотя Пекин и ориентирован на мирное воссоединение, в крайнем случае, что прописано в статье 8 закона «О предотвращении сепаратизма» 2005 г. [Фань фэньле гоцзя фа], он готов к применению и «немирных» (цитата) средств. И уж тем более Пекин никогда не скрывал, для кого, прежде всего, была создана апробированная в Гонконге и Макао модель «одна страна, две системы». Новым, разве что, было только то, что предложение о переговорах о воссоединении по этой модели было озвучено лично главой КНР.

Тем не менее, для Цай Инвэнь это было отличным поводом напомнить об опасности поглощения Тайваня материковым Китаем. А уже настоящим «подарком» для неё стали протесты в Гонконге, носящие антикнровский характер: именно лето, время начала обострения в этом городе, стало также переломным в тайваньских предвыборных опросах между Цай Инвэнь и Хань Гоюем. Последний имеет репутацию прокитайски настроенного, хотя в одном из публичных выступлений им, в попытке отмежеваться от этого ярлыка, и было заявлено, что модель «одна страна, две системы» может быть реализована на Тайване «только через мой труп» (цитата) ['One country, two systems' in Taiwan...].

Также в пользу «зелёных» играет то, что на уровне президентских выборов так и не сложилась полноценная третья сила. Потенциально она, прежде всего, могла быть представлена до недавнего времени беспартийным мэром столичного Тайбэя Кэ Вэньчжэ, а

также до недавнего времени членом Гоминьдана, а ныне беспартийным миллиардером Го Таймином (также известен как Терри Гоу), являющимся самым богатым человеком на Тайване. Так, Кэ Вэньчжэ недавно основал собственную Тайваньскую Народную Партию (ТНП, англ. Taiwan People's Party), а Го Таймин, хотя и не вступил в неё, по некоторым сведениям, готов был сотрудничать с ней вплоть до того, чтобы войти в её партийный список на выборах [Цайбиху бао: ...].

Однако, в итоге, ни Кэ Вэньчжэ, ни Го Таймин не выдвинули свои кандидатуры (хотя последний демонстративно вышел из Гоминьдана совсем незадолго до крайнего срока регистрации на президентских выборах независимых кандидатов), а единственным альтернативным Цай Инвэнь и Хань Гоюю кандидатом стал ветеран тайваньской политики и лидер Первой Народной Партии (англ. People First Party) Сун Чуюй (также известен как Джеймс Сун). И, с учётом того, что Сун Чуюй — это, безусловно, «синий» кандидат (его партия давно входит в «синюю коалицию»), а также того, что по опыту нескольких последних выборов он вряд ли сможет претендовать на победу, его выдвижение играет на руку именно Цай Инвэнь и «зелёным» — серьёзную конкуренцию действующей главе острова он не составит, а выступить кандидатом-спойлером и «отъесть» голоса у «синего» Хань Гоюя — вполне.

Тем не менее, на партийном уровне «третья сила» всё-таки может сыграть довольно большую роль: ТНП по опросам довольно уверенно занимает третье место, причём, согласно части из них, она хотя и уступала по популярности Гоминьдану и ДПП, но не в разы (около 20 % против 30—35 % у каждой из двух крупнейших партий [ЕТ цзунтун минь дяо/ Цай Инвэнь 41 %...]). Однако стоит отметить, что большая часть опросов всё-таки даёт ТНП результат скорее ближе к 10 %. И, похоже, что именно из-за её наличия Гоминьдан в партийных опросах, в отличие от президентских, удерживал уверенное лидерство куда дольше (аж до середины ноября), однако затем, после публикации партийных списков, и на партийном уровне Гоминьдан стал также скорее уступать ДПП.

В итоге, если не произойдёт каких-то достаточно значимых событий, которые резко изменят ситуацию на самом Тайване или во-

круг него, на выборах победу практически наверняка одержат «зелёные» во главе с действующей главой острова Цай Инвэнь.

Правда, совсем полностью вероятность победы её противника тоже исключать нельзя. Во-первых, всё-таки подобные события теоретически могут произойти. Во-вторых, до гонконгских событий политика «зелёных» была далеко не самой удачной, о чём говорит их разгромное поражение на местных выборах в ноябре 2018 г. В-третьих, опросы всё-таки не всегда отражают реальную ситуацию, примером чего являются президентские выборы в США 2016 г. Однако в данном случае отрыв Цай Инвэнь от Хань Гоюя очень уж велик, да и тот факт, что Хань Гоюй призвал своих сторонников врать опросам и не показывать свою поддержку, причём уже после того, как они стали показывать значительное отставание от Цай Инвэнь [Behind in polls...], говорит о том, что ситуация для него складывается довольно плачевная.

Таким образом, победа «зелёных» становится если и не неизбежной, то уж точно наиболее вероятным сценарием. А победа силы, которая выступает за независимость Тайваня (пусть и не обязательно немедленную), грозит обострением и без того непростой ситуации вокруг этого острова.

Во-первых, вопрос Тайваня, который и без того давно является очень принципиальным для материкового Китая, стал особенно важным для нынешнего главы КНР Си Цзиньпина, поскольку, как уже было упомянуто выше, в своей речи он лично подтвердил все основные тезисы позиции Пекина, включая готовность к «немирным мерам» в соответствии со статьёй 8 закона «О предотвращении сепаратизма» 2005 г.

А поэтому, в случае если угроза независимости Тайваня станет реальной, например, в случае проведения референдума о независимости или членства в ООН и уж тем более в том случае, если декларация независимости будет принята или «Китайская республика» будет официально переименована в «Тайваньскую республику», Пекин, скорее всего, будет вынужден принять решение о начале военной операции.

И то, что к настоящему моменту можно уверенно говорить об установлении Си Цзиньпином режима единоличной власти, в дан-

ном случае скорее не увеличивает, а уменьшает свободу действий и принятия решений со стороны Пекина: единоличная власть не равна абсолютной и нерешительность Си в тайваньском вопросе, если он её проявит, может стать очень серьёзным козырем в руках его противников и лишит поддержки со стороны ястребов и армии, что может грозить для него лично фатальными последствиями вплоть до госпереворота.

Во-вторых, на фоне развития эскалации американо-китайского конфликта явно увеличивается поддержка Тайбэя со стороны Вашингтона.

Ещё в марте 2018 г., фактически одновременно с началом торговой войны, США приняли закон Taiwan Travel Act, разрешивший официальные визиты и встречи между Вашингтоном и Тайбэем. Самой высокопоставленной из них на сегодняшний день, пожалуй, стала встреча между уже бывшим, но на тот момент действующим, Советником президента США по национальной безопасности Джоном Болтоном и его тайваньским коллегой Дэвидом Ли в мае 2019 г. [China bridles at rare meeting...].

К слову, об увеличении важности для Китая тайваньского вопроса говорит то, что с марта 2018 г. по н. в. (т. е. после принятия Вашингтоном Taiwan Travel Act-а) Пекин переманил уже 5 стран (7, если считать с 2016 г., когда Цай Инвэнь стала главой Тайваня), ранее имевших дипломатические отношения с Тайбэем, оставив того к настоящему моменту только с 15 «дипломатическими союзниками».

Поэтому в ответ на активность Пекина по подобному переманиванию Конгресс США активно готовится принять законопроект TAIPEI Act, который бы помешал КНР и дальше переманивать «дипломатических союзников» Тайбэя (собственно, Сенат уже принял свою версию этого законопроекта). И это при том, что сам Вашингтон, разумеется, формально признаёт Тайвань частью КНР. Существует и ряд других антикитайских законопроектов, находящихся на разных стадиях рассмотрения Конгрессом США, в том числе и непосредственно касающихся Тайваня.

Помимо этого, проходы американских военных кораблей через Тайваньский пролив стали едва ли не регулярной ежемесячной но-

востью [US Navy guided missile cruiser sails through Taiwan Strait...] (хотя и появлялись сведения, что скорее увеличилась частота появления новостей об этом в СМИ, а не частота самих проходов) [Power, John]. Также увеличились частота и объёмы продаж оружия Тайваню со стороны США, самым ярким примером чего на сегодняшний день стало согласие на продажу 66 истребителей F-16V [Huang, Cary].

На этом фоне интересной выглядит и новость о прошедших совместных учениях Тайваня и США в области кибербезопасности, и особенно фраза исполнительного директора Американского института на Тайване (де-факто играющего роль американского посольства) Раймонда Грина о том, что Тайвань в будущем может быть включён в систему Automated Indicator Sharing Министерства внутренней безопасности США [First-ever U.S.-Taiwan cyber exercises...].

Также нельзя не отметить, что на фоне развития американо-китайского конфликта увеличивается и стратегическая значимость Тайваня для обеих сторон.

С одной стороны, если Пекину удастся тем или иным способом воссоединиться с Тайванем, это сразу будет означать «прорыв» Китаем так называемой «Первой цепи островов», которая препятствует свободному выходу КНР в Тихий океан. К тому же Тайвань является очень крупным центром производства микроэлектроники и особенно чипов, что в условиях возможного эмбарго со стороны США против Huawei и прочих китайских компаний может стать крайне важным фактором, особенно с учётом огромных потребностей в чипах для китайской экономики.

С другой стороны, Тайвань также может стать удобным плацдармом для американских военных баз, включая ракеты меньшей и средней дальности, что особенно актуально на фоне выхода США из ДРСМД. Конечно, пока что Тайвань, по крайней мере, на официальном уровне, не назывался среди мест, где могут быть размещены американские ракеты, однако учитывая его расположение и то, что у США всё-таки не так много потенциальных мест, где подобные ракеты могут быть размещены против Китая, полностью такую вероятность исключать нельзя. Особенно, если власть на острове удержит враждебная по отношению к Пекину сила.

Впрочем, серьёзным препятствием к этому сценарию является то, что де-факто с таким же успехом США могут сразу объявить войну Китаю, ведь в таком случае, военная операция КНР против Тайваня и американских войск на нём (которые для Пекина автоматически становятся войсками интервентов на китайскую территорию) опять же становится практически неизбежной, и даже в наиболее «мирном варианте» опасность кризиса, который возникнет в подобном случае, не только превысит опасность всех предыдущих кризисов в Тайваньском проливе, но и, скорее всего, превзойдёт по масштабам Карибский кризис (всё-таки США не считали Кубу непосредственно своей территорией).

В заключение хотелось бы отметить, что именно Тайвань является той точкой, с которой с наибольшей вероятностью потенциально может начаться прямой военный конфликт КНР и США, поскольку у последних по «Закону об отношениях с Тайванем» 1979 г. есть обязательства обеспечить безопасность острова. Правда, в тексте закона не сказано, что это непременно должно быть сделано военным путём, однако явное стремление Вашингтона наращивать военное присутствие против Китая, о чём свидетельствует тот же выход из ДРСМД, уже не позволяет полностью исключать даже такое развитие событий.

Ещё несколько лет назад как практически невозможная воспринималась американо-китайская торговая война, особенно учитывая объём взаимной торговли и экономических связей этих двух стран, однако, как оказалось, это даже скорее поспособствовало её началу.

Конечно, Тайвань сам по себе вряд ли станет причиной для начала полномасштабного военного конфликта между Пекином и Вашингтоном, однако поводом — вполне возможно. Ведь не зря последние несколько лет по отношению к взаимодействию США и КНР используют термин «ловушка Фукидида»: как в экономической сфере ради получения или удержания монополии можно заплатить очень большую цену, которая всё равно в итоге окупится, так и в конфликте за мировую гегемонию, даже с чисто рациональной точки зрения, можно пожертвовать и рискнуть куда большим, чем кажется на первый взгляд.

Библиографический список

ЕТ цзунтун минь дяо/ Цай Инвэнь 41 % бэй Хань Гоюй чжуй дао ча “гэ шуцзы”? Сун Чуюй чума чжию 7.9 % : [Президентский опрос общественного мнения ЕТ: Цай Инвэнь с 41 % преследует Хань Гоюй, который отстаёт от неё на «считанные проценты»? Сун Чуюй вступает в бой всего с 7,9 %]. URL: <https://www.ettoday.net/news/20191030/1567975.htm> (дата обращения: 16.12.2019) (На кит.)

ЕТ цзунтун минь дяо/ Цай Инвэнь 46.6 % линсянь Хань Гоюй? Чжэсе жэнь шан цы тоу гэй Чжу Лилунь, Сун Чуюй : [Президентский опрос общественного мнения ЕТ: Цай Инвэнь с 46,6 % опережает Хань Гоюя? Эти люди в прошлый раз голосовали за Чжу Лилуня, Сун Чуюя] URL: <https://www.ettoday.net/news/20191212/1599644.htm> (дата обращения: 16.12.2019) (На кит.)

Си Цзиньпин: Вэй шисянь миньцзу вэйда фусин? Туйцзинь цзуго хэпин тунъи эр гунтун фэньдоу — Цзай “Гао Тайвань тунбао шу” фабяо 40 чжоуньянь цзиньянь хуэй шан дэ цзянхуа : [Си Цзиньпин: Во имя реализации великого возрождения нации? Вместе борются за продвижение мирного объединения Родины — Речь на собрании по случаю 40-летия «Обращения к тайваньским соотечественникам»]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-01/02/c_1123937757.htm (дата обращения: 16.12.2019) (На кит.)

Фань фэньле гоця фа : [Закон о предотвращении сессии] URL: www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2005-05/08/content_5341734.htm (дата обращения: 16.12.2019) (На кит.)

Цайбижу бао: Го Таймин сян цзиньжу Миньчжундан бу фэньшюй минь дань? Дань ка цзай жудан вэньти : [Цай Бижу разразилась: Го Таймин хочет войти в единый национальный список Тайваньской Народной Партии? Но вопрос с его вступлением в партию] URL: <https://news.ltn.com.tw/news/politics/breakingnews/2950016> (дата обращения: 16.12.2019) (На кит.)

Behind in polls, Taiwan president contender tells supporters to lie to pollsters URL: <https://www.reuters.com/article/us-taiwan-election-polls/behind-in-polls-taiwan-president-contender-tells-supporters-to-lie-to-pollsters-idUSKBN1Y3sid> (дата обращения: 16.12.2019).

China bridles at rare meeting between Taiwan and U.S. security officials URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-taiwan/china-bridles-at-rare-meeting-between-taiwan-and-us-security-officials-idUSKCN1SX077> (дата обращения: 16.12.2019).

First-ever U.S.-Taiwan cyber exercises open in Taipei URL: <http://focustaiwan.tw/news/aip/201911040015.aspx> (дата обращения: 16.12.2019).

Huang, Cary. Under Trump, US arms sales to Taiwan could be the new normal URL: <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3024132/under-trump-us-arm-sales-taiwan-could-be-new-normal> (дата обращения: 16.12.2019).

'One country, two systems' in Taiwan 'over my dead body': Han Kuo-yu URL: <http://focustaiwan.tw/news/aip/201906150017.aspx> (дата обращения: 16.12.2019).

Power, John. US warships made 92 trips through the Taiwan Strait since 2007 URL: <https://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/3008621/us-warships-made-92-trips-through-taiwan-strait-2007> (дата обращения: 16.12.2019).

US Navy guided missile cruiser sails through Taiwan Strait URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3781002> (дата обращения: 16.12.2019).

References

Behind in polls, Taiwan president contender tells supporters to lie to pollsters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-taiwan-election-polls/behind-in-polls-taiwan-president-contender-tells-supporters-to-lie-to-pollsters-idUSKBNpresid> (accessed: 16 December, 2019).

Cài Bírú bào: Guō Tǎimíng xiǎng jì nù mínzhòng dǎng bù fēnqū míngdān Dàn kǎ zài rù dǎng wèntí : [Tsai Pi-ju burst: Terry Gou wants to join the nationwide list of legislative candidates for Taiwan People's Party But the issue is about becoming a party member] URL: <https://news.ltn.com.tw/news/politics/breakingnews/2950016> (accessed: 16 December, 2019) (In Chinese).

China bridles at rare meeting between Taiwan and U.S. security officials. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-taiwan/china-bridles-at-rare-meeting-between-taiwan-and-us-security-officials-idUSKCN1SX077> (accessed: 16 December, 2019).

ET zǒngtǎng mín diào / Cài Yǐngwén 41 % bèi Hán Guóyú zhūi dào chā gè wèi shù' Sòng Chǐyú chūmǎ zhōuyǎu 7.9 % [ET President opinion poll / Tsai Ying-wen with 41 % is chased by Han Kuo-Yu who is only "single digits" behind James Soong starts only with 7.9 %] URL: <https://www.ettoday.net/news/20191030/1567975.htm> (accessed: 16 December, 2019) (In Chinese).

ET zǎngtǎng mín diào / Cài Yǐngwén 46.6 % lǒngxiān Hán Guóyú Zhèxiē rén shàng cì tóu gǔi Zhū Lilún, Sòng Chǐyú [ET President opinion poll / Tsai Ying-wen with 46.6 % leads Han Kuo-yu These people before voted for Eric Chu, James Soong]. URL: <https://www.ettoday.net/news/20191212/1599644.htm> (accessed: 16 December, 2019) (In Chinese).

Fǎn fēnliè guójiā fǎ [Anti-Secession Law] URL: www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2005-05/08/content_5341734.htm (accessed: 16 December, 2019) (In Chinese).

First-ever U.S.-Taiwan cyber exercises open in Taipei URL: <http://focustaiwan.tw/news/aip/201911040015.aspx> (accessed: 16 December, 2019).

Huang, Cary. Under Trump, US arms sales to Taiwan could be the new normal URL: <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3024132/under-trump-us-arms-sales-taiwan-could-be-new-normal> (accessed: 16 December, 2019).

'One country, two systems' in Taiwan 'over my dead body': Han Kuo-yu. URL: <http://focustaiwan.tw/news/aip/201906150017.aspx> (accessed: 16 December, 2019).

Power, John. US warships made 92 trips through the Taiwan Strait since 2007. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/3008621/us-warships-made-92-trips-through-taiwan-strait-2007> (accessed: 16 December, 2019).

US Navy guided missile cruiser sails through Taiwan Strait URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3781002> (accessed: 16 December, 2019).

Ю.В. Кулинцев

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ НА ПРИМЕРЕ ПРОТЕСТОВ В КАЗАХСТАНЕ*

Аннотация. Осенью 2019 г. в Республике Казахстан состоялись массовые антикитайские митинги, в ходе которых выдвигались политические и экономические требования. Представители протестных акций выступали против реализации в Республике Казахстан проекта «55 китайских предприятий», который осуществляется в рамках соглашения между правительствами двух стран.

В статье изучается предположение, что поскольку Москва и Нур-Султан демонстрируют схожие подходы к развитию экономического и политического взаимодействия с КНР, то для России могут стать актуальными те же вызовы, что и для Казахстана в рамках взаимодействия с Китаем.

Проведя анализ причин протестов в Казахстане, автор выдвигает ряд рекомендаций, позволяющих свести к минимуму возможность возникновения масштабных антикитайских акций, которые бы негативно отражались на реализации российско-китайского взаимодействия. Среди них: широкое информирование обществен-

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского совета по международным делам «Политическая и экономическая динамика стран Центральной Азии».

ности о содержании двусторонних проектов; выстраивание эффективного диалога между местными жителями и региональными властями, в ходе которого будет регулярно освещаться позиция российской стороны по выбору и осуществлению взаимовыгодных проектов с китайскими компаниями.

Ключевые слова: Китай, экономическое сотрудничество, российско-китайское взаимодействие, антикитайские протесты.

Автор: Кулинцев Юрий Викторович, научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: kulintsev.y@ifes-ras.ru

Y.V. Kulintsev

Regional Challenges to the Russian-Chinese Cooperation based on case study of anti-Chinese protests in Kazakhstan

Abstract. In the beginning of September 2019, there took place the anti-Chinese protests in Kazakhstan with economic and political claims. Participants stated against the construction in Kazakhstan of «55 Chinese factories» that were supposed to build according to the intergovernmental agreement.

The article studies the hypothesis that Moscow has chances to face the same challenges as Nur-Sultan does within the cooperation with Beijing, because Russian and Kazakhstan have the similar model of political and economic cooperation with China.

After the analysis of the reasons of anti-Chinese protests in Kazakhstan, the author introduces recommendations to reduce the risk of the similar protests in Russia, the protests which have negative influence to the development of Russian-Chinese relations. The findings show that the effective dialogue between citizens and politics and the transparency of joint bilateral projects should be organized and be oriented to explain to the local citizens the advantages and the interests of cooperation with Chinese companies.

Keywords: China, economic cooperation, Russian-Chinese relations, anti-Chinese protests.

Author: Yury V. KULINTSEV, Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: kulintsev.y@ifes-ras.ru).

Осенью 2019 г. в Республике Казахстан состоялись массовые антикитайские митинги, в ходе которых выдвигались политические и

экономические требования. Для государства, по территории которого проходит Экономический пояс Шелкового пути и которое занимает одно из важнейших мест во внешней политике Китая в регионе ЦА, подобный сценарий развития событий был мало ожидаемым. Это требует детального анализа причин указанных событий и выявления возможных последствий для российско-китайских отношений, поскольку, во-первых, для России, также как и для Нур-Султана, Пекин является одним из ключевых торгово-экономических партнеров с похожей структурой внешней торговли [*Товарооборот между...*]. При сбалансированном составе товарооборота, когда объемы экспорта соответствуют объемам импорта, основную категорию товаров, поступающих из Китая в Казахстан и в Россию, составляют «Машины и оборудование», а также «Химические товары», а основную долю импорта занимают «минеральное топливо, нефть и нефтепродукты». Совпадает и структура инвестиций, которые осуществляет КНР в Казахстан и в Россию — средства направляются главным образом в нефтегазовый сектор и транспортно-логистическую отрасль экономики.

Во-вторых, на политическом уровне российско-китайские отношения также коррелируют с казахстанско-китайскими. Между Россией и Китаем установлены «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» [*Совместное заявление РФ и КНР...*], а между Казахстаном и КНР задекларировано «всестороннее стратегическое партнерство» [*Казахстан и Китай: на новом...*]. Москва и Нур-Султан всегда занимали важное положение во внешней политике Китая. Председатель Си Цзиньпин свою первую зарубежную поездку в качестве лидера Китая совершил в Россию. Казахстан стал государством, в котором Си Цзиньпин объявил международному сообществу о новой китайской инициативе Экономического пояса Шелкового пути. Это показывает, что у Москвы и Нур-Султана совпадает экономическая и политическая база отношений с Пекином.

В Казахстане ранее уже проходили протестные выступления, имеющие антикитайскую направленность. В начале 2016 г. казахстанцы выступили против внесения изменений в Земельный кодекс, согласно которым стала бы возможна продажа сельхозземель и передача их в длительную аренду иностранцам. Жители Казахстана опа-

сались, что крупные территории могут перейти под контроль граждан других стран, например, китайцев. В итоге власти наложили мораторий на указанные поправки к Земельному кодексу.

В 2017—2018 гг. международное сообщество взволновала новость о положении этнических казахов в Синьцзян-уйгурском автономном районе Китая [*Рассказавшая о...*]. Сообщалось о неправомерном задержании и насильственной отправке граждан Китая, имеющих казахские корни, в так называемые, «лагеря трудового перевоспитания». Неприятные воспоминания части граждан Казахстана были связаны с тем, что некоторые их родственники, выехав в СУАР, столкнулись с непредвиденными трудностями, когда решили вернуться в Казахстан. Информационный фон, в рамках которого общественности преподносились новости тех лет, в значительной степени способствовал усилению негативного отношения к Китаю со стороны определенной части граждан Казахстана.

Новая серия антикитайских выступлений прошла в начале сентября 2019 г., как раз в преддверии первого официального визита новоизбранного президента РК в КНР. Началось все с небольшого города Жанаозен, расположенного на западе страны, где 2 сентября несколько десятков человек, по некоторым данным их число доходило до сотни, провели митинг «Против китайских заводов» [*Тойкен*]. Жители Жанаозена выступили против межправительственного соглашения по созданию в Казахстане 55 промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Кроме того, были выдвинуты требования президенту Токаеву об отказе от предстоящей 10—12 сентября официальной поездки в Пекин.

На следующий день 3 сентября жители города вновь вышли на центральную площадь. Жители богатых нефтью регионов Казахстана выступали против строительства совместных с Китаем предприятий в нефтегазовом секторе и призывали правительство Казахстана не брать кредиты у Китая, а добиваться инвестиций из стран Запада.

В Актобе и Шымкенте также прошли акции под лозунгом «Мы против китайской экспансии». 4 сентября с протестом вышли в Алматы, Уральске, Актау и в столице республики. Протестующие держали плакаты с надписями: «Нет китайской экспансии», «Нет китайским заводам», «Мы поддерживаем жанаозенцев!» К демонстран-

там для объяснения ситуации выходили чиновники уровня главы города, что стало чуть ли не первым случаем подобного диалога власти и народа.

Протестные выступления продолжались несколько недель. 21 сентября 2019 г. прошли митинги в нескольких городах Казахстана, организатором выступил проживающий во Франции М. Аблязов — лидер оппозиционного движения «Демократический выбор Казахстана» (организация признана в Казахстане запрещенной). По официальным данным, в столице было задержано порядка 50 человек, из которых 4 понесли административное наказание, остальные были отпущены после профилактической беседы, а в Алматы было задержано около 30 человек, в Шымкенте — около 20 человек [*В Казахстане...*]. Основанием для задержания в большинстве случаев являлось участие в несанкционированном митинге.

Договоренность о строительстве на территории Казахстана 51 совместного с Китаем предприятия была достигнута в 2016 г. в ходе рабочего визита президента Н.Назарбаева в Китай, который проводился параллельно с участием в Саммите G-20 в Ханчжоу [*Казахстан и Китай создадут...*]. Для реализации достигнутых договоренностей правительства двух стран подписали План сотрудничества по сопряжению новой экономической политики «Н?рлы жол» и строительства «Экономического пояса Шелкового пути», рассчитанный на 5 лет [*Постановление Правительства РК...*].

В ходе реализации плана сотрудничества список совместных проектов был расширен до 55 предприятий с общей суммой инвестиций в 27 млрд долл. В период до 2018 г. были введены в эксплуатацию 12 проектов на сумму 3,8 млрд долл., в 2019 г. запустили еще 5 проектов на 310 млн долл., среди которых строительство солнечных электростанций, ГЭС, современного комплекса мясокомбината. 11 проектов на 5,5 млрд долл. находятся на стадии реализации, по оставшимся проектам на сумму 18,1 млрд долл. ведутся подготовительные работы [*55 казахстанско-китайских...*].

Ряд проектов еще находится на стадии проработки и подготовки ТЭО — завод электролитического марганца, переработка опасных нефтяных отходов, комплекс по переработке сельскохозяйственных культур, создание биохимического кластера, строительство ТЭЦ

[*Ертысбаев*]. Важно отметить, что приведенный выше список проектов стал достоянием общественности лишь 10 сентября 2019 г., то есть спустя три года после запуска программы «55 китайских предприятий» или спустя неделю после начала массовых антикитайских протестов.

Большая часть проектов реализуется в сфере машиностроения, индустрии, агропромышленного комплекса, химической и фармацевтической промышленности, нефтегазовом секторе и в сфере энергетики. Вся продукция гарантировано имеет рынок сбыта — Китай. Ожидается, что реализация проектов позволит создать порядка 20 тыс. новых рабочих мест. Абсолютно во всех проектах иностранная рабочая сила в качестве менеджмента и 99 % — местная рабочая сила.

Возмущения протестующих в Казахстане исходили из четырех основных предпосылок, которые стали главными причинами отрицательного восприятия населением Казахстана «55 китайских проектов».

Во-первых, казахстанцы выражали опасения, что из Китая в Казахстан будут передаваться *устаревшие производственные мощности, то есть будет завезено* оборудование, которое уже не востребовано на китайском рынке. Подобные опасения возникли не на пустом месте, в 2014 г. премьер-министр К. Масимов после встречи глав правительств стран — членов ШОС заявил, что «Китай перенесет десятки предприятий несырьевого сектора в Казахстан» [*Китай перенесет...*].

Во-вторых, жители Казахстана, опираясь на рассказы об опыте работы с бизнесменами из КНР, видели, что в новых совместных проектах привлекается к работе большое количество китайцев, устройство на работу которых является одним из условий китайских инвестиций. Таким образом, открываются рабочие места для иностранцев, и нивелируется эффект формирования новых рабочих мест для местных жителей. По официальным данным Министерства труда Казахстана, в РК в 2019 г. по квоте привлечения зарубежных специалистов трудилось 4300 представителя Китая из 23 000 всех работающих иностранцев [*Ертысбаев*].

В-третьих, представители общественности выражали опасения, что китайские проекты ориентированы на размещение «грязных» производств за пределами КНР, что может оказать негативное влияние на экологическую ситуацию в РК. Поскольку в КНР существуют проблемы с загрязнением почвы и воздуха, то жители Казахстана выступали против развития событий по китайскому сценарию на территории своего государства.

В-четвертых, коррумпированность местных властей сыграла свою роль, из-за высокого уровня которой казахстанцы опасались, что совместные проекты с Китаем будут завершены в срок и что в результате будут сформированы анонсированные ранее 20 000 рабочих мест для местных жителей. Причина для данного рода сомнений исходила из негативного опыта реализации проекта по созданию наземной ветки метро в Нур-Султане, которая должна была соединить аэропорт с центром города, и который с 2015 г. так и не был завершён [*В Астане...*]. Более того, в 2019 г. президент Республики Казахстан К.-Ж.Токаев дал отрицательную оценку этому проекту, указав на его завышенную стоимость и неэффективное использование бюджетных средств [*Токаев раскритиковал...*].

Следует отметить, что, так как Москва и Нур-Султан демонстрируют схожие подходы к развитию сотрудничества с КНР, то приведенные ранее мотивы недовольства казахстанской общественности могут превратиться в актуальные вызовы в контексте взаимодействия Москвы и Пекина.

В результате анализа причин, которые привели к появлению антикитайских выступлений в РК, можно сделать вывод о том, что в России также существует вероятность возникновения подобных протестных выступлений. В целях снижения возможностей возникновения масштабных антикитайских акций, оказывающих негативное влияние на полноформатную реализацию российско-китайского взаимодействия, предлагаются следующие рекомендации по организации эффективного диалога между представителями общественности и региональными властями.

Во-первых, следует информировать граждан региона о том, что развитие сотрудничества с КНР выстраивается исключительно в

рамках взаимовыгодного сотрудничества, основываясь на национальных интересах России.

Во-вторых, выбор направлений регионального сотрудничества, крупные проекты двусторонней торгово-экономической деятельности, а также китайские инвестиции в стратегические сектора экономики необходимо сделать доступными для обсуждения в ходе общественных дискуссий. Необходимо обеспечить максимально возможную открытость информации по совместным с китайской стороной крупномасштабным проектам, знакомить общественность с результатами экспертных оценок профильных специалистов.

В-третьих, следует еще на предварительном этапе реализации проекта разъяснять местным жителям те преимущества и выгоды, которые получит регион в результате осуществления конкретного проекта. Следует информировать общественность об аргументах, которые стали решающими при выборе каждого из совместных проектов, реализуемых с китайской стороной.

В-четвертых, необходимо открыто указывать на возможные риски в рамках сотрудничества с зарубежными партнерами, а также информировать общественность о планируемых путях их минимизации. Основная масса поддается прогнозированию со стороны экспертов. Например, возможные опасения местных жителей, связанные с экологической безопасностью региона, можно было бы снизить за счет установления общественного контроля над ходом реализации совместного проекта. Следует уделять повышенное внимание доступности и открытости информации по тем проектам, реализация которых может вызвать повышенный общественный резонанс.

И наконец, следует бороться с распространением некорректной информации и мифов о сотрудничестве с зарубежными партнерами. Позитивный информационный фон является необходимым условием достижения положительных результатов в рамках совместных проектов. В рассмотренном примере с Казахстаном власти запоздали с информированием общественности о реализуемых проектах. В результате возник миф о переносе устаревших производственных мощностей, который стал создавать негативный информационный фон.

Следование указанным рекомендациям при реализации крупномасштабных проектов с Китайской Народной Республикой позволит снизить вероятность возникновения критического недопонимания между властью и представителями общественности по вопросам развития экономического сотрудничества с Китаем. Высокая информированность населения и открытость информации по двусторонним проектам сотрудничества станут основанием для занятия аргументированной позиции в спорах с возможными противниками Пекина.

Библиографический список

55 казахстанско-китайских проектов будут реализованы на \$27 млрд. URL: <http://ca-news.org/news:1568152/?from=canews&place=newsload> (дата обращения: 13.01.2020).

В Астане появится линия наземного метро. URL: <http://friends.bigasia.ru/content/news/society/v-astane-poyavitsya-nazemnoe-metro/> (дата обращения: 13.01.2020).

В Казахстане задержали около 100 человек на несанкционированных митингах. URL: <https://ria.ru/20190923/1558993809.html> (дата обращения: 13.01.2020).

Ертысбаев Е. О Казахстане, Китае. И не только. URL: <https://kazpravda.kz/articles/view/o-kazahstane-kitae-i-ne-tolko> (дата обращения: 13.01.2020).

Казахстан и Китай создадут 51 совместное предприятие. URL: <https://kapital.kz/economic/53329/kazahstan-i-kitaj-sozdadut-51-sovmestnoe-predpriyatie.html> (дата обращения: 13.01.2020).

Казахстан и Китай: на новом этапе стратегического партнерства в XXI веке. URL: http://www.kitaichina.com/rbestxinwen/201909/t20190918_800178828.html (дата обращения: 20.09.2019).

Китай перенесет десятки предприятий в Казахстан. URL: <https://tengrinews.kz/markets/kitay-pereeneset-desyatki-predpriyatij-v-kazahstan-266949/> (дата обращения: 13.01.2020).

Постановление Правительства РК № 518 «О подписании Плана сотрудничества по сопряжению Новой экономической политики «НҮрлы Жол» и строительства ЭПШП. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000518> (дата обращения: 13.01.2020).

Рассказавшая о китайских «лагерях перевоспитания» этническая казашка уехала в Швецию. URL: <https://www.currenttime.tv/a/china-kazakhstan/29978580.html> (дата обращения: 13.01.2020).

Совместное заявление РФ и КНР о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 20.09.2019).

Товарооборот между Казахстаном и Китаем. URL: <https://blog.kazdata.kz/import-export/tovarooborot-mezhdu-kazakhstanom-i-kitaem.html> (дата обращения: 20.09.2019).

Тойкен С. Жители Жанаозена выступили против строительства китайских заводов в Казахстане. URL: <https://rus.azattyq.org/a/30142833.html> (дата обращения: 13.01.2020).

Токаев раскритиковал проект LRT в столице. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-raskritikoval-proekt-LRT-v-stolitse-373862/ (дата обращения: 13.01.2020).

References

55 kazakhstansko-kitaiskikh proektov budut realizovany na \$27 mlrd (2019). [55 kazakhstan-chinese projects will be implemented on \$27 bln]. URL: <https://centralasia.media/news:1546333> (accessed: 13 January, 2020). (In Russian.)

V Astane poiavitsia liniia nazemnogo metro (2018) [The light metro will be constructed in Astana]. URL: <http://friends.bigasia.ru/content/news/society/v-astane-poyavitsya-nazemnoe-metro/> (accessed: 13 January, 2020). (In Russian.)

V Kazakhstane zaderzhali okolo 100 chelovek na nesanktsionirovannykh mitingakh (2019) [100 people were arrested in Kazakhstan during unpermitted rallies]. URL: <https://ria.ru/20190923/1558993809.html> (accessed: 13 January, 2020). (In Russian.)

Ertishbaev, E. (2019) O Kazakhstane, Kitae. I ne tol'ko [About Kazakhstan, China. And others]. URL: <https://kazpravda.kz/articles/view/o-kazakhstan-e-kitae-i-ne-tolko> (accessed: 13 January, 2020). (In Russian.)

Kazakhstan i Kitai sozdadut 51 sovmestnoe predpriiatie (2016). [Kazakhstan and China will open 51 joint venture]. URL: <https://kapital.kz/economic/53329/kazakhstan-i-kitaj-sozdadut-51-sovmestnoe-predpriyatie.html> (accessed: 13 January, 2020). (In Russian.)

Kazakhstan i Kitai: na novom etape strategicheskogo partnerstva v XXI veke (2019). [Kazakhstan and China: on the new stage of strategic partnership in XXI century]. URL: http://www.kitaichina.com/rbestxinwen/201909/t20190918_800178828.html (accessed: 20 September, 2019). (In Russian.)

Kitai pereneset desiutki predpriatii v Kazakhstan (2014) [China will transfer dozens of factories in Kazakhsan]. URL: <https://tengrinews.kz/markets/kitay-pereneset-desyutki-predpriyatij-v-kazakhstan-266949/> (accessed: 13 January, 2020). (In Russian.)

Rasskazavshaia o kitaiskikh «lageriakh perevospitaniia» etnicheskaia kazashka uekhala v Shvetsiiu (2019) [Ethnic Kazakh woman disclosed Chinese «reeducation camps» and moved to Sweden]. URL: <https://www.currenttime.tv/a/china-kazakhstan/29978580.html> (accessed: 13 January, 2020). (In Russian.)

Tovarooborot mezhdru Kazakhstanom i Kitaem (2019) [The turnover between Kazakhstan and China]. URL: <https://blog.kazdata.kz/import-export/tovarooborot-me-zhdu-kazaxstanom-i-kitaem.html> (accessed: 20 September, 2019). (In Russian.)

Toyken, S. (2019) Zhiteli Zhanaozena vystupili protiv stroitel'stva kitaiskikh zavodov v Kazakhstane [The citizens of Zhanauzen arrayed against the construction of Chinese factories in Kazakhstan]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/30142833.html> (accessed: 13 January, 2020). (In Russian.)

А.А. Калюга

ВОСПРИЯТИЕ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯСА И ПУТИ» В ПОЛЬШЕ: ОБЗОР ЭКСПЕРТНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. На сегодняшний день инициатива стала важным инструментом в продвижении китайских интересов в Европе. Руководство КНР прилагает огромные усилия, чтобы привлечь страны ЕС принять активное участие в ее реализации. Одной из стран, в присоединении которой заинтересован Китай, является Польша. Интерес КНР обусловлен, прежде всего, местоположением страны, которое делает ее важным логистическим узлом будущей инициативы. Для Польши присоединение к мегапроекту — возможность дифференцировать свои внешнеэкономические связи и стать менее зависимой от политики Брюсселя. В данном контексте важно понять, как настроено польское экспертное сообщество к инициативе и какие взгляды в нем преобладают.

Ключевые слова: Китай, Польша, инициатива «Пояса и пути», дискурс-анализ.

Автор: Калюга Антон Андреевич, студент магистратуры Иркутского государственного университета.
E-mail: a.kalyuga38@gmail.com

А. А. Kalyuga

Perception of Belt and Road Initiative in Poland: review of experts discourse

Abstract. To date, Belt and Road Initiative has become an important tool in promoting Chinese interests in Europe. The Chinese leadership is making great efforts to attract EU countries to actively participate in its

implementation. One of the countries in which China is interested in joining is Poland. China's interest is primarily due to the location of the country, which makes it an important logistics hub for a future initiative. For Poland, joining a megaproject is an opportunity to differentiate their foreign economic relations and become less dependent on Brussels' policies. In this context, it is important to understand how the Polish expert community is inclined towards the initiative and what views prevail in it.

Keywords: China, Poland, Belt and Road Initiative, discourse analysis.

Author: Anton A. KALYUGA, MA student, Irkutsk State University (e-mail: a.kalyuga38@gmail.com).

7 сентября 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин впервые озвучил идею создания китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). С тех пор инициатива поменяла несколько названий и сейчас известна под названием «пояс и путь», став краеугольным камнем внешней политики Китая. Главной целью инициативы является создание сухопутных коридоров, которые соединили бы Западную Европу и КНР высокоскоростными железнодорожными и автомобильными магистралями.

Республика Польша является крупным логистическим хабом и коридором в страны Западной Европы. Именно по территории Польши должен пройти основной маршрут наземной части «пояса и пути». Официальный Пекин заинтересован в том, чтобы польские власти и общественность положительно оценивали участие страны в проекте.

В обозначенном контексте анализ польского экспертного дискурса, связанного с вопросами инициативы «пояса и пути», позволяет нам оценить общие настроения, преобладающие в стране.

Польский взгляд на «пояс и путь» в первую очередь сосредоточен на потенциальных экономических и политических выгодах, которые страна может получить от участия в проекте. Всего в польском дискурсе относительно китайской инициативы можно выделить три основных группировки: прагматиков, оптимистов и алармистов.

Группа прагматиков значительно преобладает в экспертном дискурсе по вопросу ЭПШП в Польше. Их основные тезисы — это осторожное отношение к китайским инициативам, взвешенная экономическая политика, участие в проектах китайской стороны лишь при

условии стопроцентной экономической выгоды в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Анализ прагматиков нельзя назвать чрезмерно оптимистичным, однако они и не вступают в открытую критику проекта. Ярким представителем этой группы является член польской академии наук А. Вангели, пишущий о противоречивом характере инициативы. Он отмечает, что, с одной стороны, Китай предлагает свой вариант мирового развития, отличающийся от западного новым мышлением и практикой, с другой — власти КНР преследуют те же самые цели, что США и Европейский союз, продвигая идеи глобального мирового рынка. Поэтому А. Вангели заявляет о необходимости сотрудничества с Китаем, однако при условии что будет учтен принцип взаимной выгоды, и проект будет отвечать интересам Европейского союза [*Vangeli*].

В тоже время, П. Пендраковская из Варшавского университета подчеркивает, что Китай декларативно стремится к балансу и гармоничному развитию, построенному на принципе «win—win», однако некоторые асимметрии и дисбалансы не могут быть исключены. Автор заявляет о необходимости разработать общую стратегию на национальном уровне в отношении «пояса и пути», которая бы могла нивелировать негативные эффекты от участия Польши [*Pen-drakowska*].

А. Брона из Ягеллонского университета (Краков), также отмечает несовершенство инициативы. Автор утверждает, что несмотря на попытки КНР создать новую основу международных отношений, основанную на равенстве и справедливости, существуют риски, что со временем китайская сторона начнет использовать блага от «пояса и пути» в своих эгоистических интересах, не считаясь с другими странами. Брона акцентирует внимание на том, что такая ситуация может возникнуть из-за большого числа участников инициативы, которым трудно достичь консенсуса. Автор прогнозирует, что вследствие этого недостатка проект потеряет свою привлекательность в скором времени [*Brona*].

Исследовательский коллектив Гданьского университета, отмечает узконаправленный интерес Китая к Польше. По мнению авторов, несмотря на качественный рост прямых инвестиций из КНР в экономику страны, китайский бизнес, в первую очередь, нацелен на строи-

тельство инфраструктуры для доставки грузов в страны Западной Европы, приобретение складских помещений для сортировки и разгрузки, приходящих из КНР товаров [*Bielinski, Markiewicz, Oziewicz*]. В итоге, весь интерес китайской стороны сводится к тому, чтобы посредством Польши создать себе удобную площадку для доступа на рынки Западной Европы. Авторы призывают к осторожности в отношении инициатив из Китая и к серьезному контролю всех инвестиционных потоков, проходящих в рамках «пояса и пути».

Оптимисты, напротив, критикуют излишнюю осторожность и пассивность польских властей. Они отмечают однозначную выгоду от участия в китайской инициативе. Главным аргументом здесь служит успешное взаимодействие Лодзинского воеводства и провинции Сычуань в рамках реализации «пояса и пути». Т. Каминский из Лодзинского университета, утверждает, что ни расстояние, ни значительная асимметрия между партнерами не мешает гладкому сотрудничеству между двумя регионами [*Kamiński*].

Д. Мержеевский (Лодзинский университет) придерживается схожих взглядов и позиционирует взаимодействия Лодзи и Сычуаня, как показательный пример успешного сотрудничества. По мнению автора, успех Лодзинского воеводства должен подтолкнуть Польшу к более тесному взаимодействию с КНР [*Mierzejewski*].

Я. Витковская (Лодзинский университет) положительно оценивает развитие польско-китайских отношений. В своей работе автор анализирует сферы производства, в которых заинтересованы китайские инвесторы. По ее мнению, Польша нуждается в прямых китайских инвестициях, поэтому призывает власти оказать содействие в реализации «пояса и пути» [*Witkowska*].

Г. Рей из Академии Леона Козьминского (Варшава) отмечает рост китайских инвестиций в страны Восточной Европы и значительное увеличение товарооборота между КНР и Польшей [*Rae*]. В целом, автор заявляет, что, несмотря на сохраняющиеся опасения относительно «желтой угрозы» у части польских чиновников, сотрудничество с Китаем продолжает набирать обороты и оказывать положительное влияние на экономику страны.

Среди оптимистов следует отдельно выделить авторов, чьи взгляды можно назвать утопичными. А. Ласковская и С. Кауф, заяв-

ляют, что инициатива «пояса и пути» изменит сложившийся миропорядок, а страны Восточной и Центральной Европы станут играть важную роль логистических центров [*Kauf, Laskowska-Rutkowska*].

Группа алармистов является самой малочисленной в польском экспертном дискурсе в отношении китайской инициативы. Сторонники этих взглядов опасаются амбиций КНР на мировое лидерство. Их поддерживают консервативно настроенные слои общества. Одним из ярких представителей является Б. Ковальский из Лодзинского университета. Автор считает, что «пояс и путь» является инструментом для трансляции китайского культурного, экономического и политического влияния на страны Запада. По его мнению, руководство Республики Польша должно действовать лишь в национальных интересах государства, которые заключаются в недопущении экспансии китайского капитала в польскую экономику [*Kowalski*].

Что касается официальных польских властей, то они не имеют четкой позиции по этому вопросу. С одной стороны, ряд государственных деятелей придерживается алармистских взглядов, фокусируя внимание на китайской экспансии, в основном это представители военных структур и местной власти. С другой стороны, центральное правительство желает получать китайские инвестиции, диверсифицировать свои инвестпотоки и стать более независимым от Брюсселя. Осложняет ситуацию торговая война между США и КНР, в рамках которой Польша пытается получить максимальные блага от «пояса и пути», но в тоже время не ухудшить отношения с США.

Таким образом, польский экспертный дискурс в целом проблематизируется в рамках двух вопросов: какие экономические и политические преференции сможет получить Польша от участия в проекте и где должна проходить черта между экономической выгодой и национальной безопасностью.

Библиографический список

Bieliński T., Markiewicz T., Oziewicz E. Do Central and Eastern Europe Countries Play a Role in the Belt and Road Initiative? The Case of Chinese OFDI into the CEE—16 Countries // *Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe*. 2019. No. 22. P. 7—22.

Brona A. One Belt, One Road: new framework for international relations? // Polish Journal of Political Science. 2018. No. 4. P. 57–76.

Kauf S., Laskowska-Rutkowska A. The Location of an International Logistics Center in Poland as a Part of the One Belt One Road Initiative // Scientific Journal of Logistics. 2019. No. 15. P. 71–83.

Kamiński T. What are the factors behind the successful EU-China cooperation on the subnational level? Case study of the Lodzkie region in Poland. URL: https://www.academia.edu/38128863/What_are_the_factors_behind_the_successful_EU-China_cooperation_on_the_subnational_level_Case_study_of_the_Lodzkie_region_in_Poland (дата обращения: 01.10.2019).

Kowalski B. The Belt and Road Initiative, China's foreign policy and the XIX Party Congress. URL: https://www.academia.edu/37622016/The_Belt_and_Road_Initiative_Chinas_foreign_policy_and_the_XIX_Party_Congress (дата обращения: 09.10.2019).

Mierzejewski D. The Local Dimension of China's Belt and Road Initiative. URL: <https://ceias.eu/sk/the-local-dimension-of-chinas-belt-and-road-initiative/> (дата обращения: 08.10.2019).

Pendrakowska P. Poland's perspective on belt and road initiative. URL: <https://doi.org/10.1080/24761028.2018.1552491> (дата обращения: 05.10.2019).

Rae G. (2018). Public policy and the “Belt and Road Initiative” in Poland. URL: https://www.academia.edu/37258763/Public_policy_and_the_Belt_and_Road_Initiative_in_Poland (дата обращения: 03.10.2019).

Vangeli A. A Framework for the Study of the One Belt One Road Initiative as a Medium of Principle Diffusion // Mapping China's ‘One Belt One Road’ Initiative. 2019. P. 57–89.

Witkowska J. The Attitudes of the European Union and China Towards Foreign Direct Investment: Implications for Bilateral Relations // Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe. 2019. No. 22. P. 83–98.

References

Bieliński T., Markiewicz T., Oziewicz E. (2019). Do Central and Eastern Europe Countries Play a Role in the Belt and Road Initiative? The Case of Chinese OFDI into the CEE—16 Countries // Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe. 2019. No. 22. P. 7–22.

Brona A. (2018). One Belt, One Road: new framework for international relations? // Polish Journal of Political Science. 2018. No. 4. P. 57–76.

Kauf S., Laskowska-Rutkowska A. (2019). The Location of an International Logistics Center in Poland as a Part of the One Belt One Road Initiative // Scientific Journal of Logistics. 2019. No. 15. P. 71–83.

Kamiński T. (2019). What are the factors behind the successful EU-China cooperation on the subnational level? Case study of the Lodzkie region in Poland. URL: https://www.academia.edu/38128863/What_are_the_factors_behind_the_successful_EU-China_cooperation_on_the_subnational_level_Case_study_of_the_Lodzkie_region_in_Poland (accessed: 01 October, 2019).

Kowalski B. (2018). The Belt and Road Initiative, China's foreign policy and the XIX Party Congress. URL: https://www.academia.edu/37622016/The_Belt_and_Road_Initiative_Chinas_foreign_policy_and_the_XIX_Party_Congress (accessed: 09 October, 2019).

Mierzejewski D. (2016). The Local Dimension of China's Belt and Road Initiative. URL: <https://ceias.eu/sk/the-local-dimension-of-chinas-belt-and-road-initiative/> (accessed: 08 October, 2019).

Pendrakowska P. (2019). Poland's perspective on belt and road initiative. URL: <https://doi.org/10.1080/24761028.2018.1552491> (accessed: 05 October, 2019).

Rae G. (2018). Public policy and the "Belt and Road Initiative" in Poland. URL: https://www.academia.edu/37258763/Public_policy_and_the_Belt_and_Road_Initiative_in_Poland (accessed: 03 October, 2019).

Vangeli A. (2019). A Framework for the Study of the One Belt One Road Initiative as a Medium of Principle Diffusion // Mapping China's 'One Belt One Road' Initiative. 2019. P. 57–89.

Witkowska J. (2019). The Attitudes of the European Union and China Towards Foreign Direct Investment: Implications for Bilateral Relations // Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe. 2019. No. 22. P. 83–98.

В.А. Скосырев

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ КНР

Аннотация. В статье поднимается вопрос терминологического определения политической системы КНР. Описываются три различных подхода к изучению современного Китая, а именно парадигмы авторитаризма, тоталитаризма и социализма с китайской спецификой. Автор исходит из того, что термины в данном случае — это не просто «ярлыки», отражающие отношение того или иного исследователя к изучаемой стране или степень контроля Компартии над различными сферами общества. За терминами скрываются разные подходы к изучению и объяснению партийно-государственной системы КНР.

Ключевые слова: Китай, политическая система, авторитаризм, тоталитаризм, социализм с китайской спецификой, парадигмы исследования.

Автор: Скосырев Владимир Алексеевич, аспирант Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: mr.Skosyrev@gmail.com

V.A. Skosyrev

Defining the Chinese party-state: authoritarianism, totalitarianism or socialism with Chinese characteristics

Abstract. The article discusses the issue of terminological definition of the Chinese party-state. The author identifies three main paradigms of modern PRC studies: authoritarianism, totalitarianism and socialism with Chinese characteristics. These terms should not be simply viewed

as labels, which reflect the researcher's personal stance on Chinese political system or the degree of control by the CCP over the ideological, economic and political realms of the society. They are rather distinct scientific paradigms of studying and explaining modern China.

Keywords: China, political system, authoritarianism, totalitarianism, socialism with Chinese characteristics.

Author: Vladimir A. SKOSYREV, postgraduate student in the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mr.Skosyrev@gmail.com).

Проблема терминологического определения партийно-государственной системы КНР — это проблема выбора парадигмы исследования современного Китая. В данном случае термины нельзя рассматривать как «ярлыки», отражающие личное отношение исследователя к изучаемой стране. Автор статьи также не использует такие понятия как авторитаризм и тоталитаризм для того, чтобы описать более мягкую или жесткую степень контроля Коммунистической партией Китая (КПК) над китайским обществом.

В рамках данной статьи слова «термин», «понятие» и «парадигма исследования» будут использоваться как синонимы. Тем самым мы стремимся подчеркнуть, что за соответствующими словами скрывается определенная методология исследования, подбор фактов и конечные выводы.

Можно выделить три основные парадигмы исследования современного Китая: авторитаризм; тоталитаризм; социализм с китайской спецификой.

Несомненно, в отношении КНР можно использовать другие термины, например, «диктатура развития» или «красная империя». Такие слова можно употреблять как фигуру речи. Исследователь, использующий их, с большой долей вероятности всё равно будет мыслить категориями одной из перечисленных выше парадигм.

Авторитарная парадигма исследования

Концепция авторитаризма наиболее активно применяется в западном Китаеведении. В самом общем виде авторитарными называются недемократические государства. Для западной политологии ха-

рактарно убеждение в том, что демократическая форма устройства — наиболее устойчивая и эффективная политическая система, своего рода конечный пункт истории («вашингтонский консенсус»).

Применение авторитарной концепции при изучении Китая, во-первых, означает, что траекторию его развития можно сравнивать с историческим опытом максимально широкого круга других авторитарных стран. Во-вторых, определение современного Китая как авторитарной страны приводит исследователей к вопросу о том, почему недемократический Китай не только остается устойчивым, но и демонстрирует впечатляющие успехи развития, в особенности в экономической сфере.

Подобная постановка вопроса породила теорию «институционализации» или «устойчивого авторитаризма». В соответствии с ней КПК избежала краха благодаря внутренним реформам, реорганизации партии и внедрению системы «коллективного руководства». Такая точка зрения была весьма распространенной в западном Китаеведении до прихода Си Цзиньпина к власти в 2012 г. Она наиболее последовательно отражена в работах американского Китаеведа Дэвида Шамбо [*Shambaugh*].

Действия нынешнего китайского руководителя, направленные на централизацию власти, борьбу с коррупцией и усиление внутрипартийной дисциплины, вынудили сторонников «устойчивого авторитаризма» пересмотреть свои взгляды. Сегодня часть исследователей склонна рассматривать политику Си Цзиньпина как отход от курса на «институционализацию». Наиболее характерный пример такого подхода — одна из последних работ Д. Шамбо [*Shambaugh*] и исследования Вилли Во-лап Лама [*Lam*]. Другие Китаеведы не спешат делать выводы о том, что политика Си Цзиньпина знаменует собой конец «устойчивого авторитаризма». Такой подход отражен, например, в работе Ли Чэна [*Li Cheng*].

Раскол среди сторонников авторитарной концепции проявился в статье «К вопросу об авторитарной устойчивости», опубликованной в сентябре 2018 г. в *Journal of Contemporary China* [*Fewsmith, Nathan*]. В ней американский Китаевед Джозеф Фьюсмит подверг критике парадигму «устойчивого авторитаризма». По его утверждению, в Китае так и не было создано бюрократии «веберовского

типа», в основу которой положены законодательные нормы и правила, ограничивающие рамки политической борьбы. «К сожалению, китайские элиты никогда не правили путём согласования мнений, передача власти никогда не была нормализована, не прекращалась борьба за власть и господство. Точнее говоря, бюрократия “веберовского типа” не пришла на смену мобилизационной системы, которую КПК развила за годы революции...». Иными словами, «институционализации» не произошло, и нынешняя централизация партийно-государственной системы — возврат к нормальному для неё состоянию.

В своём ответе Фьюсмиту родоначальник концепции «устойчивого авторитаризма» Э. Натан [*Fewsmith, Nathan*] утверждает, что до сих пор Си Цзиньпин консолидировал власть в своих руках в рамках существующих институтов. Реформы китайского лидера направлены на то, чтобы сделать партийно-государственный аппарат более ответственным и подотчетным партии, т. е. руководству Си Цзиньпина.

На наш взгляд, подобный раскол свидетельствует о том, что концепция «устойчивого авторитаризма» не смогла ответить на поставленный вопрос — почему КНР, в отличие от других авторитарных систем, не только не претерпела краха, но и показала большие успехи в развитии. Точка зрения Фьюсмита сводится к отрицанию концепции «устойчивого авторитаризма». Если же мы согласимся с Э. Натаном, то придём к противоречию. Китайский «устойчивый авторитаризм» должен включить в себя как политику предшественников Си Цзиньпина по реорганизации партии, так и меры нынешнего китайского лидера, предполагающие отмену ряда положений политики предшественников.

Тоталитарная парадигма исследования

Второе определение, которое иногда применяется для характеристики современной КНР — тоталитаризм. Наиболее последовательно этот подход сформулирован в книге М.В. Карпова «Замкнутый круг китайского чуда» [*Карпов*].

Тоталитарные системы принципиально отличаются от авторитарных. Прямого пути развития от тоталитаризма к авторитаризму не существует. Во-первых, для тоталитаризма характерна идеология, рассчитанная на практическую реализацию проекта создания «нового общества». Авторитарные режимы, в отличие от тоталитарных, консервативны и апеллируют к прошлому. Во-вторых, тоталитарные системы предпринимают решительные меры по ликвидации рынка как института общественной жизни. Вводится централизованное планирование, регулирование цен, осуществляется ликвидация определенных социальных групп. Авторитарные режимы, с другой стороны, сохраняют рыночные экономики. В-третьих, для тоталитарных систем характерно правление партии-государства. Партия оказывается первичной по отношению к государству (в авторитарных системах государство изначально первично по отношению к партии) и играет ведущую роль в производственных, территориальных и административных единицах. Линии контроля идут от партии к государству, а линии отчетности от государства к партии. Партия обладает монополией на вооруженные силы. Государство без партии существовать не может. Его функции осуществляются под её контролем. Уход партии с политической сцены означает крах всей системы, что делает демократизацию невозможной.

Исходя из данного определения, исследователи предлагают анализировать развитие современной КНР в контексте развития схожих систем, к которым относятся другие социалистические страны. Данная исследовательская парадигма ограничивает количество недемократических систем, с которыми уместно сравнивать современный Китай.

Парадигма социализма с китайской спецификой

Данная теория применяется преимущественно китайскими исследователями и проистекает из идеологических установок, господствующих в современной КНР. Она проникла и в западный научный дискурс. Наиболее характерный пример — появление (с подачи Дж. Рамо) дискуссии о китайской модели развития. Основной тезис,

отстаиваемый сторонниками данной концепции, состоит в том, что КНР идет по своему уникальному пути развития, который можно рассматривать как конкурентный западному миропорядку.

Выбор парадигмы исследования

Какую из этих трёх парадигм наиболее целесообразно использовать для изучения процессов, происходящих в современной КНР? При ответе на этот вопрос следует учитывать, что в каждом из трёх перечисленных вариантов присутствует определенная «идеологическая нагруженность». Сторонники авторитарной концепции исходят из тезиса о «конце истории» и придерживаются «Вашингтонского консенсуса». Социализм с китайской спецификой — не столько научная теория, сколько идеологема, распространяемая КНР как для внутренней, так и для внешней аудитории. Термин «тоталитаризм» определенно несет в себе негативную коннотацию и зачастую используется вне рамок научной дискуссии.

На наш взгляд, исследование системных параметров китайского социализма в контексте изучения исторического опыта развития СССР, социалистических стран Восточной Европы и ряда коммунистических режимов Восточной Азии может привести китаеведов к интересным теоретическим выводам. Данный подход является содержательной частью тоталитарной парадигмы. Вместе с тем, вопрос может вызвать сам термин «тоталитаризм». Ввиду этого его следует использовать с осторожностью или отказаться от него вовсе. В данном случае уместно «разъединить» термин «тоталитаризм» и скрывающийся за ним подход, взяв на вооружение последний.

Библиографический список

Карпов М. В. Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике. М., СПб. : Нестор-История, 2014.

Fewsmith J., Nathan Andrew J. Authoritarian Resilience Revisited. *Journal of Contemporary China*, 23 Sep 2018.

Lam Willy Wo-Lap. Chinese politics in the era of Xi Jinping: renaissance, reform, or retrogression? NY: Routledge, 2015.

Li Cheng. Chinese Politics in the Xi Jinping Era: reassessing collective leadership. — Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2016.

Shambaugh D. China's Communist Party. Atrophy and Adaptation. University of California Press, 2008.

Shambaugh D. China's Future. Cambridge: Polity Press, 2016.

References

Karpov M. (2014) Zamknutyiy krug “kitayskogo chuda”. Ryinochnyie preobrazovaniya i problema reformiruemosti partiynogo gosudarstva leninskogo tipa v Kitayskoy Narodnoy Respublike [A closed circle of “Chinese miracle”. Market transformations and problems of reforming the economy of the Leninist party state in the people's Republic of China]. Saint-Petersburg.: Izdatelstvo Nestor-Istoriya, 2014. (In Russian).

Fewsmith J., Nathan Andrew J. (2018) Authoritarian Resilience Revisited // Journal of Contemporary China, 23 Sep 2018.

Lam Willy Wo-Lap. (2015) Chinese politics in the era of Xi Jinping: renaissance, reform, or retrogression? // NY: Routledge, 2015.

Li Cheng. (2016) Chinese Politics in the Xi Jinping Era: reassessing collective leadership. // Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2016.

Shambaugh D. (2008) China's Communist Party. Atrophy and Adaptation. // University of California Press, 2008.

Shambaugh D. (2016) China's Future. // Cambridge: Polity Press, 2016.

DOI: 10.24411/9999-043A-2020-10008

А.А. Игнатов

ИТОГИ И ДОСТИЖЕНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА ЯПОНИИ В «ГРУППЕ ДВАДЦАТИ» В 2019 ГОДУ

Аннотация. В 2019 г. Япония впервые приняла роль страны-председателя «Группы двадцати». Саммиту лидеров «двадцатки» в Осаке предшествовали встречи профильных министров, представителей экспертного и делового сообщества. Анализ результатов председательства той или иной страны в неформальном институте глобального управления базируется на оценке представленности национальных приоритетов страны-председателя в решениях института; сохранения преемственности решений предшествующих председательств; а также согласованности позиций партнёров по институту, выраженной в количестве принятых конкретных решений и доле соответствующих функций глобального управления в текстах итоговых документов. Анализ принятых документов и решений позволяет высоко оценить результаты японского председательства в «Группе двадцати» по всем указанным параметрам.

Ключевые слова: Япония, «Группа двадцати», глобальное управление.

Автор: Игнатов Александр Александрович, младший научный сотрудник Центра исследований международных институтов РАН-ХиГС, Москва. E-mail: ignatov-aa@ranepa.ru

A.A. Ignatov

Results and decisions of Japan's G20 presidency in 2019

Abstract. In 2019, Japan took the presidency in the G20 for the first time. The main summit was held in Osaka; several ministerial, expert and business meetings had been organized before that. Analysis on results of a country's presidency in an institute of global governance is based on assessment of representation of a country's national priorities in concluding decisions; adherence to previous summits' decisions; and coherence with positions of partner countries in terms of a number of concrete decisions and a share of respective functions of global governance. Analysis on documents and decisions made allows to highly evaluate the outcomes of Japan's presidency in G20 in 2019.

Keywords: Japan, G20, global governance.

Author: Alexander A. IGNATOV, Researcher, Center for International Institutions Research, RANEPА, Moscow (e-mail: ignatov-aa@ranepa.ru).

«Группа двадцати» является одним из наиболее авторитетных международных форумов. Повестка «двадцатки» находится в постоянном развитии. Изначально сфокусированная на финансовых вопросах, сейчас разрабатываемая «двадцаткой» проблематика отражает наиболее важные тренды мирового развития — влияние цифровой экономики на глобальный экономический рост и рынок труда; инклюзивное и устойчивое развитие; вызовы безопасности в цифровую эпоху; борьба с протекционизмом и др. В силу особенностей организационной структуры (отсутствие постоянного секретариата), страна-председатель обладает исключительным влиянием на характер принимаемых на встречах министров и лидеров стран «Группы двадцати» решений. Право принимать на своей территории основные мероприятия в рамках председательства передается из года в год между членами «двадцатки» согласно введенным в 2003 г. страновым группам.

В 2019 г. Япония впервые стала страной-председателем «Группы двадцати». Основной саммит прошёл в Осаке с 28 по 29 июня и завершился принятием Осакинской декларации «Группы двадцати» [*G20 Osaka Leaders' Declaration*]. Наряду с лидерской встречей, Япония принимала на своей территории встречи профильных министров

стран-членов «двадцатки», многие из которых также завершились принятием совместных документов.

Оценка достижений председательства той или иной страны в институте глобального управления учитывает три базовых параметра. Во-первых, учитывается представленность стратегических интересов страны-председателя в итоговых документах; во-вторых, большое значение имеет поддержание преемственности с решениями и достижениями предшествующих председательств; в-третьих, принимается во внимание степень сбалансированности интересов стран-партнёров, которая оценивается согласно распределению функций глобального управления в текстах итоговых документов [Игнатов, 2019].

Особенности развития Японии на современном этапе

Япония входит в число крупнейших и наиболее развитых экономик мира, однако темпы экономического роста этой страны остаются достаточно низкими. Среди сдерживающих факторов необходимо отметить замедление темпов роста на рынках ключевых зарубежных торговых партнёров Японии, высокий уровень государственного долга, углубляющийся дефицит по внешнеторговым расчётам [Орусова, 2018; Шевченко, 2017]. Существенное значение имеют факторы демографического характера, среди которых выделяется продолжающийся процесс старения населения. В связи с этим ожидаемые показатели роста японской экономики не превышают отметки в 1—2 %, что снижает инвестиционную привлекательность страны [The Long View].

С другой стороны, японская экономика обладает и рядом конкурентных преимуществ, которые могут стать мощными факторами долгосрочного роста. Среди них — высокий уровень внедрения цифровых технологий в производство, повседневную жизнь, работу государственных органов [OECD]. Наряду с высоким уровнем цифровизации, следует отметить значительный показатель индекса человеческого развития и устойчивое финансовое положение страны [S&P raises ...].

Необходимо также упомянуть о роли Японии в качестве страны-донора международного развития. Япония входит в число крупнейших доноров по объему выделяемой помощи, направляемой преимущественно на проекты в области развития национальных систем здравоохранения, ликвидацию последствий природных катаклизмов, поддержание гендерного равенства и т. п. Японское руководство придерживается линии на укрепление сотрудничества в области содействия развитию в интересах поддержания стабильности и межрегиональной безопасности [*Игнатов, Михневич, Попова и др.*].

Итоги министерских встреч и саммита «Группы двадцати» в Осаке

В 2019 г. саммит «Группы двадцати» прошел в Осаке. В качестве официальных приоритетов японского председательства были заявлены: содействие инновационному развитию; выполнение обязательств в сфере экологической политики; обеспечение стабильного инклюзивного роста; развитие человеческого потенциала с использованием достижений в сфере ИКТ; повышение качества инфраструктурных инвестиций; поддержание свободы международной торговли; а также построение инклюзивного общества в интересах всех граждан. Данные вопросы обсуждались в рамках различных форматов на уровне министров и экспертов стран-членов института. Некоторые из принятых на уровне министров решений были инкорпорированы в итоговые документы саммита в Осаке (табл. 1).

Контент-анализ принятых документов показал, что наиболее всестороннее развитие в ходе прошедших дискуссий получила тематика адаптации к климатическим изменениям. Тематика содействия развитию находится на втором месте, а традиционные для «двадцатки» темы (макроэкономическая политика, финансовое регулирование, здравоохранение и ряд других) оказались менее востребованными (диаграмма 1).

Доминирование климатической повестки не помешало «двадцатке» достичь сравнительно высоких показателей включения в дискурс таких функций глобального управления как «принятие ре-

Таблица 1. Отражение заявленных приоритетов председательства Японии в «Группе двадцати» в документах и решениях министров и лидеров стран-членов

Приоритет	Министры сельского хозяйства (Ниигата, 11—12 мая 2019 г.)	Аутрич — «Экспертная двадцатка» (Токио, 26—27 мая 2019 г.)	Министры торговли и цифровой экономики (Цукуба, 8—9 июня 2019 г.)
Содействие свободной торговле	Многосторонние и двусторонние инициативы для улучшения международной торговли с/х продукцией	Ряд предложений по преодолению кризиса торговой системы: восстановление переговорных функций ВТО, разработка многосторонних соглашений с индивидуальными условиями реализации и др.	Реформа ВТО. Переговоры по электронной торговле в рамках ВТО
Наука и технологии в развитии человекоцентристского общества	Использование достижений науки для инновационного развития с/х. Сокращение неравенства в доступе к инновациям в интересах развития с/х	Представлен ряд предложений по совершенствованию образования в условиях цифровизации, реализации плана BEPS в условиях цифровых вызовов и др.	Принципы «Группы двадцати» в развитии искусственного интеллекта
Инфраструктура для развития	—	Предложения относительно специфики разработки инвестиционных планов, расширению государственно-частного партнёрства и др.	Наращивание инвестиций в цифровую инфраструктуру развивающихся стран
Здравоохранение	Поддержка мер по борьбе с резистентностью к антимикробным веществам. Укрепление глобальной продовольственной безопасности	Предложения относительно выполнения рекомендаций ВОЗ по обеспечению всеобщего доступа к услугам здравоохранения	—
Изменение климата	Максимизация роли с/х в смягчении и адаптации к климатическим изменениям	Предложения относительно мер по декарбонизации экономики, повышению климатической устойчивости и т. д.	—

Продолжение табл. 1

Приоритет	Министры сельского хозяйства (Ниигата, 11—12 мая 2019 г.)	Аутрич — «Экспертная двадцатка» (Токио, 26—27 мая 2019 г.)	Министры торговли и цифровой экономики (Цукуба, 8—9 июня 2019 г.)
Влияние старения населения на общество и экономический рост	—	Ряд рекомендаций по реформированию налоговой и пенсионной систем, развитию цифровых навыков у пожилых людей и др.	Развитие цифровых продуктов на принципах инклюзивности
Имплементация ЦУР ООН	Реализация ЦУР 1 и развитие моделей устойчивого сельского хозяйства	Предложение о создании механизмов для измерения роли женщин в экономике. Рекомендации лидерам о поддержке механизмов научного сотрудничества на базе «Группы двадцати»	Справедливое распределение выгод торговли и инвестиций

Таблица 1 (продолжение). Отражение заявленных приоритетов председательства Японии в «Группе двадцати» в документах и решениях министров и лидеров стран-членов

Приоритет	Министры финансов и главы ЦБ (Фукуока, 8—9 июня 2019 г.)	Министры энергетики и окружающей среды (Каруидзава, 15—16 июня 2019 г.)	Саммит лидеров стран «Группы двадцати» (Осака, 28—29 июня 2019 г.)
Содействие свободной торговле	—	—	Обязательство о поддержке реформы ВТО. Обязательство о создании открытой, справедливой, недискриминационной, прозрачной, предсказуемой и стабильной инвестиционной и торговой системы

Продолжение табл. 1

Приоритет	Министры финансов и главы ЦБ (Фукуока, 8—9 июня 2019 г.)	Министры энергетики и окружающей среды (Каруидзава, 15—16 июня 2019 г.)	Саммит лидеров стран «Группы двадцати» (Осака, 28—29 июня 2019 г.)
Наука и технологии в развитии человекоцентристского общества	Имплементация стандартов FATF в отношении цифровых активов, борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма	Роль цифровизации в переходе к устойчивой энергетике	Заявление лидеров «Группы двадцати» по предотвращению использования Интернета для осуществления экстремистской и террористической деятельности. Рабочая программа по разработке консенсусных решений проблем налогообложения, возникающих вследствие цифровизации экономики. Осакая декларация по вопросам цифровой экономики
Инфраструктура для развития	Принципы «Группы двадцати» по инвестициям в качественную инфраструктуру	Программа действий по адаптации и устойчивой инфраструктуре	Перечень наилучших практик «Группы двадцати» по обеспечению надежности и прозрачности инфраструктурного развития
Здравоохранение	Общее понимание «Группы двадцати» важности универсального охвата медициной в развивающихся странах	—	Обязательство о развитии национальных систем здравоохранения. Обязательство о принятии мер для борьбы с распространением инфекционных заболеваний
Изменение климата	—	Инновационный план действий «Группы двадцати» по переходу к устойчивой энергетике и сохранению окружающей среды для устойчивого роста	Обязательство о выполнении положений Парижского соглашения по климату (2015 г.)

Окончание табл. 1

Приоритет	Министры финансов и главы ЦБ (Фукуока, 8—9 июня 2019 г.)	Министры энергетики и окружающей среды (Каруидзава, 15—16 июня 2019 г.)	Саммит лидеров стран «Группы двадцати» (Осака, 28—29 июня 2019 г.)
Влияние старения населения на общество и экономический рост	Приоритеты «Группы двадцати» в отношении старения населения и финансовой включенности	—	Обязательство о принятии мер для комплексной борьбы с причинами и последствиями старческой деменции и построения инклюзивного общества
Имплементация ЦУР ООН	—	Меры по обеспечению всеобщего доступа к энергии и искоренение «энергетической бедности»	Инициатива «Группы двадцати» по развитию человеческого капитала для устойчивого развития



Диаграмма 1. Доли отдельных вопросов в текстах документов, принятых в ходе председательства Японии в «Группе двадцати», % от общего количества символов. *Источник:* составлено автором на базе исследований ЦИМИ

шений» и «определение направлений деятельности», что говорит о востребованности выдвинутых для обсуждения вопросов (диаграмма 2). С точки зрения распределения принятых в ходе японского председательства обязательств по сферам, следует обратить внимание на показатели в таких сферах, как «развитие», «изменение климата» и «здравоохранение», тогда как традиционные для «двадцати» вопросы реформы международных финансовых институтов, защиты прав человека и развития инфраструктуры оказались в числе наименее востребованных (диаграмма 3). Всего в 2019 г. «Группа двадцати» приняла 143 обязательства, что является значительным результатом с учётом непродолжительного времени подготовки японского председательства (менее одного года).

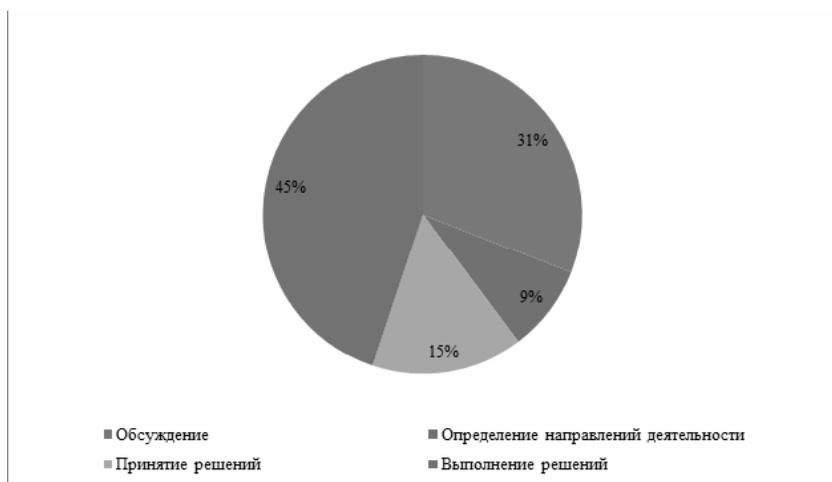


Диаграмма 2. Доли функций глобального управления в текстах документов, принятых в ходе председательства Японии в «Группе двадцати», % от общего количества символов. *Источник:* составлено автором на базе исследований ЦИМИ.

«Двадцатка» продемонстрировала неготовность на современном этапе принимать решения в области торговой политики, что может быть обусловлено недостатком практических результатов в деле реализации программы реформ ВТО, а также ростом протекционизма в мировой торговле и продолжением «торговых войн» между крупней-



Диаграмма 3. Распределение обязательств «Группы двадцати», принятых на саммите в Осаке, по сферам. *Источник:* составлено автором на базе исследований ЦИМИ.

шими игроками. Относительно низкие показатели упоминания вопросов макроэкономической политики в итоговых документах обусловлены общими тенденциями международного развития, основной из которых является смещение фокуса дискуссии с достижения конкретных показателей экономического роста на внедрение принципов долгосрочного устойчивого развития. В отношении вопросов финансового регулирования следует отметить то, что текущие показатели определяются внутренней тенденцией «двадцатки» делегировать решение данных вопросов специальным институтам (например, Совету финансовой стабильности), что приводит к снижению доли финансовой повестки в дискурсе.

Первое японское председательство в «Группе двадцати» следует оценивать как успешное. Япония добилась высокого уровня отражения собственных приоритетов развития в итоговых документах, а также обеспечила преемственность повестки предыдущих председа-

тельств. Особое развитие получила проблематика изменения климата и адаптации к его возможным последствиям. Председательство Японии выделяется существенной долей функции «принятие решений» в итоговых документах, а также большим количеством согласованных решений, что говорит о востребованности выдвинутых приоритетов и готовности членов «двадцатки» к сотрудничеству. Ожидается, что представленные в ходе председательства инициативы и принятые решения будут успешно реализовываться в рамках последующих председательств.

Библиографический список

G20 Osaka Leaders' Declaration // Центр исследований международных институтов РАНХиГС. URL: https://www.ranepa.ru/eng/images/CIIR/G20/2019/FINAL_G20_Osaka_Leaders_Declaration.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

Игнатов А.А. Саммит БРИКС в Йоханнесбурге: больше механизмов и меньше конкретных решений // Вестник РУДН, серия: Международные отношения. 2019. № 1. С. 89—99. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-89-99.

Игнатов А.А., Михневич С.В., Попова И.М., Сафонкина Е.А., Сахаров А.Г., Шевцов А.В. Подходы ведущих стран-доноров к внедрению ЦУР в национальные стратегии устойчивого развития // Вестник международных организаций. 2019. Т.14. № 1. С. 164—188. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-10.

Орусова О.В. Опыт разработки и реализации стратегии социально-экономического развития Японии // Ежегодник «Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество», 2018.

Шевченко Д.А. Современное состояние и модернизация экономики Японии // Вестник университета (Государственный университет управления). 2017. № 12. DOI: 10.26425/1816-4277-2017-12-144-149.

The Long View. How will the global economic order change by 2050? // PwC. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-world-in-2050-summary-report-feb-2017.pdf> (дата обращения: 08.11.2019).

OECD. Key Issues for Digital Transformation in the G20. 2018. URL: <https://www.oecd.org/g20/key-issues-for-digital-transformation-in-the-g20.pdf> (дата обращения: 08.11.2019).

S&P raises Japan's credit outlook to positive. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/S-P-raises-Japan-s-credit-outlook-to-positive> (дата обращения: 01.11.2019).

References

G20 Osaka Leaders' Declaration. CIIR RANEPА. URL: https://www.ranepa.ru/eng/images/CIIR/G20/2019/FINAL_G20_Osaka_Leaders_Declaration.pdf (accessed: 01 November, 2019).

Ignatov A.A. (2019). BRICS Summit in Johannesburg: More Instruments and Fewer Decisions. Vestnik RUDN. International Relations. № 1. P. 89—99. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-89-99 (in Russian).

Ignatov A., Mikhnevich S., Popova I., Safonkina E., Sakharov A., Shelepov A. (2019). Leading Donors' Approaches to SDGs Implementation. International Organisations Research Journal, vol. 14, no 1, pp. 164—188. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-10 (in Russian).

OECD. (2018). Key Issues for Digital Transformation in the G20. URL: <https://www.oecd.org/g20/key-issues-for-digital-transformation-in-the-g20.pdf> (accessed: 08 November, 2019).

Orusova O.V. (2018). Opyt razrabotki i realizacii strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Yaponii [Development and realization of Japan's strategy of social and economic development]. Ezhegodnik «Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo» (In Russian).

Shevchenko D.A. (2017). Modern status and modernization of the Japan economy // Vestnik universiteta № 12. pp. 144—149. DOI: 10.26425/1816-4277-2017-12-144-149 (in Russian).

S&P raises Japan's credit outlook to positive. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/S-P-raises-Japan-s-credit-outlook-to-positive> (accessed: 01 November, 2019).

The Long View. How will the global economic order change by 2050? // PwC. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-world-in-2050-summary-report-feb-2017.pdf> (accessed: 08 November, 2019).

В.В. Нелидов

РОССИЙСКО-ЯПОНСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ: ПРИЧИНЫ ЗАСТОЯ*

Аннотация. В докладе рассматриваются факторы, обусловившие затухание активности российско-японских связей, пришедшее на смену бурному их развитию, имевшему место в период с 2016 г. Отмечается, что, помимо сохраняющейся несовместимости взглядов Москвы и Токио на территориальную проблему, среди этих факторов можно назвать и разные позиции по целому ряду международных вопросов, и слабость экономической базы двусторонних отношений. Более того, с японской стороны свою негативную роль играет также ряд факторов внутривнутриполитического характера. В этом смысле приходится констатировать, что, несмотря на первоначальный оптимизм в вопросе о потенциале российско-японского сближения, задачи, ставившиеся в рамках японского направления «поворота России на Восток», так и не были достигнуты в полной мере.

Ключевые слова: Российско-японские отношения, Япония, Абэ Синдзо, дипломатия, «поворот на Восток».

Автор: Нелидов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры востоковедения МГИМО МИД России, научный сотрудник Центра японских исследований ИВ РАН. E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

V.V. Nelidov

Russo-Japanese Rapprochement: Reasons for the Standstill*

Abstract. This paper presents an analysis of the factors that facilitated the decrease in the activity of Russo-Japanese ties replacing their post-2016 active development. Among these factors, besides the persisting incompatibility of views of Moscow and Tokyo on the territorial problem, one can also name differing approaches to a whole range of international problems, as well as the weakness of the economic basis of bilateral relations. Moreover, from the Japanese side, the situation is also negatively affected by several factors related to domestic politics. In this sense, one has to admit that, despite the initial optimism regarding the potential of Russo-Japanese rapprochement, the goals initially set within the Japanese direction of Russia's "pivot to the East" have not been fully reached.

Keywords: Russo-Japanese relations, Japan, Abe Shinzo, diplomacy, "pivot to the East".

Author: Vladimir V. NELIDOV, PhD (History), lecturer at the Department of Asian and African Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); research fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru).

Укрепление российско-японских связей считалось важной частью «поворота России на Восток» с тех пор, как идея этого поворота начала активно обсуждаться в российских академических и политических кругах. Но, несмотря на первоначальный оптимизм, прорыва в отношениях Москвы и Токио так и не произошло. В настоящем докладе будет предпринята попытка проанализировать причины этой ситуации, а также оценить перспективы дальнейшего развития связей России и Японии.

После прихода к власти в Японии правительства Либерально-демократической партии (ЛДП) во главе с Абэ Синдзо в 2012 г. отношениям с Россией стало уделяться значительное внимание. Но эта наметившаяся было тенденция прервалась в начале 2014 г. в результате начавшихся в Крыму и на Украине событий. Японское руководство примкнуло к санкциям Запада против России, пусть и

* This work was supported by the Russian Science Foundation, grant number 19-18-00142.

введя их в меньшем объеме, чем некоторые другие страны, в результате чего сближение возобновилось лишь в 2016 г. Но сейчас, в конце 2019 г., несмотря на многочисленные встречи двух лидеров (встреча В. Путина и С. Абэ во Владивостоке в сентябре 2019 г. стала 27-й по счету), переговоры по вопросу о заключении российско-японского мирного договора оказались в тупике, а инициатива «совместной хозяйственной деятельности», нацеленная на экономическое развитие Южных Курил, о которой стороны договорились еще в конце 2016 г., все еще находится на подготовительном этапе.

Конечно, встречи между лидерами двух стран и переговоры по вопросу заключения мирного договора — далеко не единственные формы российско-японских связей в политической сфере. Нельзя забывать и о так называемых встречах «два плюс два» (с участием глав внешнеполитических и оборонных ведомств), и о связях между представителями законодательной власти двух стран, и о межрегиональных обменах. Но и в случае с этими форматами их главным достижением является то, что они, собственно, существуют.

Ограниченными остаются достижения в сфере двусторонних экономических связей. Объем торговли между двумя странами за период с января по июль 2019 г. оказался равен 11,4 млрд долл., или 3,1 % объема внешней торговли нашей страны, причем здесь Японию опережает не только КНР (16 %), но и Южная Корея (3,9 %). Причем по сравнению с первыми семью месяцами предыдущего года объем российско-японской торговли снизился (с 11,7 млрд долл. до 11,3 млрд долл.), главной причиной чего стало падение стоимости российского экспорта в Японию (снижение с 6,8 млрд долл. до 6,3 млрд долл.) [Итоги внешней торговли...].

Если говорить об успехах, то похвастаться стороны могут, разве что, прогрессом в гуманитарных и культурных связях. В 2018—2019 гг. был проведен перекрестный год Японии в России и России в Японии. Подводя его итоги, представители двух стран заявили о своем намерении реализовать новую инициативу в сфере двусторонних отношений — Год российско-японских межрегиональных и побратимских обменов, намеченный на период с 2020 по 2021 г. Но сами по себе такие мероприятия пока не способны переломить общую тенденцию застоя в политических отношениях двух стран.

Почему же, собственно, этот застой наступил, и можно ли было его избежать? Главная причина — это, безусловно, то, что стороны так и не смогли выйти на какой-либо устраивающий и Москву, и Токио вариант решения проблемы мирного договора. Хотя бы минимальную надежду внушает лишь то, что представители сторон высказываются на эту тему с предельной осторожностью, и это наводит на мысль о хотя бы гипотетической вероятности выхода на некие компромиссные варианты решения.

Так, японская сторона, комментируя условия заключения мирного договора, упоминает только о «решении вопроса принадлежности», а не о безусловной передаче так называемых «четырёх северных островов» Японии. И прозвучавшее в конце 2018 г. заявление лидеров о том, что Россия и Япония готовы активизировать переговоры на основе советско-японской Совместной декларации 1956 г. [Путин и Абэ активизируют переговоры...], дало почву для рассуждений, что 9 статья этого документа, гласящая, что остров Шикотан и гряда Хабомаи должны быть переданы Японии после заключения мирного договора, может послужить базой для такого компромиссного решения. Но, если смотреть на ситуацию реалистично, то даже этот вариант, по всей видимости, неприемлем ни для Москвы, ни для Токио. Представители российской стороны хотя и признают Совместную декларацию в качестве основы для переговоров, но при этом не упоминают о каких-либо территориальных уступках. Точка же зрения японской стороны сводится к тому, что решение территориального вопроса должно стать не результатом заключения мирного договора, а его неотъемлемым условием.

Есть в отношениях двух стран и другие разногласия. Позиции Москвы и Токио по многим пунктам международной повестки дня продолжают оставаться практически несовместимыми. Так, принципиально разными являются позиции двух стран относительно того, как следует оценивать международную роль Соединенных Штатов. Россия относится ко многим шагам США на международной арене крайне критически. И, наоборот, для Токио США — ключевой внешнеполитический партнер. При этом едва ли не зеркальным образом эта ситуация отражается в вопросе о том, как следует оценивать подъем Китая. Япония смотрит на рост экономического,

политического и военного влияния КНР крайне настороженно, в то время как Россию с Китаем связывают постоянно развивающиеся и углубляющиеся отношения стратегического партнерства.

Есть определенный параллелизм в том факте, что относительно потенциальных результатов сближения России и Японии в обеих странах высказывались очень сходные оценки, что такое сближение якобы поспособствует тому, чтобы ослабить связи другой стороны с ее ключевым внешнеполитическим партнером. Но подобные ожидания так и остались нереализованными. И для Москвы, и для Токио существующие отношения — стратегическое партнерство России и КНР с одной стороны и военно-политический союз Японии с Соединенными Штатами с другой — оказались гораздо более важными приоритетами.

Расходятся и взгляды двух стран в сфере международного порядка в целом. Так, например, представители российской стороны неоднократно критически высказывались о концепциях «свободной и открытой Индо-Пацифики» и «порядка, основанного на правилах», которым уделяется большое внимание во внешнеполитической риторике Токио. В свою очередь, Япония, по сути, игнорирует активность России во многих многосторонних форматах. Так, в «Синей книге дипломатии Японии» за 2019 год, официальной публикации японского внешнеполитического ведомства, содержится лишь одно упоминание формата БРИКС, и даже то ограничено утверждением, что этот формат используется Россией с целью повышения своей роли в многополярном мире [Diplomatic Bluebook 2019, с. 134—135]. При этом интеграционные проекты на постсоветском пространстве и, в частности, ЕАЭС в «Синей книге» не упоминаются ни разу.

Экономические связи России и Японии, в силу их ограниченно-го объема и низкой диверсифицированности, так и не создали взаимозависимость, которая могла бы послужить основой для стабильного поступательного развития политических связей. Россия по-прежнему продает в Японию преимущественно минеральное сырье, причем его Япония легко может получить и у других поставщиков. А изменение цен на это сырье на мировых рынках во многом определяет рост или снижение показателей двустороннего товарооборота. Причем даже в такой традиционной для России сфере как экспорт

углеводородов наша страна не смогла стать ведущим поставщиком в Японию: в 2017 ф.г. Россия занимала пятую позицию и в списке экспортеров нефти в Японию, уступая Саудовской Аравии, ОАЭ, Катару и Кувейту [Нихон но гэнсою...], и в списке экспортеров в Японию СПГ: здесь Россию обходят Австралия, Малайзия, Катар и Индонезия [Нихон но экика...].

Наконец, свою негативную роль играет и ряд факторов, связанных с раскладом сил на японской внутривнутриполитической арене. Хотя С. Абэ — сильный по меркам японской политики лидер, особенно если сравнивать его со многими другими послевоенными премьер-министрами*, ему все равно приходится принимать во внимание позицию существующих внутри правящей Либерально-демократической партии фракций. А если добавить к этому то, что японский электорат основное внимание уделяет не внешне-, а внутривнутриполитическим вопросам, то становится очевидным то незавидное положение, в котором оказался глава японского правительства. Какие-либо прорывные инициативы в отношениях с Москвой, которые подразумевали бы уступки со стороны Токио, оказываются для него политически невозможными, но и признание неудачи на российском направлении было бы равноценно «потере лица».

Российско-японское сближение стало важным пунктом политической программы С. Абэ в немалой степени из-за того, что решить ту же задачу пытался в свое время его отец, Абэ Синтаро, занимавший в 1982—1986 гг. пост министра иностранных дел. Определенное влияние на выработку курса нынешнего премьера в отношении России оказывает и близкий к нему политик Судзуки Мунэо, всячески подчеркивающий, что Токио может сначала получить острова Хабомаи и Шикотан, заключить мирный договор, а после этого продолжить переговоры о передаче Итурупа и Кунашира [Brown].

Ясно, однако, что такой вариант, при котором Россия потеряет два острова, но при этом Япония не откажется от претензий на два оставшиеся, для Москвы неприемлем. А основанный на декларации 1956 г. вариант, при котором Россия уступила бы Японии только два острова, практически не имеет поддержки среди японских избирате-

* Более подробно см. [Mulgan].

лей: по данным проведенного газетой «Никкэй симбун» в ноябре 2018 г. опроса общественного мнения, только 5 % поддержали вариант, при котором Япония получила бы Хабомаи и Шикотан, но отказалась бы от притязаний на Итуруп и Кунашир [Хоппо: рё:до...].

При этом на то, чтобы «продать» непопулярное решение, у японского руководства не хватит ни политической воли, ни ресурса доверия избирателей, поскольку по состоянию на конец 2019 г. правительство Абэ Синдзо сталкивается с целым рядом непростых внутривнутриполитических проблем. Так, все менее реалистичными представляются перспективы пересмотра конституции Японии, что также должно было, по мысли С. Абэ, стать одним из главных его политических достижений на посту премьера. В результате выборов в верхнюю палату парламента, прошедших в июле 2019 г., партии, выступающие за конституционную реформу, потеряли в ней большинство в две трети мест. Причем партнер либерал-демократов по коалиции, партия Комэйто, занимает весьма оппортунистскую позицию, не отрицая возможности пересмотра конституции в принципе, но не поддерживая и непопулярные среди ее электората поправки в «мирную» 9 статью основного закона.

Более того, для заключения мирного договора с Россией у нынешнего премьера Японии, по всей видимости, уже просто не хватит времени. С. Абэ может оставаться главой правящей партии и премьер-министром до 2021 г., и поэтому на данный момент для решения стоящих перед ним проблем у него есть меньше двух лет. А политик, который сменит его на посту главы японского правительства, практически наверняка уже не будет разделять энтузиазма С. Абэ относительно развития связей с Россией.

Все это позволяет сделать следующий вывод: несмотря на активизировавшийся с 2016 г. политический диалог, в значительной степени завязанный на встречи на высшем уровне, объективные предпосылки для заключения мирного договора и реализации прорыва в отношениях двух стран в целом за все это время так и не сложились. Отсутствие экономической взаимозависимости, разногласия по ряду важных международных проблем, неприемлемость практически любого из вариантов решения территориальной проблемы для общественности одной или обеих стран оказались сильнее, чем по-

литическая воля лидеров. Безусловно, это не означает, что России вообще не нужно предпринимать никаких попыток для улучшения отношений с Японией. Но следует реалистично оценивать все те сложности, с которыми сталкиваются страны, и понимать, что неоправданный оптимизм в этом вопросе не приведет ни к чему, кроме разочарований.

Библиографический список

Итоги внешней торговли с основными странами. Январь—июль 2019 г. URL: http://customs.ru/storage/document/document_statistics_file/2019-09/10/5YqM/WEV_UTSA_09.xls (дата обращения: 15.12.2019).

Нихон но гэнсою юню: айтэкоку дзё:и 10 ка коку но суйи : [Динамика 10 ведущих стран-экспортеров сырой нефти в Японию]. URL: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/fy8_2.pdf (дата обращения: 15.12.2019).

Нихон но экика тэннэн гасу юню: айтэкоку дзё:и 10 ка коку но суйи : [Динамика 10 ведущих стран-экспортеров сжиженного природного газа в Японию]. URL: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/fy8_3.pdf (дата обращения: 15.12.2019).

Путин и Абэ активизируют переговоры на основе декларации 1956 г. URL: <https://ria.ru/20181114/1532786816.html> (дата обращения: 15.12.2019).

Хоппо: рё:до 2 то: сэнко: 46 %, 2 то: дакэ хэнкан ва 5 % ёрон тё:са : [По результатам опроса общественного мнения, 46 % выступают за то, чтобы сначала вернуть два острова Северных территорий, 5 % согласны с возвращением только двух островов] // Нихон кэйдзай симбун. 25.11.2018. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO38162370V21C18A1PE8000/> (дата обращения: 15.12.2019).

Brown J. Japan-Russia Relations and the Miraculous Revival of Suzuki Muneo. URL: <https://apjif.org/2019/18/Brown.html> (дата обращения: 15.12.2019).

Diplomatic Bluebook 2019. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000515910.pdf> (дата обращения: 15.12.2019).

Mulgan A.G. The Abe Administration and the Rise of the Prime Ministerial Executive. London: Routledge, 2018.

References

Brown, J. (2019). Japan-Russia Relations and the Miraculous Revival of Suzuki Muneo. URL: <https://apjif.org/2019/18/Brown.html> (accessed: 15 December 2019).

Diplomatic Bluebook 2019. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000515910.pdf> (accessed: 15 Desember 2019).

Hoppo ryodo 2 to senko 46 %, 2 to dake henkan wa 5 % yoron chosa. (2018) [Public opinion poll: 46 % in favor of returning two Northern Territories islands first, 5 % support returning two islands only]. *Nihon Keizai Shimbun*, 25 November. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO38162370V21C18A1PE8000/> (accessed: 15 Desember, 2019). (In Japanese).

Itogi vneshney torgovli s osnovnymi stranami. Yanvar' -iyul' 2019 g. (2019) [Results of foreign trade with key countries. January-July 2019]. URL: http://customs.ru/storage/document/document_statistics_file/2019-09/10/5YqM/WEB_UTSA_09.xls (accessed: 15 Desember, 2019). (In Russian).

Mulgan, A.G. (2018). *The Abe Administration and the Rise of the Prime Ministerial Executive*. London: Routledge.

Nihon no ekika tennen gasu yunyu aitekoku joi 10 ka koku no suii [Dynamics of 10 leading LNG exporter countries to Japan]. URL: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/fy8_3.pdf (accessed: 15 Desember, 2019). (In Japanese).

Nihon no gensoyu yunyu aitekoku joi 10 ka koku no suii [Dynamics of 10 leading oil exporter countries to Japan]. URL: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/fy8_2.pdf (accessed: 15 Desember, 2019). (In Japanese).

Putin i Abe aktiviziruyut peregovory na osnove deklaratsii 1956 goda. (2018) [Putin and Abe will intensify talks based on the 1956 Declaration]. URL: <https://ria.ru/20181114/1532786816.html> (accessed: 15 Desember, 2019). (In Russian).

А.А. Киреева

ЯПОНИЯ И ИНДИЯ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО НА ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Аннотация. В статье рассматриваются основные параметры отношений Японии и Индии, выявляются причины, стоящие за укреплением сотрудничества двух стран, и выделяются ограничения на пути дальнейшего сближения. Ведущим фактором, который привел к формированию стратегического партнерства, является восприятие и Японией, и Индией политики Китая в качестве ключевой угрозы безопасности. Помимо этого, отношение к китайской Инициативе пояса и пути также негативное. Обе державы не заинтересованы в доминировании КНР на Индо-Тихоокеанском пространстве, выступают за сохранение статус-кво и поддерживают принцип свободы судоходства. В то же время, по целому ряду причин они не готовы к формированию полноценного военно-политического альянса, в том числе из-за важности экономических связей каждой из стран с Китаем. Индия демонстрирует более осторожную позицию по поводу значительного углубления сотрудничества с Японией. Экономические связи Японии и Индии постепенно расширяются. Япония занимает третью позицию в списке крупнейших инвесторов в Индию и реализует целый ряд крупных проектов. Однако сложный инвестиционный климат затрудняет реализацию японских инвестиций.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-78-00140.

Ключевые слова: Япония, Индия, японско-индийские отношения, Индо-Тихоокеанский регион, Азия, Китай, КНР.

Автор: Киреева Анна Андреевна, кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России. E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

A.A. Kireeva

Japan and India: Strategic Partnership in the Indo-Pacific

Abstract. The article seeks to look into the key parameters of Japan-India relations, identify the reasons for the deepening cooperation and the obstacles to further rapprochement. Japan's and India's perception of China's policy as the key security threat has been one of the driving factors behind Japan-India strategic partnership. A contributing factor is also a negative view on China's Belt and Road Initiative. Both states are not interested in China dominating the Indo-Pacific, support status-quo and the freedom of navigation. At the same time, due to a number of reasons including the importance of their respective economic ties with China, Japan and India are not ready for a full-fledged political and military alliance or bloc. India demonstrates a more cautious position towards significantly closer cooperation with Japan. Economic links between the two have been gradually on the rise, with Japan emerging as number three investor into India's economy. However, challenging investment climate represents a major inhibiting factor.

Keywords: Japan, India, Japan-India relations, Indo-Pacific, Asia, China, PRC.

Author: Anna A. KIREEVA, Ph.D., Associate Professor, Research Fellow, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (e-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru).

Япония и Индия являются, наряду с Китаем, одними из ключевых азиатских держав как с международно-политической, так и с экономической точек зрения. Тренд на развитие отношений стратегического партнерства наметился в 2000-ые гг. и окончательно закрепился в 2010-ые гг. Сближение Японии и Индии и их поддержка концепции Индо-Тихоокеанского пространства ставит на повестку дня вопрос о том, каковы причины и ограничения японско-индий-

ского сближения. В данной статье рассматриваются основные параметры японско-индийских отношений и ограничения на пути их дальнейшего укрепления.

Сближение Японии и Индии: международно-политические аспекты

Японию и Индию можно назвать стратегическими партнерами, которые разделяют один из ключевых национальных интересов друг друга — не допустить доминирования Китая на Индо-Тихоокеанском пространстве. В этом смысле их отношения изначально формировались с учетом стратегического противостояния каждой из стран с Китаем [Mukherjee]. Развитие отношений с Индией позволяет Японии проводить более сбалансированную стратегию «перестраховывания» (hedging), как в военно-политической сфере, что помогает «размазывать риски» чрезмерной ориентации на США в сфере безопасности, так и в экономической сфере от чрезмерной зависимости от Китая. В японской политической элите сложился консенсус по поводу развития отношений с Индией при восприятии Китая как угрозы безопасности. При этом индийская стратегия Японии зависит от стратегии Японии в отношении Китая, и Индия рассматривается Японией в первую очередь как противовес усилению Китая. Несмотря на укрепление двухсторонних отношений, и для Индии, и для Японии центральным элементом их внешнеполитической стратегии остаются отношения с США [Green]. Помимо этого, в качестве главных интересов, которые объединяют страны, можно назвать безопасность морских путей сообщения и борьбу с нетрадиционными вызовами и угрозами безопасности. Существует и заинтересованность в экономических контактах — торговле и инвестициях.

Отношения Японии и Индии оставались холодными в течение биполярного периода, во многом вследствие ограничений японской внешней политики, ее ориентации исключительно на альянс с США, и доминированием парадигмы движения неприсоединения в политике Индии. В 1990-е годы внешняя политика обеих стран проходила достаточно сложный период адаптации, и реакция Японии

на индийское ядерное испытание 1998 г. была резко негативной. В 2000-х — 2010-х годах отношения двух стран начали укрепляться вследствие возрастания напряженности в регионе, активизации внешней политики КНР и сознательного выбора элит обеих стран развивать сотрудничество. В 2000 г. по инициативе японского премьер-министра Ё. Мори страны провозгласили «Глобальное партнерство в XXI веке», в 2005 г. подписали декларацию «Партнерство Японии и Индии в новую азиатскую эру: стратегическая ориентация глобального партнерства Японии и Индии», а в 2006 г. С. Абэ и М. Сингх придали отношениям статус «глобального и стратегического партнерства». В 2008 г. Япония и Индия подписали декларацию о сотрудничестве в области безопасности, предполагающую проведение совместных военных учений и обменов. Помимо альянса с США, подобный уровень сотрудничества Япония имеет только с Австралией и Индией [Mukherjee]. Необходимо отметить, что впервые консультации по вопросам безопасности между четырьмя странами (США, Япония, Индия и Австралия — Quad (Quadrilateral Security Dialogue)) начались в 2007 г., но это сотрудничество просуществовало только два года и было прервано в 2009 г. из-за прихода к власти в Австралии лейбористского правительства во главе с Кевином Раддом и его нежелания портить отношения с Китаем. Индия со своей стороны в течение нескольких последующих лет также не стремилась совершать какие-либо действия, которые могли привести к ухудшению отношений с Китаем. Однако более активная, жесткая и уверенная политика Китая и увеличение его присутствия в Индийском океане постепенно изменили позицию Индии и привели к более интенсивному взаимодействию с США и Японией [Pant].

Помимо этого, именно в обращении к парламенту Индии в 2007 г. японский премьер С. Абэ во время своего первого срока в 2006—2007 гг. произнес речь, в которой обозначил тенденцию «слияния Индийского и Тихого океанов» как морских пространств свободы и процветания более широкой Азии. Данное концептуальное понимание легло в основу всей Индо-Тихоокеанской стратегии, которую премьер-министр Японии выдвинул уже во время своего второго срока в Найроби в августе 2016 г. Она предполагает установление такого регионального порядка на пространстве Тихого и Индийского

океанов и Азиатского и Африканского континентов, который базировался бы на международном праве и принципе свободы судоходства, принципах демократии и верховенства права, свободной торговли, усилении взаимосвязанности в целях достижения стабильности и развития всего региона [Дзиюдэ хиракарэта...]. Кроме того, в 2012 г. С. Абэ предложил концепцию «ромба безопасности», состоящего из Японии, США, Австралии и Индии, для формирования союза демократических стран в целях обеспечения безопасности в Тихом и Индийском океанах. Таким образом, скорее именно Япония являлась основным сторонником развития японо-индийских отношений и концептуализации Индо-Тихоокеанского пространства.

Самый большой импульс отношениям двух стран придали пришедшие к власти сильные лидеры — премьер-министр Синдзо Абэ в декабре 2012 г. в Японии и Нарендра Моди в мае 2014 г. в Индии. Премьер-министр С. Абэ неоднократно посещал Индию (2014, 2015, 2016, 2017) и индийский премьер в 2014, 2016, 2018 и 2019 г. совершил визиты в Японию. Таким образом, установилась традиция ежегодных ответных визитов лидеров стран [Сайдайно Индо...].

В 2014 г. С. Абэ и Н. Моди подняли характер отношений до «особого стратегического и глобального партнерства». Для Японии Индия играет важную роль в Индо-Тихоокеанской стратегии, так как это один из ключевых партнеров по вопросам поддержания свободы судоходства и торговли, безопасности морских путей сообщения. Помимо этого, так же, как и Япония, Индия не заинтересована в том, чтобы Китай стал доминирующей державой в Восточной Азии. При этом для Японии в условиях изменения баланса сил и снижения роли США в Азии все большее значение приобретает партнерство с другими ведущими игроками, и Индия здесь играет ключевую роль наряду с Австралией. Роль Индии в японской стратегии прошла определенную эволюцию от роли потенциального партнера по вопросам обеспечения безопасности морских путей сообщения до реального стратегического партнера. Озабоченность Индии по поводу проникновения Китая в район Индийского океана, усиления его экономического и военного присутствия в регионе и «окружения» Индии, стратегическое соперничество с Китаем при наличии территориальных споров с ним, реализация Инициативы пояса

и пути (в особенности Китайско-Пакистанского экономического коридора), которую Индия видит как угрожающую ее интересам, предопределили интерес к укреплению взаимодействия с Японией с индийской стороны [Mukherjee].

Важно отметить, что у каждой из стран существует своя Индо-Тихоокеанская стратегия и свое видение региона, которые в большей степени носят комплементарный характер. Так, приоритеты Японии включают укрепление отношений с партнерами, которые разделяют интересы страны и универсальные ценности, с японо-американским альянсом как краеугольным камнем внешней политики, поддержку принципов свободы судоходства и верховенства закона, стимулирование экономического развития и процветания с помощью усиления взаимосвязанности и инфраструктурного развития, продвижение мира и стабильности с помощью укрепления потенциала береговой охраны, снижения рисков от стихийных бедствий и т. п. При условии, что премьер-министр С. Абэ неоднократно заявлял, что японская политика не направлена на сдерживание Китая и в настоящее время отношения между двумя странами находятся в фазе улучшения и нормализации, японская администрация старается нащупать баланс между стратегическим соперничеством и сотрудничеством с Китаем. Одним из замыслов Японии является совместно с другими странами создать такие нормы и правила, с помощью которых можно будет повлиять на поведение Китая и сделать его менее ревизионистским [Szecsenyi, Hosoya].

Между Японией и Индией развивается сотрудничество в области безопасности и военное сотрудничество. В 2011 г. произошла институционализация трехстороннего стратегического диалога Япония-Индия-США, посвященного вопросам поддержания баланса сил и безопасности на Индо-Тихоокеанском пространстве. С 2014 г. Япония является участником учений Малабар, которые Индия проводит с США, а также она традиционно участвует в учениях RIMPAC. Помимо этого, в принятой по итогам саммита С. Абэ и Н. Моди в 2014 г. декларации стороны договорились сделать японское участие в учениях Малабар и двухсторонние военные учения регулярными. С 2015 г. начал проводиться трехсторонний диалог между Индией, Японией и Австралией [Mukherjee]. В 2010 г. между Индией

и Японией впервые был проведен диалог «два плюс два» с участием заместителей министров иностранных дел и безопасности, а в 2018 г. такой диалог стал проводиться на министерском уровне. Подобный формат Индия поддерживает только с США и Японией, а Япония — с рядом ключевых партнеров, что показывает стратегическую значимость и особый статус данного диалога для обеих стран [Rajagopalan].

С ноября 2017 г. Япония и Индия участвуют в возобновленном формате четырехсторонних консультаций в области безопасности совместно с США и Австралией — Quad. Прежде всего, этот формат нацелен на обсуждение вопросов безопасности на Индо-Тихоокеанском пространстве и противодействия изменению регионального порядка, которое пытается осуществить Китай как с помощью военно-политического инструментария (например, в Южно-Китайском море), так и с помощью Инициативы пояса и пути.

Экономические отношения Японии и Индии

Экономическое взаимодействие двух стран начало активно развиваться с 2000-х годов по линии взаимной торговли и японских инвестиций в Индию. В 2011 г. стороны заключили Всеобъемлющее экономическое соглашение, предполагавшее либерализацию торговли товарами и услугами и инвестиционного режима, регулирование вопросов конкуренции и государственных закупок, защиты прав интеллектуальной собственности и др. В 2016 г. Япония и Индия подписали соглашение о сотрудничестве в сфере мирного атома, что стало первым подобным соглашением для Японии с государством, которое не является членом ДНЯО [Mukherjee].

Япония заняла третье место в списке крупнейших инвесторов в индийскую экономику. Согласно статистическим данным, за период 2000—2019 гг. японские инвестиции составили 30,7 млрд долл. (или 8 % всех ПИИ, направленных в Индию). К ключевым сферам, в которые направляются японские инвестиции, относятся автомобилестроение, инфраструктура, электроника, фармацевтика, телекоммуникации, торговля и финансы (в особенности страховые услуги). В Индии работают более чем 1,440 японских компаний с более чем

5,120 филиалами и подрядчиками, и данная страна является одним из ключевых реципиентов японских льготных кредитов в рамках Официальной помощи развитию. Товарооборот стран в 2018—2019 финансовом году составил 17,6 млрд долл., при этом 4,8 долл. — экспорт Индии в Японию, а 12,8 долл. — импорт Индии из Японии. Япония осуществляет целый ряд программ по профессиональной подготовке индийских профессионалов, особенно в сфере промышленности [India-Japan Economic Relations; Сайдайнто Индо...]. Происходит постепенное расширение японских инвестиций в индийскую инфраструктуру и промышленность, причем в основном это форсируемый кабинетом С. Абэ процесс. В качестве ключевых проектов указывается участие Японии в строительстве промышленных коридоров «Дели-Мумбаи» и «Ченнай-Бангалор» и высокоскоростной железной дороги по маршруту Мумбаи-Ахмедабад с использованием технологий японских синакансэнов [Pajon, Saint-Mezard].

Во время визита С. Абэ в Индию в мае 2017 г. Япония и Индия договорились о совместной реализации Азиатско-Африканского коридора роста (ААКР), который должен стать многосторонним проектом, альтернативным китайской Инициативе пояса и пути. Географически он включает Азию, в особенности регион Индийского океана, и Африку. ААКР включает следующие элементы: развитие и сотрудничество; строительство качественной инфраструктуры, увеличение цифровой и институциональной взаимосвязанности; повышение квалификации; установление тесных гуманитарных контактов. В качестве ключевой цели провозглашается ускорение роста и увеличение взаимосвязанности между Азией и Африкой. Помимо этого, его строительство предполагает укрепление связей Японии и Индии с Африканским континентом, особенно в области высококачественной инфраструктуры, увеличение взаимосвязанности между Африкой и Азией и реализация свободного, открытого порядка в Индо-Тихоокеанском регионе, основанном на международном праве, в соответствии с принятым на встрече лидеров стран в 2015 г. документом «Видение 2025». Данный замысел опирается на уже существующие проекты стран — индийскую политику «Смотри на Востоке» и «Делай на Востоке» (Look East Policy/Act East Policy), индийскую и японскую политику и инвестиции в Африке (включая

японскую Токийскую международную конференцию по развитию Африки — японский многосторонний формат взаимодействия с Африканским континентом), японское «Расширенное партнерство по строительству высококачественной инфраструктуры», а также на общие интересы по структурированию Индо-Тихоокеанского региона. В то время как Индия отказывается принимать участие в китайской Инициативе пояса и пути, Япония также относится холодно к этой инициативе, так как она может привести к реструктурированию регионального порядка в Азии под лидерством Китая. ААКР представляет собой совместную альтернативу, которую Япония и Индия хотели бы представить для других стран Азии и Африки [Panda].

Ограничения японско-индийского сближения

Однако у отношений Японии и Индии существует ряд ограничений. Во-первых, стороны не готовы переходить к более серьезным формам военного сотрудничества или полноценному альянсу. Для Японии, которая надеялась на то, что Quad станет ключевым форматом именно военного сотрудничества, было неприятной неожиданностью увидеть, что Индия не готова на совместные действия в этой сфере кроме консультаций на уровне министерств обороны и министерств иностранных дел (например, на четырехсторонние военные учения). Создается впечатление, что Япония во время нахождения у власти премьер-министра С. Абэ больше заинтересована в укреплении сотрудничества с Индией, чем наоборот, и Индия демонстрирует более осторожную позицию. Одной из основных целей внешней политики Индии является превращение в глобального игрока при сохранении «стратегической автономии», которая не предполагает наличие четко фиксированных обязательств. Япония также пока явно не готова формировать полноценный анти-китайский альянс [Mukherjee]. В 2018—2019 гг. на официальном уровне вместо термина Индо-Тихоокеанская «стратегия» японский премьер стал употреблять термин «видение» или «концепция» для того, чтобы возможная коннотация с военной стратегией не стала вредить улучшению отношений с Китаем. Помимо этого, в Японии нет консенсуса, в

чем именно свободное и открытое Индо-Тихоокеанское пространство должно находить своей выражение [Szechenyi, Hosoya].

Во-вторых, при всем желании не допустить доминирующих позиций КНР, обе страны не готовы заявлять о противостоянии Китаю или о формировании какого-либо серьезного антикитайского блока, так как они заинтересованы в сохранении существующих отношений с Китаем, в особенности в сфере экономики. Заключение же альянса может наоборот спровоцировать КНР на ответные действия. В-третьих, альянс Японии с США заставляет Индию задумываться о том, какова степень самостоятельности принятия решений в Японии [Mukherjee].

В-четвертых, экономическое измерение отношений двух стран пока развито недостаточно глубоко из-за огромных барьеров на индийском рынке, которые делают его намного более сложным для японских инвесторов, чем рынки Китая и Юго-Восточной Азии. Хотя японская администрация подталкивает бизнес вкладывать инвестиции в Индию, огромное количество административных и экономических барьеров приводит к тому, что на практике реализация инвестиционных проектов затягивается на 5—10 лет [Pajon, Saint-Mezard]. Сложности реализации Азиатско-Африканского коридора роста состоят в том, что у него нет единого центра принятия решений и он должен привлекать частное, государственное и международное финансирование на принципах, которые остаются не определены. Это ставит вопрос о том, насколько страны могут в реальности предложить экономическую альтернативу китайской Инициативе пояса и пути [Panda].

Помимо этого, основные принципы внешнеторговой политики Японии и Индии сильно различаются: если Япония стала выступать за глубокую либерализацию всех сфер экономического взаимодействия (в том числе в ходе перезаключения Транстихоокеанского партнерства без США), то Индия, наоборот, демонстрирует гораздо более протекционистскую политику во всех аспектах, кроме либерализации торговли услугами. Решение Индии в ноябре 2019 г. не подписывать окончательный вариант соглашения о Всеобъемлющем экономическом партнерстве (ВРЭП) нанесло значительный ущерб данному проекту, так как в интересах Японии было вовлечение Ин-

дии в данную многостороннюю ЗСТ для того, чтобы сбалансировать в ней позиции Китая. Наметившееся стремление Японии найти способы реализации совместных инфраструктурных проектов с Китаем в третьих странах также может ослабить перспективы японо-индийского экономического сотрудничества [Pajon, Saint-Mezard].

Библиографический список

Дзиюдэ хиракарэта Индо Тайхэйё сэньяку : [Стратегия свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства] // МИД Японии. 2017. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2017/html/chapter1_02.html#T003 (дата обращения: 12.10.2019).

Сайдайно Индо дзёхо то нитиин канкэй : [Информация о современной Индии и японско-индийский отношения] // МИД Японии. Декабрь 2018. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000147456.pdf> (дата обращения: 01.02.2020).

Green Michael J. Japan, India and the Strategic Triangle with China // *Asia Responds to Its Rising Powers: China and India* / ed. by A.J. Tellis, T. Tanner, J. Keough. Seattle: NBR, 2011. pp. 131—132, 157—159.

India-Japan Economic Relations // Embassy of India. Tokyo, Japan. December 2019. URL: https://www.indembassy-tokyo.gov.in/india_japan_economic_relations.html (дата обращения: 01.02.2020).

Mukherjee Rohan. Japan's Strategic Outreach to India and the prospects of a Japan-India alliance // *International Affairs*, 2018, Vol. 94, No. 4. P. 835—859. DOI: 10.1093/ia/iyy030

Pajon Celine, Saint-Mezard Isabelle. The Japan-India Economic Partnership: A Politically Driven Process / *Asie.Visions*, No. 100, IFRI, September 2018, 35 p.

Panda Jagannath. The Asia-Africa Growth Corridor: An India-Japan Arch in the Making? / *Focus Asia: Perspective & Analysis*. No, 21, August 2017, 11 p.

Pant Harsh V. India, Japan, Australia, and the US: The return of Asia's 'Quad' // *The Diplomat*. 28.04.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/04/india-japan-australia-and-the-us-the-return-of-asias-quad/> (дата обращения: 12.10.2019).

Rajagopalan Rajeswari Pillai. 2+2 Dialogue will further cement India-Japan strategic relations // Observer Research Foundation. 30.11.2019. <https://www.orfonline.org/research/22-dialogue-will-further-cement-india-japan-strategic-relations-58250/> (дата обращения: 01.02.2020).

Szechenyi Nicholas, Hosoya Yuichi. Working Toward a Free and Open Indo-Pacific // Carnegie Endowment for International Peace. 10.10.2019.

References

- Jiyude hirakareta Indo Taiheiyo senryaky [Free and Open Indo-Pacific Strategy]. (2017). *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2017/html/chapter1_02.html#T003 (accessed: 12 October, 2019).
- Saidaino Indo joho to nitiin kankei [Information on Contemporary India and Japan-India relationship]. (2018). *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000147456.pdf> (accessed: 01 February, 2020).
- Green, Michael J. (2011). Japan, India and the Strategic Triangle with China, in A.J. Tellis, T. Tanner, J. Keough (eds) *Asia Responds to Its Rising Powers: China and India*, Seattle: NBR, 2011: 131–132, 157–159.
- India-Japan Economic Relations. (2019). *Embassy of India*, Tokyo, Japan. URL: https://www.indembassy-tokyo.gov.in/india_japan_economic_relations.html (accessed: 01 February, 2020).
- Mukherjee, Rohan (2018). Japan's Strategic Outreach to India and the prospects of a Japan-India alliance, *International Affairs*, Vol. 94, No. 4: 835–859. DOI: 10.1093/ia/iyy030.
- Pajon, Celine, Saint-Mezard, Isabelle. (2018). The Japan-India Economic Partnership: A Politically Driven Process, *Asie.Visions*, No. 100, IFRI, 35 p.
- Panda, Jagannath. (2017). The Asia-Africa Growth Corridor: An India-Japan Arch in the Making? *Focus Asia: Perspective & Analysis*, No, 21, 11 p.
- Pant, Harsh V. (2017). India, Japan, Australia, and the US: The return of Asia's 'Quad', *The Diplomat*, April 28, 2017. <https://thediplomat.com/2017/04/india-japan-australia-and-the-us-the-return-of-asias-quad/> (accessed: 12 October, 2019)
- Rajagopalan, Rajeswari Pillai. (2019). 2+2 Dialogue will further cement India-Japan strategic relations, *Observer Research Foundation*, November 30, 2019. URL: <https://www.orfonline.org/research/22-dialogue-will-further-cement-india-japan-strategic-relations-58250/> (accessed: 01 February, 2020).
- Szechenyi, Nicholas, Hosoya, Yuichi. (2019). Working Toward a Free and Open Indo-Pacific, *Carnegie Endowment for International Peace*, October 10, 2019. URL: <https://carnegieendowment.org/2019/10/10/working-toward-free-and-open-indo-pacific-pub-80023> (accessed: 12 October, 2019).

К.В. Шуплецова

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ УХУДШЕНИЯ ЯПОНО-ЮЖНОКОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПОЗИЦИЯ ЯПОНИИ

Аннотация. Ухудшение японо-южнокорейских отношений, достигшее своего пика летом 2019 г., привело к тому, что традиционное ухудшение политических отношений затронуло сферу не только экономики, но и безопасности. Южная Корея в последний момент приостановила свой выход из GSOMIA. Японская позиция во многом солидарна с американской: GSOMIA необходимо для поддержания безопасности в регионе. Сотрудничество Южной Кореи и Японии — союзников США в Восточной Азии, в военной сфере крайне не развито. GSOMIA является единственным военным соглашением между государствами. Геополитическое расположение Кореи также способствует укреплению позиций данного союза, в связи с чем потенциальная возможность ее выхода из соглашения представляется японскому обществу как угроза ее собственной безопасности.

Ключевые слова: Япония, Южная Корея, региональная безопасность, Восточная Азия, GSOMIA.

Автор: Шуплецова Ксения Васильевна, магистрант Дипломатической Академии МИД РФ. E-mail: noisetpost@gmail.ru

K. V. Shupletsova

New Challenges to Regional Security in the Context of Deterioration in Japan-South Korea Relations: Position of Japan

Abstract. The deterioration of Japanese-South Korean relations, which peaked in the summer of 2019, has led to the fact that the traditional deterioration of political relations has affected not only the economy, but also security. South Korea at the last moment suspended its exit from GSOMIA. The Japanese position is largely in solidarity with the American: GSOMIA is necessary to maintain security in the region. Cooperation between South Korea and Japan, the US allies in East Asia, is extremely undeveloped in the military sphere. GSOMIA is the only military agreement between states. The geopolitical location of Korea also strengthens the position of this union, and therefore the potential for its withdrawal and agreement appears to Japanese society as a threat to its own security.

Keywords: Japan, South Korea, regional security, East Asia, GSOMIA.

Author: Kseniya V. SHUPLETSOVA, master course's student of Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry (e-mail: noisetpost@gmail.ru).

В современных японо-южнокорейских отношениях сохраняется напряжение. Основной причиной этому служат военные преступления Японской империи на территории Корейского полуострова в период Второй мировой войны. На повестке дня продолжает стоять проблема «женщин комфорта» (*уанфу*) и каторжный труд корейских рабочих на индустриальных объектах (*тё:ё:ко*). Именно вторая проблема стала особенно острой в конце 2018 г.

Обращаясь к истории разрешения вопроса о выплате компенсаций корейским рабочим, насильственно обращенным к труду на индустриальных объектах, то основным документом является Базовый договор об отношениях между Японией и Кореей 1965 г. Одновременно с установлением дипломатических отношений между Японией и Южной Кореей было заключено японо-корейское соглашение о праве требования компенсации (*никкан сэйкю:кэн кё:тэй*), согласно которому Япония обещала безвозмездно выплатить Республике Корея 300 млн долл., и 200 млн долл. в качестве экономической помощи [*Икэгами, с. 131*]. Также было принято решение, что вопросы

прошлого окончательно урегулированы, и Япония более не должна ничего выплачивать корейскому народу. Японская сторона упорно подчёркивает каждый раз, что Базовый договор 1965 г. является полным и окончательным решением вопроса выплаты компенсаций и исторической памяти в целом.

Однако в декабре 2018 г. Верховный Суд Республики Корея рассмотрел иски бывших корейских рабочих, несущих трудовую повинность, и потребовал выплатить компенсации у машиностроительной компании Mitsubishi Heavy Industries Ltd и компании-производителя стали Nippon Steel & Sumitomo Metal Corp. десяти бывшим каторжным рабочим. Но поскольку компании отказались вести переговоры о компенсации, родственники бывших рабочих в начале марта 2019 г. подали в южнокорейский суд иск о наложении ареста на активы компании. Японское правительство предприняло попытки решить проблему дипломатическим путем. Одним из предложений правительства выступало решение вопроса при посредничестве третьей стороны. Однако оно не было реализовано [*Кистанов*].

Осложнившаяся ситуация привела к состоянию «торговой войны» между Японией и Южной Кореей в июле—августе 2019 г. В Южной Корее начались массовые демонстрации, призывающие к бойкоту японских товаров и туризма в Японию. Это привело к падению продаж некоторых товаров на 80 % и более [*South Korean boycott of Japanese goods hits beer and carmakers*].

Япония исключила из списка стран с режимом благоприятствования в торговле (White list) Республику Корея — единственную азиатскую страну, входившую в этот список прежде [*Update of METI's licensing policies and procedures on exports of controlled items to the Republic of Korea*]. Это не могло не повлиять на корейскую экономику: Южная Корея сильно зависела от японского сырья, необходимого для производства полупроводников, которые составляли большую часть в национальной экономике страны. Предлогом для исключения Кореи из списка, в том числе, стала информация о недостаточном контроле экспорта Южной Кореей, так как существовала вероятность передачи Южной Кореей информации и технологий КНДР, Ирану и ОАЭ. Данные не были подтверждены официально, однако некоторые японские СМИ опубликовали эту инфор-

мацию [*Japan, 'surprised' by South Korean response to export control*]. Решение японского правительства имело беспрецедентный характер в истории отношений двух государств с момента заключения Базового договора 1965 г. Существовавший прежде принцип *сэйкэй бунри* (принцип, разделяющий внешнюю политику Японии на экономическую и политическую составляющие, не позволяя ухудшению политических отношений повлиять на их развитие в сфере экономики и торговли) отошел на второй план, и политические трения перешли в экономическую сферу. Это событие может стать новой вехой во внешней политике Японии.

В августе 2019 г. правительство Южной Кореи приняло решение не продлевать «Соглашение об общей безопасности военной информации» (General Security of Military Information Agreement (GSOMIA)). GSOMIA — единственное военное соглашение между Японией и РК. Переговоры о его заключении начались в трехстороннем формате США—Южная Корея—Япония в 2011 г. после очередного Корейского ядерного кризиса, само соглашение было нацелено, в первую очередь, именно на корейскую ядерную угрозу. Оно было заключено в 2016 г. Соглашение было призвано заполнить пробелы в системе получения разведанных. Япония представляла сведения о ракетах дальнего радиуса действия, так как государство обладает корабельной многофункциональной боевой информационно-управляющей системой «Иджис» и наземным противоракетным комплексом «Пэтриот». Южная Корея имеет человеческий ресурс для проведения разведки, которого у Японии элементарно нет.

В конце ноября Республика Корея приостановила выход из Соглашения. Однако официальный Сеул заявил, что несмотря на это в любой момент корейское правительство может принять решение выйти из GSOMIA. Это означает, что положение Соглашения по-прежнему неустойчиво.

С момента подписания GSOMIA обмен информацией между Японией и Южной Кореей состоялся 29 раз. И это было связано не только с фактом запуска ракет КНДР, в зависимости от ситуации обменивались информацией разного характера. Однако среди корейского общества существовали мнения, что данное соглашение не является необходимым и не имеет желаемой эффективности [GSOMIA

хо:ки, нититэйкан «гидзи»до:мэй-о утиковасу канкоку]. Японская сторона, в свою очередь, представляет соглашение необходимым не только для обеспечения собственной безопасности, но и для поддержания трехстороннего союза США, Японии и Южной Кореи. Более того, ослабление данного союза может быть выгодно потенциальным противникам Японии: КНДР, КНР, а также России.

США были заинтересованы в такой форме сотрудничества своих союзников. Выступая одной из сторон в переговорах в процессе подписания соглашения, они представляли себе это как одну из ступеней к строительству многосторонней структуры обеспечения безопасности в регионе. Считается, что именно под давлением США Южная Корея приостановила выход из Соглашения. Однако это может привести к дальнейшему ухудшению отношений между Японией и Республикой Корея, так как корейская сторона не смогла добиться желаемого результата, т. е. разрешения вопроса выплаты компенсаций *тё:ё:ко:* и возвращения в *White List*.

Безусловно страны могут продолжать обмен данными и без Соглашения через общего союзника — США. Для этого на данный момент существует Трехстороннее соглашение об обмене информацией [*Trilateral Information Sharing Arrangement...*]. Однако, в таком случае, информация может передаваться недостаточно оперативно. Более того, наблюдается тенденция возвращения двустороннего формата обеспечения безопасности и отход от многостороннего подхода. Эта тенденция не может не влиять на эффективность обеспечения безопасности, а также на сохранение сильной зависимости Японии и Южной Кореи от США. Политика Трампа, который в начале своего срока подвергал сомнению в необходимости поддержки своих военных союзников, может оказать только негативное влияние на климат безопасности региона. Ослабление многосторонней кооперации может в еще большей степени замедлить решение ядерной проблемы КНДР, повысить уязвимость обеих стран перед запусками баллистических ракет Северной Кореей.

Почему Южная Корея занимает важное место в структуре безопасности региона? В 2017 г. в Министерство Обороны Японии опубликовало доклад «Геополитические риски на Корейском полуострове. Значение для японо-американского союза» [*Нагадзима*]. Обраща-

ясь к теории Римланд, предложенной американским политологом Н. Спикмэнном в 1940 г., Япония представляет важным сотрудничеством США, Японии, Южной Кореи для противостояния крупным материковым державам — Китаю и России. Корейский полуостров представляется мостом между Римландом и Хартлендом Х. Маккин-дера (Евразии). Как раз из Кореи проходят маршруты (прежде всего торговые), соединяющие островные государства с материковыми. Например, существовавшая ранее железная дорога Кёнйинсон, соединяющая Сеул с Пхеньяном и Синьиджу (Северная Корея). В Синьиджу линия соединяется с Южно-Маньчжурской железной дорогой, которая связывает Корею с Азией. Таким маршрутом может стать в случае его реализации проект соединения Транссибирской магистрали и Транскорейской железной дороги. В докладе сообщается, что в случае действия данных железнодорожных линий это может стать разрушающим фактором для поддержки безопасности региона, так как железные дороги могут использоваться в военных целях.

В докладе также прослеживается мысль, что в случае воссоединения Кореи повышается вероятность сближения Кореи с Китаем и Россией. Сато Масару, бывший дипломат и политолог, в своей статье японской газете «Никкэй» также подчеркивал данную идею [*Сато Масанобу...*].

Таким образом, Южная Корея рассматривается как важный актор в системе безопасности региона. Сохранение ее в трёхстороннем союзе Япония—США—Республика Корея крайне необходимо не только для противодействия северокорейской угрозе, которая находится на слуху у каждого японского гражданина, но и для сдерживания влияния Китая, в первую очередь, и России.

В «Белой книге обороны» Японии роль армии Республики Корея рассматривается только в контексте сотрудничества с американскими ВС. Именно сохранение американского контингента и американо-корейского взаимодействия является залогом мира и безопасности на Корейском полуострове.

В условиях потепления отношений между Северно и Южной Кореей, в Белой книге обороны Республики Корея КНДР не была определена традиционно «врагом РК», было прописано стремление к развитию отношений с северным соседом. Для Японии, сохраняю-

щей за Северной Кореей статус «угрозы», подобное улучшение отношений одновременно несет позитивные и негативные последствия. С одной стороны, появляется потенциал потепления отношений с Северной Кореей вслед за Южной. С другой стороны, возможно появление разногласий из-за различных подходов Японии и Южной Кореи к решению северокорейской проблемы, что также ослабляет архитектуру безопасности в регионе Северо-Восточной Азии. Япония также отмечает тревожную для себя тенденцию сближения РК и КНР. Несмотря на сохраняющиеся противоречия, японское правительство опасается потепления отношений своего потенциального союзника с потенциальной угрозой в условиях ухудшения отношений с Японией [Рэйва гэннэн хан. Бо:эй хакусё].

Ситуация усугубляется имиджем Японии, сформированным в корейском обществе. Помимо негативного представления о Японии в связи с колониальным прошлым, корейцы с опасением относятся к военному потенциалу Японии. В мае 2018 г. японская НКО «Genron NPO» и корейский мозговой центр «Исследовательский институт Восточной Азии» провели совместно социологический опрос, предметом которого стало представление о Японии в Южной Корее и наоборот. По результатам опроса, 45 % корейцев считают Японию милитаристским государством, 39 % — националистическим. Лишь около 20 % описали Японию как демократическую страну. В то время как 55 % японцев представили Республику Корея как демократию. Говоря о существующих проблемах в японо-южнокорейских отношениях, корейцы утверждают, что необходимо в первую очередь решить территориальный спор об о. Такэсима (Токто) (82 %) и проблему исторической памяти (78 %) [Икэгами, с. 141—145].

Японский «милитаризм», о котором говорит корейское общество, заключается в решении внести поправки в Конституцию премьер-министром Японии Синдзо Абэ, в частности в 9 статью. Данная статья закрепляет за японской Конституцией статус «пацифистской» и гарантирует отсутствие в Японии каких-либо вооруженных сил. В Южной Корее мнения СМИ на этот счёт разделились. Более крупные издания видят в этом потенциальную угрозу неприкосновенности их границ (спорные острова Такэсима или Токто), другие газеты и журналы указывают на то, что Япония может помочь в

обеспечении безопасности в регионе в связи с северокорейской проблемой [Волощак].

Японская сторона выражает опасения, что Южная Корея стремится разрушить трехстороннее сотрудничество между США, Японией и Республикой Корея, считающееся важным для обеспечения региональной безопасности. На фоне стремительного ухудшения отношений между Японией и Южной Кореей можно заметить, что традиционная политика разделения экономики и политики *сэй-кэй-бунри* постепенно теряет своё значение из-за «торговой войны» между странами. Это позволяет говорить нам о самом остром ухудшении японо-южнокорейских отношений в истории, что, несомненно, приведет к новому уровню напряженности внутри региона. Подобный дисбаланс может привести к хаосу в системе обеспечения безопасности региона. В такой ситуации, отношения между недавними тесными экономическими партнерами способны наладить посредничество США, в первую очередь, либо изменение внутривнутриполитической ситуации в одном из государств.

Библиографический список

Волощак В.И. Проблема пересмотра 9-й статьи Конституции Японии в основных общественно-политических газетах республики Корея // Известия Восточного института. № 2 (34). 2017.

Кистанов В.О. Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // Японские исследования. № 3. 2019.

Japan, 'surprised' by South Korean response to export control, accuses Seoul of trying to make the issue about free trade. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/07/10/business/japan-surprised-south-korean-response-export-control-accuses-seoul-trying-make-issue-free-trade/> (дата обращения: 09.11.2019).

Korea's Dispute with Japan Spills into National Security. URL: <https://thediplomat.com/2019/08/koreas-dispute-with-japan-spills-into-national-security/> (дата обращения: 09.11.2019).

South Korean boycott of Japanese goods hits beer and carmakers. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/sep/04/south-korea-boycott-japanese-goods-beer-car-sales> (дата обращения: 09.11.2019).

Trilateral Information Sharing Arrangement Concerning the Nuclear and Missile Threats Posed by North Korea Among the Ministry of National Defense of the Republic of Korea, The Ministry of Defense of Japan, and the Department of Defense of the United States of America. URL: <https://archive.defense.gov/pubs/Trilateral-Information-Sharing-Arrangement.pdf> (дата обращения: 09.11.2019).

Update of METI's licensing policies and procedures on exports of controlled items to the Republic of Korea. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2019/0701_001.html. (дата обращения: 09.11.2019).

Икэгами Акира. Икэгами Акира-га кикю. Канкоку-но хоннэ // Токио: Асахи Симбун Сяппан, 2019.

Канкоку, GSOMIA хо:ки-дэ Тюгоку-гава-но куни-ни... сэйгава-дзингэй ри-дацу, бэйкоку-га канкоку-субуси-но угоки. URL: https://biz-journal.jp/2019/08/post_115924_2.html. (дата обращения: 24.11.2019).

Нагадзима Дзюн. Тё:сэнханто:-ни окэру тисэйгакутэки риску. Нитибэй до:мэй-э-но инпурикэ:сён. URL: <https://www.mod.go.jp/asdf/meguro/center/AirPower5th/02kanto.pdf>. (дата обращения: 24.11.2019).

Рэйва гэннэн хан. Бо:эй хакусё : [Белая книга обороны Японии 2019 г.] URL <https://www.mod.go.jp/j/publication/wp/wp2019/pdf/R01010203.pdf>. (дата обращения: 09.11.2019)

Само Масару. Тисэйгакутэки хэндо:-то никкан канкэй. URL: <https://www.sankei.com/politics/news/190915/pl1909150007-n1.html> (дата обращения: 24.11.2019).

GSOMIA хо:ки, нититэйкан «гидзи» до:мэй-о утиковасу канкоку. URL: <https://business.nikkei.com/atcl/seminar/19/00023/082300090/> (дата обращения: 09.11.2019).

References

Voloshchak, V. I. Problema peresmotra 9-y stati Konstitutsii Yaponii v osnovnykh obshchestvenno-politicheskikh gazetakh respubliki Koreya // Izvestiya Vostochnogo instituta. № 2 (34). 2017.

Kistanov, V.O. Otnosheniya mezhdru Yaponiyey i Yuzhnoy Koreyey: problemy. tendentsii. perspektivy // Yaponskiye issledovaniya. 2019. № 3.

Japan,'surprised' by South Korean response to export control, accuses Seoul of trying to make the issue about free trade. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/07/10/business/japan-surprised-south-korean-response-export-control-accuses-seoul-trying-make-issue-free-trade/> (accessed: 09 November, 2019).

Korea's Dispute with Japan Spills into National Security. URL: (<https://thediplomat.com/2019/08/koreas-dispute-with-japan-spills-into-national-security/>) (accessed: 09 November, 2019).

South Korean boycott of Japanese goods hits beer and carmakers URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/sep/04/south-korea-boycott-japanese-goods-beer-car-sales> (accessed: 09 November, 2019).

Trilateral Information Sharing Arrangement Concerning the Nuclear and Missile Threats Posed by North Korea Among the Ministry of National Defense of The Republic of Korea, The Ministry of Defense of Japan, and the Department of Defense of the United States of America. URL: <https://archive.defense.gov/pubs/Trilateral-Information-Sharing-Arrangement.pdf> (accessed: 09 November, 2019).

Update of METI's licensing policies and procedures on exports of controlled items to the Republic of Korea. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2019/0701_001.html (accessed: 09 November, 2019).

Ikegami, Akira. Ikegami Akira-ga kiku. Kankoku-no honne // Tokyo: Asahi Shimbun Shuppan. 2019.

Kankoku. GSOMIA ho:ki-de Chugoku-gava-no kuni-ni... seigawa-jinei ridatsu. beikoku-ga kankoku-tsubushi-no ugoki. URL: https://biz-journal.jp/2019/08/post_115924_2.html (accessed: 24 November, 2019).

Nagajima. Jun. Cho:senhanto:-ni okeru chiseigakuteki risku. Nichibei do:mei-e-no impurike:shyon. URL: <https://www.mod.go.jp/asdf/meguro/center/AirPower5th/02kanto.pdf> (accessed: 24 November, 2019).

Reiwa gennen han. Bo:ei hakusho URL <https://www.mod.go.jp/j/publication/wp/wp2019/pdf/R01010203.pdf> (accessed: 09 November, 2019).

Sato Masaru. Chiseigakuteki hendo:-to nikkansankei. URL: <https://www.sankei.com/politics/news/190915/pl1909150007-n1.html> (accessed: 24 November, 2019).

GSOMIA ho:ki. nichiteikan «giji» do:mei-o uchikowasu kankoku. URL: <https://business.nikkei.com/atcl/seminar/19/00023/082300090/> (accessed: 09 November, 2019).

И.В. Дьячков

ПРОБЛЕМА «КОМФОРТАНТОК» В ЮЖНОКОРЕЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ*

Аннотация. В статье рассматривается влияние проблемы «женщин для утешения» на современные отношения между Республикой Корея и Японией. Тридцатипятилетнее колониальное правление (1910—1945) осталось в массовой памяти корейцев как время угнетения и национального унижения. Эта историческая травма напрямую влияет на сегодняшнюю региональную политику. В последние десятилетия Республика Корея в общении с Токио регулярно поднимает вопросы болезненного прошлого. Один из самых ярких примеров — так называемая проблема *вианбу* или «комфортанток», то есть кореянок, насильственно рекрутированных в японские полевые бордели в 1930—1940-х гг. Уже много лет эти исторические разногласия не только мешают сближению Сеула и Токио, но и становятся поводом для длительных дипломатических конфликтов.

Достаточно давним является и сам сюжет, и спор по его поводу. Интернационализация проблемы произошла ещё в начале

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (грант № 19-18-00017).

1990-х гг. Вопреки распространённым представлениям, предмет дискуссии не был тогда же и «сконструирован» — корейские газеты публиковали материалы о «комфортантках» ещё с 1940-х гг. Позиция Токио оставалась неизменной: по мнению японских дипломатов, соглашение о нормализации отношений с Республикой Корея 1965 г. исключает дальнейшие исторические претензии. Тем не менее, Япония несколько раз шла на компромисс, предлагая дополнительные извинения и изобретая различные формы предоставления компенсаций пострадавшим женщинам. Южнокорейские власть и общество, однако, всякий раз находили шаги японской стороны неудовлетворительными по форме или по сути. В 2015 г. после долгого конфликта стороны заключили очередное соглашение и, казалось, окончательно закрыли вопрос «комфортанток». Однако подписавшие документ Абэ Синдзо и Пак Кынхе стали объектом внутренней критики. В Республике Корея оппозиция и общество не приняли договорённость, и её реализация сорвалась. С приходом новой администрации Мун Чжэина Сеул продолжил давить на Японию по историческим проблемам, не ограничиваясь лишь вопросом «вианбу». Теперь от Токио также ожидалось извинения и компенсации за принудительный труд корейских рабочих на японских предприятиях в колониальную эпоху. Политические разногласия перешли в экономическую плоскость, когда Япония намекнула на возможность чувствительных санкций в отношении Республики Корея (формально не связывая это с историческими спорами).

Для Северо-Восточной Азии подобные конфликты не редкость; можно сказать, что они — часть культуры международного взаимодействия, привычный для всех сторон политический инструмент. Однако готовность политиков обращаться к националистическим эмоциям в и без того напряжённом регионе создаёт новую угрозу — на этот раз из прошлого.

Ключевые слова: вианбу, женщины для утешения, историческая память, Республика Корея, южнокорейско-японские отношения, Япония.

Автор: *Дьячков Илья Владимирович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России, сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: dyachkov@naver.com

Ilya Dyachkov

‘Comfort Women’ in Relations Between South Korea and Japan Then and Now*

Abstract. The article analyzes how the ‘comfort women’ issue influences current relations between the Republic of Korea and Japan. In the early twentieth century Japan annexed Korea, and the memories of colonial-era humiliation are vivid in Korean collective consciousness. As a result, issues of the past often sour bilateral relations even today. Recently, Seoul has been actively pressing the issue of sexual slavery in Japanese military brothels, and differences over this seemingly irrelevant issue have impeded political and military cooperation.

Articles on former sexual slaves (also called *wianbu* in Korean) have resurfaced time and again in Korean press throughout the 1940–80s, but the problem internationalized only in the 1990s, when broad public discussion started. Although Japan maintains that the 1965 bilateral normalization resolved all issues of the past, Tokyo has several times offered official condolences and compensations to the victims, however Seoul found these steps or the tone unsatisfactory. Most recently, in 2015 Abe Shinzo and Park Geunhye signed an agreement to close the *wianbu* issue, but the document irritated South Korean public and opposition, so Seoul abandoned it. President Moon Jaein, who came to power in 2017, continued this course and added pressure on related historical problems, such as Korean forced laborers in imperial Japan. As the crisis deepened, Tokyo introduced economic sanctions against South Korea (technically on unrelated grounds).

Conflicts stemming from collective memory are a characteristic feature of North East Asian political culture. They are a popular tool in foreign and domestic policy of many countries. This, coupled with irrational nature of nationalism and imperfection of regional security, makes issues of the past a very real threat to the present.

Keywords: collective memory, comfort women, Japan, relations between Japan and South Korea, Republic of Korea, *wianbu*.

Author: Ilya DYACHKOV, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian, Department of Oriental Studies, MGIMO University; Researcher, Oriental Studies Institute, RAS (e-mail: dyachkov@naver.com).

* This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017)

Японское колониальное правление (1910—1945) осталось в массовой памяти корейцев как период угнетения и национального унижения. Этот сложный исторический опыт во многом определяет коллективный образ Японии в глазах корейского общества. К такому восприятию прошлого нередко апеллируют и политики — отчасти потому, что сами являются его носителями, отчасти из конъюнктурных соображений. В южнокорейско-японском межгосударственном общении в последние годы стала центральной так называемая проблема *вианбу* («женщин для утешения» или «комфортанток»), то есть корейнок, насильственно рекрутированных в японские армейские публичные дома в ходе Второй мировой войны. Наиболее активным обращением к этой проблеме отметилась администрация Пак Кынхе (2013—2017), и в отношениях Сеула и Токио начался длительный кризис.

«Станции утешения», то есть полевые бордели, были организованы при японской армии в 1930-х годах. Среди целей их создания были сокращение количества изнасилований, поднятие боевого духа солдат, исключение шпионажа через проституток и защита личного состава от венерических заболеваний [*Piper*, 161]. Работницами становились девушки 15—20 лет зависимых стран, преимущественно, как считается, корейки, но также на «станциях» оказывались филиппинки, индонезийки, собственно японки и даже голландки. Оценки общего их числа варьируют от 10 до 500 тыс. человек [*Kim M.*, 83].

Очевидно, что название «женщина для утешения» (яп. «*ианфу*», кор. «*вианбу*») является довольно прозрачным эвфемизмом. Нередко можно встретить утверждение, что корейцы сформулировали претензии к японцам по поводу *вианбу* лишь сравнительно недавно, однако это не совсем верно. До 1990-х гг. проблема действительно не звучала как международная, однако корейская и японская общественность обсуждала и её раньше.

Так, в 1970—1980 гг. в Японии писатель Есида Сэйдзи опубликовал серию воспоминаний, где рассказал о своём участии в похищениях девушек для «станций утешения». Его мемуары приобрели широкую известность, однако в них вскоре нашли целый ряд несообразностей и ошибок. В ответ сам Есида заявил, что писал художе-

ственные, а не документальные произведения. За это «зацепились» японские правые, тут же заявившие, что сюжет с *вианбу* — литературская мистификация.

Однако о проблеме было известно до 1990-х годов, и она даже довольно регулярно упоминалась в корейских газетах. Так, исследователь Ёсиката Уэки обнаружил в центральной прессе Юга с 1945 г. по 1960-е годы более двух десятков упоминаний о «комфортантках» (в основном в 1960-е гг.), а к 1970-м — 1980-м годам их количество выросло до нескольких сотен [Yoshikata].

Условия для превращения сюжета с *вианбу* в масштабную дискурсивную проблему сложились к 1990-м годам. К 1980-м годам в Республике Корея началась демократизация, и параллельно с ней стало формироваться движение за права женщин. Новые южнокорейские феминисты ещё не решались критиковать свои власть и общество, однако воспользовались темой «комфортанток» для укрепления своей репутации [Асмолов].

Вопрос стремительно и необратимо превращался в политический, а вскоре стал и международным. В 1991 г. в свет вышли мемуары Ким Хаксун, женщины, прошедшей через «станции утешения». Книга быстро стала известной широкой общественности, и, вдохновившись примером, несколько кореянок подали иск против Токио. По итогам официального расследования, начатого японскими властями, в 1993 г. генеральный секретарь кабинета министров Коно Ёхэй выступил с заявлением. Япония принесла извинения и признала, что рекрутирование и работа девушек, «как правило», не были добровольными, и «в некоторых случаях» процесс организовывали власти, а не частные лица [Statement by... Kono]. В 1995 г. для предоставления компенсаций был создан неправительственный Фонд женщин Азии. Однако у южнокорейской общественности и руководства сложилось впечатление, что Токио хочет отделаться дежурными фразами и дистанцироваться от проблемы [Kim M., 89].

Позиция Токио оставалась неизменной долгие годы: по мнению японских дипломатов, соглашение о нормализации отношений с Республикой Корея 1965 г. и сопутствующие документы исключают дальнейшие исторические претензии [Лобов, 118—9].

В 2011 г. конституционный суд Республики Корея опубликовал постановление, в котором раскритиковал исполнительные власти за «антиконституционную» пассивность в обеспечении прав бывших *вианбу*. Документ содержал ответ на аргументы Японии: ссылки на соглашение 1965 г. были объявлены неуместными, поскольку тогда власти не были осведомлены о существовании проблемы «комфор-танток».

По мере усиления давления японские элиты раздражались всё больше: эффект корейских претензий оказался обратным ожидаемо-му. Постоянными претензиями корейцев, похоже, недоволен и Абэ Синдзо, премьер Японии в 2006—2007 гг., а также с 2012 г. [Hein P., 447—8].

Решение конституционного суда Республики Корея придало проблеме новый импульс. Вскоре после его публикации перед посольством Японии в южнокорейской столице был воздвигнут «на общественных началах» первый памятник *вианбу* — за ним в других городах мира стали появляться новые. Вопрос стал настолько значимым, что пришедшая к власти в Республике Корея в 2013 г. Пак Кынхе ссылками на него обосновывала нежелание встречаться с японским коллегой. Американской дипломатии удалось убедить двух лидеров провести переговоры лишь к 2014 г.

Достичь взаимоприемлемого решения удалось только к концу 2015 г. Токио принёс дополнительные извинения, а Сеул обязался удалить «проблемный» памятник от посольства. Южнокорейская сторона организовывала специальный фонд для распределения компенсаций, а японская вносила в него 1 миллиард иен (ок. 10 млн долл.). Япония неоднократно подчеркнула, что с достижением этой договорённости считает вопрос исчерпанным.

Тем не менее, компромиссный характер документа гарантировал его провал. В обеих странах оппозиционеры обвинили лидеров в предательстве национальных интересов, и реализация соглашения в итоге забуксовала.

В 2016—2017 гг. стараниями активистов корейской диаспоры новые памятники появились в Пусане перед японским консульством, а также в нескольких городах мира (Сиднее, Сан-Франциско и близ Лос-Анджелеса).

Соглашение 2015 г. не приняли и противостоявшие правительству Пак Кынхе левоцентристы, получившие в 2016 г. коалиционное большинство в парламенте. Абсолютно все участники последовавшей за отстранением Пак Кынхе президентской кампании заявили, что соглашение подлежит пересмотру.

Непопулярность документа стала одной из причин, почему новая левоцентристская администрация Мун Чжэина решила от него отказаться. «Сделка» у политиков и избирателей прочно ассоциировалась с Пак Кынхе, имидж которой был безнадежно испорчен скандалом. Новый президент не заявил о выходе из соглашения, однако Сеул не только не торопился с его реализацией, но и стал действовать самостоятельно. Государство компенсировало совместному фонду уже выплаченные жертвам средства, чтобы демонстративно вернуть Японии её долю. При этом южнокорейские общественники учредили свой механизм выплаты компенсаций без японского участия. В июле 2019 г., после сетований Мун Чжэина, что фонд «неизбежно увял» [*Choe*], организация прекратила работу несмотря на возражения Токио [*Japan-funded*].

Новые памятники *вианбу* перестали появляться (хотя старые так и не были убраны), однако в 2018 г. некоторые страны (Филиппины, Тайвань) установили свои монументы в честь соотечественниц (филиппинский вскоре исчез).

Также в годы президентства Мун Чжэина власти и общественность наращивали давление на Японию по другой исторической проблеме, вновь воспользовавшись судебным каналом. Осенью 2018 г. и летом 2019 г. Верховный суд Республики Корея удовлетворил ряд претензий по поводу принудительного или низкооплачиваемого труда корейских рабочих на японских предприятиях в колониальную эпоху. Японские компании отказались выплачивать компенсации за события более чем 70-летней давности, после чего Сеул неожиданно арестовал их активы на своей территории.

Япония, однако, в этот раз пошла на ответные шаги. Токио, объясняя свои действия опасениями по поводу надежности санкций в отношении Северной Кореи, исключил Южную из списка стран, куда поставки определённых химикатов одобрялись автоматически. На каждую поставку веществ, без которых не могут обходиться юж-

нокорейские высокотехнологичные производства, стало необходимо отдельно получать разрешение. Вскоре Сеул заявил, что не настроен продлевать соглашение с Японией по обмену разведывательной информацией, срок которого истекал 22 ноября 2019 г., однако в последний момент под давлением Вашингтона отказался от этой идеи. Встреча лидеров двух стран на полях саммита АСЕАН в начале ноября закончилась ничем [Abe urges].

С течением времени проблема «комфортанток» занимала всё большее место как в сознании южнокорейского общества, так и в отношениях страны с Японией. До конца 1980-х гг. весь дискурс вокруг *вианбу* сводился к периодическому упоминанию в прессе, однако к 1990-м гг. вопросом активно занялись общественные организации — ответом на их работу стало заявление Коно. Старания активистов определяют политику и сегодня: в 2010-е годы скандал разгорелся с новой силой вслед за установкой ими памятников женщинам. При этом трудно не заметить, что действия негосударственных организаций будто бы согласованы с настроениями власти, а спады активности совпадают с маневрированием правительства. Возможно, им «делегируется» исполнение спорных шагов, чтобы официальный Сеул при необходимости мог дистанцироваться от них.

В последние годы произошла заметная перемена. Если ранее спорные вопросы прошлого были для Сеула и Токио лишь одним взаимных раздражителей, сейчас разногласия по их поводу способны целиком парализовать двустороннее сотрудничество. Хотя обе страны поддерживают союз с США и находятся в едином военно-политическом блоке, Япония и Республика Корея также конкурируют за политическое и экономическое влияние в регионе. В такой ситуации исторический спор становится доступным каналом конфликта и реальным средством дискредитации соперника.

Примечательно, в Северо-Восточной Азии установилась культура взаимных претензий по поводу истории. У каждой пары стран есть свой список проблем прошлого. Политики обычно обращаются к тем, что лучше подкреплены фактами, однако далеко не всегда споры опираются на рациональную базу. Общий «ассортимент» претензий обычно неисчерпаемо велик, что позволяет при необходимости регулировать интенсивность общего давления.

Проблемы прошлого порой становятся и инструментом внутренней борьбы. Оппозиция зарабатывает политические очки, обвиняя власть в игнорировании исторических проблем. С другой стороны, правящие силы используют их для отвлечения внимания населения от собственных просчётов [Дьячков, 105—6].

Устойчивость, неисчерпаемость исторических вопросов отчасти обусловлены их политической «функциональностью»: будучи поставлены однажды, они редко закрываются окончательно и регулярно используются для решения текущих задач. Однако элиты с определённого момента становятся заложниками ими же перегретой ситуации: давление избирателей и эскалационная логика лишают политиков прямого контроля над конфликтом.

Это вкупе с иррациональной природой националистических чувств, а также несовершенством системы региональной безопасности делает вопросы прошлого реальной угрозой стабильности в настоящем.

Библиографический список

Асмолов К. Корейские «женщины для утешения» и скандал с Пак Ю Ха. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/02/13/korejskie-zhenshhiny-dlya-utesheniya-i-skandal-s-pak-yu-ha/> (дата обращения: 25.07.2019).

Дьячков И. В. Спор по поводу о. Токто (Такэсима): международно-политическое измерение национализма в США // Корея: уроки истории и вызовы современности. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 102—112.

Лобов Р. Подготовка и подписание Договора об основах отношений между Республикой Корея и Японией // Корея: 70 лет после освобождения. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 113—120.

Abe urges Moon to adhere to bilateral pact over wartime compensation. The Japan Times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/11/04/national/shinzo-abe-moon-jae-in-south-korea-japan-asean/> (дата обращения: 10.11.2019).

Choe Sang-Hun. South Korea Signals End to 'Final' Deal With Japan Over War-time Sex Slaves // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/21/world/asia/south-korea-japan-sex-slaves.html?module=inline> (дата обращения: 25.07.2019).

Hein P. Unresolved Comfort Women Issue: How Pragmatism Precludes Reconciliation // The Korean Journal of International Studies. 2016. Vol. 14. No. 3. P. 447—460.

Japan-funded 'comfort women' foundation in S. Korea formally closed. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190705/p2g/00m/0fp/053000c> (дата обращения: 25.07.2019).

Kim M. Memorializing Comfort Women: Memory and Human Rights in Korea-Japan Relations / Kim Mikyoung // *Asian Politics and Policy*. 2014. Vol. 6. № 1. P. 83—96.

Piper N. Transnational Women's Activism in Japan and Korea: the Unresolved Issue of Military Sexual Slavery / N. Piper // *Global Networks*. 2001. 1 (2). P. 155—170.

Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the result of the study on the issue of “comfort women”. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html> (дата обращения: 25.07.2019).

Yoshikata V. ‘Comfort Women’ Denial and the Japanese Right / Yoshikata Veki // *TheAsia-Pacific Journal*. 2015. Vol. 13. Issue 30. No. 2. URL: <https://apjif.org/-Yoshikata-Veki--Norma-Field--Tomomi-Yamaguchi/4350/article.pdf> (дата обращения: 25.07.2019).

References

Asmolv K. (2017). Koreyskiye «zhenshchiny dlya utsheniya» i skandal s Pak Yu Kha [Korean “comfort women” and the Park Yu-ha scandal]. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/02/13/korejskie-zhenshhiny-dlya-utsheniya-i-skandal-s-pak-yu-ha/> (accessed: 25 July, 2019). (In Russian).

Dyachkov, I. (2013). Spor po povodu o. Tokto (Takesima): mezhdunarodno-politicheskoye izmereniye natsionalizma v SVA [Dispute over Dokdo (Takeshima): international political dimension of nationalism in North East Asia] in *Koreya: uroki istorii i vyzovy sovremennosti* [Korea: lessons from history and modern challenges], Moscow: IFES RAS: 102—112. (In Russian).

Lobov R. (2015). Podgotovka i podpisaniye Dogovora ob osnovakh otnosheniy mezhdru Respublikoy Koreya i Yaponiyey [Drafting and signing the treaty on framework of relations between the Republic of Korea and Japan] in *Koreya: 70 let posle osvobozhdeniya* [Korea: 70 years since liberation], Moscow: IDV RAN: 113—120. (In Russian).

Abe urges Moon to adhere to bilateral pact over wartime compensation, *The Japan Times*. (2019) URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/11/04/national/shinzo-a-be-moon-jae-in-south-korea-japan-asean/> (accessed: 10 November, 2019).

Choe, Sang-Hun. (2018). South Korea Signals End to ‘Final’ Deal With Japan Over Wartime Sex Slaves, *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/21/world/asia/south-korea-japan-sex-slaves.html?module=inline> (accessed: 25 July, 2019).

Hein, P. (2016). Unresolved Comfort Women Issue: How Pragmatism Precludes Reconciliation, *The Korean Journal of International Studies*, 14 (3): 447—460.

Japan-funded 'comfort women' foundation in S. Korea formally closed, *Mainichi Shinbun*. (2019). URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190705/p2g/00m/0fp/053000c> (accessed: 25 July, 2019).

Kim, M. (2014). Memorializing Comfort Women: Memory and Human Rights in Korea-Japan Relations. *Asian Politics and Policy*. 2014. Vol. 6. № 1. P. 83—96.

Piper, N. (2001). Transnational Women's Activism in Japan and Korea: the Unresolved Issue of Military Sexual Slavery, *Global Networks*, 1 (2): 155—170.

Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the result of the study on the issue of "comfort women". (1993) URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html> (accessed: 25 July, 2019).

Yoshikata, V. (2015). 'Comfort Women' Denial and the Japanese Right, *The Asia-Pacific Journal*, 13 (30, 2). URL: <https://apjif.org/-Yoshikata-Veki--Norma-Field--Tomomi-Yamaguchi/4350/article.pdf> (accessed: 25 July, 2019).

А.Л. Поленова

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНДР В ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Современная структура международных отношений характеризуется децентрализацией, которая подразумевает не столько полицентричность или появление вариации на тему биполярности, сколько изменение критериев державности, мощи. Наблюдается снижение возможности сильных государств влиять на мировую политику и относительное увеличение структурного потенциала прочих акторов. В то же время наличие в системе международных отношений государств, которые по каким-либо причинам маргинализированы, стимулирует их создавать неформальные группы, основанные на принципе идеологической близости.

Эти тенденции формируют запрос на альтернативное лидерство. КНДР имеет шанс заполнить эту нишу по нескольким причинам. Пхеньян обладает чётко сформулированными представлениями об изменениях, которые должна, по его мнению, претерпеть система международных отношений. В их число входит отказ от альянсов с более могущественными странами, переориентация на сотрудничество в формате Юг-Юг, проведение государствами независимой внешней политики, а также увеличение видимости развивающихся государств, стран Латинской Америки и Африки в мировой политике; КНДР также поддерживает реформу Совета Безопас-

ности ООН. Структурный потенциал Пхеньяна определяется и его вовлечённостью в процесс урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова, которое представляется целесообразным рассматривать в контексте трансформации режима ядерного нераспространения.

Ключевые слова: внешняя политика КНДР, система международных отношений, структурный потенциал, державность.

Автор: Поленова Анна Львовна, младший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН. E-mail: polenova.a.l@my.mgimo.ru

A.L. Polenova

DPRK in a decentralized system of international relations

Abstract. Modern IR system is often described as decentralized, which is not necessarily polycentric or with one or more bipolarities, but is characterized by new understanding of power criterion. Capability to influence world politics diminishes by greater states and moves to smaller actors. At the same time marginalized countries tend to create informal ideology-based alliances. Those two trends shape a niche for an alternate leadership, which DPRK may fill due to several reasons. North Korea successfully articulates its vision of ideal international relations system, that is giving up on bandwagoning with stronger counterparts, focusing on South — South cooperation, being independent in foreign policy field. DPRK also backs the UNSC reform, which should make Latin American and African countries more visible and included in world politics. Pyongyang's structural power is as well a result of North Korea's involvement into solving nuclear problem of Korean peninsula, which is a part of a bigger issue that is nuclear nonproliferation regime change.

Keywords: North Korean foreign policy, IR system, structural power, power criteria.

Author: Anna L. POLENOVA, junior research fellow, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: polenova.a.l@my.mgimo.ru).

В настоящий момент в экспертном сообществе нет единого мнения относительно структуры систем международных отношений на современном этапе; более или менее общим местом, впрочем, является то, что для неё характерна некоторая децентрализация.

Под этим в данном случае стоит понимать не столько вопрос о формировании новой биполярности (одной или нескольких) или полицентричности, сколько трансформацию понимания характеристик державности, мощи и т. д. Отечественные [Богатуров] и зарубежные [Volgy, etc.] теоретики отмечают, что в последнее время происходил рост индивидуальной мощи (военной, экономической) сильных стран при сокращении их способности воздействовать на структуру. Увеличивается также значение легитимации действий держав широким кругом их союзников [Истомин, Байков]. Иными словами, меняется роль наиболее сильных игроков в принятии решений по вопросам международного значения. В то же время при снижении структурной мощи сильнейших акторов другие государства получают больше возможностей зарекомендовать себя в качестве альтернативных лидеров. В международной среде, в свою очередь, может вырасти запрос на демократизацию международных отношений и принятия решений по важнейшим вопросам, который позволит им реализовать новые возможности.

В этих условиях есть несколько причин полагать, что КНДР имеет потенциал влияния на структуру международных отношений (МО) — и может реализовать его в перспективе. Пхеньян стремится сформулировать собственное видение устройства МО, которое должно характеризоваться децентрализацией мировой политики, отказом от альянсов с державами, высоким уровнем независимости государств во внешней политике, акцентом на взаимодействие по принципу Юг—Юг, большей вовлечённостью в мировые процессы стран «третьего мира». Порядок, основанный на таких принципах, МИД КНДР в своих заявлениях характеризует как «порядок, основанный на справедливости». В 2019 г. данная концепция была закреплена объёмным сообщением северокорейского внешнеполитического ведомства [*Striving for Realization...*], а впоследствии также представлена в выступлении председателя Президиума Верховного Народного Собрания Чхве Рен Хэ на конференции Движения неприсоединения (25—26 октября 2019 г., Баку, Азербайджан) [*Choe Ryong Hae Makes Speech...*]. При этом видение структуры международных отношений, которое транслирует Пхеньян в своих заявлениях, соответствует десяти принципам мирного сосуществования и ме-

ждународных отношений [*Asia-Africa speak from Bandung*], принятым на Бандунгской конференции 1955 г., предшествовавшей созданию Движения неприсоединения. Северная Корея поддержала принципы Бандунгской конференции, а впоследствии стала участницей Движения [*Торкунов, Денисов, Лу*]. Международные связи, основы которых были заложены в 1970-х годах, сохраняются и сейчас: если рассматривать внешнеполитическую активность Пхеньяна, не связанную с РК, РФ, Китаем и США, значительное внимание уделено именно другим «неприсоединившимся» государствам. Проанализировав трёхлетний период (2018 — год «Олимпийского потепления», а также год до этого и год после) по сообщениям МИД КНДР, можно заметить, что число упоминаемых стран варьируется следующим образом: в 2017 г. 59 государств (из них 38 в Движении неприсоединения), в 2018 г. — 66 государств (из них 50 в Движении неприсоединения), в 2019 г. 66 государств (из них 46 в Движении неприсоединения). Гораздо более заметна динамика в количестве и составе стран, отношения с которыми отмечаются особо, в сообщениях МИД о деятельности Ким Чен Ына: в 2017 г. — 29 государств (из них 26 «неприсоединившихся»), в 2018 г. — 5 государств (из них в Движение не входит только Россия), в 2019 г. — 52 государства (из них 44 — в Движении неприсоединения). Такие изменения можно объяснить сменой приоритетов Пхеньяна в год «Олимпийского потепления»: в обстановке повышенного внимания к внешней политике Северной Кореи и концентрации на новых задачах (выстраивании диалога с Сеулом и Вашингтоном) акцентировались лишь связи с ключевыми партнёрами (Куба, Лаос, РФ, Сирия и Сингапур — последний является скорее исключением, так как упоминается в связи с поездкой Ким Чен Ына и организацией американо-северокорейского саммита).

Говоря о восприятии Пхеньяном системы международных отношений, стоит охарактеризовать и его оценку важнейших институтов, структурирующих мировое пространство. Одним из таких институтов является Совет Безопасности ООН — и в данном случае представляется важным осветить отношение Пхеньяна к возможной реформе Совета. КНДР неоднократно выражала свою позицию по данному вопросу, подчёркивая, что нынешний состав Совета Без-

опасности не соответствует требованиям современности: необходимо расширить круг наблюдателей в СБ таким образом, чтобы в Совете были представлены развивающиеся государства и государства-члены Движения неприсоединения: это сделало бы процесс обсуждения более демократичным. При этом, по мнению КНДР, нельзя допускать Японию в круг постоянных членов Совета. Решения СБ ООН регулярно подвергаются критике за игнорирование принципов Хартии ООН, а также за двойные стандарты [*DPRK's Stand on Reform...; DPRK Permanent Representative...*].

Иными словами, Пхеньян стремится концептуализировать свои представления об идеальной структуре международных отношений, опираясь на собственный опыт взаимодействия с другими акторами.

Пхеньян может завоевать поддержку себе и своей позиции со стороны других государств, а также приблизить себя к позиции альтернативного лидера, оперевшись на одну из тенденций, зафиксированных отечественными теоретиками: стремление государств (преимущественно незападных), стигматизируемых по разным причинам, искать стратегии балансирования, например, формировать в качестве противовеса неформальные инклюзивные группы, базирующиеся на принципе идеологической близости [*Истопин*]. КНДР, опять же, имеет здесь некоторое преимущество как государство с идеологически заряженной риторикой.

Способность занять нишу альтернативного лидера (не новой державы, а скорее лидера изгоев) подкрепляется в случае Пхеньяна статусом государства-обладателя ядерного оружия. В данном случае важна даже не теоретическая возможность его применения, а то, какую роль КНДР может в будущем сыграть в становлении международных норм. По мнению экспертов маловероятно, что Северная Корея решится на отказ от ядерного оружия даже в случае дальнейшего развития переговорного процесса. Это тем более важно в условиях, когда назревает необходимость изменения существующего режима ядерного нераспространения. У КНДР таким образом появляется возможность задать тон обсуждения по вопросам безопасности на общемировом уровне: если урегулирование ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП) будет происходить отдельно от поиска нового формата режима ядерного нераспространения, оно

не даст долгосрочного результата, а предложит лишь временное решение.

Иными словами, КНДР обладает некоторым, довольно нестандартным потенциалом преобразования структуры международных отношений. В настоящее время может быть сформирован запрос на альтернативное лидерство, и Северная Корея может ответить на этот запрос.

Наращение такого структурного потенциала позволяет Пхеньяну изменить своё место в системе международных отношений с точки зрения классификации стран. Даже при том, что квантифицируемые характеристики (например, площадь, показатели экономического развития, запасы ресурсов и др.) КНДР весьма скромны и типичны скорее для малого государства, поведенческим критериям стран этой категории Северная Корея не соответствует: она не располагает явной военной поддержкой иного государства. Дискуссии вызывает и степень влияния мирового сообщества на решения Пхеньяна (показательным в этом контексте является вопрос об эффективности санкций Совета Безопасности ООН в отношении КНДР и их роли в изменении КНДР переговорной позиции — например, в 2018 г.). К тому же КНДР не воспринимается другими акторами как малое государство — и сама не видит себя таковым. Под определение средней державы она также не подходит и по квантифицируемым показателям (экономические показатели слабоваты, в то время как военный потенциал значительно больше, чем характерно для государства такого типа, за счёт наличия у Пхеньяна ядерного оружия). К тому же КНДР в противоположность средним державам весьма критически оценивает статус-кво на международной арене. В заявлениях северокорейских госслужащих и в печати регулярно появляется критика структуры международных отношений, призывы к странам «третьего мира» сконцентрироваться на сотрудничестве в формате Юг-Юг вместо попыток ассоциации с крупными державами, проводить более самостоятельную политику.

Таким образом, Пхеньян больше похож на ассиметрично развитую региональную державу. Вопрос экономического развития КНДР при этом приходится выносить за скобки: в условиях жёсткого санкционного давления и отсутствия возможности более активно участ-

вывать в экономической жизни региона и более глубоко интегрироваться в мировую экономику сложно оценить потенциал Пхеньяна.

В то же время КНДР является членом ядерного клуба, пусть и неофициальным, его действия в значительной степени влияют на позиции стран региона. Северная Корея, последовательно реализуя свою внешнеполитическую стратегию, смогла сохранить независимость своей внешней политики и нарастить военный потенциал. Роль КНДР в формировании политики в области безопасности на региональном и глобальном уровнях, а также её способность к ситуативному сближению с внешнеполитическими партнёрами, несомненно, играют ей на руку.

В случае, если Пхеньяну удастся эффективно воспользоваться своими преимуществами, распространить собственное видение структуры международных отношений, более активно участвовать в урегулировании глобальных проблем, в числе которых решение вопроса о формате режима ядерного нераспространения, наука о международных отношениях сможет развить свои представления о природе мощи и державности [*Luciano Zaccara*]. В практическом же измерении это может стать шагом на пути к размыванию монополии крупных государств на урегулирование глобальных вопросов в сфере безопасности, а также к демократизации мировой политики.

Библиографический список

Богатуров А.Д. «Конфликты децентрализации» мировой системы // Экономика и политика в современных международных конфликтах / отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 26.

Истомин И.А., Байков А.А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 1. 2019. С. 38. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48.

Истомин И.А. Всесильно, потому что верно? Истоки политического мессианства и судьба либерализма // Россия в глобальной политике. 28.08.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/number/vsesilno-potomu-chto-verno-20178> (дата обращения: 18.11.2019).

Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 274.

Asia-Africa speak from Bandung // The Ministry of Foreign Affairs, Republic of Indonesia. Djakarta: 1955. P. 161—169.

Choe Ryong Hae Makes Speech at 18th NAM Summit // Ministry of Foreign Affairs Democratic People's Republic of Korea. 29.10.2019. URL: <http://www.mfa.gov.kp/en/choe-ryong-hae-makes-speech-at-18th-nam-summit/> (дата обращения: 20.11.2019).

DPRK Permanent Representative Clarifies Position on UNSC Reform // Ministry of Foreign Affairs Democratic People's Republic of Korea. 04.02.2019. URL: <http://www.mfa.gov.kp/en/dprk-permanent-representative-clarifies-position-on-uns-c-reform/> (дата обращения: 20.11.2019).

DPRK's Stand on Reform of UNSC Clarified // Ministry of Foreign Affairs Democratic People's Republic of Korea. 12.11.2017. URL: <http://www.mfa.gov.kp/en/dprks-stand-on-reform-of-uns-c-clarified/> (дата обращения: 20.11.2019).

Luciano Zaccara. Iran's Permanent Quest for Regional Power Status // J. Braveboy-Wagner (ed.). *Diplomatic Strategies of Nations in the Global South*. Palgrave Macmillan. 2016. P. 183.

Striving for Realization of Genuine International Justice Holds Principal Position in Foreign Policy of Democratic People's Republic of Korea (DPRK) // Ministry of Foreign Affairs Democratic People's Republic of Korea. 16.05.2019. URL: <http://www.mfa.gov.kp/en/striving-for-realization-of-genuine-international-justice-holds-principal-position-in-foreign-policy-of-the-democratic-peoples-republic-of-koreadprk/> (дата обращения: 20.05.2019).

Volgy T.J., Kanthak K., Frazier D. and Ingersoll R.S. Structural versus Relational Strength: The Cohesion of the G7 and the Development of the Post-Cold War International System (Paper prepared for delivery at the Fifth Annual Pan European International Conference, September 9—11, 2004, The Hague).

References

Asia-Africa speak from Bandung // The Ministry of Foreign Affairs, Republic of Indonesia. Djakarta: 1955. P. 161—169.

Bogaturov A.D. “Konflikty detsentralizatsii” mirovoy sistemy [‘Decentralization conflicts’ in world system] // *Ekonomika i politika v sovremennykh mezhdunarodnykh konfliktakh* [Economics and Politics in contemporary international conflicts] / Ed. Bogaturov A.D. M.: Izdatelstvo LKI, 2008. P. 26.

Choe Ryong Hae Makes Speech at 18th NAM Summit // Ministry of Foreign Affairs Democratic People's Republic of Korea. 29.10.2019. URL: <http://www.mfa.gov.kp/en/choe-ryong-hae-makes-speech-at-18th-nam-summit/> (accessed: 20 November, 2019).

Istomin I.A., Baykov A.A. Dinamika mezhdunarodnykh alyansov v neravnovesnoy mirivoy sisteme [International alliances' dynamics in an imbalanced world system] // Mirovaya ekonomika I mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]. Vol. 63. № 1. 2019. P. 38. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48.

Istomin I.A. Vsesil'no potomu chto verno? [All-powerful because it is right?] // Rossiya v global'noy politike [Russia in global politics]. 28.08.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/number/vsesilno-potomu-chto-verno-20178> (accessed: 18 November, 2019).

Luciano Zaccara. Iran's Permanent Quest for Regional Power Status // J. Braveboy-Wagner (ed.). Diplomatic Strategies of Nations in the Global South. Palgrave Macmillan. 2016. P. 183.

Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.F. Koreyskiy poluostrov: metamorfozy poslevoennoy istorii [Korean peninsula: postwar history metamorphosis]. M.: OLMA Media Grup, 2008. P. 274.

Striving for Realization of Genuine International Justice Holds Principal Position in Foreign Policy of Democratic People's Republic of Korea (DPRK) // Ministry of Foreign Affairs Democratic People's Republic of Korea. 16.05.2019. URL: <http://www.mfa.gov.kp/en/striving-for-realization-of-genuine-international-justice-holds-st-incipal-position-in-foreign-policy-of-the-democratic-peoples-republic-of-koreadpri/> (accessed: 20 May, 2019).

Volgy T.J., Kanthak K., Frazier D. and Ingersoll R.S. Structural versus Relational Strength: The Cohesion of the G7 and the Development of the Post-Cold War International System (Paper prepared for delivery at the Fifth Annual Pan European International Conference, September 9—11, 2004, The Hague).

М.А. Лысенко

НЕТРАДИЦИОННЫЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ СРВ

Аннотация. В данной статье анализируются нетрадиционные угрозы безопасности СРВ. Прежде всего, с опорой на работы исследователей безопасности, автором предлагается определение нетрадиционных угроз безопасности, используемое в данном исследовании. Значительное внимание в работе уделено проблеме экологической безопасности СРВ. Проанализированы такие аспекты, как загрязнение воздуха и загрязнение водных пространств, меры властей СРВ для смягчения их последствий. Также определена актуальность проблемы энергетической безопасности для СРВ. С позиции угроз безопасности СРВ рассмотрены деятельность правозащитных организаций и рост националистических настроений. Кроме того, в работе определены нетрадиционные угрозы безопасности, которые не являются актуальными для СРВ на современном этапе.

Ключевые слова: СРВ, Вьетнам, безопасность, нетрадиционные угрозы безопасности, экологическая безопасность, энергетическая безопасность, национализм.

Автор: Лысенко Максим Андреевич, студент магистратуры, факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.
E-mail: lysenkom63@gmail.com

М.А. Lysenko

Non-traditional Security Threats to Socialist Republic of Vietnam

Abstract. In this article non-traditional security threats to SRV are analyzed. First of all, with the citation of papers of the researchers in the

sphere of security the author offers the definition of non-traditional security threats that is used in this paper. The author puts emphasis on ecological security of SRV. Such aspects as air and water pollution and ecological policy of SRV authorities are analyzed. Besides, the significance of the problem of energy security for SRV is determined. The activities of human rights organizations and the rise of nationalism are estimated from the perspective of security threats. Moreover, non-traditional security threats that are insignificant to SRV nowadays are determined.

Keywords: SRV, Vietnam, security, non-traditional security threats, ecological security, energy security, nationalism.

Author: Maksim A. LYSENKO, Master's degree student, Faculty of World Economy and International Affairs, NRU HSE (e-mail: lysenkom63@gmail.com).

В настоящее время в связи со смещением центра мировой экономики и мировой политики в АТР нарастают вызовы традиционной безопасности для стран региона, связанные с наращиванием военных потенциалов и ростом противоречий между государствами АТР. Вместе с тем, наряду с вызовами традиционной безопасности всё большую роль играют вызовы нетрадиционной безопасности. В данном докладе будут определены и проанализированы угрозы в сфере нетрадиционной безопасности СРВ, как одного из наиболее быстроразвивающихся государств ЮВА.

Перед анализом нетрадиционных вызовов безопасности СРВ, стоит обратиться к самой концепции термина «нетрадиционные угрозы безопасности». Так, по мнению таких исследователей как Д. Юинг и М. Кабаллеро-Энтони, нетрадиционные угрозы безопасности — это вызовы «в продовольственной, энергетической, климатической сферах и сфере здравоохранения, которые представляют угрозу для социально уязвимых групп населения и для будущего прогресса, от которого зависят общества в разных странах мира» [Ewing, Caballero-Anthony]. В свою очередь исследователь Д. Сриканс определяет нетрадиционные угрозы безопасности, как угрозы, исходящие от негосударственных акторов международных отношений, к примеру, террористических организаций и наркокартелей, а также подчёркивает влияние развития технологий на появление угроз в киберпространстве [Srikanth]. Опираясь на рассмотренные выше по-

зиции, в данном исследовании нетрадиционные угрозы безопасности будут определены как угрозы, носящие невоенный характер и не исходящие от государственных акторов международных отношений.

Среди рассматриваемых вызовов необходимо выделить проблему экологической безопасности, которая, по мнению автора, является одной из ключевых для СРВ. В соответствии с Global Climate Risk Index 2019, обобщающими данные с 1998 по 2017 гг., СРВ в 2017 г. занимала 6-ю позицию [Eckstein, Hutfigs, Wings] среди государств, которые в наибольшей степени затронуты изменениями климата. Отмечается, что в 2017 г. СРВ нанесли значительный ущерб тайфуны, штормы, засухи и наводнения, принеся жертвы среди населения, разрушившие жилые дома и инфраструктурные объекты и нарушившие водоснабжение [Eckstein, Hutfigs, Wings]. Ежегодный ущерб экономике СРВ от природных бедствий составляет около 1,5 % ВВП [Ensuring Environmental Security in Vietnam]. В долгосрочной перспективе можно отметить, что повышение уровня Мирового океана несёт угрозу затопления ряду провинций СРВ, располагающей протяжённой береговой линией.

Также нельзя отрицать, что климатические изменения могут оказать негативное влияние на сферу сельского хозяйства, которое играет важную роль в экономике СРВ. В частности, выращивание риса и кофейного дерева возможно только в специфических климатических условиях, чувствительных к изменению количества осадков и другим параметрам. К примеру, повышение солёности воды в дельте Меконга привело к снижению урожайности риса на 1,1 млн тонн [Vietnam — Environment].

Проблемой, важность которой постепенно увеличивается, является загрязнение воздуха в крупных городах, таких как Ханой, Хошимин, Хайфон. Данное явление обусловлено рядом причин. Прежде всего, в силу активного развития экономики СРВ и в особенности её промышленности, значительно выросло энергопотребление и необходимое для его удовлетворения производство энергии. За последние 10 лет потребление угля в СРВ выросло в три раза, а потребление нефти — на 70 % [Pritesh]. Рост населения и его доходов также способствовали более активному использованию средств транспорта, прежде всего, мопедов, в крупных городах. Важно подчеркнуть,

что системы очистки выхлопных газов на мопедах или мотоциклах активно не используются, что увеличивает экологический ущерб, наносимый ими. На важность проблемы загрязнения воздуха транспортными средствами в крупных городах указывает также тот факт, что в 2019 г. публично обсуждалась [*Doan Loan, Ba Do*] возможность запрета использования мопедов в Ханое.

Концентрация пыли примерно в 2 раза выше допустимого предела [*Doan Loan, Ba Do*]. Прежде всего, это обусловлено активным использованием мотоциклов и автомобилей населением, а также растущим промышленным потенциалом СРВ. Более 50 % общей земельной площади страны загрязнены. Лишь незначительное число промышленных предприятий располагает очистными сооружениями для водных ресурсов. Отмечается рост заболеваний системы кровообращения, инфекционных заболеваний, а также лёгочных заболеваний.

Другим важным аспектом проблемы экологической безопасности является проблема загрязнения, в первую очередь, морских и речных пространств. Южно-Китайское море является оживлённым морским маршрутом, что оказывает негативное влияние на процесс его загрязнения. Проблема загрязнения особенно актуальна в отношении реки Меконг. Исток данной реки находится в КНР, она протекает по территории всех государств Индокитая, и на территории СРВ находится её дельта, которая, однако, занимает только 28 % территории речной долины. На территорию СРВ приходится нижнее течение реки, именно СРВ поднимает вопрос о загрязнении Меконга, однако в силу вовлеченности в данную проблему нескольких государств достаточно сложно установить, каков вклад каждого отдельного государства в загрязнение реки.

Значительное внимание руководства СРВ к проблемам экологической безопасности обуславливает активное участие СРВ в конференциях ООН по климату, в том числе в конференции в Париже в 2016 г. По итогам участия делегации СРВ в конференции был издан документ «*Intended Nationally Determined Contribution of Viet Nam*», в котором проанализировано международное измерение политики СРВ в сфере экологической безопасности, а также выделены основ-

ные цели в указанной сфере на национальном уровне [*Intended Nationally Determined Contribution of Viet Nam*].

Рассматривая проблему энергетической безопасности, можно отметить, что на современном этапе СРВ почти полностью обеспечена национальными энергетическими ресурсами. Однако в связи с быстрыми темпами роста экономики СРВ, ростом населения, а также постепенным истощением национальных, прежде всего, нефтяных ресурсов, СРВ в обозримом будущем будет вынуждена диверсифицировать энергетическую сферу. Диверсификация энергетической сферы может быть достигнута путём импорта энергетических ресурсов, либо посредством развития ядерной энергетики и технологий возобновляемых источников энергии. Кроме того, использование каменного угля также крайне негативно сказывается на экологической обстановке внутри страны, что уже отмечалось выше.

Среди спектра угроз нетрадиционной безопасности можно также выделить деятельность международных правозащитных организаций. Данные организации, к примеру, Human Rights Watch, аффилированные с западными центрами силы, вмешиваются во внутренние дела СРВ, публикуя неподкреплённую доказательствами негативную информацию об органах государственной власти СРВ. В частности, активно распространяются сведения о преследовании правозащитников и деятелей искусства со стороны полиции СРВ. Кроме того, данные правозащитные организации сотрудничают и поддерживают оппозицию СРВ, в том числе и нелегальные организации, ставя под сомнение успехи и руководящую роль КПВ в управлении СРВ. Деятельность данных организаций может размывать суверенитет СРВ и способствовать появлению социальной напряжённости во вьетнамском обществе.

Также в качестве угрозы нетрадиционной безопасности можно выделить рост национализма во вьетнамском обществе. Специфика вьетнамского национализма заключается в его развитой антикитайской составляющей при слабом развитии негативного отношения к другим народам и государствам. На современном этапе в связи с активной внешней политикой КНР, ростом её экономического присутствия в странах ЮВА, а также территориальным спором СРВ и КНР в отношении островов в Южно-Китайском море, националистические

настроения в СРВ получают всё большее развитие. С одной стороны, государство может использовать данные настроения в качестве объединяющего фактора перед лицом внешней угрозы. С другой стороны, данные настроения служат основной причиной протестной активности в СРВ. В частности, массовые протесты в крупных городах были организованы в 2014 г. по причине агрессивных действий КНР в Южно-Китайском море. Летом 2018 г. после обсуждения правительством СРВ возможности передачи в аренду китайским компаниям некоторых территориальных объектов в крупных городах СРВ были организованы массовые протесты, а также агрессивные действия в отношении китайских граждан, присутствующих в СРВ.

Вместе с рассмотрением нетрадиционных вызовов безопасности СРВ, необходимо указать проблемы, которые не являются актуальными для СРВ, либо были успешно разрешены руководством СРВ:

1) продовольственная безопасность. СРВ выступает крупным экспортёром продовольствия, и данная проблема в обозримой перспективе не является актуальной;

2) проблема терроризма. В СРВ религия играет крайне незначительную роль, что делает возникновение террористических группировок крайне маловероятным;

3) проблема преступности. СРВ является государством с низким уровнем преступности, что обусловлено эффективной системой безопасности;

4) проблема информационной безопасности. Данная проблема не является на современном этапе серьёзным вызовом безопасности, хотя благодаря растущему использованию информационных технологий в СРВ она может стать актуальной в обозримом будущем;

5) проблема миграции. СРВ является в большей степени донором миграционных потоков, а не их реципиентом. Так в соответствии с данными Migration Policy Institute в 2017 г. уровень миграции составил $-0,3$ на 1000 человек [*Country Recourses: Vietnam*], что указывает на сравнительно небольшой отток населения из СРВ.

Таким образом, можно указать, что наиболее актуальной для СРВ является проблема экологической безопасности. Безусловно, важными также являются проблемы энергетической безопасности, дестабилизирующее влияние деятельности международных правоза-

щитных организаций и фактора национализма. Вместе с тем, присутствует ряд нетрадиционных угроз безопасности, не являющихся актуальными для СРВ. В данной работе были определены и проанализированы основные нетрадиционные угрозы безопасности СРВ. Однако анализ политики СРВ в их отношении и действий государственных органов СРВ, направленных на смягчение рисков указанных угроз, остаётся перспективной темой для расширения и углубления исследования в дальнейших работах.

Библиографический список

Country Recourses: Vietnam // Migration Policy Institute, 2019. URL: <https://www.migrationpolicy.org/country-resource/viet-nam> (дата обращения: 09.11.2019).

Doan Loan, Ba Do Experts warn against Hanoi motorbike ban, say public transport not good enough // VNExpress International, March 2019. URL: <https://e.vnexpress.net/news/news/experts-warn-against-hanoi-motorbike-ban-say-public-transport-not-good-enough-3895112.html> (дата обращения: 09.11.2019).

Eckstein D., Hutflits M.L., Winges M. Global Climate Risk Index 2019 // Germanwatch e.V., December 2018. 36 P.

Ensuring Environmental Security in Vietnam // URL: <http://vea.gov.vn/en/EnvirStatus/StateOfEnvironmentNews/Pages/Ensuring-environmental-security-in-Vietnam.aspx> (дата обращения: 09.11.2019).

Ewing J.J., Caballero-Anthony M. Non-Traditional Security in the 21st Century // RSIS Non-Traditional Security (NTS) Year in Review 2013, Centre for Non-Traditional Security (NTS) Studies S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS) Nanyang Technological University, 2013. P. 24—28.

Intended Nationally Determined Contribution of Viet Nam. URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Viet%20Nam%20First/VIETNAM%27S%20INDC.pdf> (дата обращения: 09.11.2019).

Pritesh S. How Air Pollution in Vietnam Affects the Business Environment // Vietnam Briefing, October 2019. URL: <https://www.vietnam-briefing.com/news/air-pollution-vietnam-affects-business-environment.html/> (дата обращения: 09.11.2019).

Srikanth D. Non-Traditional Security Threats in the 21st Century: a Review // International Journal of Development and Conflict № 4 (2014), Gokhale Institute of Politics and Economics, 2014. P. 60—68.

Vietnam — Environment. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/world/vietnam/enviro.htm> (дата обращения: 09.11.2019).

References

Country Recourses: Vietnam // Migration Policy Institute, 2019. URL: <https://www.migrationpolicy.org/country-resource/viet-nam> (accessed: 09 November, 2019).

Doan Loan, Ba Do Experts warn against Hanoi motorbike ban, say public transport not good enough // VNExpress International, March 2019. URL: <https://e.vnexpress.net/news/news/experts-warn-against-hanoi-motorbike-ban-say-public-transport-not-good-enough-3895112.html> (accessed: 09 November, 2019).

Eckstein D., Hutflits M.L., Wings M. Global Climate Risk Index 2019 // Germanwatch e.V., December 2018. 36 P.

Ensuring Environmental Security in Vietnam // URL: <http://vea.gov.vn/en/EnvirStatus/StateOfEnvironmentNews/Pages/Ensuring-environmental-security-in-Vietnam.aspx> (accessed: 09 November, 2019).

Ewing J.J., Caballero-Anthony M. Non-Traditional Security in the 21st Century // RSIS Non-Traditional Security (NTS) Year in Review 2013, Centre for Non-Traditional Security (NTS) Studies S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS) Nanyang Technological University, 2013. P. 24—28.

Intended Nationally Determined Contribution of Viet Nam. URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Viet%20Nam%20First/VIETNAM%27S%20INDC.pdf> (accessed: 09 November, 2019).

Pritesh S. How Air Pollution in Vietnam Affects the Business Environment // Vietnam Briefing, October 2019. URL: <https://www.vietnam-briefing.com/news/air-pollution-vietnam-affects-business-environment.html/> (accessed: 09 November, 2019).

Srikanth D. Non-Traditional Security Threats in the 21st Century: a Review // International Journal of Development and Conflict № 4 (2014), Gokhale Institute of Politics and Economics, 2014. P. 60—68.

Vietnam — Environment. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/world/vietnam/enviro.htm> (accessed: 09 November, 2019).

И.А. Сафронова

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ МНОГОСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. в данной статье автор анализирует комплекс противоречий, тормозящий трансформацию многостороннего сотрудничества на пути к формированию единого механизма взаимодействия в области безопасности.

Ключевые слова: Восточная Азия, АСЕАН, АСЕАН+, многостороннее сотрудничество.

Автор: Сафронова Ирина Алексеевна, аспирант ИДВ РАН.
E-mail: i.safronova@yahoo.com

I.A. Safronova

Problems of institutionalization of multilateral security cooperation in East Asia

Abstract. In this article, the author analyzes the complex of contradictions that inhibits the transformation of multilateral cooperation on the way to develop a comprehensive security framework for the East Asia.

Keywords: East Asia, ASEAN, ASEAN+, multilateral security cooperation, multilateral cooperation.

Author: Irina A. SAFRONOVA, postgraduate student, IFES RAS (e-mail: i.safronova@yahoo.com).

Изменения на глобальном уровне системы, связанные с установлением многополярного миропорядка, подталкивают государства к пересмотру как ранее созданных форматов многостороннего сотрудничества, так и степени своей вовлеченности. Продолжительный процесс изменения баланса сил в Восточной Азии заставляет региональные державы искать новые пути поддержания стабильности, а сложившаяся ранее архитектура безопасности и комплекс форматов и инициатив многостороннего сотрудничества в области безопасности все меньше отвечает потребностям и стратегическим интересам заинтересованных сторон. Наряду с этим, можно констатировать распространение тенденции отказа от идей глобализации, многостороннего сотрудничества в угоду собственных внешнеполитических и внешнеэкономических интересов и превалирования двусторонних договорённостей.

Дифференцированность подходов восточноазиатских стран и внешних игроков к многостороннему сотрудничеству является отличительной особенностью данного процесса. Во-первых, для Восточной Азии характерен формальный тип институционализации. Во-вторых, страны региона имеют устойчивое стремление к установлению системного характера взаимодействия, исключающего любые попытки внешнего вмешательства. В-третьих, последовательная и согласованная работа по созданию координирующих органов (институтов), чаще всего обусловлена выверенной внутрорегиональной повесткой развития.

Рост числа многосторонних форматов взаимодействия был вызван желанием восточноазиатских стран самостоятельно найти баланс с США, однако их количество не трансформировалось в качество — существующие форматы нельзя назвать полноценными институциональными механизмами, для этого больше подойдёт термин «институциональное обрамление». На практике мы видим неготовность стран региона жертвовать достижениями экономического сотрудничества в угоду политических интересов, тем самым подтверждается точка зрения о том, что любые форматы многостороннего взаимодействия, тесно связанные с общей региональной повесткой развития, приводят к снижению напряженности и конфликтности [*Pempel*].

Заявления лидеров США и Китая в последние 4 года, как на полях Восточноазиатского саммита (ВАС), так и на встречах глав государств Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС), говорят об условном разграничении сфер влияния: США стараются сохранить баланс сил в военно-политическом измерении, в то время как Пекин делает акцент на региональной экономической интеграции и новом «китаецентричном» порядке [*Hutzler*]. Ранее созданные структуры Совецание министров обороны АСЕАН плюс (СМО АСЕАН+), Региональный форум АСЕАН (АРФ) и Восточноазиатский саммит (ВАС) в должной мере перестали отвечать ключевым интересам и возросшему влиянию региональных держав, не только по причине низкой эффективности и следованию принципов «асеаноцентричности» и «пути АСЕАН», а также из-за отсутствия договоренностей между Пекином и Вашингтоном по поводу параметров участия и лидерства. Вопросы традиционных угроз безопасности все больше регулируются посредством встреч на межправительственном уровне в рамках двустороннего формата [*Zhongping, Jing*].

Работа вышеназванных форматов под руководством АСЕАН для самой ассоциации не принесла должных успехов в отстаивании собственных интересов перед региональными державами, тем самым в некоторой степени подрывая авторитет самой ассоциации и так называемую идею «асеаноцентричности», давая понять заинтересованным в многостороннем сотрудничестве сторонам, что практически все действующие форматы и их последующее функционирование и развитие есть отражение позиций региональных лидеров относительно той или иной сферы (в качестве примера РВЭП и ВПТТП).

Формирование и выделение нового политико-экономического региона (Индо-Тихоокеанский регион) и соответствующего Четырехстороннего диалога — США, Япония, Индия, Австралия (The QUAD)*, на данный момент исключающего участие Китая и других важных игроков ВА, приведет к изменению региональной стабильности и увеличению общего числа политических противоречий. Открытым является вопрос участия не только стран ЮВА, но и группировки АСЕАН как отдельного члена. Актуальным становится во-

* Четырехсторонний диалог США, Японии, Индии, Австралии.

прос о ранее созданных форматах и инициативах, их последующем функционировании и возможном инкорпорировании в систему QUAD. В сентябре и ноябре 2019 г. состоялись первые консультации диалога, которые в целом не прояснили ряд вопросов, но подтвердили приверженность «открытости», главенству международного права и отсутствие стремления занять место АСЕАН в регионе.

23 июня 2019 г. АСЕАН представила геостратегический документ «Перспективы АСЕАН в отношении Индо-Тихоокеанского региона» [*ASEAN Outlook...*]. Члены ассоциации изложили свое виденье в системе QUAD, как одного из главных и незаменимых элементов новой региональной архитектуры безопасности, не только в силу географического положения большинства стран АСЕАН, но и по причине наличия позитивной практики, приобретенной в рамках структур ВАС, АРФ и СМО АСЕАН+. Формат ВАС может быть взят за основу для последующего формата многостороннего сотрудничества в рамках ИТР. На данный момент практически у всех сторонников ИТР и американского подхода есть понимание невозможности проводить работу по региональной безопасности, ограничившись только четырехсторонним форматом. Несмотря на конструктивную позицию относительно последующих неизбежных перемен, на саммите вопрос касательно существующих территориальных споров в ЮКМ и ВКМ был обойден по причине заинтересованности в принятии нового кодекса поведения сторон в ЮКМ, любые резкие и бескомпромиссные заявления могут негативно повлиять на переговорный процесс с китайской стороной.

Страны АСЕАН крайне обеспокоены акцентуацией на военно-стратегическом аспекте формата, характеризуя происходящее новой игрой с нулевой суммой, изобилующей отсутствием доверия между всеми сторонами, не смотря на видимое сближение и рост взаимодоверия между США, Австралией, Японией и Индией. Для Индонезии (в контексте превращения в «Морскую опору») и большинства стран ассоциации, QUAD рассматривался как коалиция внешних игроков без всеобъемлющего участия АСЕАН [*Revisiting Jokowi's...*]. Именно поэтому при разработке документа «Перспективы АСЕАН в отношении Индо-Тихоокеанского региона» было крайне важно уделить внимание консенсусу между всеми заинтересованны-

ми сторонами и инклюзивности, как основополагающим принципам создания/работы любого многостороннего формата взаимодействия. Однако данный документ вовсе не дал конкретного представления о том, как АСЕАН и большинство стран ЮВА видят сам формат многостороннего сотрудничества в области безопасности. Демонстративно избегая темы институционализации, дальнейшей работы таких механизмов как ВАС АРФ и СМО АСЕАН+, АСЕАН еще раз продемонстрировала принцип «путь АСЕАН», тем самым породив еще одну дискуссию: насколько все стороны готовы понимать друг друга и все ли вкладывают одинаковый смысл в такие понятия как «открытый» и «свободный» Индо-Тихоокеанский регион.

На данный момент можно сделать вывод о наличии трех главных траекторий развития многостороннего сотрудничества в области безопасности, реализация которых будет полностью зависеть от последующей динамики соперничества США и Китая и усиления в нем конфликтной составляющей и той позиции, которая будет принята либо группировкой АСЕАН, либо отдельными странами ассоциации (автор предполагает, что позиция членов не будет кардинально отличаться от той, которую они имеют на сегодняшний день).

1. Сохранение текущих форматов многостороннего сотрудничества на базе АСЕАН с привлечением внешних игроков региона и поэтапной институционализацией форматов АРФ — СМО АСЕАН+8 — ВАС и последовательной трансформации данного треугольника в одну структуру.

2. Вариант Вашингтона — возможная будущая структура ИТР, вовлекающая внешних игроков других субрегионов Большой Восточной Азии, поддержанная системой военно-политических альянсов hub-and-spoke system. Данный вариант может иметь негативные последствия из-за наличия политических дисбалансов стран Южной Азии, а также конфликтной составляющей в отношениях Индии и Китая, Индии и Пакистана, Китая и Японии. Снижение приоритетности текущих военно-политических угроз Восточной Азии в рамках структуры, продвигаемой США, может дестабилизировать обстановку в регионе.

3. Альтернативный вариант — развивающийся в рамках региона Восточная Азия с привлечением внешних игроков, уже участвующий

ших в многосторонних структурах взаимодействия. За основу может быть взят формат «шестисторонних переговоров».

Экономический контекст — большинство стран, участвующих в тех или иных форматах регионального экономического сотрудничества (АТЭС, АСЕАН, АСЕАН+, ВПТП, РВЭП), воспринимает текущее положение дел в АТР, как наиболее подходящую среду для последующего экономического роста и устойчивого развития региона. Стремясь поддержать и сохранить благоприятные политические условия, решение насущных вопросов политики и безопасности все чаще стало осуществляться посредством двустороннего формата взаимодействия, возведенного в ранг стратегического партнерства, тем самым снижая уровень взаимодоверия не только между региональными лидерами, но и внутри самой АСЕАН. В качестве примеров позитивных практик можно рассмотреть работу АТЭС и форматов АСЕАН плюс, которые в некоторой степени заложили прочный фундамент для многостороннего сотрудничества в целом, принимая во внимание дифференцированность политико-экономического развития стран региона и общее стремление к региональному экономическому развитию.

На 35-м саммите АСЕАН, вопросы экономической нестабильности, набирающего рост протекционизма и антиглобализма, подвели к новому осмыслению совместной позиции относительно дальнейшей работы над РВЭП, так и форматом АСЕАН+3, ставшего вновь актуальным в свете идеи Пекина ускорить подписание соглашения [*India rejects RCEP...*]. Данная работа крайне важна для сохранения ассоциации как ядра региональной экономической интеграции. В свою очередь, отстаивания новой реформы ВТО и снижение издержек от затянувшейся торговой войны между Пекином и Вашингтоном должны стать дополнительным стимулом для поддержания уровня внутренней интеграции внутри самой ассоциации. Окончание переговорного процесса по РВЭП и подписание соглашения между всеми странами может стать отражением позиции АСЕАН по поводу того, как должен выглядеть региональный порядок в АТР/ИТР*. Несмотря на общий настрой большинства стран

* В ноябре 2019 г. Индия вышла из переговорного процесса по РВЭП.

региона по поводу изменений на разных уровнях системы, связанных в первую очередь с распределением силы между глобальными игроками, есть все основания считать, что экономическая безопасность и продолжение торговой либерализации, поддержанная большинством стран региона в рамках АТЭС и АСЕАН плюс, поможет поддерживать должный уровень стабильности и стать тем самым фундаментом, на котором будет основан новый формат сотрудничества по вопросам политики и безопасности в АТР/ИТР.

Библиографический список

Hutzler C. How China plans to shape new Asian order // Market Watch, 28.03.2015. URL: <http://www.marketwatch.com/story/how-china-plans-to-shape-new-asian-order-2015-03-28> (дата обращения: 10.12.2019)

Feng Zhongping, Huang Jing. China's strategic partnership diplomacy: engaging with a changing world. EUROPEAN STRATEGIC PARTNERSHIPS OBSERVATORY. WORKING PAPER 8 (2014).

India rejects RCEP as 15 other countries look to sign trade pact in 2020. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/india-rejects-rcep-as-15-other-countries-ok-to-sign-trade-pact-in-2020> (дата обращения: 26.11.2019)

Revisiting Jokowi's global maritime fulcrum. URL: <https://www.thejakartapost.com/academia/2019/04/30/revisiting-jokowis-global-maritime-fulcrum.html> (дата обращения: 20.11.2019).

Pempel T.J. Soft Balancing, Hedging, and Institutional Darwinism: The Economic-Security Nexus and East Asian Regionalism. Journal of East Asian Studies 10 (2010) URL: <https://doi.org/10.1017/S1598240800003441> (дата обращения: 04.02.2019).

Перспективы АСЕАН в отношении Индо-Тихоокеанского региона. URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22_062019.pdf (дата обращения: 28.08.2019).

References

ASEAN Outlook on the Indo Pacific. URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (accessed: 28 August, 2019).

C. Hutzler How China plans to shape new Asian order // Market Watch, 28.03.2015. URL: <http://www.marketwatch.com/story/how-china-plans-to-shape-new-asian-order-2015-03-28> (accessed: 10 December, 2019).

Feng Zhongping, Huang Jing. China's strategic partnership diplomacy: engaging with a changing world. EUROPEAN STRATEGIC PARTNERSHIPS OBSERVATORY. WORKING PAPER 8, p. 8, 06.2014.

India rejects RCEP as 15 other countries look to sign trade pact in 2020. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/india-rejects-rcep-as-15-other-countries-look-to-sign-trade-pact-in-2020> (accessed: 26 November, 2019).

Revisiting Jokowi's global maritime fulcrum. URL: <https://www.thejakartapost.com/academia/2019/04/30/revisiting-jokowis-global-maritime-fulcrum.html> (accessed: 20 November, 2019).

T. J. Pempel. Soft Balancing, Hedging, and Institutional Darwinism: The Economic-Security Nexus and East Asian Regionalism. *Journal of East Asian Studies* 10 (2010) URL: <https://doi.org/10.1017/S1598240800003441> (accessed: 04 February, 2019).

К.А. Корнеев

ВНУТРЕННЯЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ

Аннотация. За минувшее десятилетие подходы к формированию внутренней энергетической политики Японии претерпели серьёзные изменения по сравнению с периодом 1990-х — 2010-х гг. Этому есть несколько причин. Во-первых, вывод из эксплуатации подавляющего большинства атомных электростанций после аварии на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г., на которых вырабатывалось порядка 30 % всей генерируемой в стране электроэнергии; во-вторых, активное развитие технологий возобновляемой энергетики, в результате чего существенно снизилась стоимость оборудования и появилась возможность коммерческого распространения генераторов, работающих на основе ВИЭ; в-третьих, серьёзно изменились оценки структуры энергетических отраслей до 2035 г. в сторону уменьшения доли ископаемого топлива в энергопотреблении по экологическим и экономико-социальным причинам.

Таким образом, в статье рассматриваются и анализируются новые принципы, на основе которых планируется развитие энергетической отрасли Японии в долгосрочной перспективе. Понимание этих процессов будет способствовать более точным определениям и в области энергетического сотрудничества в регионе Восточной Азии, где роль Японии, одного из крупнейших мировых импортёров энергоресурсов, весьма велика. Актуальность настоящего исследования заключается в комплексной оценке энергетических проблем,

с которыми так или иначе сталкиваются все страны Восточной Азии, но Япония, благодаря накопленному опыту и активному внедрению современных технологий, по праву считается лидером в области разработки и внедрения эффективной энергетической политики.

Ключевые слова: Япония, энергетическая политика, энергетические рынки, либерализация электроэнергетики, возобновляемая энергетика, безуглеродный транспорт.

Автор: Корнеев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН. E-mail: k_korneev@mail.ru

К.А. Корнеев

Japan's domestic energy policy: a new phase of development

Abstract. Over the past decade, approaches to the formation of Japan's domestic energy policy have undergone major changes compared to the period of the 1990s-2010s. There are several reasons for this. First, the decommissioning of the vast majority of nuclear power plants after the Fukushima Daiichi nuclear disaster in March 2011, which produced about 30 % of all electricity generated in the country; second, the rapid development of renewable energy technologies, resulting in significantly decreased cost of equipment and the opportunity of commercial distribution for such technologies; thirdly, seriously changed evaluations of the energy sector structure up to 2035 in the direction of lowering the share of fossil fuel consumption because of environmental, economic and social reasons.

Thus, the article discusses and analyzes the new principles and plans of Japan's energy industry development in the long term. An understanding of these processes will contribute to more precise definitions in the field of energy cooperation in the East Asian region, where the role of Japan, one of the world's largest importers of energy resources, is very significant. The relevance of this study is determined by a comprehensive assessment of the energy problems faced by all countries in East Asian region; but Japan, due to the accumulated experience and active introduction of modern technologies, is considered to be a leader in the development and implementation of effective energy policy.

Keywords: Japan, energy policy, energy markets, liberalization of electric power industry, renewable energy, low-carbon transport.

Author: Konstantin A. KORNEEV, PhD (World History), Senior Researcher at Centre for Japanese Studies of Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: k_korneev@mail.ru)

Ключевое значение для Японии имеет энергетическая безопасность. Страна более чем на 90 % зависит от импорта энергоносителей и, несмотря на продолжающееся с середины 2000-х постепенное снижение этой зависимости, по-прежнему несёт убытки от колебаний цен на мировых энергетических рынках. Неопределённое будущее атомной энергетики также усложняет ситуацию. Если до событий 2011 г. основной энергетический план Японии подразумевал увеличение доли АЭС в выработке электроэнергии до 40 % к 2030 г., то в последующей его редакции в 2014 г. этот показатель упал до 1—2 %. Выбывшие мощности предполагалось заместить за счёт солнечной и ветроэнергетики, вкуче с развитием интеллектуальных систем энергосбережения [*Kobayashi*]. В настоящий момент на территории Японии действуют 8 реакторов на 5 станциях, однако, по мере завершения срока их эксплуатации до конца 2030-х годов, они будут законсервированы.

Поскольку, по вышеописанным причинам, основная нагрузка по снабжению электроэнергией промышленности, коммунально-бытового и коммерческого секторов легла на тепловые станции, работающие на угле, нефтепродуктах и природном газе, возникла проблема соблюдения Парижских соглашений об изменении климата в части допустимых выбросов углекислого газа в атмосферу. Япония ответственно относится к соблюдению международных соглашений, поэтому правительство увидело выход в либерализации электроэнергетической отрасли и введении «зелёного» тарифа для частного бизнеса в сфере возобновляемой генерации. Третьим важным направлением стало распространение в стране безуглеродного транспорта, работающего на электродвигателях или на водородных топливных элементах. Рассмотрим каждое из актуальных направлений развития внутренней энергетической политики Японии по отдельности.

1. Либерализация электроэнергетической отрасли

Реформирование электроэнергетики в Японии началось в середине 1990-х на фоне затяжного экономического спада с целью повысить деловую активность в отрасли и частично внедрить рыночные механизмы как более эффективные согласно опыту подобных реформ в США и некоторых странах ЕС (Германия, Великобритания).

Появилось понятие «независимый производитель электроэнергии (НПЭ)», были внесены поправки в ключевой закон «Об электроэнергетике», которые позволяли НПЭ продавать электроэнергию крупным промышленным и коммерческим потребителям с уровнем напряжения от 20 кил вольт и подключённой нагрузкой от 2 МВт [Asano].

Однако вся электросетевая инфраструктура оставалась под контролем компаний-монополистов, и НПЭ, в число которых в основном вошли собственные ТЭС промышленных предприятий с избытком мощности, сталкивались с бюрократическими преградами в процессе заключения соглашений об эксплуатации сетей. К началу 2000-х доля независимой генерации в Японии составляла около 3 % и не играла существенной роли в энергоснабжении потребителей [Jones, Kim].

В дальнейшем реформы продвигались в сторону снижения уровня напряжения потенциальных потребителей для НПЭ с включением в список объектов среднего и малого бизнеса, небольших коммерческих и офисных зданий и т. д., но оставляя за скобками крупнейшего потребителя — население в городской и сельской местности. Таким образом, реформы носили половинчатый характер и не оказывали практически никакого воздействия на показатели экономического роста, как планировалось изначально. Монопольная структура отрасли сохранялась, и, хотя к 2011 г. НПЭ могли формально обеспечивать электроэнергией до 63 % потребителей, их реальная доля в структуре генерации не превышала 15 % [Akahori].

После аварии на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. темпы либерализации были ускорены ввиду необходимости замещения вышедших мощностей АЭС новыми ТЭС либо генерацией на основе ВИЭ. Государство не располагало достаточными финансовыми ресурсами для массового строительства новых станций взамен остановленных АЭС, требовалось привлечение частного капитала. Для создания соответствующих условий в 2014 г. правительство Японии приняло планы поэтапного реформирования отрасли до 2020 г.

Было запланировано: создание Организации межрегиональной координации передачи электроэнергии (по сути, единого общенационального диспетчерского центра), либерализация рынка рознич-

ной торговли электроэнергией, и, как итог, разделение компаний-монополистов на отдельные генерирующие, сетевые и энергосбытовые структуры. Таким образом, к 2020 г. должен был заработать конкурентный электроэнергетический рынок [*Koyama*].

По состоянию на 2018 г. план реализован лишь частично. Полноценного розничного рынка в стране по-прежнему не существует, около 70 % электроэнергии в стране генерируется компаниями-монополистами, разделение которых по видам энергетического бизнеса, судя по всему, снова откладывается. Тем не менее, до 30 % выросла доля НПЭ, создан единый диспетчерский центр, а население большинства префектур получило возможность выбирать поставщика — региональную компанию-монополиста либо независимого производителя. Благодаря начавшейся конкуренции удалось на 5—7 % снизить тарифы на электроэнергию [*Hong-Zhou Li*].

В заключение этого раздела следует отметить, что достаточно медленные темпы либерализации обусловлены, прежде всего, соображениями энергетической безопасности. Япония — островное государство с изолированной энергосистемой, и поспешные решения в такой критически важной отрасли могут обойтись стране дорого. Тем не менее, поэтапное реформирование электроэнергетики остается важным экономическим рычагом правительства.

2. Стимулирование производства электроэнергии на основе ВИЭ

Япония обладает хорошим потенциалом для развития возобновляемой энергетики. В течение года на территории Японии насчитывается 190—210 солнечных дней, а среднегодовая скорость ветра колеблется в пределах 5—8 м/с. Для развития сухопутной ветроэнергетики лучше всего подходит северный остров Хоккайдо — среднегодовая скорость ветра там превышает 8 м/с. Потенциально коэффициент использования установленной мощности (КИУМ) может достигать 40 % (по факту сейчас не превышает 10 %), но гористая местность и неустойчивый климат усложняют процесс. Морские ВЭУ (ветроэнергетические установки) целесообразнее размещать на восточной части островов Хонсю и Хоккайдо — среднегодовая скорость ветра в прибрежной зоне колеблется в пределах 7—9 м/с [*Wind Power in Japan*].

Что касается солнечной энергетики, то географически размещение СЭУ (солнечных энергетических установок) возможно в Японии практически в любой префектуре, но существует большая проблема недостатка свободного места в густонаселённой стране. В такой ситуации акцент делается не на размеры солнечных ферм (например, в северо-западных пустынных регионах Китая они могут занимать 1 км² и более), а на технологическую эффективность. Япония является одним из мировых лидеров по производству оборудования для СЭУ, постоянно осуществляются перспективные НИОКР в этой сфере. Так, КИУМ установленной мощности одной СЭУ японского производства по паспорту равняется 15—17 %, в то время как в Германии, где развитию солнечной энергетики также уделяется пристальное внимание, стандартный КИУМ установки не превышает 10—12 % [Sneha Shah].

В 2017 г. суммарная установленная мощность всех ВЭУ Японии оценивалась примерно в 3,8—4 ГВт, а СЭУ — 49 ГВт (третий показатель в мире). Однако ВЭУ и СЭУ обеспечивают всего 8 % годового производства электроэнергии, которое оценивается в 1050 млрд кВт·ч, что немного по причине существующих технологических и природных ограничений, приводящих к невысокому КИУМ, по сравнению с генерацией на ТЭС. Важна и стоимость электроэнергии — несмотря на меры по компенсации затрат для компаний-операторов ВЭУ и СЭУ, цена за 1 кВт·ч электроэнергии, выработанной из возобновляемых источников, в 1,2—1,5 раза выше, чем у традиционных поставщиков (ТЭС). Поэтому, например, из имеющихся 49 ГВт СЭУ в постоянной эксплуатации находится 13—15 ГВт. Для понимания ситуации — средняя цена 1 кВт·ч электроэнергии в Японии в 2018 г. составила 0,26 долл., или около 17 руб. [Arias].

Согласно Основному энергетическому плану Министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТП) Японии, последняя редакция которого была принята в июне 2018 г., в перспективе в стране должен произойти существенный рост мощностей ВИЭ и их доли в структуре генерации. Так, к 2030—2035 г. планируется увеличить парк мощностей ВЭУ до 10 ГВт, а СЭУ — до 65—70 ГВт, при общей установленной мощности в 320—330 ГВт. Поскольку значительного прироста потребления электроэнергии не ожидается по

причине низких темпов экономического роста и сокращения численности населения, то возобновляемые мощности должны будут постепенно замещать выводимые из эксплуатации по истечению срока службы топливные электростанции. Доля ВИЭ в структуре производства электроэнергии возрастёт с 5 до 22 % без учёта ГЭС; около 10 % будут давать ВЭУ, остальное — СЭУ. Чтобы добиться таких результатов, КИУМ мощностей возобновляемой энергетики следует существенно повысить [*METI Strategic Energy Plan*].

Среди предлагаемых мер для достижения запланированных результатов выделяются различные формы господдержки, начиная от совершенствования введенной в 2009 г. льготной системы тарифов для производителей электроэнергии на основе ВИЭ и заканчивая механизмом частичной компенсации инвестиций в строительство ветропарков и солнечных ферм. Потребителям, в том числе и населению, уже предоставлено право выбора поставщика электроэнергии, однако пока основная группа потребителей для возобновляемого сектора — сфера услуг, включая различные коммерческие и офисные здания, поскольку там не так высока критическая необходимость бесперебойного энергоснабжения, в отличие от промышленного производства и социальной сферы.

Либерализация электроэнергетической отрасли и перспективное развитие возобновляемой энергетики напрямую связаны друг с другом. От успеха реформ по созданию конкурентного электроэнергетического рынка зависит набор возможностей для компаний-операторов ВЭУ и СЭУ, поскольку в настоящий момент такие возможности ограничены неравным доступом к сетевой и распределительной инфраструктуре (приоритет у региональных компаний-монополистов), а также жёсткими стандартами энергетической безопасности по части содержания большого парка резервных мощностей.

3. Развитие электрического и водородного транспорта

Впервые о распространении транспорта, работающего на альтернативных источниках энергии, на уровне правительства в Японии заговорили конце 1990-х годов. Выделили три основных аспекта его развития — экономический, социально-экологический и технологический. Экономический аспект включал в себя как интересы государства (новые масштабные задачи для автомобильной, химиче-

ской и металлургической промышленности, способные стимулировать экономический рост), так и частного бизнеса (возможность инвестирования в прибыльные инфраструктурные проекты). Социально-экологический аспект проистекал из желания населения жить в комфортной и чистой окружающей среде, без чрезмерного антропогенного воздействия. И технологический аспект — это, прежде всего, стимулирование НИОКР в новой области и создание программ замены неэффективных транспортных средств для городских маршрутов коммерческого и общественного транспорта [Ashina].

Эти подходы получили дальнейшее развитие, и к середине 2010-х Япония стала одним из мировых лидеров по практическому внедрению альтернативных технологий на транспорте. Электродвигатели и двигатели на водородных топливных элементах обладают рядом несомненных преимуществ по сравнению с традиционными двигателями внутреннего сгорания, а именно — низкие показатели шумности, высокий КПД (до 90 % против 20—30 %) и большой эксплуатационный ресурс. Для страны с отсутствием собственных ископаемых энергоресурсов, какой и является Япония, интерес к альтернативным технологиям логичен. Но главным препятствием на пути их повсеместного распространения по-прежнему остаётся высокая стоимость сооружения специальной электрической и водородной инфраструктуры [Morikawa].

По состоянию на 2018 г., в Японии зарегистрировано порядка 82 млн транспортных средств, включая 62 млн автомобилей (42 млн легковых, 14,5 грузовых и 11,5 млн единиц безуглеродного, в том числе гибридного, транспорта). Практически во всех крупных городах создана сеть электрозаправочных станций, позволяющих за 5—7 мин подзарядить батарею на 15—20 %. Есть и водородные АЗС, однако их значительно меньше, поскольку меньше и количество таких автомобилей — около 3000 единиц в настоящий момент [Statistic Bureau of Japan]. Водородные технологии на транспорте ещё недостаточно отработаны, дорогим и сложным остаётся обслуживание двигательных установок, однако к 2025 г. планируется довести количество такой техники до 40 000 единиц. Для этих целей в 2017 г. была специально разработана Стратегия развития водородного транспорта — мото-

циклов, легковых и грузовых автомобилей, специальной техники и даже поездов [*Hydrogen Strategy*].

Основной энергетический план Японии в отношении безуглеродного транспорта предполагает увеличение количества автомобилей, работающих на электрических либо водородных двигателях, до 50—70 % от общего состава транспортных средств (порядка 90 млн единиц к 2030 г.). В случае успешного достижения этой цели, Япония сможет существенно снизить выбросы углекислого газа в атмосферу и создать более комфортные условия для жизни в городской среде. Однако не прописан механизм реализации плана, отсутствует чёткий перечень шагов по привлечению инвестиций в строительство необходимой инфраструктуры на всей территории страны, а не только в мегаполисах. Возможно, эти моменты будут разъяснены в последующих редакциях ОЭП [*METI Strategic Energy Plan*].

В рамках нового этапа развития внутренней энергетической политики Японии акцент окончательно сместился в сторону различных видов и форм использования ВИЭ. Существенное отличие от предыдущих этапов — исключение АЭС из списка основных энергетических источников будущего, несмотря на то, что Япония обладает огромным опытом в этой области, который, судя по всему, с течением времени будет утерян. Ставка на ВИЭ по причине отсутствия альтернатив оправдана, однако особенности такой генерации (ощутимая зависимость от погодных условий) в перспективе до 2035 г. не позволят ей стать основной японской энергетики, оставляя в этой роли проверенные временем ТЭС.

Библиографический список

Akahori K., Inutsuka J., Iwakiri S., Uchida M (2014). Fujitsu's Approach to Electricity System Reform Through Electricity Retail Solutions // *Fujitsu Sci. Tech. Journal*, Vol 50, P. 65—75.

Arias Jonathan (2018). Solar Energy, Energy Storage and Virtual Power Plants in Japan // *EU-Japan Centre for Industrial Cooperation Report*, 153 p.

Asano H (2006). Regulatory Reform of the Electricity Industry in Japan: What Is the Next Step of Deregulation? // *Energy Policy*, Vol. 34, P. 2491—2497.

Hong-Zhou Li, Maria Kopsakangas-Savolainen, etc (2017). Have Regulatory Reforms Improved the Efficiency Levels of the Japanese Electricity Distribution Sector? A Cost Metafrontier-Based Analysis // *Energy Policy*, Vol. 108, P. 606—616.

Japan's Ministry of Energy, Trade and Industry 5th Strategic Energy Plan. July 2018. URL: http://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/5th/pdf/strategic_energy_plan.pdf (accessed: 01.10.2019).

Jones R.S., Kim M (2013). Restructuring the Electricity Sector and Promoting Green Growth in Japan. Paris: OECD Publishing, 27 p.

Ken Koyama (2015). Inside Japan's Long-Term Energy Policy // *IEEJ Special Article 2*. September, P. 42—45.

Kobayashi Yo (2014). Enhancing Energy Resilience: Challenging Tasks for Japan's Energy Policy // *Centre for Strategic and International Studies*, 19 p.

Ministerial Council on Renewable Energy, Hydrogen and Related Issues of Japan. Basic Hydrogen Strategy, December 2017. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2017/pdf/1226_003b.pdf (accessed: 07.11.2019).

Shuichi Ashina, Junichi Fujino, etc (2010). Japan Roadmaps towards a Low-Carbon Society by Backcasting / *Joint TERI ETSAP Workshop*, 15 p.

Sneha Shah. Japanese Solar Panels: Comprehensive Guide to Manufacturers, Cost, Efficiency and Technology // *Green World Investor*. URL: <https://www.greenworldinvestor.com/2012/06/21/japanese-solar-panels-comprehensive-guide-to-manufacturers-cost-efficiency-technology/> (accessed: 05.11.2019).

Statistic Bureau of Japan Official Site. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/enkan/1431-13.html> (accessed: 12 November, 2019).

Takayuki Morikawa (2012). The History and Challenges of Japan's Low-Carbon Transportation Systems / *Proceedings of International Conference on Low-Carbon Transportation and Logistics, and Green Buildings*, Beijing, Jiaotong University, P. 9—11.

Wind Power in Japan. Present Status and Challenges / *Japan Wind Power Association Expert Meeting*. 7 March, 2017, Tokyo, Japan, 22 p.

References

Akahori K., Inutsuka J., Iwakiri S., Uchida M (2014). Fujitsu's Approach to Electricity System Reform Through Electricity Retail Solutions // *Fujitsu Sci. Tech. Journal*, Vol 50, P. 65—75.

Arias Jonathan. (2018). Solar Energy, Energy Storage and Virtual Power Plants in Japan // *EU-Japan Centre for Industrial Cooperation Report*, 153 p.

Asano H. (2006). Regulatory Reform of the Electricity Industry in Japan: What Is the Next Step of Deregulation? // *Energy Policy*, Vol. 34, P. 2491—2497.

Hong-Zhou Li, Maria Kopsakangas-Savolainen, etc. (2017). Have Regulatory Reforms Improved the Efficiency Levels of the Japanese Electricity Distribution Sector? A Cost Metafrontier-Based Analysis // *Energy Policy*, Vol. 108, P. 606—616.

Japan's Ministry of Energy, Trade and Industry 5th Strategic Energy Plan. July 2018. URL: http://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/5th/pdf/strategic_energy_plan.pdf (accessed: 01 October, 2019).

Jones R.S., Kim M. (2013). *Restructuring the Electricity Sector and Promoting Green Growth in Japan*. Paris: OECD Publishing, 27 p.

Ken Koyama. (2015). Inside Japan's Long-Term Energy Policy // *IEEJ Special Article 2*. September, P. 42—45.

Kobayashi Yo. (2014). *Enhancing Energy Resilience: Challenging Tasks for Japan's Energy Policy* // Centre for Strategic and International Studies, 19 p.

Ministerial Council on Renewable Energy, Hydrogen and Related Issues of Japan. Basic Hydrogen Strategy, December 2017. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2017/pdf/1226_003b.pdf (accessed: 07 November, 2019).

Shuichi Ashina, Junichi Fujino, etc. (2010). *Japan Roadmaps towards a Low-Carbon Society by Backcasting* / Joint TERI ETSAP Workshop, 15 p.

Sneha Shah. *Japanese Solar Panels: Comprehensive Guide to Manufacturers, Cost, Efficiency and Technology* // Green World Investor. URL: <https://www.greenworldinvestor.com/2012/06/21/japanese-solar-panels-comprehensive-guide-to-manufacturers-cost-efficiency-technology/> (accessed: 05 November, 2019).

Statistic Bureau of Japan Official Site. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/1431-13.html> (accessed: 12 November, 2019).

Takayuki Morikawa. (2012). *The History and Challenges of Japan's Low-Carbon Transportation Systems* / Proceedings of International Conference on Low-Carbon Transportation and Logistics, and Green Buildings, Beijing, Jiaotong University, P. 9—11.

Wind Power in Japan. Present Status and Challenges / Japan Wind Power Association Expert Meeting. 7 March, 2017, Tokyo, Japan, 22 p.

В.А. Лемутов

ВКЛАД ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ КНР В 2000-е — 2010-е ГОДЫ

Аннотация. В статье анализируется роль информационных технологий в развитии экономики КНР в первые два десятилетия XXI века. Автор опирается на модель Солоу-Свана и исследования о влиянии информационных технологий на совокупную факторную производительность для расчета прямого и косвенного вклада информационных технологий в экономический рост.

Широкое применение информационных технологий в различных отраслях экономики имеет большое значение для дальнейшего развития Китая, что признано на официальном уровне, в том числе в стратегиях «Интернет-плюс» и «Сделано в Китае 2025». На практике роль информационных технологий проявляется, например, в бурном развитии торговли благодаря появлению электронной коммерции.

Большая часть вклада информационных технологий в экономический рост объясняется совокупной факторной производительностью, что подтверждает гипотезу о том, что прямой вклад информационных технологий в экономику гораздо меньше, чем их косвенное влияние через увеличение эффективности и создание новых возможностей для других отраслей экономики.

Ключевые слова: КНР, Китай, информационные технологии, экономический рост, технологический прогресс.

Автор: Лемутов Василий Александрович, студент магистратуры Института стран Азии и Африки МГУ. E-mail: vlemutov@gmail.com

V.A. Lemutov

The Role of Information Technology in Economic Growth of the PRC during the Past Two Decades

Abstract. The paper analyzes the role of information technology in the development of the PRC economy in the first two decades of the 21st century. The author relies on the Solow-Swan model and further research on the impact of information technology on total factor productivity to calculate the direct and indirect contribution of information technology to economic growth.

The results show that the total contribution of information technology to economic growth for the entire period from 2000 to 2018 amounted to 11.6 %, which means that information technology for this period directly or indirectly provided 1 percentage point of the total average annual economic growth rate of the PRC, which amounted to 9.2 % for the period. At the same time, a large part of the contribution of information technology is explained by total factor productivity, which confirms the hypothesis that the direct contribution of information technology to the economy is much less than their indirect effect, which occurs through increased efficiency and the creation of new opportunities for other sectors of the economy.

Keywords: PRC, China, information technology, economic growth, the Fourth Industrial Revolution, technological progress, factor input, total factor productivity.

Author: Vasily A. LEMUTOV, Masters student at Institute of Asian and African Studies of Moscow State University (e-mail: vlemutov@gmail.com).

После значительных экономических преобразований периода реформ и открытости и вступления в ВТО в 2001 г., КНР в начале XXI в. обрела статус «мировой фабрики» [Zhang]. Страна массово производила и экспортировала промышленные товары, несколько лет подряд показывая двузначные темпы роста реального ВВП. Несмотря на замедление роста после мирового экономического кризиса и рост стоимости рабочей силы, страна до сих пор известна остальному миру в первую очередь как центр мирового производства.

Вместе с тем с начала века в КНР активно развиваются информационные технологии, которые на данный момент представляют собой одну из наиболее динамичных сфер китайской экономики.

Изменения, связанные с достижениями в телекоммуникациях, развитием компьютерной техники, Интернета и сопутствующих технологий, происходят в разных сферах экономики и открывают новые возможности для потребителей и предпринимателей в реальном секторе, торговле и финансовой сфере. Масштабы этих изменений заставляют задуматься о влиянии информационных технологий на экономическое развитие КНР. Это также соотносится с современными представлениями о Четвертой промышленной революции — концепцией, впервые описанной немецким экономистом Клаусом Швабом, которая предполагает качественные изменения в экономике вследствие автоматизации, внедрения киберфизических систем и информационных технологий [*Schwab*].

Информационные технологии (ИТ) обычно определяют как компьютерные методы работы с информацией и способы материально-технического обеспечения этой работы [*Campbell-Kelly*]. Таким образом, в контексте данного исследования к основным отраслям информационных технологий будут относиться, с одной стороны, телекоммуникации и электроника, которые обеспечивают инфраструктуру для передачи информации, и, с другой стороны, информационные услуги, которые построены вокруг информационной инфраструктуры — это программное обеспечение и обслуживание аппаратного и программного обеспечения.

В обеих областях за первые два десятилетия XXI века в Китае появились всемирно известные компании, которые успели не только захватить китайский рынок, но и выйти за рубеж, в том числе в Европу и США. В качестве примеров таких компаний можно привести Huawei и ZTE — производителей электроники и телекоммуникационного оборудования, а также Alibaba, Tencent и Baidu — крупные интернет-компании, предоставляющие целый спектр различных информационных сервисов. Однако представление об отдельных крупных корпорациях, которые часто приводят в пример как отражение успеха КНР в развитии информационных технологий, не позволяет достоверно судить об изменениях в стране в целом и количественно оценивать влияние информационных технологий на экономику.

Следует заметить, что влияние информационных технологий на экономику, на самом деле, не всегда возможно однозначно оценить

количественно, так как оно зачастую связано с такими качественными процессами, как смена бизнес-моделей или изменение потребительского поведения, для оценки влияния которых на экономику сложно подобрать количественные показатели, что впервые было отмечено еще в 1999 г. учеником В. Леонтьева американским экономистом Дейлом Йоргенсоном [*Jorgenson, Stiroh*]. Тем не менее, определенным, хотя и не полным отражением всех подобных изменений является их влияние на динамику экономического роста страны. В связи с этим представляется возможным рассматривать такой показатель, как вклад информационных технологий в экономический рост [*Pohjola*].

Анализ экономического роста — одна из центральных проблем экономической науки [*Acemoglu*]. Экономический рост, по стандарту системы национальных счетов [*ООН*] определяемый как прирост ВВП, анализируется путем его расщепления на компоненты. Одним из традиционно используемых методов такого расщепления является модель Солоу-Свана [*Solow*], согласно которой экономический рост обеспечивается за счет вклада основных факторов производства и совокупной факторной производительности, которая часто определяется как мера влияния общего технологического прогресса.

Базовая модель Солоу-Свана основывается на производственной функции Кобба-Дугласа и имеет вид:

$$\Delta Y = s_L \cdot \Delta L + s_K \cdot \Delta K + TFP,$$

где ΔY , ΔL и ΔK — изменения ВВП, вклада труда и капитала, рассчитанные после логарифмирования; s_L и s_K — доли труда и капитала в ВВП, в отношении которых обычно принимается предпосылка об их сумме, равной 1 и которые считаются путем принятия доли дохода работников в экономике в ВВП за s_L (поэтому s_K в функции можно переписать как $1 - s_L$); TFP — совокупная факторная производительность, которая является экзогенной для функции.

Математически модель Солоу-Свана описывается линейной множественной регрессией, независимыми переменными в которой являются прирост труда и капитала, зависимой — прирост ВВП, а свободным членом (остатком) считается совокупная факторная производительность.

Источником данных для расчетов стали статистические ежегодники с 2000 по 2018 гг., публикуемые Государственным статистическим управлением КНР [ГСУ КНР]; данные по амортизации основного капитала, не предоставляемые ГСУ КНР в явном виде, были получены из Penn World Table 9.1 [PWT].

Следует отметить, что расчет вкладов труда и капитала в экономический рост КНР с 1952 по 2004 г. с помощью модели Солоу-Свана был подробно описан в работе профессора Ши Фаци из Государственного статистического управления КНР для ОЭСР в 2005 г. [Shi] Данные об изменениях в методологии расчетов ГСУ КНР и методы, необходимые для приведения анализируемых данных к сопоставимому виду, были учтены и использованы в текущем исследовании.

Кроме того, ввиду отсутствия некоторых данных, например, статистики о совокупной заработной плате работников за отдельные годы, соответствующие сведения были получены путем аппроксимации с опорой на ближайшие доступные показатели до и после пропуска.

Для расчета вклада информационных технологий модель Солоу-Свана была модифицирована для выделения их вклада в каждый фактор модели. Как было отмечено выше, сектор информационных технологий в первую очередь включает в себя отрасль телекоммуникаций, разработку программного обеспечения и услуги в сфере аппаратного и программного обеспечения. В данных, публикуемых ГСУ КНР, сфера телекоммуникаций представлена отдельно, а программное обеспечение и ИТ-услуги объединены в одну отрасль.

Трудовая статистика в ежегодниках ГСУ КНР, к сожалению, не включает в себя число отработанных часов и какие-либо данные по качеству труда, что могло бы точнее отразить вклад труда в экономический рост, поэтому вслед за Ши Фаци [Shi] в качестве метрики вклада труда было выбрано изменение абсолютного числа работников в каждом году. В случае с информационными технологиями для расчетов были взяты данные о числе работников в телекоммуникациях и отрасли программного обеспечения и ИТ-услуг. Данные по капиталу были рассчитаны с учетом амортизации на основе статистики по инвестициям в основной капитал во всей экономике и в соответствующих отраслях информационных технологий. При этом

для целей сопоставимости были определены веса показателей, связанных с трудом и капиталом в информационных технологиях и остальной экономике. Для определения необходимых весов была рассчитана доля отраслей, связанных с информационными технологиями, в ВВП для каждого года.

Важно отметить, что вклад информационных технологий было бы неверно учитывать только как вклад труда и капитала. Информационные технологии — инновационная отрасль и один из основных драйверов технологического прогресса в эпоху Четвертой промышленной революции. В связи с этим, значительная часть вклада информационных технологий в экономический рост должна приходиться не столько на саму отрасль, сколько на улучшение производительности в остальных сферах экономики за счет инноваций в ИТ. В качестве метрики для учета этого улучшения в модели Соу-Свана используется совокупная факторная производительность. Доля ИТ-сектора в совокупной факторной производительности для начала XXI века подсчитана в работах Йоргенсона [*Jorgenson, Stiroh*] и Олинера [*Oliner, Sichel*], далее — в работе Чоу, Чуанга и Шао [*Chou, Chuang, Shao*].

В результате расчетов совокупный вклад информационных технологий в экономический рост за весь период с 2000 по 2018 г. составил 11,6 %, что означает, что информационные технологии за этот период прямо или косвенно обеспечивали 1 п. п. совокупного среднегодового темпа прироста экономики КНР ($CAGR = 9,2\%$). Следует, однако, заметить, что, как минимум, в последние годы этот рост может быть связан не только с ростом сектора информационных технологий, но и с замедлением в других отраслях, например, в тяжелой промышленности.

В течение всего периода вклад информационных технологий в экономический рост был обеспечен в первую очередь за счет совокупной факторной производительности, то есть использования информационных технологий в других сферах экономики. Доля совокупной факторной производительности во вкладе информационных технологий за весь период составила 93 %.

Следует отметить, что такие результаты во многом связаны с тем, что большую часть первого десятилетия века информационные

технологии в Китае развивались в первую очередь за счет аппаратного и программного обеспечения для других отраслей, а экономические явления, целиком связанные с информационными технологиями (например, так называемая интернет-экономика) стали зарождаться лишь после 2010 г.

Более подробно данные по периодам и отдельным годам отражены в табл. 1 и 2, представленных ниже.

Таблица 1. Вклад ИТ в экономический рост, агрегированный по периодам

Периоды	Lt , %	Kt , %	$TFPt$, %	$TFPr$, %
2000—2009	0,14	0,48	9,02	30,72
2010—2018	0,19	0,69	12,92	9,26
2014—2018	0,31	0,93	15,11	7,78

Lt , Kt — вклад труда и капитала в ИТ; $TFPt$ — вклад совокупной факторной производительности от ИТ; $TFPr$ — остальной вклад совокупной факторной производительности.

Таблица 2. Совокупный вклад информационных технологий по периодам

Периоды	Вклад ИТ, %
2000	4,50
2000—2009	9,64
2010—2018	13,81
2014—2018	16,36
2018	19,10

Таким образом, в рамках данного исследования были произведены расчеты вклада информационных технологий в экономический рост КНР в период с 2000 по 2018 г. Использование модели Соу-Свана позволило рассчитать совокупный вклад информационных технологий на основе вкладов отдельных факторов производства и доли ИТ в совокупной факторной производительности. Полученные результаты свидетельствуют, что, хотя информационные

технологии пока не имеют решающего значения для обеспечения экономического роста КНР, вклад ИТ-отрасли в экономическое развитие страны значим и, вероятнее всего, продолжит расти в ближайшем будущем в связи с ростом стоимости рабочей силы, уходом от дешевого производства и увеличением доли сферы услуг в экономике.

В заключение заметим, что расчеты по модели Солоу-Свана неизбежно имеют погрешность из-за линейной аппроксимации, что можно улучшить с помощью разработки более сложных алгоритмов, однако базовая проверка с помощью алгоритма «random forest» выявила значимость всех переменных.

Библиографический список

Система национальных счетов 2008 // Организация объединенных наций URL: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/SNA2008Russian.pdf> (дата обращения: 10.11.2019).

Acemoglu Daron. Introduction to Economic Growth // Journal of Economic Theory. 2012. № 147. С. 545—550.

Annual Statistical Yearbooks // National Bureau of Statistics URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/> (дата обращения: 10.11.2019).

Campbell-Kelly Martin. Computer. 3 изд. New York: Routledge, 2014.

Chou Yen-Chun, Chuang Hao-Chun, Shao Benjamin. The impacts of information technology on total factor productivity: A look at externalities and innovations // International Journal of Production Economics. 2014. № 158. С. 290—299.

Jorgenson Dale, Stiroh Kevin. Information Technology and Growth // American Economic Review. 1999. № 89. С. 109—115.

Oliner Stephen, Sichel Daniel. The Resurgence of Growth in the Late 1990s: Is Information Technology the Story? // FRB Finance and Economic Discussion Paper, 2000.

Penn World Table 9.1 // University of Groningen URL: <https://www.rug.nl/ggdc/productivity/pwt/> (дата обращения: 10.11.2019).

Pohjola Matti. Information Technology, Productivity, and Economic Growth: International Evidence and Implications for Economic Development. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Schwab Klaus. The Fourth Industrial Revolution. London: Penguin UK, 2016.

Shi Faqi. The analysis and forecast of China's productivity // OECD. 2005.

Solow Robert. A Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1956. № 70. С. 65—94.

Zhang Kevin. China as the World Factory. London: Routledge, 2006.

References

Acemoglu Daron. (2012). Introduction to Economic Growth // Journal of Economic Theory. № 147. P. 545—550.

Annual Statistical Yearbooks // National Bureau of Statistics URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/> (accessed: 10 November, 2019).

Campbell-Kelly Martin. (2014). Computer. 3rd Edition. New York: Routledge.

Chou Yen-Chun, Chuang Hao-Chun, Shao Benjamin. (2014). The impacts of information technology on total factor productivity: A look at externalities and innovations // International Journal of Production Economics. № 158. P. 290—299.

Jorgenson Dale, Stiroh Kevin. (1999). Information Technology and Growth // American Economic Review. 1999. № 89. P. 109—115.

Oliner Stephen, Sichel Daniel. (2000). The Resurgence of Growth in the Late 1990s: Is Information Technology the Story? // FRB Finance and Economic Discussion Paper.

Penn World Table 9.1 // University of Groningen. URL: <https://www.rug.nl/ggdc/productivity/pwt/> (accessed: 10 November, 2019).

Pohjola Matti. (2001). Information Technology, Productivity, and Economic Growth: International Evidence and Implications for Economic Development. Oxford: Oxford University Press.

Schwab Klaus. (2016). The Fourth Industrial Revolution. London: Penguin UK.

Shi Faqi. (2005). The analysis and forecast of China's productivity // OECD

Solow Robert. (1956). A Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. № 70. P. 65—94.

System of National Accounts 2008 // United Nations URL: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/SNA2008Russian.pdf> (accessed: 10 November, 2019).

Zhang Kevin. (2006). China as the World Factory. London: Routledge.

Е.М. Сербина

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК РАЗВИТИЯ КИТАЯ: ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Аннотация. В связи с постоянным укреплением и развитием российско-китайских отношений в различных областях, в том числе торгово-экономических, вопрос взаимодействия в банковском секторе является актуальным. Увеличение двустороннего товарооборота, а также значимая доля Китая в товарообороте России предполагает вовлечение банков, имеющих широкий спектр финансовых продуктов и инструментов для осуществления двусторонней торговли.

В структуре российского экспорта в Китай преобладает энергетическая составляющая, финансирование совместных проектов в данной области является приоритетным и наиболее объемным. Активную роль инвестора с китайской стороны играет Государственный банк развития Китая (ГБРК), функции которого предусматривают его участие в масштабных международных проектах.

В настоящий момент банк выполняет задачи, нацеленные на достижение обозначенной в текущей — 13-й пятилетке (2016—2020 гг.) цели построения в Китае к 2020 г. общества «сяокан» (малого благоденствия) и к 2030 г. — общества «фуюй» (всеобщей зажиточности).

Ключевые слова: Государственный банк развития Китая, Китай, «политические банки», финансовые институты, банки, инвестиции.

Автор: Сербина Екатерина Михайловна, аспирант Центра экономических и социальных исследований Института Дальнего Востока РАН. E-mail: serbinakate@gmail.com

E.M. Serbina

China Development Bank: Activity Features and Strategic Management

Abstract. Strengthening and development of Russo-Chinese relations in various fields, including trade and economy, makes it relevant to study the issue of interaction in the banking sector. The increase in bilateral trade (exceeding 100 billion dollars in 2019) and a significant share of China in Russia's trade (16.1 %) involves banks that have a wide range of financial products and instruments in the bilateral interaction.

As an energy component prevails in Russian exports to China, financing of joint projects in this area is a priority. From the Chinese side, the China Development Bank plays an active role as an investor. The bank's functions include participation in large-scale international projects. Currently, the bank is completing tasks aimed at achieving the goals set out in the current (13th) Five-Year Plan (2016—2020) namely building a «xiaokang» (small prosperity) society in China by 2020 and a «fuyu» (common prosperity) society by 2030. It participates in regional development projects (Beijing-Tianjin-Hebei, the Yangtze River Economic Belt and the Great Bay Area) to implement the One Belt One Road initiative, contributing to social projects aimed at combating poverty, raising the level of education, «green projects» etc.

Keywords: China Development Bank, China, policy banks, financial institutions, banks, investment.

Author: Ekaterina. M. SERBINA, graduate student (Economics), Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: serbinakate@gmail.com).

Государственный банк развития Китая (ГБРК) занимает важное место в увеличении влияния КНР на международной арене, инвестируя в крупные инфраструктурные, промышленные, социальные, экологические проекты как внутри Китая, так и за рубежом. Банк

входит в число т.н. политических банков КНР, наряду с Государственным сельскохозяйственным банком развития и Экспортно-импортным банком (Эксимбанк) и выступает в роли «второго государственного бюджета» [*Гельбрас*] для осуществления планов правительства Китая. В настоящий момент ГБРК выполняет задачи, направленные на достижение обозначенной в текущей 13-й пятилетке (2016—2020 гг.) цели построения к 2020 г. общества «сяокан» (малого благоденствия) и к 2030 г. — общества «фууй» (всеобщей зажиточности) [*Островский*] и расширения влияния КНР на международной финансовой арене. Контролирующим органом является Госсовет КНР. Особая роль государства проявляется и в составе управляющей команды — председателем совета директоров ГБРК с апреля 2013 г. по октябрь 2018 г. являлся ранее работавший на различных должностях в Народном банке Китая Ху Хуайбан. С ноября 2018 г. этот пост занимает Чжао Хуань, работавший на ключевых постах в Сельскохозяйственном банке Китая и Китайском строительном банке.

Главным акционером банка является Министерство финансов КНР (36,54 %), государственная финансовая компания Central Huijin Investment (34,68 %) выступает инвестором для государственных финансовых институтов. Госкомитет по управлению фондами социального страхования (1,59 %), является частью Всекитайского управления фонда социального страхования (находится под прямым контролем Госсовета КНР). В 2015 г. к составу акционеров присоединилась финансовая компания Buttonwood Investment Holding Company (27,19 %). Она входит в структуру Госкомитета по валютному регулированию КНР, подчиненного Госсовету КНР. Основная деятельность компании — диверсификация каналов инвестиций валютных резервов Китая, включая инвестиции в проекты внутри КНР и за рубежом, инвестиции в капитал, различные фонды, участие в управлении активами банка и инвестициями.

За 2008—2018 гг. уставной капитал банка увеличился более чем на 100 млрд юаней и составляет (2019 г.) 421,248 млрд юаней. Активы банка не подвергаются сильным колебаниям, очевидно планомерное увеличение активов, в течение 2005—2018 гг. они выросли в 10 раз и в 2018 г. составили 2,352.47 млрд долл. ГБРК постоянно

улучшает свои позиции в рейтинге 100 самых крупных банков мира по версии агентства Standards & Poor's Financial Services LLC. В 2018 г. он занял в рейтинге 9-е место по объему активов (2,352.47 млрд долл.), для сравнения в 2009 г. он занимал 36-ю строчку (665 млрд долл.).

Одним из ключевых показателей для банка является объем просроченных кредитов («плохих» долгов, non-performing loan). На конец 2018 г. у ГБРК этот показатель вырос на 22 базисных пункта до 0,92 % по сравнению с 2017 г. (0,70 %). Однако важно подчеркнуть, что уровень NPL составляет менее 1 % в течение последних 14 лет. В рамках стратегии по управлению рисками в 2018 г. банк сделал резерв на возможные потери по ссудам в объеме 510,251 млн юаней с коэффициентом покрытия кредита в 4,37 %. Еще один ведущий показатель, характеризующий финансовый результат — чистая прибыль, чем выше показатель, тем выше рост активных операций и собственного капитала банка. За 2005—2018 гг. чистая прибыль увеличилась в 5 раз, с 22,8 млн юаней до 112,1 млн юаней [*Фин. отчетность ГБРК*].

Приоритетами внутри Китая для ГБРК являются следующие направления развития. Во-первых, эффективно претворять в реальность решения ЦК КПК и Госсовета КНР, во-вторых, быть приверженным стратегии национального развития, в-третьих, делать устойчивость частью стратегии развития, начиная от проектного планирования и управления кредитами до контроля за рисками и оценками эффективности экономических проектов, в-четвертых, усиливать основу для устойчивого роста, в-пятых, выступать в интересах акционеров и клиентов [*2018 Sustainability Report*].

Ключевыми для ГБРК остаются проекты урбанизации (27,40 % всех займов в 2018 г., 3,039 трлн юаней) и строительства шоссе (16,14 % всех займов в 2018 г. 1,79 трлн юаней). Вложения в железные дороги составили к концу 2018 г. 808 млрд юаней (7,28 % от всех займов). 9 млрд из данной суммы банк инвестировал в строительство открывшейся в декабре 2018 г. высокоскоростной железной дороги Цзинань-Циндао (провинция Шаньдунь).

Для реализации планов, обозначенных в 13-й пятилетке, ГБРК кредитует проекты строительства Экономического пояса реки Янц-

зы, агломерации Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй и региона Большого залива (агломерация Гуандун-Сянган-Аомэнь) — общая сумма в 2018 г. составила 1,3 трлн юаней. О строительстве зоны Большого залива заявил премьер-министр Госсовета КНР Ли Кэцян на 5-й сессии ВСНП 12-го созыва (5 марта 2017 г.) [*Чжэнфу гуяцзо баогао*]. В рамках проектов Большого залива ГБРК стал главным инвестором строительства моста Гонконг—Чжухай—Макао с долей в 2,118 млрд юаней в синдицированном кредите. Комплекс мостов и подводных тоннелей возводился с 2009 г. по 2017 г., значительно улучшив транспортное сообщение между Гонконгом, Макао и провинцией Гуандун, а также экономические и социальные связи между западным берегом реки Чжуцзян (Жемчужная) и Гонконгом.

На Центральном рабочем совещании (декабрь 2016 г.) региональное развитие зоны Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй было обозначено в качестве одного из приоритетных направлений. В рамках проекта по децентрализации Пекина банк вложил в 2018 г. 32,7 млрд юаней в развитие новой экономической зоны «Сюань», расположенной в провинции Хэбэй.

Отдельным направлением деятельности китайского банка является участие в социальных и «зеленых» проектах, которые выделяются в качестве приоритетных правительством Китая. Работа банка в социальном направлении постоянно получает высокую оценку — в течение 13-ти лет ГБРК награждается китайской премией за участие в социальных проектах — People's Corporate Social Responsibility Award.

На 5-й сессии ВСНП 12-го созыва, касаясь проблемы борьбы с бедностью, премьер Ли Кэцян отметил необходимость «целевой поддержки и оказания нуждающимся адресной помощи», осуществления «мер по улучшению инфраструктуры» [*Доклад о работе правительства*]. К концу 2018 г. общая сумма, направленная ГБРК на искоренение бедности достигла 1,45 трлн юаней. В 2018 г. банк вложил 698 млрд юаней в реновацию ветхого жилья, прокредитовал наименее развитые районы Китая: Тибет, Синьцзян-Уйгурский АР, провинций Ганьсу, Сычуань, Юньнань на сумму в 41,1 млрд юаней. Вложения в развитие сельской инфраструктуры внутри всего Китая составили 61,8 млрд юаней.

Банк поддерживает сферу просвещения, с 2005 г. выдает студенческие кредиты, их объем в 2018 г. составил 28,7 млрд юаней. Общая сумма за эти годы превысила 164,7 млрд юаней. Банк организует ярмарки вакансий, тренинги по поиску вакансий и другие мероприятия. Отметим, что на конец 2018 г. среди работников самого банка 66,67 % имели магистерские и другие ученые степени.

Проблема загрязнения окружающей среды в Китае связана с использованием больших объемов каменного угля, несоблюдением экологических стандартов на производстве [*Островский*]. На 5-й сессии ВСНП 12-го созыва премьер Ли Кэцян объявил о важности «сохранения голубого неба» [Li Keqian] и принятых мерах по решению проблемы, в том числе о переходе на экологически чистое отопление в северных районах Китая.

Среди экологических проектов с участием ГБРК можно отметить проект по очищению водных артерий провинции Фучжоу (5,54 млрд юаней в 2018 г.). В экологические проекты пояса реки Янцзы сумма инвестиций ГБРК в 2018 г. составила 32,2 млрд юаней, включая пилотные проекты по оценке стоимости производства экологически чистых продуктов и энергосбережению. Объем общих инвестиций к концу 2018 г. в «зеленые» проекты составил 1,9 трлн юаней, что сопоставимо с вложениями в проекты Экономического пояса реки Янцзы, агломерации Пекин—Тяньцзинь—Хэбэй и региона Большого залива — 1,3 трлн юаней в 2018 г. и является свидетельством приоритета проектов экологической направленности для правительства КНР. Для инвестиций в экологические проекты ГБРК выпустил «зеленые» бонды на сумму в 25 млрд юаней, а также международные «зеленые» бонды на 500 млрд долл. и 1 трлн евро.

Исходя из того, что в структуре российского экспорта в Китай преобладает топливно-энергетическая составляющая (63,7 %) [*данные ФТС*], финансирование совместных проектов в данной области является приоритетным и наиболее объемным. ГБРК вложил 9,8 млрд юаней в «Ямал—СПГ», стартовавший в 2011 г. многофункциональный инфраструктурный проект финансирования строительства завода по производству СПГ. Для китайской стороны приоритетным является не только то, что это проект принадлежит к исторически сильной в России энергетической сфере, но также рас-

сма­три­ва­ет­ся как «пер­вый круп­ный за­ру­бе­ж­ный про­ект по­сле вы­дви­же­ния иници­а­ти­вы “По­яса и пу­ти”» [*Жэньминь Жибао*]. Кро­ме ГБРК, в про­ект ин­ве­сти­ро­вал еще один ки­тай­ский фи­нан­со­вый ин­сти­тут: Эк­спор­тно-им­пор­тный банк Ки­тая вло­жил 9,3 млрд евро. В про­ект так­же во­шли: Intesa Sanpaolo, Raiffeisenbank (1,175 млрд евро), Сбер­банк (2,7 млрд евро), Газ­про­мбанк (0,9 млрд евро) и Ja­pan ВIC (0,2 млрд евро). ГБРК ве­дет пе­ре­го­во­ры по кре­ди­то­ва­нию еще од­но­го про­ек­та про­из­вод­ства сжи­жен­но­го при­род­но­го га­за «Но­ватэк» — «Ар­ктик СПГ-2». Есть по­тен­ци­ал со­ин­ве­сти­ро­ва­ния в транс­порт­ные ко­ри­до­ры «Приморье-1» и «Приморье-2», со­в­мест­ное ос­во­е­ние Се­вер­но­го мор­ско­го пу­ти, Тран­си­бир­ской и Бай­ка­ло-Амур­ской ма­гис­тра­лей. О при­оритет­ном со­труд­ни­че­стве по дан­ным про­ек­там ли­де­ры Рос­сии и Ки­тая го­во­ри­ли на встре­че в ию­не 2018 г.

ГБРК ус­та­но­вил и рас­ши­ря­ет парт­нер­ские от­но­ше­ния и с фи­нан­со­вы­ми ин­сти­ту­та­ми Рос­сии. Под­пи­са­ны со­гла­ше­ния со Сбер­бан­ком о со­труд­ни­че­стве в 2007 г. и в 2012 г. — о со­в­мест­ном ин­ве­сти­ро­ва­нии в ин­фра­струк­тур­ные про­ек­ты, про­ек­ты в об­ла­сти меж­ду­на­род­ных рас­че­тов, тор­го­во­го фи­нан­си­ро­ва­ния, под­го­тов­ки пер­со­на­ла и др. В 2015 г. под­пи­са­но со­гла­ше­ние о пре­дос­тав­ле­нии ГБРК кре­ди­т­ной ли­нии Сбер­бан­ку на 6 млрд юа­ней для фи­нан­си­ро­ва­ния тор­го­вых кон­трак­тов. В 2016 г. бы­ло под­пи­са­но ра­моч­ное со­гла­ше­ние меж­ду ГБРК и Внеш­эко­ном­бан­ком, пре­дус­ма­три­ва­ю­щее воз­мож­ность при­вле­че­ния от ки­тай­ско­го бан­ка кре­ди­та (до 6 млрд юа­ней на срок до 15 лет) для ин­ве­сти­ро­ва­ния в про­ек­ты на тер­ри­то­рии Рос­сии в об­ла­сти энер­ге­ти­ки, транс­порт­ной, про­мыш­лен­ной и энер­ге­ти­че­ской ин­фра­струк­ту­ры. В ию­не 2018 г. за­клю­че­но меж­бан­ков­ское Со­гла­ше­ние о фи­нан­со­вом обес­пе­че­нии про­ек­тов со­пря­же­ния ин­те­гра­ци­он­ных про­цес­сов ЕАЭС и «По­яса и пу­ти» на сум­му кре­ди­то­ва­ния до 65 млрд юа­ней для про­ек­тов по Се­вер­но­му мор­ско­му пу­ти, скор­ост­но­му дви­же­нию из Ки­тая в Евро­пу. В сен­тя­бре то­го же го­да бы­ло под­пи­са­но еще од­но со­гла­ше­ние об ин­ве­сти­ро­ва­нии в рам­ках ЕАЭС и «По­яса и пу­ти» о пре­дос­тав­ле­нии ГБРК кре­ди­та ВЭБу в об­ъе­ме 12 млрд юа­ней.

С мо­мен­та объ­яв­ле­ния пре­се­да­те­лем КНР Си Цзинь­пи­ном в 2013 г. стра­те­ги­че­ской иници­а­ти­вы «По­яса и пу­ти» ГБРК яв­ля­ет­ся

важным кредитором проектов. В 2016—2018 гг. банк лидировал среди китайских банков по вложениям в проекты данной инициативы — 38,9 млрд долл. [*Financial Times*]. Примером могут служить инвестиции в проект по строительству нефтеперерабатывающего комплекса в Брунее, к концу 2018 г. вложения банка составили 510 млн долл. Данный проект имеет и социальное значение — обеспечить создание 1000 новых рабочих мест. В рамках «Пояса и пути» ГБРК в сентябре 2018 г. совместно с Банком развития Казахстана вошел в проект по обновлению Шымкентского нефтеперерабатывающего завода в Казахстане. Объем инвестиций с китайской стороны составил 265 млн долл.

Одним из приоритетных направлений для банка является взаимодействие с Африканским континентом. В рамках «Пояса и пути» сотрудничество предполагается в двух направлениях: создание сетевой транспортной инфраструктуры для расширения импорта сырья и продовольствия, а также перенос трудоемких отраслей в Африку по причине роста производственных издержек внутри Китая [*Cafropanova*]. В 2007 г. ГБРК создал Китайско-африканский фонд развития (CAD), на конец 2018 г. объем инвестиций фонда превысил 4,838 млрд долл. Первое зарубежное представительство ГБРК было открыто в Египте в 2009 г., и стало также первым китайским финансовым институтом, вошедшим на египетский рынок.

В сентябре 2018 г. банк создал Межбанковское объединение Китая и Африки, членами которого является ГБРК и 16 африканских финансовых организаций. Общий объем кредитов африканским банкам — членам объединения составляет 1,8 млрд юаней. В 2019 г. банк предоставил кредиты 40 африканским банкам на общую сумму в 3,2 млрд долл. Общий объем кредитов ГБРК странам Африки (500 проектов в 43 странах) с 2006 г. по сентябрь 2018 г. превысил 50 млрд долл. [см.: *Di si jie dui fei touzi luntan zai changsha kaimu*].

Развивается сотрудничество ГБРК со странами Латинской Америки. Китайский консорциум MMG Ltd. TD (под эгидой государственной корпорации China Minmetals Corporation) в 2014 г. купил медный рудник Las Bambas в Перу. Общая сумма синдицированного кредита составила 6,957 млрд долл., ГБРК выступил ключевым кредитором с объемом в 3,479 млрд долл. [*Minmetals*]. В 2018 г. ГБРК

подписал соглашение с Банком инвестиций и внешней торговли Аргентины о кредите в 150 млн долл. в пользу местных заемщиков — компаний, работающих в сельскохозяйственной сфере, альтернативных источниках энергии и др.

В планах банка — расширение сотрудничества на арабском направлении. В июле 2018 г. на 10-м Китайско-арабском форуме в г. Пекине было подписано соглашение о создании Китайско-арабского банковского союза. С китайской стороны лидером выступил ГБРК.

Банк активно открывает представительства за рубежом, через которые и осуществляется инвестирование в местные проекты. В настоящее время имеет 10 представительств за рубежом (Москва, Лондон, Рио-де-Жанейро, Каир, Каракас, Вьентьян, Астана, Джакарта, Минск, Сидней).

Таким образом, очевидной является активная роль ГБРК в масштабных инфраструктурных, промышленных, социальных, экологических проектах, что соответствует планам правительства КНР. Существование такого банка гарантирует постоянное наличие у государства долгосрочных инвестиционных ресурсов. Важно отметить и возрастающее влияние банка на международной финансовой арене посредством участия в крупных инвестиционных проектах, ГБРК является своего рода инструментом, через который китайское правительство осуществляет вхождение в экономики других стран.

Библиографический список

13-я пятилетка (2016—2020 гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан» / отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 6, 10—11.

2018 Sustainability Report. China Development Bank: [Доклад об устойчивом развитии ГБРК за 2018 г.]. С. 6. URL: http://www.cdb.com.cn/xwzx/khdt/201809/t20180906_5377.html (дата обращения: 4.11.2019).

Гельбрас В.Г. Экономика Китайской народной республики. М.: «Квадрига». 2019. 321 с.

Ди сы цзе дуй фэй тоуцзы луньтань цзай чанша кайму : [4-й форум инвестиций в Африку, г. Чанша]. 6.09.2018. URL: http://www.cdb.com.cn/xwzx/khdt/201809/t20180906_5377.html (дата обращения: 06.07.2019).

Доклад о работе правительства. 16.03.2017. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/2h/t1446655.htm> (дата обращения: 11.10.2019).

Первая партия сжиженного газа «Ямал СПГ» отправилась из порта Сабетта // «Жэньминь жибао». 11.12.2017. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-12/11/content_50097685.htm (дата обращения: 03.11.2019).

Ли Кэцян: ланьтянь цзай вэйлай бухуэй е буингай чэнвэй шэчи : [Ли Кэцян: голубое небо в будущем не может и не должно стать роскошью]. 15.03.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2017lh/2017-03/15/c_129510107.html (дата обращения: 03.09.2019).

Сафронова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепция и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки). М.: ИД «ФОРУМ», 2018. С. 153—154.

Финансовая отчетность ГБРК за 2018 г. С. 31. URL: <http://www.cdb.com.cn/English/bgxz/ndbg/ndbg2018/> (дата обращения: 12.09.2019).

ФТС. Экспорт и импорт РФ по товарам (январь—август 2019 г.). Пояснения к таблицам. URL: <http://customs.ru/folder/517> (дата обращения: 16.09.2019).

Чжэнфу гуңцзо баогао : [Доклад о работе правительства]. 16.03.2016. URL: http://www.gapp.gov.cn/ztzdd/rdztl/2017lhzt/contents/9981/318281_2.shtml (дата обращения: 10.09.2019).

China state banks pull back from risky overseas project // Financial Times. 04.04.2019. URL: <https://www.ft.com/content/273c324c-55ec-11e9-a3db-1fe89bedc16e> (дата обращения: 10.10.2019).

Minmetals Consortium's Purchase of the Las Bambas Copper Mine in Peru. 20.12.2015. URL: http://www.cdb.com.cn/English/xmtp/201604/t20160426_3083.html?imgNum=77 (дата обращения: 30.10.2019).

References

2018 Sustainability Report. China Development Bank. P. 6. URL: http://www.cdb.com.cn/xwzx/khdt/201809/t20180906_5377.html (accessed: 04 November, 2019).

China state banks pull back from risky overseas project. (2019) // Financial Times. 04.04.2019. URL: <https://www.ft.com/content/273c324c-55ec-11e9-a3db-1fe89bedc16e> (accessed: 10 October, 2019).

Di si jie dui fei touzi luntan zai changsha kaimu [The 4th Investment Forum in Africa]. 6.09.2018. URL: http://www.cdb.com.cn/xwzx/khdt/201809/t20180906_5377.html (accessed: 06 July, 2019).

Doklad o rabote pravitelstva. 16.03.2017. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/2h/t1446655.htm> (accessed: 11 October, 2019). (In Russian).

Federal Customs Service of Russia. Export and import of Russian Federation per goods (January-August 2019). Explanations for Tables. URL: <http://customs.ru/folder/517> (accessed: 16 September, 2019). (In Russian).

Gelbras V.G. (2019). *Ekonomika Kitaiskoy Narodnoy Respubliki*. Moscow: «Kvadriga», 2019. 321 p. (In Russian).

Guojia kaifa yinhang caiwu baogao. (2018). [Financial Statement of China Development Bank 2018]. P. 31. URL: <http://www.cdb.com.cn/English/bgxz/ndbg/ndbg2018/> (accessed: 12 September, 2019).

Minmetals Consortium's Purchase of the Las Bambas Copper Mine in Peru. 20.12.2015. URL: http://www.cdb.com.cn/English/xmpt/201604/t20160426_3083.html?imgNum=77 (accessed: 30 October, 2019).

Ostrovsky A.V., Kamennov P.B. (2018). 13-ya pyatiletka (2016—2020) — vazhneyshiy etap postroeniya v Kitae obchestva malogo blagodenstviya «syaokan» [13th Five-Year Plan years (2016—2020) — the most important stage in building China's «xiaokang» (small prosperity) society]. Moscow: IFES RAS, 2018. p. 6,10—11. (In Russian).

Pervaya partiya szhizhennogo gaza otpravilas iz porta Sabetta. (2017). // Renmin Ribao. December 11, 2017. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-12/11/content_50097685.htm (accessed: 03 November, 2019). (In Russian).

Safronova E.I. (2018). *Kitay — razvivayuschiy mir: koncepcii i aktualnaya praktika otnosheniy (na primere Afriki i Latinskoy Ameriki)* [China and the Developing World: concepts and modern practice of relations in the case of Africa and Latin America]. Moscow: «Forum» PH, 2018. 336 p. (In Russian).

Zhengfu gongzuo baogao: [Government Report]. 16.03.2016. URL: http://www.gapp.gov.cn/ztzd/rdztl/2017lhzt/contents/9981/318281_2.shtml (accessed: 10 September, 2019).

А.А. Трофимов

ВНЕБЮДЖЕТНЫЕ ФОНДЫ В РОССИИ И КИТАЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В подходах российского и китайского законодателя можно найти как сходства, так и отличия в вопросе построения системы публичных финансов двух стран. Одним из ключевых вопросов становится определение оптимальных параметров использования такого механизма как внебюджетные фонды при структурировании бюджетных систем. Как в России, так и в Китае внебюджетные фонды, перед которыми стоят специальные публичные задачи, занимают самостоятельное место в структуре национальных бюджетных систем. В обеих юрисдикциях создана система фондов социального страхования, через которую осуществляется финансовое обеспечение такой важной сферы общественной жизни. В то же время существенно отличается перечень современных внебюджетных фондов в Китае, в котором особого внимания заслуживают правительственные фонды и бюджеты по операциям с государственным капиталом, отсутствующие в России.

Ключевые слова: внебюджетные фонды, бюджетная система Китая, бюджетная система России, Закон КНР о бюджете, правительственные фонды, фонды социального страхования, бюджеты по операциям с государственным капиталом.

Автор: Трофимов Альберт Алексеевич, младший научный сотрудник Юридического факультета СПбГУ.
E-mail: albert.trofimov@gmail.com.

A.A. Trofimov

Extra-budgetary Funds in Russia and China: Legal Regulation Issues

Abstract. The approaches of the Russian and Chinese legislators reveal both similarities and differences in the construction of the public finance system of the two states. One of the key issues is to determine the optimal parameters for the use of such a mechanism as extra-budgetary funds in the structuring of budget systems. Extra-budgetary funds face special public tasks and therefore occupy an independent place in the structure of national budget systems both in Russia and in China. Both jurisdictions have established a system of social insurance funds through which such an important area of public life is financed. At the same time, the catalogue of modern extra-budgetary funds in China has a significant peculiarity in which special attention should be paid to government funds and budgets for state capital operations which are absent in Russia.

Keywords: extra-budgetary funds, the budget system of China, the budget system of Russia, the law of the People's Republic of China on the budget, government funds, social insurance funds, budgets for operations with state capital.

Author: Albert A. TROFIMOV, junior researcher, Faculty of Law, St. Petersburg State University (e-mail: albert.trofimov@gmail.com).

Российская бюджетная система наряду с федеральным, региональными (бюджетами субъектов РФ) и местными бюджетами включает в себя бюджеты государственных внебюджетных фондов РФ (Пенсионного Фонда РФ, Фонда социального страхования РФ, Федерального фонда обязательного медицинского страхования РФ), и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов (территориальных фондов обязательного медицинского страхования) (пункт 2 статьи 144 Бюджетного кодекса Российской Федерации).

Государственный внебюджетный фонд в России представляет собой фонд денежных средств, образуемый вне федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ для реализации конкретных целей социально-экономической политики государства [*Государственные и муниципальные финансы*].

В свою очередь, в силу положений статьи 5 Закона КНР о бюджете 1994 г. (с последующими изменениями) на центральном уровне бюджетная система Китая включает в себя основные государственные бюджеты, бюджеты правительственных фондов, бюджеты по операциям с государственным капиталом и бюджеты фондов социального страхования. Таким образом, бюджетная система КНР представляет собой четырехзвенную структуру.

Единое определение понятия «фонд» в китайском законодательстве отсутствует. В то же время подзаконные акты КНР, регулирующие правовой режим конкретного внебюджетного фонда, как правило, содержат в себе терминологию в отношении этого фонда. Это позволяет путем системного анализа законодательного и подзаконного регулирования вывести общее определение искомого понятия в китайском бюджетном праве. Под публичным фондом денежных средств следует понимать денежные средства публично-правового образования, собранные в соответствии с действующими нормативными актами для последующего их расходования в установленном порядке. Порядок формирования и расходования фонда, его правовой режим могут отличаться в зависимости от особенностей правового регулирования конкретного фонда.

Молчание китайского законодателя обнаруживается и в отношении вопроса об определении понятия «внебюджетный фонд». Ранее (до 2014 г.) данный термин широко использовался в подзаконном регулировании (например, в уведомлении Госсовета КНР от 13.04.1986 № 44 «Об усилении управления внебюджетными фондами», решении Госсовета КНР от 06.07.1996 № 29 «Об усилении управления внебюджетными фондами») [Трофимов], поскольку на тот момент бюджетная система формально включала в себя только основные бюджеты (центральный и местные). Включение внебюджетных фондов в структуру бюджетной системы Китая стало закономерной реакцией китайского законодателя на существовавшую ранее проблему безотчетного расходования государственных средств.

В китайской научной литературе внебюджетные фонды определялись как финансовые структуры, которые не входят в государственный бюджет и которые распределяются между финансовыми ведомствами и административными органами в соответствии с дейст-

вующим регулированием. Такие внебюджетные фонды по своей природе должны являться публичными фондами денежных средств, а не собственными фондами отдельных ведомств, их подразделений или учреждений [*Bэй Вэй*].

С введением новой структуры бюджетной системы КНР с 2015 г. использование понятия «внебюджетный фонд» в Законе КНР о бюджете не имеет под собой формальных оснований. Однако данный термин может использоваться применительно к ситуации противопоставления какого-либо вида бюджета (например, правительственного фонда) с основным государственным бюджетом при их одновременном вхождении в структуру бюджетной системы. Представляется, что при таком подходе современными внебюджетными фондами следует признать как правительственные фонды, фонды социального страхования, так и бюджеты по операциям с государственным капиталом.

Закон КНР о бюджете содержит в себе лишь общее (базовое) регулирование общественных отношений, связанных с формированием и распределением бюджетов, входящих в бюджетную систему Китая. Обособление и наделение бюджетов свойством самостоятельности не исключают наличия у них общих характеристик и основ регулирования. Статьей 5 Закона КНР о бюджете предусматривается, что основные государственные бюджеты, бюджеты правительственных фондов, бюджеты по операциям с государственным капиталом и бюджеты фондов социального страхования должны быть целостными и самостоятельными. Однако при этом указывается, что бюджеты правительственных фондов, бюджеты по операциям с государственным капиталом и бюджеты фондов социального страхования должны коррелировать с основными государственными бюджетами. Это требование находит специфическое воплощение применительно к каждому отдельному бюджету. Например, бюджет по операциям с государственным капиталом обязательно должен предусматривать перечисления средств в основной государственный бюджет (статья 10 Закона КНР о бюджете).

К каждому бюджету в равной степени предъявляется требование бюджетно-правового принципа разработки, утверждения, изменения бюджетов и контроля только в соответствии с законом. Кроме

законодательных требований обязательному учету подлежат предписания, закрепленные в административно-правовых актах и положениях Госсовета КНР. Согласно статье 46 Закона КНР о бюджете проекты всех бюджетов, представляемых на проверку и утверждение в СНП (собрания народных представителей) разных уровней, должны быть подробными. Однако уже здесь могут быть обнаружены различия на законодательном уровне между рассматриваемыми видами бюджетов: расходы основного бюджета должны классифицироваться в соответствии с их функциями и указываться вплоть до пунктов; основные расходы должны классифицироваться в соответствии с их экономическим характером и указываться вплоть до разделов. Расходы же бюджетов правительственных фондов, бюджетов по операциям с государственным капиталом и бюджетов фондов социального страхования должны классифицироваться в соответствии с их функциями и указываться вплоть до пунктов, то есть должны быть более подробными, чем расходы основных бюджетов. Все государственные доходы, в том числе доходы всех бюджетов бюджетной системы КНР, перечисляются в казначейство соответствующего уровня. При этом для отдельных специальных фондов, определенных законом и утвержденных Госсоветом КНР, могут открываться финансовые счета в соответствии с положениями Госсовета КНР (статья 56 Закона КНР о бюджете).

В целом следует отметить небольшой объем и количество бюджетно-правовых норм, посвященных отдельным видам китайских бюджетов, что не может не сказаться на подробности и определенности правового регулирования. Кроме этого, представляется, что в условиях, когда подзаконные акты, регулирующие различные внебюджетные фонды, являются в значительной степени похожими, обнаруживаются необходимые предпосылки для унификации правового регулирования на законодательном уровне (в Законе КНР о бюджете).

Закон КНР о бюджете содержит общее определение понятия «бюджеты правительственных фондов», под которыми понимаются бюджеты, состоящие из расходов и доходов, собранных, полученных или привлеченных иным способом в соответствии с положениями законов и административно-правовых актов в течение определенно-

го периода, специально предназначенные для особо установленных общественных дел. Правительственные фонды аккумулируют в себе большие объемы финансовых ресурсов. Так, только в 2018 г. общий объем поступлений в правительственные фонды по всей стране достиг 8,9 трлн юаней, а объем расходов составил 8,056 трлн юаней, в то время как общий объем доходов центрального основного бюджета составил 8,79 трлн юаней. За 2018 год доходы центральных правительственных фондов составили 403,2 млрд юаней, а расходы — 402,1 млрд юаней. Собственные доходы местных правительственных фондов достигли 7,137 трлн юаней (из них доходы от передачи права пользования государственными земельными участками составили 6,509 трлн юаней), а расходы — 7,747 трлн юаней. [Доклад].

Согласно статье 11 Закона КНР о бюджете, бюджеты фондов социального страхования — это бюджеты, сформированные за счет взносов на социальное страхование, перечислений из основных бюджетов или собранные иным способом, специально предназначенные для целей социального страхования. Такие бюджеты разрабатываются и исполняются отдельно и самостоятельно в соответствии с порядком единого планирования и проектами социального страхования, обеспечивая баланс между доходами и расходами. Отличительной особенностью рассматриваемых фондов является то, что законодательное регулирование таких фондов не ограничивается Законом КНР о бюджете. Упоминание о создании фондов социального страхования имеется также в Законе КНР от 05.07.1994 «О труде» (статьи 70, 72, 74). Более подробное в сравнении с Законом КНР о бюджете правовое регулирование предусмотрено Законом КНР от 28.10.2010 «О социальном страховании», вступившим в силу с 01.07.2011 (статьи 5—6, глава 8).

В силу статьи 10 Закона КНР о бюджете, бюджеты по операциям с государственным капиталом — это бюджеты, состоящие из доходов и расходов, формируемые исходя из выплат, осуществляемых в отношении прироста государственного капитала. Бюджеты по операциям с государственным капиталом разрабатываются в соответствии с принципом баланса между доходами и расходами, не должны содержать дефицита, а также обеспечивать поступление средств в

основной бюджет. Традиционно более подробное регулирование передавалось на уровень подзаконного нормотворчества.

Указанное свидетельствует о более сдержанном использовании российским законодателем механизма внебюджетных фондов как элемента бюджетной системы России в отличие от китайского подхода. Одновременно с этим в обеих странах в качестве самостоятельных элементов систем присутствуют фонды социального страхования, что свидетельствует об особом отношении России и Китая к вопросу финансового обеспечения социального страхования.

В отличие от России в Китае формируются обособленные от основного бюджета по операциям с государственным капиталом и бюджеты правительственных фондов, перед которыми стоят отдельные публичные задачи: инвестиционные, социальные, инфраструктурные.

Библиографический список

Государственные и муниципальные финансы: учебник / под ред. проф. С.И. Лушина, проф. В.А. Слепова. М.: Экономистъ, 2007. 763 с.

Доклад Минфина КНР от 05.03.2019 об исполнении центрального и местных бюджетов за 2018 г. и проекте центрального и местных бюджетов на 2019 год. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-03/17/c_137901687.htm (дата обращения: 22.10.2019).

Трофимов А.А. Эволюция бюджетного законодательства Китая // Правоведение. 2018. Т. 62. № 3. С. 541—569.

Вэй Вэй. Цянь тань юйсуаньфа дэ цзибэнь юаньцзэ // Уху чжие цзиху сюэюань сюэбао : [Вэй Вэй. Основные принципы бюджетного права // Журнал Уханьского технологического университета]. 2006 (02). С. 40—42.

References

Gosudarstvennye i municipalnye finansy: uchebnik / pod red. prof. S.I.Lushina, prof. V.A.Slepova. (2007) — М.: E'konomist : [State and municipal finances: textbook / ed. by Professor S.I. Lushin, V.A. Slepov]. Moscow: Ekonomist. 763 p. (In Russian).

Report of the Ministry of Finance of the PRC (05.03.2018) on the execution of the central and local budgets for 2017 and the draft Central and local budgets for 2018. URL: http://russian.news.cn/china/2018-03/24/c_137061792.htm (accessed: 22 October, 2019).

Trofimov A. (2018). Evolyuciya byudzhetnogo zakonodatelstva Kitaya. Pravovedenie [Evolution of the budget legislation of China.]. Pravovedenie. Vol. 62, no. 3. P. 541—569. (In Russian).

Wei Wei. (2006) Basic principles of budget law // Journal of Wuhu Institute of technology. 2006 (02). Pp. 40—42. (In Chinese).

Ю.А. Грачева

«БРЕНД С НАЦИОНАЛЬНЫМ ХАРАКТЕРОМ» КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ В РАЙОНАХ ПРОЖИВАНИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ КНР

Аннотация. В настоящее время национальная политика Китая в отношении малочисленных народов осуществляется в рамках идеи борьбы «за реализацию китайской мечты о великом возрождении китайской нации», о которой заявил Си Цзиньпин в своём докладе на 19-м съезде КПК.

Методы осуществления национальной политики представлены среди основных задач плана 13-ой пятилетки Китая (2016—2020) и неразрывно связаны с экономическим развитием страны, с задачей построения общества «средней зажиточности» к столетию основания КПК в 2021 г.

Статья посвящена одному из инструментов экономического и социального развития районов проживания национальных меньшинств КНР — производству продукции «брендов с национальным характером». Автор рассматривает различные типы реализации концепции «бренда с национальным характером» на примере Гуанси-Чжуанского автономного района и провинции Юньнань в 2019 г.

Ключевые слова: национальная политика КНР, экономика КНР, Юньнань, Гуанси-Чжуанский автономный район, нацмень-

шинства КНР, бренд с национальным характером, национальная самоидентификация.

Автор: Грачева Юлия Александровна, м.н.с. Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: link2k3@list.ru

Yu.A. Gracheva

“Brand with national character” as one of the key tools for the development of economy and culture in the areas of residence of national minorities in China

Abstract. The article is devoted to one of the economic and social development's tools of ethnic minority areas in China — the production of “brands with a national character”. The author considers different types of implementation of the concept of “brand with national character” on the example of Guangxi Zhuang Autonomous region and Yunnan province in 2019.

At present, China's national policy towards national minorities is being implemented within the framework of the idea of fighting for “the realization of the Chinese dream of the great revival of the Chinese nation”, which was stated by Xi Jinping in his report at the 19th Congress of the CPC.

Methods of implementation of national policy are presented among the main objectives of the 13th five-year plan in China (2016—2020) and are inextricably linked with the economic development of the country, with the task of building a society of “average prosperity” to the centenary of the founding of the CPC in 2021.

Keywords: national policy of China, economy of China, Yunnan, Guangxi Zhuang Autonomous region, national minorities of China, brand with national character, national identity.

Author: Yulia A. GRACHEVA, junior researcher, Center for political studies and forecasts, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: link2k3@list.ru).

В 2016 г. в «Плане содействия развитию национальных районов и малочисленных народов 13-й пятилетки» в качестве одного из основных инструментов экономического развития этих районов приоритетными названы отрасли, производящие продукцию «брендов с национальным характером» [*Миньцзу тэсэ пиньнай...*]. Развитие ту-

ризма с национальным характером, национальных туристических достопримечательностей и маршрутов также является важным пунктом в плане 13-й пятилетки и неразрывно связано с созданием «брендов». План содействия развитию производства «брендов с национальным характером» (в которые включены народная медицина, традиционные ремесла, национальная кухня и другие предметы материальной культуры малочисленных народов Китая) включает в себя интеграцию городов, промышленности, экологии, сельского хозяйства и других сфер жизни в общий процесс экономического развития районов проживания нацменьшинств [*Ши сань у...*].

Согласно «Плану», в районах проживания национальных меньшинств экономическое развитие реализуется главным образом посредством: 1) развития местного туризма; 2) производства продукции «брендов с национальным характером» [*Миньцзу тэсэ пиньтай...*]; 3) строительства и развития новой инфраструктуры в районах проживания нацменьшинств.

Вышеперечисленные методы реализации национальной политики в настоящее время оказывают глубокое влияние не только на уровень экономического благосостояния малочисленных народов Китая, но и на их материальную и духовную культуру, а также на особенности национальной самоидентификации представителей нацменьшинств.

Производство продукции «брендов с национальным характером» притягивает внимание к традиционной культуре малочисленных народов Китая, одновременно привлекая массового китайского туриста в отдаленные регионы страны. Вместе с тем возникает парадоксальная ситуация, когда на местных туристических рынках национальных районов появляются предметы, которые не относятся к реальной материальной культуре конкретной этнической группы — т. е. происходит формирование псевдоаутентичной этнической культуры. Наиболее ярким примером служат продукты питания «с национальным характером», которые фактически являются псевдоэтническими — печенье с лепестками роз и козинаки народов наси, бай, ицзу; фруктовое ароматизированное вино народа мяо и другие. Ещё пример — превращение знаков материальной и духовной культуры в «бренд» и использование его не по истинному назна-

чению — допустим, пиктограммы письменности дунба народа наси изначально имели исключительно сакральное значение, а теперь их можно увидеть не только на вывесках магазинов и автобусных остановках, но и на одежде, предметах быта и т. д. [Грачева]. Аналогичный процесс произошёл и с головным убором народа мяо, который являлся элементом свадебного костюма, а в настоящее время служит украшением фонарных столбов и урн.

Одновременно программа производства «брендов с национальным характером» оказывает позитивное влияние на возрождение ряда народных ремёсел, среди которых, например, производство продукции из мяса, шерсти и костей яка у народов Юньнани — наси, мяо, и; ткачество народа мосо; батик и резьба по дереву народа бай и др.

Как бы то ни было, оказывая неоднозначное воздействие на культуру малочисленных народов Китая, производство «брендов с национальным характером» способствует экономическому развитию национальных районов. По всему Китаю открываются предприятия, производящие новую продукцию, каждый национальный район создаёт свой собственный план на 13-ю пятилетку по реализации вышеизложенной программы. Ниже приведены наиболее распространённые модели создания продукции «брендов с национальным характером», а также способы их развития и реализации в некоторых районах проживания нацменьшинств КНР.

Например, в Гуанси-Чжуанском автономном районе Люнань городского округа Лючжоу в день праздника песен^{*}, отмечаемого 3-го числа 3-го месяца по лунному календарю, в 2019 г. были проведены мероприятия, направленные на поддержку и продвижение концепции «бренда с национальным характером», включавшие в себя: создание студенческих городков в честь чжуанского праздника 3-го

^{*} Этот праздник распространён у ряда малочисленных народов Китая — чжуан, мяо, яо, дун. В старину девушки и юноши чжуан собирались в этот день на улицах, чтобы петь радостные песни, а также устраивать праздничные пиршества у берегов рек. Сказания чжуан гласят о том, что в этот день отмечается день рождения бога, создателя народа чжуан по имени Булото. В этот день чжуаны также приносят жертвы фамильным предкам, поклоняются и совершают жертвоприношения Паньгу и Булото.

месяца 3-го числа; объявление 3-го месяца «агитационно-пропагандистским месяцем продвижения единства национальностей»; объявление этой даты «днём национальной культуры и спорта». Таким образом, по мнению журналиста Лю Синцуня, освещавшего данное событие, в настоящее время ставится задача превратить праздник 3-го месяца 3-го числа в «бренд с национальным характером» [Лю Синцунь]. Ниже подробно рассмотрена суть каждого из трёх мероприятий.

В мероприятии по созданию студенческих городков приняли участие более 40 начальных и средних школ, а также детских садов всех уровней в округе Лючжоу. Одной из сторон реализации этого мероприятия стало использование школьных газет, рекламных щитов, плакатов, лозунгов, электронных табло, радио и телевизионных станций в кампусах с целью активной пропаганды традиционной культуры и национальных обычаев народа чжуан. Как отмечает Лю Синцунь, база СМИ и цифровых технологий позволяет учителям и ученикам понять традиционную культуру чжуан, укрепить национальные чувства, одновременно способствуя национальному единству и прогрессу.

В учебных заведениях проводят практические занятия по народной культуре чжуан. Например, в начальных школах между собой сочетаются предметы естествознания, языка, искусства и тематические классы, что позволяет учащимся глубже понять особенности народа чжуан, их географическое распределение, национальное искусство, а также узнать об их достижениях в культуре, медицине, архитектуре, орудиях труда и т. д. Отдельно на занятиях подчеркивается тема вклада различных этнических групп в развитие великой семьи родины [Цзуго да цзятин...]. Образцовые национальные школы [Миньцзу шифань сюэсяо...] проводят занятия, помогающие учащимся выработать должное понимание национального вопроса, включающего в себя идеи понимания своего народа как неотъемлемой части единой китайской нации *чжунхуа миньцзу*. Эти же школы используют свои ресурсы для развития творческих кружков, посвященных различным аспектам культуры чжуан — песням, традиционным видам спорта, танцам. Другим средством воспитания в образцовых национальных школах являются тематические мероприятия, среди которых особое значение имеет поклонение павшим

героям революции [*Цзибай гэмин сяньле...*], с целью развития любви к прежним поколениям китайской нации [*Чжунхуа миньцзу...*].

Движение за объявление 3-го месяца по лунному календарю «агитационно-пропагандистским месяцем продвижения единства национальностей» включало в себя следующие составляющие. За основу движения была взята идея «единства трёх» [*Сгэ тун'и...*]. Были проведены: симпозиум национальных и религиозных представителей в округе Лючжоу; мероприятия по распространению концепции единства национальностей в низовых территориально-административных единицах ГЧАР; мероприятия по пропаганде открытия предприятий малочисленными народами в Лючжоу, а также осуществлению агитационной деятельности внутри этих предприятий, направленной на распространение и развитие концепции единства национальностей [*Миньцзу туаньцзе...*].

Все вышеперечисленные мероприятия развивали идею «единства трёх», а именно: единство в создании двуязычных хань-чжуанских плакатов, агитирующих за общность национальностей, а также развитие чжуанского праздника 3-го месяца 3-го числа; единство в работе по развитию концепции общности национальностей среди чжуан в СМИ и на праздничных мероприятиях; единство в оказании помощи бедным семьям народа чжуан.

В мероприятиях по объявлению 3-го месяца 3-го числа «днем национальной культуры и спорта» приняли участие 62 общины и 21 деревня в округе, в которых были организованы выставки нематериального культурного наследия чжуан, проведены конкурсы на знание чжуанских народных видов спорта и культуры, а также фольклорные вечера, включающие в себя лекции, исполнение песен и танцев. В рамках данных мероприятий проводились ярмарки, где была представлена продукция «брендов с национальным характером»: чжуанская национальная обувь и одежда, коромысла для переноски овощей и фруктов, сладости и т. д.

Другим примером реализации концепции «бренда с национальным характером» является провинция Юньнань, обладающая самой разнообразной и сложной этнической структурой среди территориально-административных единиц этого уровня — на её территории проживают 26 признанных малочисленных народов.

Показательным образцом реализации концепции в этой провинции стало создание «Плана действий по возрождению традиционных ремесел провинции Юньнань», принятого в 2018 г. провинциальным правительством в рамках осуществления «Рабочего проекта развития традиционных художественных промыслов Китая», выпущенного в июле 2017 г. Министерством культуры и туризма, Министерством промышленности и информатизации, а также Министерством финансов по указанию «Оповещения канцелярии Госсовета касательно распространения в Министерстве культуры и других ведомствах плана о развитии традиционных художественных промыслов Китая», вышедшего в марте 2017 г. [*Го'ююань баньгунтин гуанюй...*].

«План действий по возрождению традиционных ремесел провинции Юньнань» включает в себя развитие 10 видов продукции традиционных народных ремесел в рамках концепции «бренда с национальным характером» до 2020 г. Среди задач «Плана» выделяется не только возрождение декоративно-прикладного искусства юньнаньских народов, но и развитие экономики национальных районов, рост материального благосостояния местных жителей за счёт возрождения производства предметов традиционных народных промыслов [*Юньнань шэз чуантун...*].

Три вида традиционного ремесла в производстве продукции «брендов с национальным характером» провинции Юньнань в «Плане» названы в качестве имеющих государственное значение: узелковый батик народа бай в Дали, резьба по дереву в уезде Цзяньчуань, предметы обихода из серебра уезда Хэцин в Дали-байском автономном округе [*Юньнань шэн цзянпэйюй...*].

Стоит отметить, что провинция Юньнань занимает передовые позиции в Китае по реализации концепции производства «брендов с национальным характером». Массовое производство не только продуктов ремесла, но и одежды, сейчас получает сильную поддержку широких потребительских масс страны. В настоящее время «национальный стиль» в одежде пользуется большой популярностью среди населения Китая и рассчитан на внутренних туристов, приезжающих в популярные места национальных районов, например, Лицзян и Дали. Посещая эти места, можно сразу заметить, что основная

масса туристов (как правило, женщины 20—40 лет) охотно приобретают и носят одежды в национальном стиле. Однако следует подчеркнуть, что данная одежда не является копией национальных костюмов малочисленных народов, но представляет собой продукт современной модной индустрии, где за основу взяты фасоны одежды хань, а в качестве дополнительных элементов используется псевдо-национальный декор конкретной этнической группы, среди которых особую популярность имеют мяо и бай. Модели продукции подобного типа были представлены на «Неделе национальной моды» в Куньмине, проведенной в июне 2019 г. [*Юньнань миньцзу фуши...*].

О том, что подобные «Неделе национальной моды» в Куньмине мероприятия играют важную роль в реализации концепции «бренда с национальным характером» и имеют государственное значение, свидетельствует выступление заместителя главы департамента пропаганды провинциального комитета КПК провинции Юньнань Ло Цзе на открытии мероприятия под названием «Одежды небожителей Шёлкового пути. Фестиваль культуры и состязания в нарядах радужной Юньнани» 9 мая 2019 г. Ло Цзе заявил, что важными составляющими этого мероприятия являются: привлечение инвестиций в производство одежды и аксессуаров, культурный и коммуникационный обмен, и, главное — популяризация продукции Юньнани в Китае, что, в свою очередь, напрямую связано с поддержкой реализации концепции «бренда с национальным характером» и соответствует главному вектору национальной политики КПК — строительству единой китайской нации *чжунхуа миньцзу* [*Юньнань чисюй дацзао...*].

Ещё одним аспектом реализации концепции «бренда с национальным характером» стало производство сельхозпродукции. В Юньнани «брендовыми» продуктами стали: драконий фрукт, финики, янмэй*, мандарин, гранат и др. [*Шаошу миньцзу тэсэ...*]. Производство этих продуктов преподносится как развитие «бренда с национальным характером», хотя часто продукт не имеет отношения к национальной кухне нацменьшинств, которые проживают на территориях, отданных под выращивание этих культур. Реализация

* Бот. — восковница красная, ямбери (*Myrica rubra* Sieb. et Zucc).

данной стороны концепции «бренда с национальным характером» часто сопровождается созданием образцовых национальных деревень [*Шифань цюй миньцзу...*], которые непосредственно участвуют в развитии внутреннего экологического туризма, являющегося одним из методов осуществления идеи «ускорения продвижения построения справедливой экологической цивилизации» [*Дали туйцзинь шэнтай...*]*.

Подводя итоги, можно заключить, что в современном Китае термин «бренд с национальным характером» вышел далеко за рамки экономики, представляя собой концепцию не только производства коммерческой продукции с «национальным характером» в районах проживания нацменьшинств, но и концепцию популяризации культуры малочисленных народов внутри страны и, одновременно, внедрения идеи единой китайской нации *чжунхуа миньцзу* среди этих народов, являясь важным инструментом реализации современного курса национальной политики КНР.

Библиографический список

Гоуюань баньгунтин гуанюй чжуаньфа вэньхуа бу дэн бумэн чжунго чуаньтун гуньи чжэньсин синдун цзихуа дэ тунчжи : [Оповещение канцелярии Госсовета касательно распространения Министерством культуры и других ведомств плана о развитии традиционных художественных промыслов Китая]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-03/24/content_5180388.htm (дата обращения: 15.12.2019).

Грачева Ю.А. Письменность дунба: отражение древней истории народа наси // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 2 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: ИВ РАН, 2015. [1031 стр.] (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 17 / Редколл.: А.И. Кобзев и др.). С. 285—305

Лю Синцунь. И «сань да чжу ти» дацзао миньцзу тэсэ вэньхуа пиньпай : [С помощью «трёх главных тем» создавать культурный бренд с национальным характером]. URL: http://szb.lznews.gov.cn/lzrb/html/2018-04/15/content_77325.htm (дата обращения: 15.12.2019).

* Например: деревня Юаньцзя'якоу в (袁家丫口村) в уезде Юйлу (雨露乡) провинции Юньнань.

Шаошу миныйцу тэсэ цуньчжай пиньпай : [Сельские бренды с национальным характером малочисленных народов]. URL: <https://new.qq.com/omn/20180918/20180918B140D1.html> (дата обращения: 15.12.2019).

«Ши сань у» цуцзинь миныйцу дицюй хэ жэнькоу цзяо шао миныйцу фачжань гуэйхуа : [План содействия развитию национальных районов и малочисленных народов 13-й пятилетки]. URL: <https://baike.baidu.com/item=aladdin> (дата обращения: 15.12.2019).

Юньнань: миныйцу фуши ю чуаньи бэньтц пиньпай цян шичан : [Юньнань: народные украшения и одежда, разработанные местными брендами, завоёвывают рынок]. URL: <http://www.ynta.gov.cn/Item/43362.aspx> (дата обращения: 15.12.2019).

Юньнань чисюй дацзао миныйцу шишан вэньхуа пинпай : [Юньнань продолжает создавать модные культурные бренды]. URL: <https://new.qq.com/rain/a/20190509A0KXDO00> (дата обращения: 15.12.2019)/

Юньнань шэн чуантун гуньи чжэньсин синдун цзихуа : [План действий по возрождению традиционных ремесел провинции Юньнань]. URL: <http://www.whyn.gov.cn/list/view/1/7488> (дата обращения: 15.12.2019)/

Юньнань шэн цзянпэйюй 10 гэ ю миныйцу тэсэ дэ чуаньтун гуньи чжимин пиньпай : [Провинция Юньнань собирается развивать 10 известных традиционных ремесленных брендов с национальным характером]. URL: http://www.yntv.cn/content/2018/08/325_537830.html (дата обращения: 15.12.2019).

References

Go'uyuan' ban'guntin guanyuj chzhuan'fa ven'hua bu den bumen chzhungo chuan'tun gun"i chzhen'sin sindun czihua de tunchzhi. [Notice of the General Office of the State Council on Forwarding the Traditional Chinese Craft Revitalization Plan of the Ministry of Culture and Other Departments]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-03/24/content_5180388.htm (accessed: 15 December, 2019).

Gracheva YU.A. Pis'mennost' dunba: otrazhenie drevnej istorii naroda nasi [The Dongba script: reflection of Naxi ancient history] // Obschestvo i gosudarstvo v Kitae. T. XLV, ch. 2 / Redkoll.: A.I. Kobzev i dr. M.: IV RAN, 2015. [1031 str.] (Uchenye zapiski IV RAN. Otdela Kitaya. Vyp. 17 / Redkoll.: A.I.Kobzev i dr.). S. 285—305

Lyu Sincun'. I "san' da chzhu ti" daczao min'czu tese ven'hua pin'paj. [Use "Three themes" to build a national cultural brand]. URL: http://szb.lznews.gov.cn/lzrb/html/2018-04/15/content_77325.htm (accessed: 15 December, 2019).

SHAoshu min'czu tese cun'chzhaj pin'paj. [Village brand with ethnic characteristics]. URL: <https://new.qq.com/omn/20180918/20180918B140D1.html> (accessed: 15 December, 2019).

YUn'nan': min'zcu fushi yu chuan'i ben'te pin'paj cyan shichan. [Yunnan: national costumes and accessories created by local brands rush into the market]. URL: <http://www.ynta.gov.cn/Item/43362.aspx> (accessed: 15 December, 2019).

YUn'an' chisyuj daczao min'czu shishan ven'hua pinpaj. [Yunnan continues to create national fashion culture brand]. URL: <https://new.qq.com/rain/a/20190509A0KXDO00> (accessed: 15 December, 2019).

YUn'nan' shen chuantun gun"i chzhen'sin sindun czihua. [Action Plan for Revitalizing Traditional Crafts of Yunnan Province]. URL: <http://www.whyn.gov.cn/list/view/1/7488> (accessed: 15 December, 2019).

YUn'nan' shen cзыanpejyuj 10 ge yu min'czu tese de chuan'tun gun"i chzhimin pin'paj. [Yunnan Province will cultivate 10 well-known brands of traditional crafts with national characteristics]. URL: http://www.yntv.cn/content/2018/08/325_537830.html (accessed: 15 December, 2019).

Л.В. Томайчук

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНОВ КИТАЯ В ИНИЦИАТИВУ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Аннотация. В статье анализируются перспективы и сложности интеграции регионов Китая в глобальную Инициативу «Один пояс, один путь» (далее — ОПОП). Выделяются особенности регионального деления Китая и социально-экономическая специфика регионов. Сегодня не все территории Китая включены в интеграционные проекты по линии ОПОП, что связано с недостаточным потенциалом и ресурсами для регулирования внешнеэкономической деятельности, движения капитала, связей между людьми. Особое внимание уделено анализу региональных проектов в рамках ОПОП, рассматриваются источники финансирования проектов. Автор делает вывод о последовательном курсе Китая по продвижению инициативы ОПОП и сопряжению с ней планов национального развития, технических стандартов, скоординированного регионального развития; лейтмотивом выступают «всестороннее построение среднезажиточного общества», строительство сильного и модернизированного социалистического государства, формирование положительного образа Китая в мире.

Ключевые слова: Инициатива «Один пояс, один путь», стратегия «пять точек на одной линии», регионы Китая, интеграция, региональные проекты.

Автор: Томайчук Лилия Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (г. Санкт-Петербург).
E-mail: lilia.tomaychuk@gmail.com

L.V. Tomaichuk

Prospects of Integration of China's Regions into the "Belt and Road" Initiative

Abstract. The article analyzes the prospects and difficulties of integrating the regions of China into the global Initiative "Belt and Road" / "One belt, one road" (hereinafter — the BRI). The features of the regional division of China and the socio-economic specifics of the regions are highlighted. Today, not all territories of China are included in the integration projects within the BRI, due to actual insufficient capacity and resources of regions to regulate foreign economic activity, capital flow, and relations between people. Particular attention is paid to the analysis of regional projects in the framework of the BRI, the sources of project financing are considered. The author concludes that China is conducting consistent course on promoting the BRI Initiative and combining it with national development plans, technical standards, coordinated regional development; the keynote of which is the "comprehensive building of a prosperous society", the construction of a powerful and modernized socialist state, and the formation of a positive image of China in the world.

Keywords: "Belt and Road" Initiative, BRI, "Five Points, One Line" strategy, China's regions, integration, regional projects.

Author: Lilia V. TOMAICHUK, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg (e-mail: lilia.tomaychuk@gmail.com).

С начала периода «реформ и открытости» Китай планомерно реализует политику социально-экономического развития внутренних регионов. С 1979 по 2002 г. создана сеть специальных экономических зон. В 2003 г. утверждена стратегия развития экономических регионов Китая и ряд программ. В 2016 г. руководство страны утвердило 13-й пятилетний план социально-экономического развития КНР, лейтмотивом которого выступает «всестороннее построение среднезажиточного общества». В плане обозначена важность продвижения Инициативы «Один пояс, один путь» (далее — ОПОП) и сопряжение с ней планов национального развития и технических стандартов [13-ый пятилетний план...]. В 2017 г. на 19 Всекитайском съезде КПК Си Цзиньпин поставил задачу более скоординирован-

ного регионального развития посредством совершенствования механизмов сотрудничества, взаимопомощи и всесторонней поддержки [Доклад Си Цзиньпина ...].

Глобальная Инициатива «Один пояс, один путь» выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. и предлагает реализацию Нового экономического пояса Шёлкового пути для соединения регионов Китая с Европой через Центральную и Западную Азию, и Морского Шёлкового пути 21 века, связывающего Китай со странами ЮВА, Африки, Европы. Проект предполагает заключение двусторонних соглашений о сотрудничестве с государствами, расположенными на пути транспортных маршрутов, вдоль которых будут выстраиваться «экономические коридоры развития». В процессе интеграции с Инициативой регионам поставлена задача придерживаться направлений, которые были обозначены в стратегии «пяти точек на одной линии»: координация политики, финансовая интеграция, развитие инфраструктуры, беспрепятственная торговля, более тесные связи между людьми.

Особенности регионального деления и развития Китая

Одной из проблем современного Китая является внутренняя неравномерность социально-экономического развития, которая проявляется в диспропорции развития отраслей экономики, социальной дифференциации общества, инвестиционной привлекательности регионов.

По административно-территориальному принципу Китай делится на 23 провинции, 5 автономных районов, 4 города центрального подчинения, 2 специальных административных района [China Statistical Yearbook]. Деление же страны на регионы осуществляется по географическому, административному и экономическому принципам, это деление не является постоянным, поскольку регионы развиваются. В научной практике региональное экономическое развитие Китая подразделяется на три этапа, а именно: 1953—1978 гг., 1979—1999 гг. и новый этап с 2000 г. [Экономическое развитие регионов, С. 38].

В настоящее время, согласно новым задачам развития, Восточный (Прибрежный) Китай охватывает города Пекин, Тяньцзинь и Шанхай, провинции Хэбэй, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Шаньдун, Гуандун и Хайнань; Центральный (Средний) Китай включает провинции Шаньси, Аньхой, Цзянси, Хэнань, Хубэй и Хунань; Западный Китай включает автономный район Внутренняя Монголия и Гуанси-Чжуанский автономный район, город центрального подчинения Чунцин, провинции Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Тибетский автономный район, провинции Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Нинся-Хуэйский и Синьцзян-Уйгурский автономные районы; Северо-Восточный Китай охватывает провинции Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян [Экономическое развитие регионов, С.25]. В рамках других подходов предлагается выделять Северо-Западный и Юго-Западный регионы [*Zhengyun Sun*, P. 44]. С 2000 г. реализуется политика «сосредоточения на справедливом и гармоничном развитии» регионов, постепенного перехода от стратегии преимущественного развития Восточного Китая к стратегии комплексного и скоординированного развития Восточного, Центрального и Западного Китая.

Реализация региональных проектов в рамках «Пояса и пути»

Официально не все территории Китая включены в интеграционные проекты по линии ОПОП, поскольку не все из них обладают достаточным потенциалом и ресурсами для регулирования внешнеэкономической деятельности, потоков капитала, связей между людьми. Так, среди наиболее «подготовленных» центров Китая для интеграции в проекты ОПОП Всемирный Банк выделяет следующие: Баотоу (Внутренняя Монголия), Чжэнчжоу (Хэнань), Сиань (Шааньси), Ланьчжоу (Ганьсу), Урумчи (Синьцзян), Куньмин (Юньнань), Цюйцзин (Юньнань). Эти районы имеют высокую степень централизации власти и регулирования крупного бизнеса, что позволяет им быть «посредником» в процессах интеграции и взаимодействии с партнерами Китая по ОПОП [*Connectivity along Overland Corridors*, P.5]. Так, принципиальная задача Китая — сба-

лансировать и модернизировать территории страны для эффективной интеграции в проекты ОПОП.

В качестве приоритетных направлений по развитию регионов и интеграции с проектами ОПОП можно выделить следующие.

1. *Строительство транспортной инфраструктуры и «стыковка» с проектами шести трансрегиональных экономических коридоров ОПОП.*

Наиболее успешным проектом является Экономический коридор Китай—Пакистан (СРЕС), который связывает Синьцзян-Уйгурский автономный район с Пакистаном. Объем инвестиций оценивается в 50 млрд долл. США и расходуется на строительство сети дорог протяженностью 3000 км в Синьцзяне и через Гималаи и территорию провинции Азад Кашмир в Пакистане, строительство трансграничного нефтепровода, модернизацию пакистанского порта Гвадар, строительство гидроэлектростанций, установку солнечных батарей.

Экономический коридор Китай—Монголия—Россия реализуется с 2014 г. в рамках трехстороннего межгосударственного соглашения. Это маршрут, который проходит через автономный район Внутренняя Монголия и напрямую связывает рынки Китая с Россией и Европой. В 2015 г. страны договорились о трансграничных железнодорожных перевозках, дорожном и портовом строительстве, экологических проектах.

Проект Нового Евразийского сухопутного моста предусматривает железнодорожное сообщение через восточный, центральный и западный Китай в Европу, а именно, из провинции Цзянсу (Ляньюньган) через Синьцзян (Алашанькоу), крупные промышленные и транспортные центры КНР — Чжэнчжоу, Сиань, Ланьчжоу, Урумчи, — территории Казахстана, России, Беларуси, Польши в Голландию (Роттердам).

Коридор Китай—Центральная Азия—Западная Азия пройдет из Синьцзяна (Алашанькоу) через Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан и Афганистан, а также Иран и Турцию.

Проект экономического коридора Китай—Индокитай (СИСРЕС) — должен связать провинцию Юньнань и Гуанси-Чжуанский автономный район с пятью странами реки Меконг (Мьянма, Камбоджа, Лаос, Вьетнам, Таиланд). Предполагается, что проект

получит финансирование по программам Азиатского банка развития [PRC: ABD Country Partnership Strategy], АСЕАН — в рамках Генерального плана по соединению АСЕАН [Master Plan on ASEAN Connectivity]. В 2015 г. запущен формат Сотрудничества Ланганг-Меконг [Lancang-Mekong Cooperation], как новый механизм сотрудничества для данного экономического коридора. В регионе предполагается развивать туризм, агропромышленный кластер. Таким образом, параллельно с ОПОП происходит интеграция регионов КНР с запада на восток по линии проектов АБР, АСЕАН, Комиссии на реке Меконг.

Проект экономического коридора Бангладеш—Китай—Индия—Мьянма (BCIMEC) предполагает связать провинции Юньнань, Синьцзян-Уйгурский и Тибетский автономные районы. Затрудняют реализацию проекта политические разногласия между КНР и Индией. Проект предполагает строительство высокоскоростной железной дороги между городами Куньмин и Калькутта через Мандалай и Дакку; налаживание авиа и водного сообщения, строительство линий электропередач и нефтепроводов.

2. *Развитие центральных и западных провинций, модернизация «старых революционных районов», перенос промышленных производств из прибрежных районов.* Западный Китай включает в себя обширные территории — около 70 % общей площади Китая. Большинство районов Запада являются малонаселенными со слабо развитой экономикой. С 2001 г. реализуется Генеральный план по развитию Западного Китая на период до 2050 г. Построены Цинхай-тибетская железная дорога, реализуется транзит газа и электроэнергии с запада на восток. Осуществляются проекты поддержки автономных районов — Тибета и Синьцзяна, которые включают сельское хозяйство, животноводство, транспорт, энергетику, культуру и образование, реконструкцию жилья в сельской местности, подготовку кадров.

3. *Модернизация промышленных объектов в северных и северо-восточных провинциях.* Северо-Восточный Китай — это регион, в котором расположены старые промышленные базы, регион внес существенный вклад в создание промышленной системы нового Китая. В рамках 13-го плана развития поставлена задача по созданию высокотехнологичных производств, например, в районе Бохайского

кольца (BREC), регионе Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй и экономическом поясе вдоль Янцзы.

4. *Интеграция провинций в международные энергетические проекты.* В 2000 г. Государственный Совет одобрил запуск проекта по транспортировке природного газа с запада на восток. Проект является знаковым в развитии Западного Китая. Снабжение регионов будет также происходить за счет транспортировки энергоресурсов из России («Сила Сибири», Ямал СПГ, др.), Центральной Азии, Ближнего Востока.

5. *Развитие сельского хозяйства и региональной кооперации.* В 2006 г. ЦК КПК и Государственный Совет издали «Предложения о содействии развитию Среднего Китая». Средний Китай должен стать интегрированным коммуникационным и транспортным узлом, соединяющим восток и запад и обладающим преимуществами промышленного развития. Развивается агломерация города Ухань, городская агломерация Чанша-Чжучжоу-Сянтань в провинции Хунань. Эколого-Экономическая Зона Озера Поянху в провинции Цзянси. Шаньси является важной энергетической и сырьевой базой Китая.

Источники финансирования региональных проектов

Для финансирования проектов в рамках Инициативы на территории регионов Китая и в других странах привлекаются средства Фонда Шелкового пути (65 % — средства Государственного управления валютного контроля при Народном Банке КНР, 15 % — Китайская инвестиционная корпорация, 15 % — Экспортно-импортный Банк Китая, 5 % — Банк развития Китая), Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Нового банка развития БРИКС. Для развития транспортных коридоров привлекаются средства АБР (подписана Стратегия партнерства АБР с КНР на 2016—2020 гг.), АСЕАН, Фонда инвестиционного сотрудничества КНР—АСЕАН, Комиссии по реке Меконг, а также Европейского банка реконструкции и развития, Европейского инвестиционного банка и других финансовых институтов стран-участниц.

Сложности интеграции регионов в глобальную Инициативу

На пути реализации поставленных задач Китай сталкивается с рядом сложностей. Так, потребуются дополнительные ресурсы для решения проблемы региональной социально-экономической неравномерности; более комплексная система финансирования региональных стратегий развития и ОПОП в целом (о чем было заявлено на Втором Форуме ОПОП); решение проблемы трудовой миграции и оттока трудоспособного населения в восточные провинции; «ржавый пояс» на севере потребует средства для утилизации и модернизации; требуется совершенствование законодательства для иностранных инвесторов в Китае; учитывать внутрикультурный компонент и вести работу с населением этнически разнообразного Западного региона; учитывать фактор безопасности (в частности, в Тибетском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах); решать внутривнутриполитические проблемы (Гонконг, Тайвань).

Библиографический список

Видение стратегического партнерства АСЕАН—КНР до 2030 года. URL: <https://asean.org/storage/2018/11/ASEAN-China-Strategic-Partnership-Vision-2030.pdf> (дата обращения: 01.10.2019).

Доклад Си Цзиньпина на 19-м Съезде КПК (полный текст). Пекин, 3 ноября. Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 05.10.2019).

Официальный сайт Фонда Шёлкового пути. URL: <http://www.silkroadfund.com.cn/enweb/23775/23767/index.html> (дата обращения: 05.10.2019).

Экономическое развитие регионов: опыт России и Китая [Текст]: монография / под науч. рук. В.А. Ильина, А.А. Шабуневой, К.А. Гулина, Д. Мао. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 402 с.

China Statistical Yearbook 2018. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm> (дата обращения: 05.10.2019).

Connectivity along Overland Corridors of the Belt and Road Initiative // World Bank Discussion Paper. October 2018. No. 6. P. 5. URL: <http://documents.worldbank.org>

k.org/curated/en/264651538637972468/pdf/Connectivity-Along-Overland-Corridors-of-the-Belt-and-Road-Initiative.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

Lancang-Mekong Cooperation framework. URL: http://www.lmcchina.org/eng/gylmhz_1/jj/t1519110.htm (дата обращения: 05.11.2019).

Master Plan on ASEAN Connectivity — 2025. URL: <https://asean.org/storage/2016/09/Master-Plan-on-ASEAN-Connectivity-20251.pdf> (дата обращения: 05.11.2019).

People's Republic of China: ABD Country Partnership Strategy (2016—2020). URL: <https://www.adb.org/documents/peoples-republic-china-country-partnership-strategy-2016-2020> (дата обращения: 05.10.2019).

Zhengyun Sun. Explaining Regional Disparities of China's Economic Growth: Geography, Policy and Infrastructure. URL: https://www.econ.berkeley.edu/sites/default/files/Thesis_ZhengyunSun.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

«Шисань» гуйхуа (13-й пятилетний План развития) // Госсовет КНР // URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-02/11/content_5265853.htm (дата обращения: 10.10.2019).

References

ASEAN-China Strategic Partnership Vision 2030. URL: <https://asean.org/storage/2018/11/ASEAN-China-Strategic-Partnership-Vision-2030.pdf> (accessed: 01 October, 2019).

China Statistical Yearbook 2018. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm> (accessed: 05 October, 2019).

Connectivity along Overland Corridors of the Belt and Road Initiative // World Bank Discussion Paper. October 2018. No. 6. P. 5. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/264651538637972468/pdf/Connectivity-Along-Overland-Corridors-of-the-Belt-and-Road-Initiative.pdf> (accessed: 01 November, 2019).

Constitution of the PRC (full text as amended in 2018) // National People's Congress // URL: <https://npcobserver.files.wordpress.com/2018/12/PRC-Constitution-2018.pdf> (accessed: 01 October, 2019).

Economic Development of Regions: the Experience of Russia and China [Text] // V.A. Piyin, A.A. Shabunova, K.A. Gulin, D. Mao. Vologda: ISEDT RAS, 2017. 402 p.

Lancang-Mekong Cooperation framework. URL: http://www.lmcchina.org/eng/gylmhz_1/jj/t1519110.htm (accessed: 05 November, 2019).

Master Plan on ASEAN Connectivity — 2025. URL: <https://asean.org/storage/2016/09/Master-Plan-on-ASEAN-Connectivity-20251.pdf> (accessed: 05 November, 2019).

People's Republic of China: ABD Country Partnership Strategy (2016–2020). URL: <https://www.adb.org/documents/peoples-republic-china-country-partnership-strategy-2016-2020> (accessed: 05 November, 2019).

Report of Xi Jinping at the 19th CCP Congress (full text) // Beijing, November 3 / Xinhua. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (accessed: 05 October 2019).

The official website of the Silk Road Foundation. URL: <http://www.silkroadfund.com.cn/enweb/23775/23767/index.html> (accessed: 05 October, 2019).

Zhengyun Sun. Explaining Regional Disparities of China's Economic Growth: Geography, Policy and Infrastructure. URL: https://www.econ.berkeley.edu/sites/default/files/Thesis_ZhengyunSun.pdf (accessed: 01 November, 2019).

“Shisanwu”guihua (13th Five-year Development Plan) // PRC State Council. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-02/11/content_5265853.htm (accessed: 10 October, 2019).

О.Т. Бейсенбаев

СОТРУДНИЧЕСТВО КАЗАХСТАНА, РОССИИ И КИТАЯ В РАЗВИТИИ ЦИФРОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В данной статье автор обращает внимание на масштабы цифровизации в странах вдоль Шелкового пути и актуальность их цифрового сотрудничества. Особый акцент делается на различие в уровнях цифровизации в соседствующих странах.

Автор считает что всеобъемлющая цифровизация создает новые подходы к взаимодействию не только между людьми и предприятиями, но и между разными государствами. В статье в качестве основных сфер кооперации в рамках Цифрового Шелкового пути рассмотрены: подготовка кадров, создание финансовой инфраструктуры, обеспечение информационной безопасности, развитие электронной торговли.

По мнению автора, на фоне экономических санкций, торговой войны между крупными державами, сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь» становится все более актуальным. Автор считает, что развитие Цифрового Шелкового пути выведет экономику вышеназванных стран на новый уровень в результате мобильности и прозрачности торговых операций. Доказательством тому является объем «серого» импорта КНР в Центральную Азию (ЦА) и расхождение в статистических показателях по товарообороту между Китаем и Казахстаном.

Подводя итоги, автор отмечает, что, несмотря на достижения в развитии цифровой экономики в РФ, РК и КНР и достигнутые ранее договоренности, отсутствуют общая повестка дня и конкретные механизмы цифровой взаимосвязи между странами современного Шелкового пути.

Ключевые слова: Цифровой шелковый путь, инициатива «Один пояс, один путь», цифровизация, трансформация, информационное общество, онлайн-торговля, кибербезопасность, человеческий капитал, диверсификация.

Автор: Бейсенбаев Олжас Тусупбекулы, PhD, докторант кафедры китаеведения КазНУ им. Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан). E-mail: beisenbayev.olzhas@gmail.com

O.T. Beisenbayev

The cooperation between Kazakhstan, Russia and China in the development of the Digital Silk Road: new challenges and prospects

Abstract. In this article, the author draws attention to the scale of digitalization in the countries along the New Silk Road and the relevance of their digital cooperation. Particular attention is paid to the difference in the levels of digitalization in these neighboring countries.

The author believes that comprehensive digitalization creates new approaches to interaction not only between people and organizations, but also between different countries. In the article as the main areas of cooperation in the framework of the Digital Silk Road are considered: preparation of specialists, creation of financial infrastructure, information security and development of e-commerce.

According to the article, against the background of economic sanctions, trade war between major powers, cooperation within the framework of the “One belt, One road” Initiative is becoming more important. The author believes that the development of the Digital Silk Road will bring the economies of these countries to a new level due to mobility and transparency of trade operations. Proof of this is the volume of shadow import of China to Central Asia and particularly the difference of trade statistics between China and Kazakhstan.

Finally author notes that despite the achievements of the digital economy development in Russia, Kazakhstan and China and the agreements reached earlier, there is no common agenda and mechanisms of digital interaction between the countries of the New Silk Road.

Keywords: Digital Silk Road, “One belt, One road” initiative, digitalization, transformation, information society, online trade, cyber security, human capital, diversification.

Author: Olzhas Tusupbekuly BEISENBAYEV, PhD, doctoral student of the Department of Chinese studies of KazNU of Al-Farabi (Almaty, Kazakhstan) (e-mail: beisenbayev.olzhas@gmail.com).

В нынешнюю эпоху мы становимся свидетелями кардинальных изменений во всех отраслях жизнедеятельности; коренные преобразования происходят в сфере производства, торговли и потребления. По мнению автора книги «Четвертая промышленная революция» К. Шваба, новая промышленная революция началась на рубеже нового тысячелетия, и она будет цифровой в связи с мобильным интернетом, обучающимися машинами и развитием искусственного интеллекта [Шваб, с. 11].

К сожалению, не во все части мира доходят результаты промышленной революции. Развитые государства имеют технологическое превосходство и доминирование в сфере информационных технологий [Бейсенбаев]. Но, тем не менее, цифровизация создает новые подходы, изменяющие способы взаимодействия между людьми, организациями и странами. Поэтому важно рассмотреть темп цифровой трансформации казахстанского общества сквозь призму сотрудничества с соседствующими странами, которые имеют опыт и определенные результаты продвижения цифровой экономики.

Разные культуры, страны, города во время торговли вдоль Шелкового пути также обменивались идеями, обучались друг у друга, стимулируя развитие философии, наук, языкознания и религии [Франкопан, с. 15]. В сегодняшний период технологической трансформации, формирования стратегий цифрового развития, создания «умных городов» и развития трансграничной торговли, Шелковый путь снова возрождается и поэтапно цифровизируется. Элементарно, ни контейнерные, ни авиаперевозки невозможно обеспечить без обмена соответствующей информацией. Нам известно, что амбициозная инициатива Китая «Один пояс, один путь» (далее — Инициатива) состоит из двух направлений: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Сейчас в ки-

тайских и международных СМИ часто говорится о развитии «Шелкового пути на воздухе», создании «Космического Шелкового пути», а также сотрудничества в рамках Цифрового Шелкового пути. Данные направления официально не утверждены в концепции Инициативы или документах Госсовета КНР. Но, по крайней мере, Инициатива закреплена в Уставе КПК КНР, и Цифровой Шелковый путь не раз был упомянут в выступлениях руководства КНР и стран-участников Инициативы. К примеру, Си Цзиньпин на открытии первого международного форума «Один пояс, один путь» в 2017 г. отметил: «Мы должны помогать развитию «больших данных», «облачной» среды и «умных» городов, чтобы превратить их в цифровой Шелковый путь XXI века. Мы должны ускорить интеграцию науки и технологий, внедряя их в промышленность и финансы, совершенствуя условия для инноваций и объединяя ресурсы» [Си Цзиньпин...].

Когда речь идет о развитии Цифрового Шелкового пути (далее — ЦШП), мы в первую очередь обращаем внимание на уровень цифровизации внутри государств, находящихся вдоль нового Шелкового пути. В данном контексте актуально рассмотреть динамику цифровой трансформации казахстанского общества и результаты национальной программы. В 2018 г. оказание государственных услуг в электронном формате составило 60 %; в 2019 г. этот показатель повысился до 80 % [Казахстан показывает динамичную трансформацию...]. Можно с уверенностью сказать что выполнены индикаторы ранее принятых программ по форсированному индустриально-инновационному развитию и формированию «электронного правительства». Есть положительные сдвиги в сфере диджитализации, доказательством тому являются данные в разрезе регионов и возрастных категорий по повышению цифровой грамотности населения и переходу к информационному обществу. По материалам Комитета Статистики МНЭ РК доля пользователей сети интернет в Казахстане от 6 до 74 лет за последние 7 лет увеличилось почти на 40 %. Наблюдается рост уровня грамотности населения в возрасте 6—74 лет в части использования цифровых устройств и и получения услуг через Интернет. По доле пользователей интернета в разрезе регионов Казахстана лидируют мегаполисы, такие как г. Нур-Султан (90,1 %)

и г. Алматы (87,7 %). Из областей лидируют Алматинская (88,2 %), Костанайская (88,0 %), в списке аутсайдеров Акмолинская, Карагандинская и Западно-Казахстанские области.

По некоторым результатам реализации программы «Информационный Казахстан-2020» за последние годы были проведены 70 % мероприятий, целевые индикаторы перевыполнены на 40 %. Но беспрецедентное развитие информационных технологий на международном уровне выносит на повестку дня новые вызовы и перспективы, требует оперативных решений на национальном уровне. На сегодняшний день в Казахстане принят и поэтапно реализуется государственная программа «Цифровой Казахстан». Она ориентирована на 2018—2022 годы и на ее реализацию выделено 141 048 387 тыс. тенге из госбюджета.

Страны Евразийского пространства развивают цифровую экономику в рамках своих национальных программ, в ряде стран созданы министерства цифрового развития. Так, в Кыргызстане действует программа «Таза коом» (Чистое общество), в Республике Беларусь — «Цифровая экономика и развитие информационного общества», в Турции — «Стратегия-2023», в России — «Цифровая экономика», в КНР — «Сделано в Китае-2025». В качестве основных сфер сотрудничества в строительстве ЦШП рассматриваются электронная коммерция, финансовая инфраструктура, образование и обеспечение информационной безопасности.

В настоящее время, благодаря росту электронной коммерции, даже с ограниченным капиталом легко создать бизнес. К 2040 г. 95 % покупок будут совершаться в Интернете. Электронная коммерция предоставляет новые возможности для молодых. В 2017 г. на долю электронной торговли пришлось 2,3 трлн долл, по прогнозам к 2021 г. этот показатель увеличится до 4,5 трлн долл. По итогам 2018 г. объем рынка онлайн-торговли в Казахстане вырос в 1,5 раза и составил 269 млрд тенге. Структура рынка электронной коммерции в Казахстане состоит на 68 % из торговли товарами, и на 32 % — услугами [Какие возможности дает Казахстану...]. В РК объем розничной торговли через Интернет в 2013—2017 гг. вырос в 3,8 раза, достигнув около 107 млн тенге. Цифры оптовой торговли через Интернет составляют 0,4 % от общего объема.

В РК на законодательном уровне предусмотрены налоговые льготы субъектам электронной торговли. Ими уже воспользовался 331 новый субъект е-коммерции. В Казахстане развивается сервис бесконтактных платежей с применением мобильного телефона [Цифровизация экономики...]. Данные и предыдущие цифры показывают, что электронная торговля динамично развивается в свете распространения мобильного интернета.

По словам министра цифрового развития А. Жумагалиева, в 2018 г. плановый показатель доли электронной торговли составил 2,9 %, а в 2025 г. электронная торговля составит 24 % розничных продаж. Количество онлайн-покупателей в 2018 г. достигло 2,32 млн человек, к 2025 г. оно может составить 15 млн человек [К 2025 г. количество онлайн-покупателей...]. Эти цифры можно увеличить, используя транзитный потенциал Казахстана между Китаем и Европой. Благодаря транспортному коридору «Западная Европа—Западный Китай», данный объем транзита можно увеличить до 864 млн посылок к 2025 г. Рынок Китая особенно выгоден для реализации продукции отечественного сельхозпроизводства [Какие возможности дает Казахстану...]. Дорожная карта по развитию электронной коммерции до 2025 г. придаст дополнительный импульс систематизации работы в этом направлении.

Тотальная цифровизация современной экономики и общественной жизни требует подготовки специалистов нового образца, в том числе и в сфере информационной безопасности. Сегодня растет потенциал университетов России, Китая и Казахстана. Согласно рейтингу британской компании «Times Higher Education», только 6 вузов КНР входят в число топовых университетов мира. По некоторым данным, в КНР около 15 тыс., в РФ — 65 тыс. казахстанцев обучаются разным специальностям. Мы считаем, что соседствующие страны должны акцентировать внимание на подготовку кадров по ИТ, робототехнике и спутниковым технологиям. Академия ШОС и Альянс университетов Шелкового пути могут стать эффективной площадкой для подготовки и повышения квалификации специалистов.

Казахстан в рамках ЦШП присоединился к китайским и российским рынкам не только через физическую, но также финансовую и цифровую инфраструктуру. Это внесет вклад в диверсификацию

экономики. Для этого создан Международный финансовый центр «Астана», где ключевыми акционерами выступают Шанхайская Фондовая биржа и «Фонд Шелкового пути». Также на казахстанском рынке присутствуют китайские банки, такие как China Construction Bank, ICBC, Bank of China. Китайская компания Huawei уже занимается внедрением сетей 5G, а также цифровых проектов «Безопасный город», Smart Home, Astana Hub.

Обеспечение национальной безопасности требует наращивания цифровых возможностей стран, усовершенствования киберзащиты, развития электронной промышленности и информационно-коммуникационных технологий. Действительно, сегодня информация не имеет границ и технологии носят трансграничный характер. По мнению российского государственного деятеля Н. Патрушева в мире присутствуют тенденции формирования полицентричной системы международных отношений. В качестве одной из сфер сдерживания влияния России и Китая со стороны США автор выделяет информационно-коммуникационную область. Для преодоления рисков в данном направлении Россия и Китай наращивают свой цифровой потенциал [Патрушев]. Среди ключевых направлений сотрудничества необходимо укрепить взаимодействие в сфере безопасности, борьбы против деятельности экстремистских организаций в социальных сетях, мошенничества, торговли людьми и наркотиками, борьбы против деструктивных сообществ в интернете повлекших подростков на суицид. В середине 2017 г. был зафиксирован всплеск пропаганды суицида среди подростков в российских социальных сетях, который в дальнейшем распространился за пределы страны и в том числе в Казахстане. В России были осуждены несколько десятков кураторов группы смерти, Роскомнадзор РФ заблокировал сотни тысяч опасных материалов для детей. Это также касается своевременного пресечения деятельности интернет-сайтов и порталов, разжигающих межнациональную рознь, религиозную вражду, расовую дискриминацию и посягающих на территориальную целостность, историю и традиции отдельных стран, честь и достоинство их граждан. Поэтому, все более актуальным становится вопрос защиты национальных интересов и безопасности государств в информационно-коммуникационном пространстве. Безусловно

должны сохраняться все принципы и нормы международного права, потребности граждан в свободном обмене информацией и их конфиденциальность.

В условиях нынешних реалий страны должны понимать важность развития цифрового сотрудничества в рамках международных организаций как — ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, СВМДА и БРИКС. Основопологающим документом в обеспечении информационной безопасности является Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности(концепция)[Конвенция об обеспечении...]. В 2013 г. принято Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в области обеспечения информационной безопасности. Эти два документа имеют особую регулирующую роль для стран в пространстве СНГ. В январе 2015 г. также члены ШОС внесли в ООН «Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности (МИБ)».

В РФ принят стратегический документ «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 г.», также Доктрина информационной безопасности РФ [Указ Президента РФ...]. В Китае в 2005 г. Государственная стратегия развития информатизации на 2006—2020 гг., НОАК КНР рассматривает сетевые операции как важный элемент информационного противоборства, внедряется система социального кредита населения. Далеко не все считают китайскую систему безопасной и полезной, справедливо полагая, что система социального кредитного рейтинга уже сейчас мешает миллионам китайцев свободно перемещаться по стране или выезжать за ее пределы[Масимов, с.138].

В Послании от 10 января 2018 г. Н. Назарбаев отметил: «Сегодня понятие кибербезопасности включает в себя защиту не просто информации, но и доступа к управлению производственными и инфраструктурными объектами» [Послание Президента РК народу Казахстана...]. Казахстан выступает за создание киберполиции в рамках ШОС для обеспечения международной кибербезопасности. В 2017 г. по результатам «Глобального индекса кибербезопасности», Казахстан занимает 82 место из 193 стран мира [«Кибершит Казахстана»...]. Для достижения этой цели разработана и действует Кон-

цепция кибербезопасности «Кибершит Казахстана», согласно которой будут созданы оперативные центры и службы реагирования на кибер-инциденты [Государственная программа «Цифровой Казахстан»...].

На основе вышеназванных документов страны СНГ, ШОС, в том числе Китай, Россия и Казахстан могут оперативно предотвращать и урегулировать межгосударственные конфликты и гибридные войны в информационном пространстве. Существующие организации как СНГ и ШОС являются эффективной региональной площадкой координации деятельности стран в этой сфере. Развивая сотрудничество в рамках Цифрового Шелкового пути особо важно противодействовать применению информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления враждебных действий и подрыва суверенитета отдельно взятых государств.

На фоне экономических санкций США против России и торговой войны между США и КНР, сотрудничество в рамках Инициативы становится все более актуальным. Развитие ЦШП выведет экономику стран на новый уровень в результате мобильности и прозрачности торговых операций. Так, например, в 2017 г. руководством Казахстана было выявлено, что данные Китая и Казахстана по товарообороту с 2004 по 2018 годы расходятся на целых 64 млрд долл. На разных площадках СНГ, ЕАЭС обсуждается вопрос создания интегрированной цифровой инфраструктуры. Но пока общей цифровой повестки дня и дорожной карты её реализации для стран содружества нет. Отсутствие конкретных механизмов и процедур их применения, оперативных решений и дальнейших действий затрудняет формирование системы международной информационной безопасности, равноправного партнерства в целом.

Казахстану важно сотрудничество с соседними странами в рамках инициативы «Один пояс, один путь», организаций ЕАЭС, ОДКБ и ШОС для развития Цифрового Шелкового пути, взаимодействия в сфере кибербезопасности, развития торговли и подготовки кадров. Развитие Цифрового Шелкового пути подготовит платформу для более мобильного, прозрачного и эффективного сотрудничества между нашими странами.

Библиографический список

Шwab K. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2018. 288 с.

Франкопан П. Шелковый путь / пер. с англ. В.Ю. Шаршуковой. М.: Эксмо, 2018. 688 с.

Си Цзиньпин цзай идай илу луньтань фабяо чжучжи яньцзын : [Си Цзиньпин выступил с речью на форуме Пояса и пути] / Правительство Китая. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-05/14/content_5193658.htm (дата обращения: 15.10.2019).

Рейтинг стран мира по уровню развития информационно-коммуникационных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index/ict-development-index-info> (дата обращения: 15.10.2019).

Казахстан показывает динамичную трансформацию в области цифровизации. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/all/kazahstan-pokazivaet-dinamichnuyu-transformatsiyu-v-oblasti-tsifrovizatsii-eksperti-17746> (дата обращения: 15.10.2019).

Какие возможности дает Казахстану электронная коммерция. URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/akie-vozmozhnosti-daet-azahstanu-elektronnaya-kommertsiya-53127> (дата обращения: 15.10.2019).

Цифровизация экономики: эффекты и стимулы. URL: <https://www.kazpravda.kz/articles/view/tsifrovizatsiya-ekonomiki-effekti-i-stimuli> (дата обращения: 15.10.2019).

К 2025 г. количество онлайн-покупателей достигнет 15 млн человек. URL: <https://www.zakon.kz/4969490-k-2025-godu-kolichestvo-onlayn.html> (дата обращения: 15.10.2019).

Послание Президента РК народу Казахстана от 10 января 2018 г. URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-n-nazarbaeva-narodu-kazahstana-10-yanvarya-2018-g (дата обращения: 15.10.2019).

«Кибершит Казахстана»: первые итоги реализации. URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/52085/> (дата обращения: 15.10.2019).

Государственная программа «Цифровой Казахстан». URL: <https://primeminister.kz/ru/page/view/gosudarstvennaya-programma-digital-kazahstan> (дата обращения: 15.10.2019).

References

Schwab K. the Fourth industrial revolution. Moscow: Eksmo, 2018. 288 p. (138)

Frankopan P. The Silk Road / translate to eng. V. Y. Sharshakova. Moscow: Eksmo, 2018. 688 p.

Rating of the world countries by the level of development of information and communication technologies. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index/ict-development-index-info> (accessed: 15 October, 2019).

Kazakhstan shows a dynamic transformation in the field of digitalization. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/all/kazahstan-pokazivaet-dinamichnuu-transformatsiu-v-oblasti-tsifrovizatsii-eksperti-17746> (accessed: 15 October, 2019).

What opportunities does e-commerce give to Kazakhstan? URL: https://strategy2050.kz/ru/news/akie_vozmozhnosti_daet_azahstanu_elektronnaya_kommertsiya___53127 (accessed: 15 October, 2019).

Digitalization of the economy: effects and incentives. URL: <https://www.kazpravda.kz/articles/view/tsifrovizatsiya-ekonomiki-effekti-i-stimuli> (accessed: 15 October, 2019).

By 2025, the number of online buyers will reach 15 million people. URL: <https://www.zakon.kz/4969490-k-2025-godu-kolichestvo-onlayn.html> (accessed: 15 October, 2019).

Message of the President of Kazakhstan to the people of Kazakhstan on January 10, 2018. URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-n-nazarbaeva-narodu-kazahstana-10-yanvarya-2018-g (accessed: 15 October, 2019).

“Cyber shield of Kazakhstan”: first results of implementation. URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/52085/> (accessed: 15 October, 2019).

State program “Digital Kazakhstan”. URL: https://primeminister.kz/ru/page/view/gosudarstvennaya_programma_digital_kazahstan (accessed: 15 October, 2019).

И.В. Олейников

КИТАЙ—НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ: НА ПУТИ К МОДЕРНИЗАЦИИ СОГЛАШЕНИЯ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ

Аннотация. В статье рассматривается процесс модернизации двустороннего соглашения о свободной торговле, заключенного между Новой Зеландией и Китаем в 2008 г. Новая Зеландия и Китайская Народная Республика представляют собой динамичные экономики, зависящие от развития международной торговли товарами, услугами и инвестициями для активизации экономического роста. Стабильные связи в мировой экономике и облегченный доступ к рынкам являются основой их политических контактов. Позитивное влияние соглашения 2008 г. способствовало интенсивному развитию взаимной торговли и инвестиционного сектора.

Рассмотрена специфика модернизации соглашения о свободной торговле между Новой Зеландией и Китаем. Отмечено, что правительства стран выбрали девять сфер для регулирования в рамках обновленного Соглашения. Проанализированы четыре новые области регулирования — конкурентная политика, электронная коммерция, государственные закупки, охрана окружающей среды.

Сделан вывод, что модернизация соглашения о свободной торговле между Новой Зеландией и Китаем отражает изменения в структуре экономического взаимодействия между странами. Значима роль переговоров как дополнительного канала для диалога и по-

литического сотрудничества Новой Зеландии как «малой страны» с таким экономическим гигантом как КНР. Для Китая модернизация соглашения о свободной торговле является продолжением схемы долгосрочного сотрудничества с малым развитым государством Запада. При помощи достигнутых положительных успехов в связях с Новой Зеландией, китайское руководство пытается создать устойчивую площадку для расширения базы подобных соглашений с другими государствами Запада.

Ключевые слова: Китай, Новая Зеландия, соглашение о свободной торговле, экономическое сотрудничество, модернизация

Автор: Олейников Илья Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета Иркутского государственного университета. E-mail: ilyavasilich@yandex.ru

I. V. Oleynikov

China — New Zealand: on the road to modernizing the Free Trade Agreement

Abstract. This article describes process of modernization of the bilateral FTA concluded between New Zealand and China in 2008. New Zealand and the PRC are dynamic market economies that depend on the development of international trade of goods, services and investments to enhance economic growth. Strong connections in the world economy and easy access to markets are the basis of their political contacts. The positive impact of the 2008 agreement contributed to the intensive development of mutual trade and investment sector.

The specifics of the modernization of the FTA between New Zealand and China are considered. It was noted that the governments of the states have chosen nine areas for regulation within the framework of the updated agreement. Four new areas of regulation are analyzed — competition policy, electronic commerce, government procurement, environment and trade.

It is concluded that the modernization of the FTA between New Zealand and China reflects changes in the structure of economic cooperation between the countries. The role of negotiations as an additional channel for dialogue and political cooperation of New Zealand as a “small country” with such an economic giant as China is significant. For China, the modernization of the FTA is a continuation of the long-term cooperation scheme with the small developed state of the West. Using the posi-

tive achievements made in relations with New Zealand, the Chinese leadership is trying to create a stable platform for expanding the base of such agreements with other Western states.

Keywords: China, New Zealand, free trade agreement, economic cooperation, modernization.

Author: Ilya V. OLEYNIKOV, Ph.D. (History), Associate Professor, History Faculty, Irkutsk State University
(e-mail: ilyavasilich@yandex.ru)

В 2008 г. Новая Зеландия стала первой страной Запада, заключившей соглашение о свободной торговле с Китайской Народной Республикой (см. [Олейников]). Для Китая договор такого рода позволил увереннее позиционировать свои интересы на международной арене. Соглашение привело к интенсивному развитию торгово-экономических связей между странами, рост новозеландского экспорта в период 2008—2018 гг. находился в границах 225—350 млн долл. США. Позитивное влияние соглашения способствовало развитию взаимной торговли и инвестиционного сектора. В настоящее время КНР является основным партнером Новой Зеландии в сфере торговли товарами и вторым — в сфере торговли услугами. Общий объем новозеландского экспорта в Китай по состоянию на июнь 2019 г. составил 18,9 млрд долл. (15,6 млрд — торговля товарами и 3,3 млрд долл. — торговля услугами), импорт товаров из КНР находился на уровне 13,3 млрд долл. (12,5 млрд долл. — торговля товарами и 800 млн долл. — торговля услугами). Помимо этого, Китай является вторым по величине туристическим рынком для Новой Зеландии, основным источником иностранных студентов. Взаимодействие со страной Запада с развитой экономикой является частью общего курса Пекина на построение «гармоничного мира».

В ноябре 2016 г., спустя почти десять лет после подписания документа, правительства двух стран решили запустить процесс модернизации Соглашения о свободной торговле для дальнейшего снятия барьеров и начали активные переговоры, ведь за последние годы мировые торговые правила и бизнес-практики существенно изменились [Launch of Negotiations to Upgrade China FTA...]. Совместное заявление о начале диалога было сделано министром торговли Новой Зеландии Т. МакКлэем и министром коммерции КНР Гао Хученом

«на полях» саммита АТЭС в Перу. Стороны выбрали девять сфер для регулирования в рамках обновленного Соглашения. К ним относятся как четыре абсолютно новые области регулирования — конкурентная политика, электронная коммерция, государственные закупки, охрана окружающей среды [*New Areas of Cooperation*], — так и обновленные главы Соглашения 2008 г.: сотрудничество в сельскохозяйственной сфере, правила происхождения товара, услуги, технические барьеры в торговле, таможенные процедуры.

Так, к соглашению добавлена новая глава о конкурентной политике. Основной акцент сделан на конкурентном законодательстве, которое должно быть прозрачным, открытым и недискриминационным для обеих сторон, обеспечивая защиту покупателей товаров и услуг. Глава об электронной коммерции включает в себя нормы о защите прав и персональной информации покупателей онлайн-магазинов. Помимо этого, Китай и Новая Зеландия собираются расширить сотрудничество в сфере использования электронных торговых площадок малым и средним бизнесом для развития трансграничной торговли товарами. Немаловажно, что будет поддерживаться текущая практика освобождения электронных транзакций от таможенных платежей, поощряться «безбумажная» торговля на основе электронной аутентификации и использования цифровых сертификатов. Блок правил относительно государственных закупок содержит заявления по проведению антикоррупционной политики и прозрачности процедур закупки.

В области охраны окружающей среды планируется заключить соглашение об обеспечении защиты экологии, предусматривающее, что экологические стандарты не будут использоваться для протекционистских целей в двусторонней торговле. И Китайская Народная Республика, и Новая Зеландия продолжают переговоры по широкому кругу вопросов в сфере охраны окружающей среды. Однако вопросы санитарных и фитосанитарных барьеров решено оставить вне рамок переговоров о модернизации Соглашения о свободной торговле — это связано с жестким законодательством относительно охраны уникального животного и растительного мира Новой Зеландии.

Модернизация сферы торговли услугами обусловлена тем, что в последние годы Китайская Народная Республика сделала значительный шаг вперед в создании полноценной экономики услуг. Путем

модернизации Соглашения правительство Новой Зеландии планирует создать новые возможности для новозеландских поставщиков услуг в сферах охраны окружающей среды, аудиовизуальных услугах, аэропортового хозяйства, частного образования и архитектуры на огромном рынке КНР. Помимо этого, будут модернизированы нормы, касающиеся риэлтерских, образовательных и рекламных услуг.

В области торговли товарами модернизация Соглашения обеспечивает постепенную отмену тарифов Китаем в течение десяти лет на 12 различных товарных линеек в области деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, исключенных Соглашением 2008 г. [*New Zealand-China Free Trade Agreement Upgrade*]. Действующее соглашение уже обеспечивает высокий уровень либерализации по сравнению с любым ЗСТ, заключенным КНР с какой-либо другой страной — 98 % новозеландского экспорта в Китай получает доступ на преференциальной основе. Переговоры коснулись и ряда бюрократических норм, влияющих на скорость поставки товаров; ищется решение ряда вопросов, связанных с нетарифными мерами и ограничениями.

В сфере инвестиций улучшения коснутся пороговых значений проверок, применяемых в отношении китайских инвестиций после планируемого вступления Новой Зеландии во Всеобъемлющее и Прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве. Подтверждается, что китайские правительственные инвестиции в новозеландские бизнес-активы оцениваются на уровне 100 млн долл., негосударственные инвестиции составляют около 200 млн долл. [*New Zealand-China Free Trade Agreement Upgrade*]

Ключевые улучшения в правилах происхождения товаров включают в себя возможность для «одобренных экспортеров» самостоятельно декларировать страну происхождения своих товаров; стороны пришли к согласию по вопросам о том, что незначительные ошибки и несоответствия в документации не будут препятствовать применению льготных тарифных ставок в рамках ЗСТ; новые положения упрощают процесс грузоперевозок и акцентируют внимание на использовании существующих коммерческих документов для проверки отправки партии товара.

Модернизация таможенных норм и процедур в рамках обновленного соглашения включает в себя введение ускоренного шести-

часового времени таможенной очистки для скоропортящихся товаров, таких как морепродукты, включая выпуск с таможни товаров такого рода в нерабочее время и обеспечение надлежащих условий хранения. В нормы включаются положения об оценке товара, обеспечивающие бизнесменов дополнительной информацией о качестве и обращении с их товарами. Вводятся новые положения о прозрачности, расширяющие доступ к нормативным актам и таможенному законодательству, включая создание контактных пунктов в ключевых портах Китая для предоставления информации и оперативного разрешения возникающих проблем и вопросов.

Обновление соглашения о свободной торговле вносит коррективы в нормы о перемещениях физических лиц. Происходит перераспределение рабочих виз для так называемых «знаковых китайских профессий». Общий визовый лимит в 800 рабочих мест останется прежним, но квоты будут перераспределены в рамках пяти категорий. В частности, произойдет увеличение мест для гидов из КНР (от 100 до 200 мест), увеличение количества преподавателей классического китайского языка (со 150 до 300 мест) и соответствующее снижение квот в категориях традиционной китайской медицины и боевых искусств ушу [*New Zealand-China Free Trade Agreement Upgrade*].

Соглашение содержит и упоминание о защите интереса коренного народа Новой Зеландии — маори. Отмечен вклад маори в четыре ключевых сектора экономики — сельское хозяйство (лесное хозяйство и рыболовство), туризм, строительство и инфраструктуру, технологии и инновации. Подчеркивается, что ключевые сферы для будущих инвестиций будут включать в себя туристический, инфраструктурный и научно-технологический сектора, в которых задействованы новозеландские аборигены.

В сентябре 2017 г. министр торговли Новой Зеландии Тодд МакКлэй отметил, что обновленное соглашение о свободной торговле с КНР будет способствовать появлению тысяч рабочих мест в каждом регионе и каждом городе страны и в итоге принесет миллиарды долларов прибыли новозеландской экономике [*McClay — China FTA Upgrade worth Thousands of Jobs*].

Восьмой раунд переговоров состоялся в августе 2019 г. в Пекине. Можно констатировать, что дальнейшая работа в этом направле-

нии способствовала формированию новых каналов для дальнейшего политического диалога между Китаем и Новой Зеландией. Уже 4 ноября 2019 г. на сайте Министерства иностранных дел и торговли Новой Зеландии был опубликован пресс-релиз о завершении переговоров по модернизации Соглашения о свободной торговле на полях Восточно-Азиатского саммита [*Joint Media Statement on the Upgrade...*]. Отмечено, что «...обе страны убеждены в том, что новозеландско-китайское соглашение о свободной торговле останется амбициозным, современным и высококачественным, сможет обеспечить потребности будущего в обширной и динамичной торговле и экономических взаимоотношениях, широких взаимосвязях между людьми, демонстрирует решимость обеих стран в свободной и открытой торговле основывающейся на правилах многосторонней торговой системы» [*Joint Media Statement on the Upgrade...*]. До завершения вступления модернизированного соглашения в силу будет обеспечена его правовая верификация и перевод, комплексный анализ с позиции национальных интересов, процесс подписания, процедура прохождения через Парламент и последующая ратификация. В рамках совместной встречи премьер-министров Новой Зеландии и КНР китайский премьер Ли Кэцян подчеркнул, что «завершение переговоров по модернизации совместного соглашения о ЗСТ посылает сигнал всему миру о том, что две наши страны поддерживают свободную торговлю конкретными действиями. Совместные усилия необходимы для всех сторон, включая Китай и Новую Зеландию, для того, чтобы встречать растущие неопределенности на глобальном горизонте и выдерживать давление на мировую экономику» [*Li Keqiang Meets with Prime Minister...*].

Однако переговоры по актуализации соглашения о свободной торговле сталкиваются и с торговыми трениями — в 2019 г. Новая Зеландия приостановила контракт с китайской компанией «Хуавэй» по развертыванию сотовых сетей 5G.

Таким образом, модернизация китайско-новозеландского соглашения о свободной торговле отражает изменения в структуре экономического взаимодействия между странами. Идет активный процесс формирования договоренностей, охватывающих новые сектора, проводятся переговоры по дальнейшему сокращению ограни-

чительных тарифов. Немаловажна роль переговоров как дополнительного канала для диалога и политического сотрудничества Новой Зеландии как типичной «малой страны» с таким экономическим гигантом, как КНР. Для Китая модернизация Соглашения о свободной торговле является способом для обновления блока соглашений в рамках ЗСТ с другими развитыми странами, это продолжение схемы долгосрочного сотрудничества с малым развитым государством Запада. Параллельно, при помощи достигнутых положительных успехов в связях с Новой Зеландией, китайское руководство пытается создать устойчивую площадку для расширения базы подобных соглашений с другими государствами Запада. Модернизация соглашения с Новой Зеландией означает существенные выгоды для «малой страны» и повышение статусной мотивации КНР, продиктованное долгосрочным внешнеполитическим расчетом.

Библиографический список

Олейников И.В. Соглашение о свободной торговле между Китаем и Новой Зеландией 2008 г. // Третьи университетские социально-гуманитарные чтения 2009 года: мат.-лы. Т. 2. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2009. С. 118—125.

Launch of Negotiations to Upgrade China FTA Announced // [Beehive.govt.nz](https://www.beehive.govt.nz/release/launch-negotiations-upgrade-china-fta-announced). The official site of New Zealand Government. 21.11.2016. URL: <https://www.beehive.govt.nz/release/launch-negotiations-upgrade-china-fta-announced> (дата обращения: 07.11.2019).

New Areas of Cooperation // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/trade/free-trade-agreements/free-trade-agreements-concluded-but-not-in-force/nz-china-free-trade-agreement-upgrade/new-areas-of-cooperation/#ecommerce> (дата обращения: 05.10.2019).

New Zealand-China Free Trade Agreement Upgrade // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade/China-FTA-Upgrade/NZ-China-FTA-Upgrade-Outcomes-Documents-Final.pdf> (дата обращения: 07.11.2019).

McClay — China FTA Upgrade worth Thousands of Jobs // [Beehive.govt.nz](https://www.beehive.govt.nz/release/mcclay-%E2%80%93-china-fta-upgrade-worth-thousands-jobs). The official site of New Zealand Government. 07.09.2017. URL: <https://www.beehive.govt.nz/release/mcclay-%E2%80%93-china-fta-upgrade-worth-thousands-jobs> (дата обращения: 07.11.2019).

Joint Media Statement on the Upgrade of the New Zealand China Free Trade Agreement // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. 04.11.2019. URL:

<https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade/China-FTA-Upgrade/joint-media-statement-on-the-upgrade-of-the-new-zealand-china-free-trade-agreement.pdf> (дата обращения: 07.11.2019).

Li Keqiang Meets with Prime Minister Jacinda Ardern of New Zealand // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 04.11.2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1713619.shtml (дата обращения: 07.11.2019).

References

Oleynikov I.V. (2009) Soglashenie o svobodnoy trgovle mezhdru Kitayem I Novoy Zelandiey 2008 g. [Tret'i universitetskiye sotsial'no-gumanitarnie chteniya 2009 goda: materialy]. Irkutsk: IGU, 2009. (In Russian).

Launch of Negotiations to Upgrade China FTA Announced // [Beehive.govt.nz](https://www.beehive.govt.nz). The official site of New Zealand Government. 21.11.2016. URL: <https://www.beehive.govt.nz/release/launch-negotiations-upgrade-china-fta-announced> (accessed: 07 November, 2019).

New Areas of Cooperation // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/trade/free-trade-agreements/free-trade-agreements-concluded-but-not-in-force/nz-china-free-trade-agreement-upgrade/new-areas-of-cooperation/#ecommerce> (accessed: 05 October, 2019).

New Zealand-China Free Trade Agreement Upgrade // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade/China-FTA-Upgrade/NZ-China-FTA-Upgrade-Outcomes-Document-Final.pdf> (accessed: 07 November, 2019).

McClay — China FTA Upgrade worth Thousands of Jobs // [Beehive.govt.nz](https://www.beehive.govt.nz). The official site of New Zealand Government. 07.09.2017. URL: <https://www.beehive.govt.nz/release/mccloy-%E2%80%93-china-fta-upgrade-worth-thousands-jobs> (accessed: 07 November, 2019).

Joint Media Statement on the Upgrade of the New Zealand China Free Trade Agreement // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade. 04.11.2019. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade/China-FTA-Upgrade/joint-media-statement-on-the-upgrade-of-the-new-zealand-china-free-trade-agreement.pdf> (accessed: 07 November, 2019).

Li Keqiang Meets with Prime Minister Jacinda Ardern of New Zealand // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 04.11.2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1713619.shtml (accessed: 07 November, 2019).

Е.В. Полхова

РОЛЬ ЯПОНСКИХ КОМПАНИЙ В ЭВОЛЮЦИИ АРКТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ТОКИО

Аннотация. В фокусе внимания представленной статьи находятся интересы бизнес-сообщества Японии в Арктике. В связи с тем, что, с одной стороны, в 2015 г. в своей Арктической стратегии Токио обозначил наличие интереса к Арктике, а с другой, диалог Токио и Москвы по линии президента Путина В.В. и премьер-министра С. Абэ способствовал росту взаимных ожиданий сотрудничества по многим направлениям, включая экономическое, область анализа помещена в контекст российско-японских отношений.

Прежде всего, внутри деловых кругов Японии интерес к Арктике сложился у представителей двух отраслей: энергетической и судостроительной. В дальнейшем это определило круг компаний, различных бизнес-ассоциаций и организаций, так или иначе вовлечённых в арктические проекты.

На данный момент к наиболее перспективным проектам относится Северный морской путь (СМП), который открывает множество возможностей, прежде всего, для транспортировки СПГ. Кроме того, это уникальная возможность для такого региона как Хоккайдо вписаться в логистическую цепочку СМП, что поможет стимулировать его развитие.

Другое направление сотрудничества, тесно связанное с СМП, это энергетика, и в контексте российско-японских отношений речь пойдёт об «Арктик СПГ-2». В 2019 г. к этому проекту присоединились японские компании Мицуи и JOGMEC.

Таким образом, в статье сделан акцент на том, что у компаний Японии не только существуют интересы в освоении Арктики, но также имеет место российско-японское сотрудничество, которое является стабильным и не нарушает уже сложившейся системы торгово-экономических отношений государств.

Ключевые слова: Россия, Япония, Арктика, экономическое сотрудничество, Северный морской путь, СПГ, Арктик СПГ 2

Автор: Полхова Екатерина Владимировна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Факультет международных отношений. E-mail: Polkhovez08@yandex.ru

Polkhova E. V.

The Influence of Japanese Business on Arctic Strategy of Tokyo

Abstract. Since Japan's Arctic Policy was announced in 2015, the importance of Arctic for Tokyo is growing. Therefore, the current article reveals the scale of Japanese companies' interests and especially the most significant projects in the Arctic region. In addition to this, as the dialogue between the President V. Putin and Prime Minister S. Abe has become an impetus for improving Russia — Japan bilateral relations, Arctic has turned into space for mutual cooperation between two nations. Overall, the role of Russia — Japan relations also has influence on the business world of Japan.

The sphere of Japan business' economic interests could be divided into three constituent parts such as fishery, energetics and logistics (represented by the Northern Sea Route (NSR)). The analysis touches upon energetics and the NSR as the most crucial points for Japan companies, deriving from the International Northern Sea Route Programme, which took place in 1990-s.

Nowadays, the main companies, whose interests are aimed at energetics and more precisely at LNG are Mitsui and JOGMEC. They joined Arctic LNG 2 in summer 2019 to continue diversification of Japan's energy suppliers.

Drawing attention to the NSR itself, it is associated with opportunities for Hokkaido to integrate in the logistic chain. Tomakomai port is expected to become the hub connecting the NSR with Asian countries. It can boost development of Hokkaido prefecture.

The article highlights that although Russia and Japan have several projects in Arctic for further collaboration, it does not break through the traditional economic ties with dominance of energetics. However, con-

vergence of Moscow and Tokyo appears in the niche, which meets the expectations of both nations.

Keywords: Russia, Japan, Arctic, economic cooperation, Northern Sea Route, LNG, Arctic LNG 2.

Author: Ekaterina V. POLKHOVA, PhD student at St. Petersburg Stat University, School of International Relations
(e-mail: Polkhovez08@yandex.ru).

В связи с возрастающим интересом к вопросу освоения Арктического региона как со стороны международного сообщества в целом, так и государств Северо-Восточной Азии в частности, один из аспектов, который нуждается в анализе — масштабы японского интереса. Так называемый интерес Токио имеет несколько измерений: геополитическое, политическое и экономическое. В представленной работе акцент будет сделан на экономическую составляющую, с учётом геополитического контекста. В связи с этим внимание будет обращено на несколько проблем: 1) интерес, который представляет Арктика для японских компаний; 2) возможности для его реализации; 3) контекст, формируемый российско-японскими отношениями для экономического сотрудничества в Арктике.

Круг интересов японских компаний в Арктике

К основным сферам интересов компаний Японии, в том числе распространяющихся и на Арктический регион, относятся: энергетика, развитие северного морского пути и биоресурсов. В связи с тем, что вопрос рыболовства можно отнести к самостоятельной тематике исследования, акцент будет сделан на энергетических проектах, а также сопряжённой с ними темы Северного морского пути (СМП). Хотя Япония не является приарктическим государством, у неё есть интересы в регионе, во многом из-за того, что она остаётся главным в мире экспортёром сжиженного природного газа. Так, согласно данным Международного газового союза (International Gas Union) за 2018 г., Япония по-прежнему находится на первом месте по потреблению СПГ в мире, на её долю приходится 25,4 % мирового импорта СПГ [2019 LNG Report]. Поскольку на Ямале расположе-

но крупнейшее месторождение природного газа — до 22 % всех мировых запасов [*Ryuichi Shibasaki*], это оставляет определённый потенциал для развития российско-японских отношений в области энергетики.

Будет справедливым отметить, что такие направления, как энергетика и СМП, в целом, не новы. Япония занималась изучением Арктики достаточно давно. JANSROP (Japanese Northern Sea Route Programme) — программа Японии по изучению Северного морского пути — активно развивалась в 1990-е гг. и проводилась при поддержке Фонда мира Сасакава (Sasakawa Peace Foundation). Программа реализовывалась в несколько этапов и довольно детально просчитывала все возможности участия Японии в освоении СМП. Однако в 2006 г., по итогам многолетних исследований, реализация идеи об СМП в обозримом будущем не представлялась возможной из-за климатических факторов. Размеры ледового покрова не позволяли всерьёз рассматривать применение СМП в коммерческих целях, так как в среднесрочной перспективе такой маршрут представлялся слишком дорогим и опасным. Ряд аналитиков обозначают такое решение, принятое японской стороной, как крупнейший стратегический просчёт [*Преодолевая холод*]. Однако данный исследовательский проект позволил сформировать фундаментальную базу относительно потенциала Арктического региона, которая оказалась востребованной при разработке арктической стратегии Японии.

В 2015 г. Япония анонсировала принципиально новую для себя Арктическую стратегию, разработкой которой занимался Штаб по океанической политике. Таким образом, в Токио было достаточно чётко обозначено, что Арктика — неотъемлемая составляющая интересов Японии. И одним из направлений стратегии стал в том числе СМП.

Несмотря на всю привлекательность более короткого маршрута, проходящего через Арктику, не всё так однозначно. На возможность и целесообразность эксплуатации СМП с целью транспортировки углеводородов влияют несколько факторов: сезоны навигации, стоимость транзита (плата взимается за сопровождение танкеров ледоколами), условия которого несколько усложнились с марта 2014 г., не-

стабильность рубля — тариф за транзит установлен в российской валюте, а её курс к доллару изменяется в довольно широком диапазоне. Цены на бункерное топливо (топливо, используемое в судоходстве) — ещё один определяющий фактор, влияющий на обоснованность использования СМП. В случае с этой величиной зависимость следующая: чем выше цена, тем более важным становится использование более коротких маршрутов СМП или Панамского канала, дабы сократить издержки. Тем не менее, нельзя упускать из виду, что существует зависимость между ценами на бункерное топливо и состоянием российской экономики, которая крайне чувствительна к изменению цен на энергетические ресурсы [*Ryuichi Shibasaki*]. Поэтому, несмотря на наличие официально обозначенных интересов в Арктическом регионе, включая СМП, существуют факторы риска, сдерживающие освоение маршрута, который вызывает немало споров среди представителей экспертного сообщества.

Реализация интересов японских компаний и российский фактор

Среди основных участников, заинтересованных в основании Арктики, присутствуют не только отраслевые объединения и непосредственно энергетические компании. Так, компаниям энергетической и судостроительной отраслей поддержку оказывает Кэйданрэн (Федерация бизнес-организаций). Например, в августе 2014 г. состоялось собрание в рамках Проекта по развитию Мицу-Огавара (*Mitsu-Ogawara Development Project*) при участии вице-губернатора префектуры Аомори Сасаки Икуо и председателя совета директоров компании Мицуи (*Mitsui O.S.K.*) Омия Хидэаки. В ходе встречи была подчёркнута важность развития СМП как логистического маршрута, соединяющего Европу и Азию [*Action, Keidanren Times*]. Также относительно линии Москва—Токио в «Базовой политике в отношении российско-японских экономических отношений» от 7 декабря 2015 г. Японо-российский комитет по экономическому сотрудничеству, одно из региональных подразделений Кэйданрэн, чётко обозначил ключевые интересы деловых кругов Японии. Пер-

воочерёдное место в освоении Арктики отведено разведке природных ресурсов и освоению СМП [*Базовая политика...*].

Поскольку японским компаниям необходима подробная информация и расчёты относительно возможностей и рисков ведения дел в Арктике, а она всё ещё остаётся неизученной, работа научных центров не теряет актуальности. К главным из них относятся Национальный институт полярных исследований (NIPR), Японское агентство морских наук и технологий (JAMSTEC), Японское агентство аэрокосмических исследований (JAXA). Наиболее же показательным является пример такого «мозгового центра» как Фонд по исследованию океанической политики [Ohnishi Fujio]. Он лоббирует интересы судостроителей, а также иных смежных отраслей, и основное внимание уделяет Северному морскому пути.

Переходя из институциональной плоскости к свидетельствам роста интереса японского бизнес-сообщества к Арктике, стоит отметить, что одним из серьёзных факторов, повлиявших на Токио, стал проход по СМП танкера «Эдуард Толль» в зимний период. Танкер начал свой путь в корейском порту, зашёл в порт Сабетта, забрал груз с завода «Ямал-СПГ» и успешно доставил его во Францию. А затем в июле 2018 г. в КНР был доставлен груз с Ямала танкерами, которые впервые пересекли Арктику без помощи ледокола. Общее время транспортировки от порта Сабетта до китайского порта составило 19 дней. В то время как традиционный маршрут через Суэцкий канал занимает 35 дней [*Melting ice...*].

В сентябре 2018 г. Японией при Штаб-квартире по океанической политике была создана проектная группа, которая должна изучать вопросы экологии в Арктике, а также возможности СМП. Интерес Японии к региону, таким образом, набирает обороты. Задачи данной проектной группы направлены на изучение следующих вопросов: сопровождение судами ледового класса для обеспечения круглогодичной навигации по СМП, введение международных правил безопасного судоходства, обучение моряков, которые будут хорошо ориентироваться на маршруте СМП, развитие и расширение спасательных и ремонтных баз, расположенных вдоль побережья, обеспечение высокой точности маршрутных карт [*Танака С.*].

Однако внимание Токио было сконцентрировано не только на исследовательской стороне вопроса. Японское правительство также создало специальную информационную платформу для транслирования своей позиции относительно Арктики международному сообществу. Так, например, было объявлено, что на странице правительства теперь будет аккумулирована вся информация по арктической политике. Правительство Японии решило привлечь внимание к своим интересам в Арктике со стороны международного сообщества, разместив данные о технологических разработках компаний и научных центров на английском, китайском и русском языках [*Сэйфу...*].

В отношении непосредственно российско-японского партнёрства, ценным стало замечание министра иностранных дел Японии Коно Таро, впервые представившего Японию на ассамблее «Арктический круг» в октябре 2018 г. в Рейкьявике. В своём выступлении министр озвучил, что Россия в области энергетики является для Японии ключевым партнёром. Так, энергетическая корпорация Японии JOGMEC подписала меморандум о взаимопонимании с Российской компанией Новатэк. В рамках данного меморандума японская сторона проявила интерес к энергетическим проектам на Ямале, Гыданском полуострове, включая проект «Арктик СПГ-2» [*Speech*].

Результаты не заставили себя долго ждать. Одним из знаковых проектов, о котором говорили довольно давно, стал «Арктик СПГ-2». 29 июня 2019 г. японские компании Мицуи и JOGMEC заключили сделку с Новатэк на покупку 10%-ной доли. Запуск запланирован на 2023 г. с планируемым ежегодным объёмом добычи газа в 19,8 млн т. Решение было принято в связи с возможностью навигации по СМП в летний период, а также беспокойной обстановкой на Ближнем Востоке. Президент и исполнительный директор Мицуи Ясунага Тацуо отметил, что при принятии решения были учтены все возможные риски, включая наличие санкций [*Mitsui*].

Отдельно хотелось бы отметить роль Хоккайдо, которую префектура может сыграть, органично встроившись в логистическую цепочку СМП. Речь идёт про порт Томакомай (находится в 50 км к юго-востоку от города Саппоро), где судам, следующим из Европы в Азию по Арктическому маршруту, будет удобно останавливаться. В 2014 г. в региональной стратегии развития промышленности Хок-

кайдо уже было заявлено о намерениях региона по переоснащению своих портов для увеличения их конкурентоспособности и благоприятной интеграции в СМП [*Преодолевая холод*]. Примечательно, что произошло это ещё до того, как была выпущена Арктическая стратегия.

Также существуют объединения, чья деятельность направлена на проработку локальных целей по развитию портовой инфраструктуры Хоккайдо. Продвижением данного вопроса занималась Экономическая ассоциация предпринимателей Хоккайдо. В 2016 г. ассоциацией были озвучены «Предложения по стратегии развития Северного морского пути», направленные не только на формирование комфортной портовой инфраструктуры, но и создание мастерских для ремонта судов ледового класса, подготовку инженерных кадров, членов экипажей, направленных на развитие префектуры Хоккайдо.

Резюмируя вышесказанное, прежде всего, важно отметить наличие заинтересованности Японии в освоении Арктики, которая зародилась ещё в 1990-е, а не возникла как реакция на расширение экономических интересов КНР в Арктическом регионе. На протяжении всего этого времени красной нитью проходит влияние компаний, представляющих такие отрасли, как энергетика и судостроение. При этом, когда мы говорим о влиянии отраслей, то круг участников не ограничивается исключительно компаниями Мицуи или JOGMEC. К ним относятся и корпоративные объединения, так называемые отраслевые группы по интересам, а также специализированные фонды и исследовательские институты, например, Фонд мира Сасакава.

Во-вторых, относительно возможностей реализации интересов японских компаний, которые неотделимы от интересов государственных, можно выделить участие в проектах «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2». Данные проекты соответствуют одной из стратегий Токио по диверсификации источников энергии. Кроме того, СМП — окно возможностей для местных компаний Хоккайдо, занимающихся строительством и поддержанием портовой инфраструктуры. Их участие позволит порту Томакомай встроиться в логистическую цепочку СМП.

В-третьих, смещая акцент на возможности в контексте российско-японских отношений, и несмотря на то, что стратегическим партнёром в вопросе освоения Арктики для России считается КНР, нельзя не отметить, что по линии Москва — Токио уже сложилось достаточное количество проектов, которые получили поддержку на политическом уровне. Фактически, для того, чтобы заниматься освоением ресурсов Арктики, обоим государствам нет необходимости придавать своим отношениям статус стратегического партнёрства. С одной стороны, интересы Москвы выходят далеко за рамки интересов Токио. С другой стороны, то же самое можно сказать и о Японии, для которой важно не ограничивать диалог Москвой. Такой подход для обоих участников можно считать полностью оправданным. Однако наличие партнёрских отношений с другими участниками процесса освоения Арктики, включая приарктические государства, не является ограничителем для совместных проектов.

Библиографический список

2019 LNG Report. IGU. P. 17. URL: https://www.igu.org/sites/default/files/node-news_item-field_file/IGU%20Annual%20Report%202019_23%20loresfinal.pdf (дата обращения: 26.11.2019).

Ryuichi Shibasaki, Takashi Usami, Masahiko Furuichi etc. How do the new shipping routes affect Asian liquefied natural gas markets and economy? Case of the Northern Sea Route and Panama Canal expansion // *Maritime Policy & Management*. 23.03.2018. P. 545.

Преодолевая холод. Интересы и политика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в Арктике: вызовы и возможности для России / под ред. В.Л. Ларина и С.К. Песцова. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. С. 280.

How do the new shipping routes affect Asian liquefied natural gas markets and economy? P. 546—547.

Аомори кэн-но сасаки фуку тидзи кара дзинио: гэнсё: саякай ни окэру тиики кайхацу-но ариката кикү : [Вице-губернатор префектуры Аомори о «возможностях развития территорий в условиях снижения численности населения»] // *Action* (кацудо): сю:кан кэйданрэн таймусу. No. 3189. 28.08.2014. URL: http://www.keidanren.or.jp/journal/times/2014/0828_06.html (дата обращения: 01.11.2019).

Базовая политика в отношении японо-российских экономических отношений. 07.12.2015. С. 7 (дата обращения: 14.12.2019).

Ohnishi Fujio. The Process of Formulating Japan's Arctic Policy: from Involvement to Engagement // East-Asia Arctic Relations: Boundary, Security and International Politics. No.1. November 2013. P. 3—4.

Melting ice in Arctic Ocean opening up new faster, cheaper energy trade route. 31.08.2018. The Japan Times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/08/31/business/melting-ice-arctic-ocean-opening-new-faster-cheaper-energy-trade-route/#.XPJolRYzbIU> (дата обращения: 15.11.2019).

Танака С. Сэйфу кайё: сэйсаку хонбу, коккёкукай ко:ро кацүё: э РТ нэндом-цу икэн со матомэ : [К концу года проектная группа при Штаб-квартире по океанической политике правительства подготовит мнение относительно использования северного морского пути]. 03.09.2018. URL: <http://logistics.jp/media/2018/09/03/2653> (дата обращения: 15.11.2019).

Сэйфу, хоккёку сэйсаку-но дзё:хо: о итигэнка НР дэ хассин-э : [Правительство объединяет информацию об арктической политике на своей странице] // The Sankei News. 07.11.2018. URL: <https://www.sankei.com/politics/news/181107/pl1811070005-n1.html> (дата обращения: 09.11.2019).

Speech by H. E. Mr. Taro Kono, Minister for Foreign Affairs of Japan at the Arctic Circle 2018 Opening Session 19 October 2018, Reykjavik, Iceland. P. 3—4. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000410409.pdf> (дата обращения: 14.12.2019).

Mitsui to join LNG project in Arctic Ocean off Russia // The Japan Times. 30.06.2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/06/30/national/mitsui-join-lng-project-arctic-ocean-off-russia/#.XcseENUzbIU> (дата обращения: 14.12.2019).

References

2019 LNG Report. IGU. P. 17. URL: https://www.igu.org/sites/default/files/node-news_item-field_file/IGU%20Annual%20Report%202019_23%20loresfinal.pdf (accessed: 26 November, 2019).

Ryuichi Shibasaki, Takashi Usami, Masahiko Furuichi etc. (2018). How do the new shipping routes affect Asian liquefied natural gas markets and economy? Case of the Northern Sea Route and Panama Canal expansion // Maritime Policy & Management. P. 545.

Preodolevaya holod. Interesy I politika stryan Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona v Arctice: vyzovy I vozmozhnosti dlya Rossii. (2017). [Breaking the Cold. Interests and Policies of the Asia-Pacific Countries in Arctic:Challenges and Prospects for Russia]. Ed. by V. L. Larin and S. K. Pestsov. Vladivo-stok: IHAЕ FEB RAS. P. 280. (In Russian).

How do the new shipping routes affect Asian liquefied natural gas markets and economy? (2018). P. 546—547.

Aomori-ken no saski fuku tiji kara jinio: gansyo: syakai ni okeru tiiki kaihatu-no arikata kiku. (2014) [Aomori Prefecture Vice Governor Sasaki “Opportunities for Community Development in a Population Declining Society”] // Action. Keidanren Times. No. 3189. URL: http://www.keidanren.or.jp/journal/times/2014/0828_06.html (accessed: 1 November, 2019). (In Japanese).

Ohnishi Fujio (2013). The Process of Formulating Japan’s Arctic Policy: from Involvement to Engagement // East-Asia Arctic Relations: Boundary, Security and International Politics. No.1. November 2013. P. 3—4.

Melting ice in Arctic Ocean opening up new faster, cheaper energy trade route. (2018). The Japan Times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/08/31/business/melting-ice-arctic-ocean-opening-new-faster-cheaper-energy-trade-route/#.XPJoIRYzbIU> (accessed: 15 November, 2019).

Tanaka S. (2018) Seifu/ kaiyo: seisaku honbu, Hokkyoku-kai ko:ro katsuyo: e PT nendomatsu iken-sho matome. [Government: Marine Policy Headquarters in the End of the Year Presents Opinion about the Use of the Northern Sea Route]. URL: <http://logistics.jp/media/2018/09/03/2653> (accessed: 15 November, 2019). (In Japanese.)

Seifu, Hokkyoku seisaku no jo:ho: o ichigenka HP de hasshin e. [The Government is going to centralize Arctic Policy Information on its Website]. // The Sankei News. 07.11.2018. URL: <https://www.sankei.com/politics/news/181107/pl1811070005-n1.html> (accessed: 15 November, 2019). (In Japanese.)

DOI: 10.24411/9999-043A-2020-10026

А.Е. Варкентин

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КЛАСТЕРОВ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ПАРТНЁРОВ ЯПОНИИ: РАСШИРЕННЫЙ ПОДХОД С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются данные по внешнеторговым партнерам Японии за 2018 г. с помощью алгоритмов машинного обучения, применяемых для выделения кластеров однородных стран — в частности, были использованы алгоритмы K-means и Random Forest. Оценки моделей интерпретируются с помощью библиотеки SHAP values. Полученные результаты позволяют утверждать, что экономические факторы, характеризующие объемы экспорта, имеют более весомый вклад для определения кластеров стран, чем институциональные, самым значительным фактором из которых стал индекс развития человеческого капитала. Таким образом, можно отметить, что у методов машинного обучения есть своя ниша для применения в международной экономике.

Ключевые слова. Внешняя торговля Японии, машинное обучение, кластеры, экспорт.

Автор: Варкентин Андрей Евгеньевич, аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: andrei.varkentin@yandex.ru

A.E. Varkentin

Economic and institutional factors of Japanese foreign trade partners clusterization: enhanced machine learning approach

Abstract. The article comprises analysis of Japanese foreign trade partners in 2018 by the means of machine learning, which has been used to identify clusters of homogeneous countries, particularly K-means and Random Forest algorithms have been applied. The results of clusterization were interpreted via SHAP values library. The outcomes make it possible to state that economic factors, especially those considering export volumes, are more significant in determining clusters, rather than institutional features, among which only the Human Development Index was underlined. Thus, machine learning methods can be considered to be used in International Economics.

Keywords: Japanese foreign trade, machine learning, clusters, exports.

Author: Andrey E. VARKENTIN, PhD candidate in Moscow State University (e-mail: andrei.varkentin@yandex.ru).

В экономической науке используются различные классификации стран для выделения групп со схожими особенностями развития экономики, например, подход, используемый Всемирным банком. Подобные методы также помогают в объяснении развития отдельных стран, их перехода из одного сегмента в другой.

Тем не менее, далеко не всегда можно утверждать, что в основе такой классификации лежат признаки, в полной мере отражающие экономическую реальность. Более того, в случае анализа внешне-торговых партнеров, для каждой страны модель взаимоотношений с контрагентами может различаться. В этой работе мы постараемся разрешить это противоречие, выделив отдельные группы японских торговых партнеров методами машинного обучения; будет представлено не только разделение стран на кластеры, но и предпринята попытка выделения наиболее весомых факторов разбиения.

Необходимо подчеркнуть, что похожих работ по методологии и данным найдено не было, поэтому обзор будет базироваться на нескольких срезах литературы: во-первых, статьи, анализирующие особенности внешней торговли Японии в целом, во-вторых, исследования ключевых характеристик международной торговли при рас-

смотрении двухсторонних связей, и, в-третьих, работы, включающие варианты применения машинного обучения в экономике.

М. Бамани-Оскои и А. Рата [*Bahmani-Oskooee M., Ratha A.*] рассматривают вопросы взаимосвязи условий торговли и торгового баланса. Результаты изучения указанных данных по Японии и ее партнерам показывают, что подтверждается гипотеза о S-образной кривой, характеризующей взаимосвязь параметров.

В другой статье М. Бамани-Оскои и Дж. Госвами [*Bahmani-Oskooee M.M., Goswami G.G.*] проверяют феномен J-образной кривой на данных японской внешней торговли с девятью основными торговыми партнерами. На агрегированных данных наличие кривой не подтверждается, однако, при переходе на уровень двух сторон, данная кривая наблюдается в торговле с Германией и Италией.

В качестве примера исследования похожих проблем в других странах можно привести статью С. Нараяна и др. [*Narayan S., Nguyen T.T.*], где он проводит анализ данных двухсторонней торговли Вьетнама. В результате оценок гравитационной модели С. Нараян приходит к выводу, что объем торговли более чувствителен к факторам влияния, если торговля ведется со странами с более высокими подушевыми доходами, чем с низкими.

Ван и др. [*Wang M., Kong R.*] применяют графовые методы для анализа сетей торговли нефтью между странами. В качестве результата был получен вклад каждой страны в общемировую торговлю, а также выявлено, что импортеры также сильно влияют на экспортеров нефти, как и экспортеры на импортеров. В качестве репрезентативного примера методологии работы с графами торговли можно привести статьи Г. Гарсия-Переза [*Garcia-Perez G. et al.*] и Ч. Пиккарди [*Piccardi C., Tajoli L.*].

Заслуживают нашего внимания работы, где предпринимаются попытки совместить экономические методы и машинное обучение. Например, Басучоудари и др. [*Basuchoudhary A. et al.*] посвящает свою книгу применению машинного обучения для прогнозирования темпов экономического роста. В данной публикации обосновываются основные алгоритмы, описывается срез литературы, посвященный достоинствам и недостаткам эконометрического подхода для решения поставленной задачи. Более того, авторы выделяют

ключевые факторы, влияющие на вероятность рецессий, и формулируют практико-ориентированные рекомендации по экономической политике государств.

Таким образом, в рамках данной работы нами были поставлены следующие гипотезы:

1. Методы машинного обучения могут применяться для анализа внешнеэкономических данных.

2. Экономические факторы более значимы для разделения торговых партнеров на группы, чем институциональные.

Данные для анализа в этой работе представляют собой панель по всем торговым партнерам Японии за 2018 г. и включают в себя 14 переменных: 11 характеризуют экономические факторы, 3 — институциональные, а именно индекс развития человеческого капитала, индекс восприятия коррупции, индекс легкости ведения бизнеса.

Процесс нашей работы был следующим: сначала было необходимо «почистить» данные, заполнив пропуски. Затем следовало определить, какой алгоритм кластеризации лучше применять и сколько кластеров необходимо выделить. Для ответа на первый вопрос был посчитан коэффициент силуэта на результатах оценки четырех алгоритмов. Наибольшее значение было получено у метода *k*-средних, поэтому именно он лег в основу кластеризации. Вторая же проблема не имеет однозначного решения в задачах кластеризации, и примерное количество (5 кластеров) было определено с помощью коэффициента инерции.

Для более наглядной визуализации были использованы подходы агломеративной кластеризации, результаты которой представлены бинарным деревом, и четыре модификации метода главных компонент.

После присвоения каждому наблюдению одного из пяти кластеров для определения вклада каждого фактора в получившееся разбиение можно применить любой «деревянный» алгоритм. В данной работе был использован случайный лес. Результаты обучения леса передавались на вход алгоритму SHAP оценок, который рассчитывал и визуализировал вклад каждого фактора в разбиение данных по кластерам.

Метод *k*-средних — один из наиболее распространенных алгоритмов кластеризации, последовательность его действий следую-

шая: на плоскости выбирается заранее известное количество центров кластеров (центроид), от каждой точки до центроида считается расстояние, таким образом, каждому наблюдению присваивается метка кластера. В получившихся кластерах считается центр, куда перемещается центроид, и алгоритм рекурсивно повторяется.

Агломеративная кластеризация — метод кластеризации, при котором каждое наблюдение изначально составляет свой кластер, потом оценивается расстояние между кластерами, и наиболее близкие кластеры сливаются в один. Итогом служит бинарное дерево, на котором можно увидеть наблюдения, кластеры, а также расстояние между ними.

Метод главных компонент — один из основных методов понижения размерности данных. Его суть заключается в том, что находятся собственные векторы и собственные значения матрицы ковариации изначальных признаков. Иными словами, компонента — это вектор, описывающий направление максимальной дисперсии данных, и нам необходимо отобрать несколько первых компонент по убыванию дисперсии. Кроме классического вида, на графиках также будут приведены следующие усовершенствования метода главных компонент:

- Kernel PCA — метод главных компонент с применением ядерного подхода, что переводит изначально линейные операторы в гильбертово пространство;
- Sparse PCA — в отличие от стандартного подхода, когда компонента является комбинацией всех признаков, этот метод также включает комбинации части этих признаков;
- Truncated PCA — считает ковариационную матрицу не на всех признаках, а на семпле данных.

Случайный лес — модель, при которой деревья решений строятся, во-первых, на сэмпле наблюдений, и во-вторых, на семпле признаков. Такой подход называется бэггинг и позволяет уменьшить переобучение модели.

SHAP оценки — подход для интерпретации моделей, оценивающий значения Шепли для значимости коэффициентов не только на уровне всей модели, но и на уровне отдельных наблюдений. График оценок комплексно характеризует сразу несколько параметров: зна-

чимось фактора, его значение, корреляцию с зависимой переменной, размер влияния.

Результаты расчетов отображены ниже на графиках 1, 2, 3.

На рис. 1 представлены кластеры стран-партнеров Японии по внешней торговле. На всех графиках отдельно выделяются кластеры 1 и 2, состоящие из одной точки — это США и Китай. Остальные страны разбиты еще на три кластера. Стоит отметить, что эти результаты не зависят от модификации метода главных компонент.

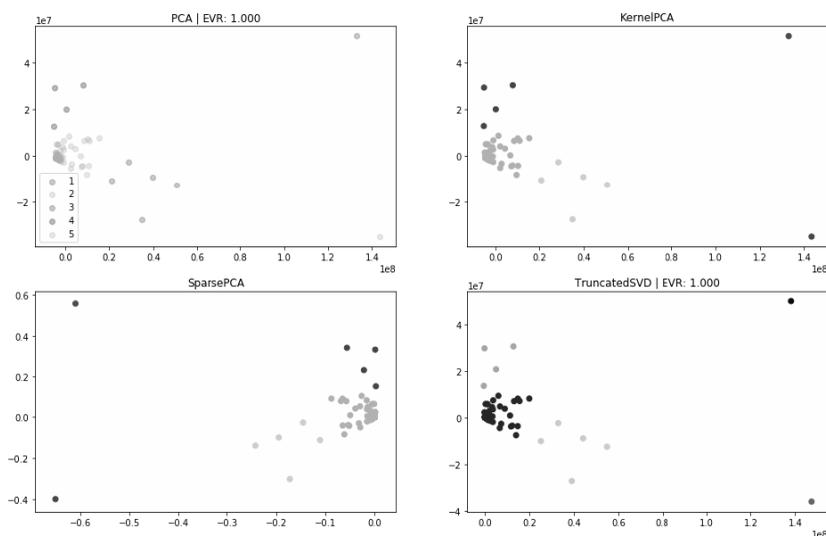


Рис. 1. Кластеры стран-партнеров Японии по внешней торговле (расчеты автора)

На рис. 2 изображено среднее влияние каждого признака на объем экспорта. Представленные данные наглядно демонстрируют, что максимальное влияние оказывают факторы, сопряженные с торговыми характеристиками страны: объем экспорта страны-партнера за предыдущий год и сальдо торгового баланса. Однако, вопреки ожиданиям, на последнем месте оказалась переменная по средним тарифам, инфляции и индексу легкости ведения бизнеса. В целом, институциональные факторы, аппроксимировавшиеся через различ-



Рис. 2. Общие оценки значимости признаков (расчеты автора)

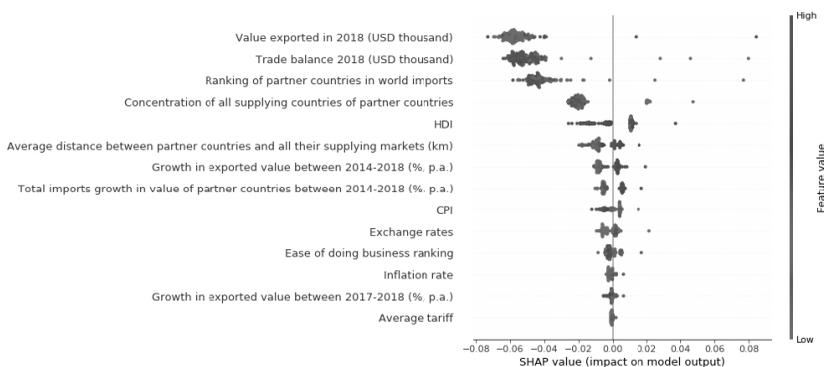


Рис. 3. SHAP оценки признаков (расчеты автора)

ные индексы, оказались не столь значимыми для разбиения стран на кластеры.

По данным, отображенным на рис. 3, также можно оценить разброс значений и концентрацию их основной доли. Например, по объему экспорта мы видим две красные точки справа от центральной линии, что показывают два больших значения, которые положительно влияют на наш предиктор. Логично предположить, что это Китай и США, так как все остальные страны имеют небольшой объем экспорта и сконцентрированы в левой части графика.

По результатам анализа сформулируем следующие выводы:

- 1) вся совокупность внешнеторговых партнеров Японии разбивается на пять кластеров;
- 2) особую значимость для японского экспорта имеют КНР и США;
- 3) наиболее весомыми факторами для отнесения страны к определенному кластеру служат объем экспорта в 2018 г., место страны-экспортера в общемировых объемах экспорта, а наименее весомыми — средние тарифы;
- 4) институциональные факторы, в целом, не так значимы в определении кластеров внешнеторговых партнеров;
- 5) самым приоритетным институциональным фактором оказалась степень развития человеческого капитала.

Таким образом, две наших изначальных гипотезы подтверждены. Данная работа наглядно демонстрирует перспективы применения методов машинного обучения в международной торговле. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в торговле с Японией целесообразно рассматривать не единую внешнеторговую политику, а сегментировать ее на отдельные кластеры стран с аналогичными характеристиками.

В качестве направления для дальнейших исследований можно предложить рассмотреть динамику по времени разбиения, а также добавить дополнительные признаки, чтобы подразделить два самых больших получившихся кластера на более мелкие.

Библиографический список

Bahmani-Oskooee M., Ratha A. Bilateral S-curve between Japan and her trading partners // *Japan and the World Economy*. 2007. Т. 19. № 4. С. 483—489.

Bahmani-Oskooee M.M., Goswami G.G. A disaggregated approach to test the J-curve phenomenon: Japan versus her major trading partners // *Journal of Economics and Finance*. 2003. Т. 27. № 1. С. 102—113.

Narayan S., Nguyen T.T. Does the trade gravity model depend on trading partners? Some evidence from Vietnam and her 54 trading partners // *International Review of Economics & Finance*. 2016. Т. 41. С. 220—237.

Wang M., Kong R. Study on the characteristics of potassium salt international trade based on complex network // *Journal of Business Economics and Management*. 2019. Т. 20. № 5. С. 1000—1021.

Garcia-Perez G. et al. The hidden hyperbolic geometry of international trade: World Trade Atlas 1870—2013 // *Scientific reports*. 2016. Т. 6. С. 33441.

Piccardi C., Tajoli L. Existence and significance of communities in the world trade web // *Physical review e*. 2012. Т. 85. № 6. С. 066119.

Basuchoudhary A., Bang J.T., Sen T. Machine-learning Techniques in Economics: New Tools for Predicting Economic Growth. Springer, 2017.

References

Bahmani-Oskooee M., Ratha A. (2007). Bilateral S-curve between Japan and her trading partners // *Japan and the World Economy*. Т. 19. № 4. С. 483—489.

Bahmani-Oskooee M.M., Goswami G.G. (2003). A disaggregated approach to test the J-curve phenomenon: Japan versus her major trading partners // *Journal of Economics and Finance*. Т. 27. № 1. С. 102—113.

Narayan S., Nguyen T.T. (2016). Does the trade gravity model depend on trading partners? Some evidence from Vietnam and her 54 trading partners // *International Review of Economics & Finance*. Т. 41. С. 220—237.

Wang M., Kong R. (2019). Study on the characteristics of potassium salt international trade based on complex network // *Journal of Business Economics and Management*. Т. 20. № 5. С. 1000—1021.

Garcia-Perez G. et al. The hidden hyperbolic geometry of international trade: World Trade Atlas 1870—2013 // *Scientific reports*. 2016. Т. 6. С. 33441.

Piccardi C., Tajoli L. Existence and significance of communities in the world trade web // *Physical review e*. 2012. Т. 85. № 6. С. 066119.

Basuchoudhary A., Bang J.T., Sen T. Machine-learning Techniques in Economics: New Tools for Predicting Economic Growth. Springer, 2017.

Я.В. Мищенко

ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ВЬЕТНАМА КАК ОБЪЕКТ СОТРУДНИЧЕСТВА И КОНКУРЕНЦИИ РОССИИ И ЯПОНИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению и анализу современных тенденций конкуренции и сотрудничества России и Японии за доступ к энергетическим рынкам стран Юго-Восточной Азии на примере Вьетнама. С Вьетнамом у России традиционно развивается наиболее динамичное энергетическое сотрудничество по сравнению с другими странами ЮВА, еще с советских времен. В статье показано, что, например, в сегментах upstream и downstream нефтегазовой индустрии Вьетнама каждая из стран занимает свою нишу, хотя есть примеры взаимовыгодного трёхстороннего сотрудничества. Тогда как в атомной индустрии, которой у Вьетнама пока нет (то есть в свободной нише), отчетливо проявились признаки конкуренции России и Японии за получение первых контрактов.

Ключевые слова: Россия, Япония, Вьетнам, энергетика, энерго-ресурсы, топливно-энергетический комплекс, энергетическое машиностроение.

Автор: Мищенко Яна Вадимовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН, старший преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: yanamischenko@gmail.com

Ya. V. Mischenko

Fuel and energy complex of Vietnam as an object of cooperation and competition between Russia and Japan: contemporary trends

Abstract. The article is dedicated to the consideration and analysis of modern trends of competition and cooperation between Russia and Japan for access to the energy markets of South-East Asia on the example of Vietnam. With Vietnam, Russia has traditionally developed the most dynamic energy cooperation in comparison with other Southeast Asian countries, since Soviet times. The article shows that, for example, in the upstream and downstream segments of the oil and gas industry of Vietnam, each of the countries occupies its niche, although there are examples of mutually beneficial three-sided cooperation. Meanwhile, in the nuclear industry, which Vietnam does not yet have, and this niche remains free, the signs of competition between Russia and Japan for obtaining the first contracts are most clearly manifested.

Keywords: Russia, Japan, Vietnam, energy, energy resources, fuel and energy complex, energy engineering.

Author: Yana V. MISCHENKO, PhD (Economics), Senior Researcher at the Centre for Japanese Studies of Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer at Moscow State University (e-mail: yanamischenko@gmail.com).

Россия и Япония — две энергетические сверхдержавы, правда, каждая в своей нише, активно участвуют в сложном, многоуровневом, многообразном сотрудничестве в сфере энергетики в Восточной Азии.

Россия традиционно выступает на глобальном энергетическом рынке как экспортер энергоресурсов. Страна планирует расширять экспорт углеводородов в Восточную Азию, справедливо полагая, что российские энергоносители могут стать фактором смягчения усложняющейся там энергетической ситуации [Мищенко 2017]. Второе направление развития национальной энергетики, которое определила для себя Москва на ближайшую перспективу, — это развитие внешнего сотрудничества в области энергетических технологий, поставок на зарубежные рынки современных энергосистем и продукции энергомашиностроения. В настоящее время спрос на эти виды

российской продукции наиболее активно демонстрируют страны Азии. Таким образом, Россия через развитие разнообразных форматов сотрудничества в регионе надеется занять ту нишу, которую, по сути, уже много лет стабильно и успешно занимает Япония.

Япония почти все потребности в энергии обеспечивает за счет импорта. В этом ключе ее позиция на мировых энергетических рынках довольно уязвима и зависима. Однако за счет эффективных моделей технологического развития стране удалось стать одним из признанных мировых лидеров в области энергетических технологий, крупнейшим и широко востребованным в мире поставщиком передовых энергосистем. Таким образом, Япония вполне может считаться состоявшейся сверхдержавой в очень востребованной нише высокотехнологичной энергетики и энергетического машиностроения. Россия тоже стремится на восточном направлении стать, как и Япония, поставщиком продукции энергетического машиностроения. Задел есть — эта область энергетических связей динамично развивается в рамках взаимодействия с Вьетнамом еще с советских времен. Тогда она процветала во многом благодаря идеологической близости сторон. Сейчас, после краха СССР, когда Вьетнам наладил технологическое, энергетическое, экономическое сотрудничество со многими другими странами, в том числе с Японией, важно, что он все еще заинтересован в приобретении продукции российского энергомашиностроения, российских энергетических технологиях. Это подтверждает коммерческую востребованность и конкурентоспособность российской энергетической продукции и услуг в современных реалиях, без примеси идеологических аспектов. Также немаловажно, что пример успешно реализованных проектов во Вьетнаме может стимулировать заинтересованность других стран ЮВА в развитии сотрудничества с Россией в сфере энергетики и реализации совместных проектов создания и модернизации энергетической инфраструктуры.

В 1981 г. было решено учредить совместное предприятие (СП) «Вьетсовпетро». С советской стороны учредителем выступил Мингазпром СССР (ОАО «Зарубежнефть»), с вьетнамской стороны — корпорация нефти и газа Вьетнама «Петровьетнам». Далее последовало создание СП на территории России «Русвьетпетро», в котором

«Петровьетнам» имеет 49 % уставного капитала. Это предприятие получило лицензию на разработку 4-х блоков в Ненецком автономном округе, и с 2010 г. осуществляло добычу. Заработало также СП «Газпрома» и «Петровьетнама» — «Газпромвьет», созданное для реализации проектов в России и на территории других стран [Мищенко, 2012].

Сотрудничество Вьетнама с Японией в период отдаления Москвы после распада Советского Союза получило новое активное развитие. Оно было и раньше — в 1960-е годы Япония участвовала в строительстве в южной части Вьетнама ГЭС Да Нхим. В 1964 г. станция была введена в эксплуатацию, несмотря на все сложности строительства в годы военных действий. В последующие 1970-е гг. немало внимания пришлось уделить восстановлению линий электропередач, пострадавших в военное время. Несмотря на этот значимый эпизод японо-вьетнамского сотрудничества в сложное для страны военное время, следующие электростанции, построенные на базе японской официальной помощи развитию (ОПР), датируются только серединой 1990-х годов (ТЭЦ «Пху Май», «Пха Лай», ГЭС «Хам Тхуан» и т. д.). Тем не менее, с тех пор Япония последовательно оказывает стране различное содействие в возведении объектов инфраструктуры. После транспортного сектора, сфера энергетики стала крупнейшей сферой приложения японской официальной помощи развитию Вьетнаму (почти 24 % японской ОПР направляется именно на развитие вьетнамского ТЭК). В том числе благодаря этим шагам Японии удалось закрепиться на вьетнамском рынке, и в энергетической сфере взаимодействие сторон развивается динамично и многообразно. Япония импортирует вьетнамскую нефть; развивается проектное сотрудничество в энергетике. Например, корпорация Idemitsu Kosan приобрела 35,1 %, а Mitsui Chemicals — 4,7 % акций НПЗ Нги Сын [Mitsui Chemicals, 2008].

Таким образом, Вьетнам в нефтегазовом секторе сотрудничает и с Россией, и с Японией, однако с Россией это сотрудничество концентрируется в сегменте upstream (геологоразведочные работы, нефте- и газодобыча), — а с Японией проекты сотрудничества в большей степени реализуются в области downstream (переработка нефти и продажа конечных нефтепродуктов) [Мищенко, 2018]. Эта тенден-

ция сохраняется вплоть до настоящего времени: в июне 2019 г. японская компания Osaka Gas через свой филиал в Сингапуре, вместе с японской корпорацией Sojitz и ее филиалом во Вьетнаме объявили о создании компании Sojitz Osaka Gas Energy, которая будет заниматься снабжением природным газом специализированного промышленного парка Фуми 3 в южной провинции Вьетнама Бариа-Вунгтау. Также компания будет заниматься транспортировкой природного газа вьетнамским промышленным потребителям [Smart Energy, 2019].

В 2002 г. был создан трехсторонний российско-японско-вьетнамский консорциум VRJ-Petroleum для освоения месторождений шельфа Вьетнама. В нем участвуют российское ОАО «Зарубежнефть» (50%-ная доля), вьетнамский «Петровьетнам» (35 %) и японская Idemitsu (15 %). Это пример того, что партнерство в формате «треугольника» может быть эффективной и взаимовыгодной формой взаимодействия России и Японии на энергетическом рынке Вьетнама [Мищенко, 2018].

Вьетнам также развивает зарубежные связи в сфере электроэнергетики. Это объясняется потребностью страны в иностранных передовых технологиях и разнообразной технической помощи. В 2017 г. Япония и Вьетнам подписали Меморандум о сотрудничестве стран в сфере энергетики, который подразумевает широкий спектр совместных проектов, например, введение в коммерческую эксплуатацию трех проектов новых угольных электростанций, отвечающих всем современным экологическим требованиям и стандартам. В целом, Япония сейчас активно содействует внедрению во Вьетнаме различных современных мер энергосбережения.

Российские компании также активно задействованы при возведении электроэнергетических объектов во Вьетнаме (ОАО «Силовые машины»: ГЭС «Сесан-3», «Авыонг», «Буонкуоп», «Плейкронг» и ТЭС «Уонгби») [Мищенко, 2018]. Российский Институт Гидропроект разработал технические проекты гидроузлов «ЛайЧау», «Шон Ла» с гравитационной плотиной высотой 138 м. Об успешности проекта свидетельствует заключение японской инжиниринговой компании Nippon Koei, которая дала высокую оценку российским техническим решениям при строительстве данного объекта. Институт

Гидропроект также разрабатывал проекты для строительства ГЭС «Хаобинь», «Яли», «Чиан», «Тхамт Хуан», «Тхак Ба» [РусГидро, 2012]. Данная российская организация хорошо зарекомендовала себя в гидроэнергетике Вьетнама и расширила свой спектр деятельности на Лаос.

В целом, можно сделать вывод, что за долгие годы сотрудничества России удалось закрепиться на электроэнергетическом рынке Вьетнама, но при этом здесь не наблюдается «монополии» российских компаний. Ханой заинтересован также в привлечении японских специалистов, технологий и финансовых ресурсов в развитие своего ТЭК. В ряде случаев странам удалось реализовать трехсторонние форматы сотрудничества. Так, в 2005 г. ОАО «Силовые машины» в консорциуме с японской корпорацией Sumitomo победили в тендере и заключили контракты с вьетнамской компанией Electricity of Vietnam на строительство ГЭС «А Вуонг» и поставку оборудования для двух энергоблоков ГЭС «Буон Куоп». Это также пример эффективного и взаимовыгодного российско-японского сотрудничества в сфере энергетики с Вьетнамом, в котором Россия получает возможность выступить как поставщик продукции энергомашиностроения на рынках, на которые традиционно претендовала Япония [Мищенко, 2018].

Однако трехстороннее сотрудничество России и Японии на энергетических рынках происходит не повсеместно. Более того, практика показывает, что оно возможно не во всех сегментах вьетнамского ТЭК. Если рассмотреть ситуацию в только создающейся в стране атомной энергетике, то здесь дело обстоит кардинально отличается. Эта ниша пока свободна. В 2010 г. власти Вьетнама решили, что стране необходима атомная генерация, что породило конкуренцию России и Японии за получение первого в стране и всей Юго-Восточной Азии контракта на строительство атомной электростанции. Конкурируя с консорциумом японских корпораций Toshiba, Mitsubishi Heavy Industries, Hitachi, российский «Росатом» получил контракт на сооружение первой АЭС во Вьетнаме «Ниньтхуан-1». Однако Вьетнам также договорился с Японией о строительстве второй АЭС к 2030 г. Метания властей Вьетнама и попытки найти не только самое технологически эффективное, но и самое финансово выгодное реше-

ние (следует отметить, что и Япония, и Россия готовы были строить атомную станцию во Вьетнаме практически в кредит и под весьма низкий процент его возврата после введения станции в коммерческую эксплуатацию) завели власти страны в тупик, и решение строить АЭС было в итоге отложено. Официально обозначенная причина — падение цен на нефть и уголь и снижение спроса на электроэнергию. Однако думается, что к идее строительства атомных станций Ханой еще вернется, и в том или ином формате состоится сотрудничество с Россией и Японией — если не в рамках одного проекта уже хорошо отработанным в гидроэнергетике трехсторонним форматом, то хотя бы по отдельности. Пример сотрудничества России с Китаем при возведении Тяньваньской АЭС и с Индией при строительстве АЭС «Куданкулам» показывает, что у России огромный потенциал в этой области и высокая востребованность продукции и услуг. Опыт сотрудничества в атомной сфере с Вьетнамом важен, так как может заинтересовать другие страны ЮВА. Известно, что возможности атомной генерации уже много лет — с большой осторожностью, учитывая островное расположение страны, — изучает Индонезия. Россия предложила Индонезии интересное решение — плавучую атомную станцию. Она будет обладать меньшей мощностью, чем стандартная АЭС, однако в случае угрозы землетрясения или цунами может корректировать свое местоположение.

Что касается других стран Юго-Восточной Азии, в энергетике связи России с ними скромнее, нежели у Японии. Россия пока недостаточно представлена на их энергетических рынках. Однако учитывая тесные связи Вьетнама со странами-партнерами по АСЕАН, можно рассчитывать через разнообразное и хорошо развитое энергетическое партнерство с Вьетнамом и посредством успешной реализации широкого спектра энергетических проектов в этой стране выйти и закрепиться на энергетических рынках других стран субрегиона. Однако Япония, несмотря на отдельные эпизоды сотрудничества с Россией, например, во вьетнамском ТЭК, может не захотеть выступить в роли «проводника» России на энергетические рынки других стран региона, так как сама стремится получать от них контракты, и может воспринимать Россию как потенциального конкурента на этих направлениях [Мищенко, 2017].

Библиографический список

ГЭС Шон Ла, спроектированная специалистами института Гидропроект, вышла на полную мощность. РусГидро, 03.10.2012. URL: <http://www.rushydro.ru/press/holding-news/80879.html> (дата обращения: 14.03.2019).

Мищенко Я.В. Сотрудничество и конкуренция России и Японии в борьбе за энергетические рынки стран Юго-Восточной Азии // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика». № 3. 2017. С. 48—52.

Мищенко Я.В. Стратегическое партнерство России и Вьетнама в области энергетики в аспекте конкуренции с Японией // Россия и современный мир, ИНИОН РАН. 2018. № 4 (101). С. 82—92.

Мищенко Я.В. Энергетическое сотрудничество России со странами Восточной Азии // Международная экономика. № 6. 2012. С. 44—50.

Announcement on the Establishment of a Joint Venture towards the Construction of the Vitnam Nghi Son Refinery & Petrochemical Complex. Mistui Chemicals. 27.03.2008. URL: <http://www.mitsuichem.com/release/2008/080328e.htm> (дата обращения: 12.05.2019).

Kansai Electric Power. URL: <http://www.kepco.co.jp/english/corporate/info/international/generate/laos.html> (дата обращения: 08.06.2019).

Vietnam: Japanese utilities join hands to meet growing energy demand. Smart Energy International. 25.06.2019. URL: <https://www.smart-energy.com/industry-sectors/energy-grid-management/japanese-utilities-join-hands-to-meet-vietnamese-growing-energy-demand/> (дата обращения: 10.11.2019).

US Energy Information Administration, 25.10.2016, URL: <https://www.eia.gov/beta/international/analysis.cfm?iso=RUS> (дата обращения: 05.05.2019).

References

Announcement on the Establishment of a Joint Venture towards the Construction of the Vitnam Nghi Son Refinery & Petrochemical Complex. Mistui Chemicals. 27.03.2008. URL: <http://www.mitsuichem.com/release/2008/080328e.htm> (accessed: 12 May, 2019).

GES Shong La sproektirovannaya specialistami instituta Gidroproekt, vishla na novuyu moshnost [The Shon La hydroelectric power station, designed by specialists of the Hydroproject Institute, has reached full capacity]. Rushydro. 03.10.2012. URL: <http://www.rushydro.ru/press/holding-news/80879.html> (accessed: 14 March, 2019) (in Russian)

Kansai Electric Power. URL: <http://www.kepcoco.jp/english/corporate/info/international/generate/laos.html> (accessed: 08 June, 2019).

Mishchenko, Y.V. (2012). Energeticheskoe sotrudnichestvo Rossii so stranami Vostochnoy Azii [Russia's energy cooperation with East Asian countries]. *Muzhdunarodnaja ekonomika [The International Economy]*, № 6: 44–50. (in Russian).

Mishchenko, Y.V. (2017). Sotrudnichestvo i konkurenciya Rossii i Yaponii v bor'be za energeticheskie rynki stran Yugo-Vostochnoi Azii [Russian and Japanese cooperation and competition in energy markets of South East Asia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika [Bulletin of Lomonosov Moscow State University, series 27. Globalistics and geopolitics]*, № 3: 48–52. (in Russian).

Mishchenko, Y.V. (2018). Strategicheskoe partnerstvo Rossii i Vietnama s oblasti energetiki v aspekte konkurencii s Yaponiey [Strategic partnership of Russia and Vietnam in the energy sphere given competition with Japan]. *Rossia I sovremennii mir [Russia and contemporary world]*, INION RAS, № 4 (101): 82–92. (in Russian).

Vietnam: Japanese utilities join hands to meet growing energy demand. Smart Energy International. 25.06.2019. URL: <https://www.smart-energy.com/industry-sectors/energy-grid-management/japanese-utilities-join-hands-to-meet-vietnamese-growing-energy-demand/> (accessed: 10 November, 2019).

US Energy Information Administration, 25.10.2016, URL: <https://www.eia.gov/beta/international/analysis.cfm?iso=RUS> (accessed: 05 May, 2019).

Л.В. Захарова, М.С. Захарова

КОРПОРАТИВНЫЙ СЕКТОР СЕВЕРНОЙ КОРЕИ: ЧЭБОЛИ ПО-ЧУЧХЕЙСКИ?

Аннотация. Современная Северная Корея строит свой вариант социализма, который предполагает развитие рыночных отношений в условиях официально общественной собственности на средства производства и с элементами плановой экономики.

В последние годы все отчетливее становится развитие своеобразных «чэболей» в их северокорейском варианте, выросших из государственных, партийных и военных структур. Это горизонтально интегрированные предприятия из различных сфер — от производства товаров народного потребления и высокотехнологичных товаров до сферы обслуживания. Использование термина «чэболь» здесь условно и главным образом отражает акцент на диверсификации сфер деловой активности предприятий, едином руководстве и близости к государственным структурам.

Процесс появления и расширения подобных бизнес-групп в КНДР разворачивается в период нахождения у власти Ким Чен Ына. При нем происходят изменения в системе управления государственными предприятиями, свое дальнейшее развитие получает официальный рыночный сектор.

В данном докладе представлены первые результаты исследования современных северокорейских корпораций-конгломератов. Для этого был осуществлен сбор и анализ информации в открытых источниках, включая Интернет, на русском, английском и корей-

ском языке. Кроме того, авторами доклада проводился сбор эмпирических данных в ходе поездок в КНДР в 2017—2019 гг.

Ключевые слова: КНДР, экономика, социалистическая экономика, рыночные отношения, северокорейские компании, корпорации.

Авторы: Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН, доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД России. E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Захарова Мария Сергеевна, студентка 4 курса факультета международных отношений и международного права Дипломатической академии МИД РФ.

L. V. Zakharova, M. S. Zakharova

North Korea's Corporate Sector: Juche-Style Chaebols?

Abstract. Modern North Korea is building its own version of socialism. It involves the development of market relations in the conditions of official public ownership of the means of production and with elements of a planned economy.

In recent years, the development of specific North Korean “chaebols”, which grew out of state, party and military structures, has become increasingly distinct. These are horizontally integrated enterprises from various fields — from the production of consumer goods and high-tech goods to the service sector. The use of the South Korean term “chaebol” here is conditional and mainly reflects the emphasis on the diversification of the areas of business activity, unified leadership and proximity to state structures.

Such business groups in the DPRK have been expanding since Kim Jong-un came to power. Under him, changes are taking place in the management system of state enterprises, and the official market sector is further developing.

This report presents the first results of a study of modern North Korean corporations. In the research process information was collected from open sources, including the Internet, in Russian, English and Korean. In addition, the authors of the report collected empirical data during trips to the DPRK in 2017—2019.

Keywords: DPRK, economy, socialist economy, market relations, North Korean companies, corporations.

Authors: Liudmila V. ZAKHAROVA, Ph.D. (Economics), Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, World Economy Department, MGIMO University (e-mail: ludmila_hph@rambler.ru).

Maria S. ZAKHAROVA, 4th year student, International Relations and International Law Department of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

Современная Северная Корея строит свой вариант социализма, который предполагает развитие рыночных отношений в условиях официально общественной собственности на средства производства и с элементами плановой экономики. Процессы маркетизации ускорились после прихода к власти Ким Чен Ына. Под влиянием внутренних (необходимость повышения уровня жизни населения) и внешних (усиление санкционного давления со стороны международного сообщества) факторов в КНДР активное развитие получает потребительский рынок и частное предпринимательство. При этом одной из главных целей развития страны провозглашается обеспечение самостоятельного характера экономики в соответствии с идеологией чучхе.

За годы развития рыночных отношений (по сути с периода экономического кризиса 1990-х гг.) сформировалась прослойка местных предпринимателей (малый и средний бизнес) [*Lankov et al.*]. С одной стороны, они инвестируют капитал и организуют производство под ширмой государственных предприятий или работают в сфере услуг. С другой стороны, они создают рабочие места и представляют собой платежеспособный спрос, подстегивая производство потребительских, промежуточных и сырьевых товаров, а также развитие торговли.

В последние годы все отчетливее становится развитие своеобразных северокорейских «чэболей», выросших из государственных и военных структур [*Агафонов*]. Это горизонтально интегрированные предприятия из различных сфер — от производства товаров народного потребления и высокотехнологичных товаров до сферы обслуживания. Использование южнокорейского термина «чэболь» здесь условно и главным образом отражает акцент на диверсификации сфер деловой активности предприятий, едином руководстве и близости к государственным структурам.

Процесс появления и развития подобных промышленных групп в КНДР разворачивается в период нахождения у власти Ким Чен Ына. При нем происходят изменения в системе управления государственными предприятиями. В основу управления предприятиями в КНДР долгие годы была положена внедренная в 1961 г. Тэанская система работы. Ее суть — коллективное руководство, которое осуществляет партийный комитет в целях усиления политического руководства и сочетания политической работы с административно-хозяйственной деятельностью. Таким образом, единоначалие директора предприятия было отменено и заменено на коллективное руководство парткома во главе с партийным секретарем. В то же время уже с 1970-х годов руководство страны начинает уделять внимание использованию экономических рычагов в экономике (прежде всего в форме хозрасчета) [Синицын], однако их реальное применение фактически началось в КНДР только после кризиса 1990-х годов.

В 1990-е годы стали создаваться условия для формирования *de facto* частных предприятий. Однако соответствующего юридического оформления в КНДР они не получали, и их функционирование осуществлялось под вывеской государственных учреждений [Lankov *et al.*]. В 2000-е годы подобные «квазигосударственные предприятия» продолжили свое развитие в различных сферах — от добывающей промышленности и рыболовства до сферы услуг. В области производства потребительской продукции малые и средние предприятия КНДР по сути стали функционировать на принципах самофинансирования и самоуправления, что было вызвано, прежде всего, дефицитом сырья и инвестиций в этой сфере [Неспокойное соседство...].

При Ким Чен Ыне официальный рыночный сектор получил дальнейшее развитие. Если в 2010 г. в КНДР насчитывалось около 200 рынков, то в 2016 г. их стало уже более 400 [Hong Jae Hwan]. В управлении государственными предприятиями стали происходить институциональные перемены, что отразилось в поправках к Закону КНДР о предприятиях, принятых в 2014 г. В частности, в главе 3 новой редакции Закона, посвященной органам управления предприятий, не упоминается Тэанская система работы, а права директора по управлению предприятием существенно расширились. В частности, директорам гарантированы широкие права по участию во внешней

торговле, созданию совместных предприятий, а также предусмотрена возможность привлечения инвестиций от частных корейских инвесторов [Ward]. Институционализация отдельных рыночных элементов, таким образом, была нацелена на создание благоприятных условий для экономического роста с использованием как внешних, так и внутренних факторов.

В данном докладе представлены первые результаты исследования современных северокаорейских корпораций-конгломератов. Для этого был осуществлен сбор и анализ информации в открытых источниках, включая Интернет, на русском, английском и корейском языках. Кроме того, авторами доклада проводился сбор эмпирических данных в ходе поездок в КНДР в 2017—2019 гг.

Передовые компании, занимающие лидирующие позиции в современной северокаорейской экономике, часто представляют собой совокупность предприятий, занятых производством разнообразных товаров, материалов или услуг. Ярким примером может служить северокаорейская компания «Рынрадо». Товары этой фирмы можно встретить на прилавках практически любого магазина в КНДР. Под ее началом функционируют заводы по производству электротехники, осветительных приборов, а также продуктов питания. Так, например, в отделе электроники крупного торгового центра Пхеньяна «Чеиль пэкхвачжом» техника фирмы «Рынрадо» представлена телевизорами, компьютерами, компьютерной гарнитурой, а также разнообразными осветительными приборами. В то же время в продуктовом отделе торгового центра в продаже имеются бутылки воды, рисовые и соевые пасты и соусы с фирменной этикеткой компании. Также «Рынрадо» имеет базы по производству рыбных и сельскохозяйственных продуктов, а также швейные предприятия [Чосон Рынрадо Мук Чхонхвеса]. Кроме того, эта корпорация до недавнего времени вела активную деятельность и в других странах по линии экспорта северокаорейской рабочей силы. По данным европейских экспертов, «Рынрадо» имеет в своей структуре обучающие учреждения, в которых потенциальные рабочие проходили проверки и готовились к зарубежной трудовой деятельности [North Korean Forced Labour in the EU].

Северокорейские компании «Ачхим» и «Тэдонган» также идут по пути диверсификации. Если еще пару лет назад товары этих фирм традиционно были представлены ограниченным количеством моделей телевизоров и аудио гарнитуры, то сейчас их производство существенно расширилось и в продаже появились другие виды электротехники, среди которой самыми популярными считаются телевизоры, телефоны и различная гарнитура к ним. Кроме того, «Ачхим», основанная в 2013 г., является крупным производителем различных видов высокотехнологичной продукции, в которых нуждаются металлургическая, химическая и электрическая отрасли народного хозяйства [Ачхим Кисуль Мук Хвеса].

Компания «Тэдонган», основанная в 1976 г., имеет крупные швейные фабрики в Пхёнсоне и Сукчхоне. Компания также выпускает акриловую краску, черепицу, окна и двери из алюминия, смолы, кремниевый барий. Кроме того, «Тэдонган» занимается водными перевозками и ведет бизнес с компаниями Китая и других стран [Чосон Тэдонган Мук Хвеса].

Еще одной известной северокорейской фирмой является «Корё Хангон». В первую очередь потому, что это название единственной существующей авиакомпании Северной Кореи. Однако можно заметить, что по дорогам Пхеньяна ездят такси этой же самой фирмы. Машины с логотипом «Корё Хангон» отличаются от остальных такси города дизайном, идентичным дизайну северокорейских самолетов. Этим компания не ограничилась. В продуктовых магазинах Северной Кореи можно купить напитки фирмы «Корё Хангон» с тем же логотипом на упаковке. Кроме того, в группу входит и сеть автозаправок.

В последнее время многие северные корейцы покупают телефоны фирмы «Ариран». Эта фирма пользуется большой популярностью и регулярно выпускает новые модели, которые внешне практически идентичны мобильным устройствам Samsung и Apple. Несмотря на то, что конкуренция на рынке компьютерной техники значительно выше той, которая существует в сфере продажи телефонов, компьютеры и различная гарнитура «Ариран» широко представлена на прилавках магазинов техники и активно покупается жителями Пхеньяна.

Фирма «Пхурын ханьль» в последние годы также претерпела значительные изменения. Если сначала компания специализировалась исключительно на продаже компьютерной техники, то сейчас «Пхурын ханьль» производит телевизоры, различную компьютерную и ТВ-гарнитуру, USB-флеш-накопители, портативные 3D-проекторы, а также телефоны. Более того, компания имеет завод по производству продуктов питания.

Еще одним примером служит компания «Ерюн», которая осуществляет торговую деятельность одновременно в мебельной и строительной сферах. За последние годы ее производство существенно расширилось. Сейчас, помимо мебели, изготавливаются строительные материалы, среди которых акриловая краска, гидроизоляционные средства и отвердитель бетона. Согласно северокорейским источникам, компания «Ерюн» с 2015 г. вела совместную деятельность с фирмой из Гонконга [Йерюн Хабьен Хвеса].

Подобных примеров в Северной Корее достаточно много. Их изучение значимо, прежде всего, в контексте возможной роли в дальнейшем развитии КНДР. На современном этапе эти «проточэболи» выполняют важные экономические и социальные функции, обеспечивая рост производства и удовлетворение потребностей северных корейцев в различных товарах. В перспективе системные реформы экономики страны (прежде всего, имеется в виду необходимость признания частной собственности на средства производства) неизбежны. И крупные диверсифицированные компании, имеющие опыт реализации различных проектов в разных сферах, а также связи с иностранными партнерами, могут стать опорой государства в процессе постепенной приватизации и либерализации экономической системы страны [Frank].

Библиографический список

Агафонов И.В. Тезисы к комментариям по теме круглого стола «Новации во внешней и внутренней политике КНДР. Реакция основных региональных акторов» // Информационно-аналитический бюллетень № 37 (235) «У карты Тихого океана». Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН.

Ачхим Кисуль Мук Хвеса : [Технико-торговая фирма «Ачхим»]. URL: <http://naenara.com.kp/main/index/ko/trade> (дата обращения: 25.11.2019) (на кор. яз.).

Йерюн Хабъен Хвеса : [Совместная фирма «Йерюн»]. URL: <http://naenara.com.kp/main/index/ko/trade> (дата обращения: 25.11.2019) (на кор. яз.).

Неспокойное соседство: проблемы Корейского полуострова и вызовы для России: коллективная монография / [А.В. Торкунов и др.]; под ред. Г.Д. Толорая; МГИМО (У) МИД России, Каф. востоковедения. М.: МГИМО-Университет, 2015.

Синицын Б.В. Корейская Народно-Демократическая Республика (К 40-летию освобождения Кореи). М.: Знание, 1985.

Чосон Рынрадо Мук Чхонхвеса : [Генеральная торговая фирма КНДР «Рынрадо»]. URL: <http://naenara.com.kp/main/index/ko/trade> (дата обращения: 25.11.2019) (на кор. яз.).

Чосон Тэдонган Мук Хвеса : [Торговая фирма КНДР «Тэтонган»]. URL: <http://naenara.com.kp/main/index/ko/trade> (дата обращения: 25.11.2019) (на кор. яз.).

Frank R. North Korea's Economic Policy in 2018 and Beyond: Reforms Inevitable, Delays Possible. 38North, 08.08.2018. URL: <https://www.38north.org/2018/08/rfrank080818/> (дата обращения: 23.08.2019).

Hong Jae Hwan. North Korean Economy in the Kim Jong-un Regime. Korea Institute for National Unification. Study Series 18—03. August 2018.

Lankov A., Ward P., Yoo Ho-yeol, Kim Ji-young. Making Money in the State: North Korea's Pseudo-State Enterprises in the Early 2000s // Journal of East Asian Studies. 2017. No. 17.

North Korean Forced Labour in the EU , the Polish Case: How the Supply of a Captive DPRK Workforce Fits Our Demand for Cheap Labour. Findings from the Slaves to the System Project. Leiden Asia Centre. 6 July 2016.

Ward P. Market Reforms with North Korean Characteristics: Loosening the Grip on State-Owned Enterprises. 38North, 21.12.2017. URL: <https://www.38north.org/2017/12/pward122117/> (дата обращения: 15.09.2018).

References

Achim gisul muyeok hoesa : [Achim Technical and Trade Company]. URL: <http://naenara.com.kp/main/index/ko/trade> (accessed: 25 November, 2019) (in Korean).

Agafonov I.V. (2015) Tezisy k kommentariyam po teme kruglogo stola “Novatsii vo vneshnei i vnutrennei politike KNDR. Reaktsiya osnovnykh regional'nykh aktorov” [Comments on the topic of the round table “Innovations in the Foreign and Domestic Policies of the DPRK. Reactions of the Main Regional Actors”] // Informatsionno-

analiticheskii byulleten' № 37 (235) «U karty Tikhogo okeana» [Information and Analytical Bulletin no 37 (235) “By The Pacific Ocean Map”]. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS. (in Russian)

Frank, R. (2018) North Korea's Economic Policy in 2018 and Beyond: Reforms Inevitable, Delays Possible. 38North. 08.08.2018. URL: <https://www.38north.org/2018/08/rfrank080818/> (accessed: 23 August, 2019).

Hong Jae Hwan. (2018). North Korean Economy in the Kim Jong-un Regime. Korea Institute for National Unification. Study Series 18—03. August 2018.

Joseon daedonggang muyeok hoesa: [DPRK's Daedonggang Trade Company]. URL: <http://naenara.com.kp/main/index/ko/trade> (accessed: 25 November, 2019) (in Korean).

Joseon reungnado muyeok chonghosa: [DPRK's Reungnado General Trade Company]. URL: <http://naenara.com.kp/main/index/ko/trade> (accessed: 25 November, 2019) (in Korean).

Lankov, A., Ward, P., Yoo Ho-yeol, Kim Ji-young. (2017). Making Money in the State: North Korea's Pseudo-State Enterprises in the Early 2000s // Journal of East Asian Studies. No. 17.

Nespokojnoe sosedstvo. Problemy Korejskogo poluostrova i vyzovy dlya Rossii: kollektivnaya monografiya. (2015). [Uneasy Neighborhood. Problems of the Korean Peninsula and Challenges to Russia: monograph]. Ed. by G.D. Toloraya. Moscow: MGIMO-University. (In Russian).

North Korean Forced Labour in the EU, the Polish Case: How the Supply of a Captive DPRK Workforce Fits Our Demand for Cheap Labour. (2016). Findings from the Slaves to the System Project. Leiden Asia Centre. 6 July 2016.

Sinitsyn B.V. (1985) Koreiskaya Narodno-Demokraticeskaya Respublika (on the 40th Anniversary of the Korean Liberation) [Democratic People's Republic of Korea (On the occasion of the 40th anniversary of the liberation of Korea)]. Moscow: Znanie. (in Russian).

Ward, P. Market Reforms with North Korean Characteristics: Loosening the Grip on State-Owned Enterprises. 38North. 21.12.2017. URL: <https://www.38north.org/2017/12/pward122117/> (accessed: 15 September, 2018).

Yeryun habyeong hoesa: [Yeryun Joint Company]. URL: <http://naenara.com.kp/main/index/ko/trade> (accessed: 25 November, 2019) (in Korean).

А.Ф. Синякова

ДОМОХОЗЯЙСТВА, СОСТОЯЩИЕ ИЗ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА, МЕНЯЮТ СТРУКТУРУ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Аннотация. В статье анализируются социальные перемены в южнокорейском обществе, которые оказывают непосредственное влияние на структуру спроса и потребления. Новым и нетипичным для Республики Корея, как, впрочем, и для всего восточного общества является возникновение и устойчивый рост числа несемейных людей, которые и не намереваются создавать семью, а проживают самостоятельно, не стремясь обзавестись парой. Статистически такие граждане относятся к домохозяйствам, состоящим из одного лица, то есть холостяка или незамужней девушки. Также в эту категорию попадет ставший одиноким пожилой человек, который не проживает со своими уже взрослыми детьми. В модели потребления всех их объединяет склонность жить для себя, а когда такие стремления подкрепляются финансовыми возможностями, продавцы товаров и услуг чутко реагируют на них. Например, доставка готовых блюд для одного человека, при этом реклама убеждает, что и без традиционных для корейского стола закусок будет вкусно. В структуре потребления одиночек высоки затраты на спорт, путешествия, досуг, здоровый образ жизни. Социальная активность, которая выше, чем у семейной пары и семьи с детьми, является предпосылкой для роста расходов на различные виды досуга и хобби. Одновременно

одиноко живущие люди пропорционально больше тратят на жилищно-коммунальные услуги, бытовую технику и различные устройства, но меньше на медицину, образование и подрастающее поколение. Рост безработицы и снижение реальных располагаемых доходов населения вносят свои коррективы в потребительские расходы, однако высокая склонность к потреблению у одиночек оказывает заметное влияние на структуру спроса.

Ключевые слова: Республика Корея, структура спроса, молодежь, безработица, социально-экономические изменения, потребление, одиноко проживающие люди, потребительские расходы, южнокорейская экономика.

Автор: Синякова Анна Филимоновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России.

E-mail: annasinyakova@yandex.ru

A.F. Sinyakova

South Korea: Singles Change Consumer Demand

Abstract. The article focuses on the social changes in the ROK that have direct impact on the structure of demand and consumption. South Korea, as well as other Eastern countries, is facing new and untypical trend of the growth of the number of singles living alone without any intention to start a family. This rapidly growing group of people is statistically referred to as single households i.e. bachelor or unmarried woman, widowed person. Their consumption pattern is assumed to be solvent and they all tend to do themselves well. Compared to family households singles spend considerable amounts on sports, travel, hobby, healthy lifestyle. They are the most welcomed by sellers who quickly provide services including food delivery for singles. Singles spend more on housing, white-line goods, different appliances and less on healthcare and children related issues. Though unemployment growth and decline of real disposable household income may influence consumer spending, nevertheless a high propensity to consume has an impact on demand pattern.

Keywords: Republic of Korea, demand pattern, youth unemployment, social and economic changes, consumption, singles, consumer spending, South Korea economy.

Author: Anna F. SINYAKOVA, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages (e-mail: annasinyakova@yandex.ru).

Корейское общество традиционно ассоциируется с семейными ценностями, конфуцианской этикой, несколькими поколениями, живущими под одной крышей. Но экономический анализ потребительских предпочтений свидетельствует о том, что социально-психологическая деформация приводит к постепенной утрате ценности семьи. Домохозяйства, большая часть которых прежде представляла собой нуклеарную семью, стали стремительно сокращаться до одного человека. Это явление стало настолько заметным, что вместо обычно используемого слова *미혼* (未婚) [михон], которое переводится как «неженатый», «незамужняя», «холостой» и означает, что человек пока еще не вступил в брак, подразумевая, что брак обязательно состоится в будущем, в употребление вошло слово *비혼* (非婚) [пихон], которое переводится точно так же, но означает, что человек не рассматривает брак как нечто обязательное для себя и не намеревается вступать в него, осознанно предпочитая холостую жизнь. Холостая жизнь в таком смысле является синонимом свободной и независимой жизни, так называемой жизни для себя, и экономическая стратегия потребления холостяков, или одиночек (англ. *singles*), заметно отличается от потребительского поведения в семье.

В 2018 г. доля домашних хозяйств, состоящих из одного или двух человек, составила 56,5 %, что на 1,2 % выше, чем в 2017 г. При этом число домашних хозяйств, состоящих из одного человека, неуклонно растет с 1990-х годов: в 1990 г. их доля составляла 9 %, в 2010 г. — 23,9 % [OECD Family Database], в 2018 г. — 29,3 %, по темпам роста РК в этом опережает другие страны ОЭСР. В настоящее время одиноко проживающие люди являются самой большой группой среди всех типов южнокорейских семей, доля пар составила 27,3 %, семьи, состоящие из трех человек, составляют 21 %, из четырех человек — 17 %, из пяти и более человек — 5,4 %. Стоит отметить, что домохозяйства, состоящие из одного человека, представлены как молодыми людьми и девушками, не вступающими в брак, так и пожилыми людьми, вдовцами или вдовами, проживающими без детей и внуков. По данным 2018 г., среди несемейных домохозяйств доля людей в возрасте 20—29 лет составила 17,4 %, в возрасте 30—39 лет — 17 %, старше 70 лет — 18,3 % [2018 Population and Housing Census].

Причины, по которым люди отказываются вступать в брак, делятся на социально-психологические и экономические. Постепенно стало понятно, что этапы жизни, которые составляли жизненный путь практически каждого корейца: поступление и учеба в вузе, трудоустройство, вступление в брак, рождение детей, могут вдруг не состояться. Если высшее образование по-прежнему является устремлением каждого, трудоемким, но достижимым, то трудоустройство, тем более в хорошую компанию, даже с дипломом хорошего университета, превратилось в очень непростую задачу. Безработица среди молодежи растет, средний возраст первого трудоустройства достиг 27—28 лет, молодежь признается, что испытывает сильный стресс, даже депрессию, связанную с невозможностью устроиться на хорошую работу. Во время учебы в вузе и после его окончания большинство молодых корейцев дополнительно учится на различных тематических и профессиональных курсах, стремясь получить конкурентное преимущество при трудоустройстве.

Многие говорят, что настолько сосредоточены на учебе и нацелены на получение хорошей работы, что не хотят тратить время и силы на романтические свидания, не готовы к серьезным отношениям, не имея уверенности в завтрашнем дне. Они же отмечают, что романтические отношения только увеличат уровень стресса, который у них и без того есть, так как свадьба, семейная жизнь, дети лишь повышают уровень ответственности, которую надо нести. Девушки в Южной Корее не менее амбициозны в поиске работы в настоящее время. В возможности жить, не создавая семью, они видят, в первую очередь, возможность сделать карьеру, не прекращая ее в связи с браком и материнством, возможность избежать исторически традиционного для корейских женщин погружения в так называемый 시월드 (媿[си] world), то есть жизнь совместно с семьей мужа, или проживание в доме мужа (시댁 媿宅 [сидэк]). Брак у молодых женщин часто ассоциируется с жертвой карьерными устремлениями в угоду семье. Нельзя не отметить, что вестернизация общества также поддерживает тенденцию к отказу от брака в пользу жизни для себя.

Среди экономических факторов, которые являются аргументами для отказа от ведения семейного домашнего хозяйства, называют прежде всего высокие расходы на приобретение жилья и на жизнь в целом.

Устойчивый рост числа домохозяйств-одиночек привносит изменения в экономическую, социальную, политическую и культурную сферы жизни корейцев. С экономической точки зрения наиболее заметны перемены в структуре спроса, потребления и потребительских расходов, которые, в свою очередь, дают ясный сигнал производителям и приводят к изменениям в предложении. В среднем денежные траты семьи из одного человека на 8 % выше трат семейной пары. Доля расходов на аренду жилья, бытовую технику, мебель предсказуемо выше у одиночек. Очевидно, что для корпораций выгодно наличие спроса, так как бытовая техника является товаром длительного пользования, и при исправной работе потребители не склонны к ее частой замене. В рекламе бытовой техники в Южной Корее уже около десяти лет преобладают ролики, в которых основным персонажем является либо один мужчина, либо одна женщина, это касается и рекламы холодильников, и рисоварок, и стиральных машин, и посудомоечных машин, часто в рекламе снимается популярный актер из телесериалов. Рекламные ролики, в которых участвует семья с тремя детьми, тоже есть, но тогда, когда акцент делается на вместительность предмета техники. Посыл очень понятный: у одиноко живущего человека не возникнет никаких бытовых трудностей, он хорошо одет, хорошо выглядит, всем доволен, зачастую значит — практически идеальный образец для подражания, или айдол, как называют кумиров К-попа.

Большинству корпораций выгоден рост числа одиноко проживающих граждан, они будут стремиться его поддерживать, извлекая выгоду из растущего потребительского спроса. На рынке жилой недвижимости предлагают малогабаритные квартиры, подходящие для одного человека, производителям это чрезвычайно выгодно, так как это увеличивает продажи всей бытовой техники для квартиры, включая телевизор, чайник, различные современные гаджеты, которыми могли бы пользоваться одновременно двое человек в случае семейной пары. В какой-то степени такой спрос оживляет внутреннее потребление и благоприятен для экономики.

Одиноко проживающие люди склонны реже готовить дома, предпочитая либо полуфабрикаты быстрого приготовления, либо еду вне дома, в различных кафе, ресторанах, либо сервисы доставки

готовых блюд. Разнообразная лапша быстрого приготовления, так же как и другие полуфабрикаты, пользуется популярностью давно, количество кафе на любой вкус в городах Республики Корея тоже очень велико не первый год, а вот в сфере доставки еды изменения особенно заметны. Слоганы блюд, предлагаемых к доставке для одного человека, гласят: «Вкусно и без закусок», «Всё в одной тарелке», «Эксклюзивно для одиночек», в мобильных приложениях доставки еды отдельный раздел занимают заказы на одного. Таким образом, изменения затрагивают социальную сферу, меняют традицию совместного застолья, способа подачи и сервировки традиционных корейских блюд. Среди мобильных приложений сегмент сервисов доставки считается самым насыщенным, оперативно реагирующим на запросы пользователей, заказ еды на одного стал востребованной услугой.

Согласно опросам, траты на алкоголь и сигареты у одиноко проживающих людей выше на 50 %. Кроме того, они активно приобретают одежду и пропорционально больше тратят на услуги, связанные с красотой и социальной активностью для проведения досуга: кинотеатры, компьютерные клубы, кафе и рестораны, пикники, встречи и тому подобное. Большинство одиноко живущих людей, хотя и утверждают, что это их осознанный выбор, не стремятся к социальной изоляции, а, напротив, ищут интересного для себя общения. Они предпочитают использовать общественный транспорт, а не личный автомобиль.

Еще одной статьёй расходов, которая преобладает у несемейных молодых людей и девушек, является спорт. Спортивные клубы, секции, здоровый образ жизни, спортивное питание, групповые и персональные тренировки, спортивная одежда и обувь — основными потребителями всего спектра товаров и услуг данного сегмента являются несемейные люди. Они же стремятся вести активный образ жизни, путешествовать, посещать культурные мероприятия. Развивается внутренний туризм и арендный бизнес: прокат спортивного инвентаря, включая велосипеды, рынок аренды недвижимости. Международные онлайн платформы аренды жилья, например Airbnb, предлагают варианты аренды по всей территории страны, преобладающее большинство арендаторов составляют сами же корейцы.

Для путешествия по стране проложены протяженные веломаршруты, можно проехать более 2000 км по основным из них [Bicycle Happy Sharing]. Такие путешествия являются достаточно бюджетными, особенно для молодых людей. Одиноко проживающие пожилые люди тоже путешествуют, выбирая в том числе групповые зарубежные туры, что развивает туристическую индустрию, включая авиаперелеты.

Основными потребителями товаров и услуг индустрии красоты также являются одиноко проживающие люди, и молодые, и пожилые. Если первые ориентированы на различные уходовые процедуры, пластические операции, приобретение декоративной косметики и различных мастер-классов по ее использованию, то последние являются целевой аудиторией для индустрии антивозрастных средств, от медицинских до косметологических.

Анализируя структуру спроса несемейных людей, можно отметить, что она достаточно типична для молодежи, особенно студентов, при этом, поскольку исследуемая возрастная группа представлена уже не учащимися, а вполне самостоятельными людьми, которые предъявляют устойчивый платежеспособный спрос, изменения в потреблении товаров и услуг становятся все более отчетливыми.

Несемейные люди по сравнению с семейными чаще и больше обращаются в аптеки, а не к врачам и в больницы. И в целом их расходы на медицину и здоровье невысоки, что, вероятно, компенсируется расходами на здоровый образ жизни.

В кратко- и среднесрочной перспективе можно ожидать продолжения сокращения потребительских расходов, связанных с рождением детей, покупкой товаров для детей, всех видов детского образования, что будет обусловлено продолжающимся снижением уровня рождаемости. Одновременно будут расти расходы на проживание: коммунальные платежи, питание, бытовая техника и различные электронные приборы. Несмотря на то что суммарный доход домохозяйства, состоящего из одного человека, может быть сравнительно невысоким, склонность к потреблению у такого человека очень высока и уже оказывает влияние и меняет структуру спроса. Корейская статистическая служба прогнозирует рост спроса со стороны одиноко проживающих людей в 2,1 % в 2020 г. [Тхонгечхон].

Библиографический список

OECD Family Database. URL: https://www.oecd.org/els/family/SF_1_1_Family_size_and_composition.pdf (дата обращения: 11.11.2019).

2018 Population and Housing Census. Statistics Korea. URL: <https://kostat.go.kr/portal/eng/pressReleases/8/7/index.board?bmode=read&bSeq=&aSeq=378503&pageNo=1&rowNum=10&navCount=10&currPg=&searchInfo=&sTarget=title&sTxt=> (дата обращения: 11.11.2019).

Bicycle Happy Sharing. URL: <http://bike.go.kr/en> (дата обращения: 11.11.2019)

Тхонгечхон [Статистическое агентство РК]: URL: <http://kostat.go.kr/portal/korea/index.action> (дата обращения: 11.11.2019) (на кор. яз.).

References

OECD Family Database. URL: https://www.oecd.org/els/family/SF_1_1_Family_size_and_composition.pdf (accessed: 11 November, 2019).

2018 Population and Housing Census. Statistics Korea. URL: <https://kostat.go.kr/portal/eng/pressReleases/8/7/index.board?bmode=read&bSeq=&aSeq=378503&pageNo=1&rowNum=10&navCount=10&currPg=&searchInfo=&sTarget=title&sTxt=> (accessed: 11 November, 2019).

Bicycle Happy Sharing. URL: <http://bike.go.kr/en> (Accessed 11 November, 2019).

Statistics Korea. URL: <http://kostat.go.kr/portal/korea/index.action> (accessed: 11 November, 2019) (in Korean).

Я.В. Дёмина

ПОРТФЕЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. Среди стран Восточной Азии наблюдаются существенные различия по глубине и степени развития финансовых рынков, а также по количеству применяемых на них ограничений. В данной работе исследуются пять стран-основателей АСЕАН: Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд (АСЕАН-5). Анализ взаимных потоков портфельных инвестиций показывает невысокую зависимость от региональных партнеров для четырех исследуемых стран из пяти (все, кроме Малайзии). Кроме того, страны АСЕАН-5 предпочитают инвестировать в портфельные активы, номинированные в долларах США.

Ключевые слова: портфельные инвестиции, Восточная Азия, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, АСЕАН-5.

Автор: Дёмина Яна Валерьевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории внешнеэкономического сотрудничества и экономики стран АТР Института экономических исследований ДВО РАН. E-mail: yandemi@yandex.com

Ya. V. Dyomina

Portfolio Investment in East Asia

Abstract. There are significant differences in the depth and development of East Asian financial markets; as well as regional countries have diverse number of applied restrictions. This paper explores the five founding countries of ASEAN: Indonesia, Malaysia, the Philippines, Singa-

pore and Thailand (ASEAN-5). The analysis of mutual flows of portfolio investments shows a low dependence on regional partners for four of the five countries (all except Malaysia). In addition, ASEAN-5 countries prefer portfolio assets denominated in the USD.

Keywords: portfolio investment, East Asia, Indonesia, Malaysia, the Philippines, Singapore, Thailand, ASEAN-5.

Author: Yana V. DYOMINA, Ph.D. (Economics), Senior Research Fellow, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (e-mail: yandemi@yandex.com).

Согласно Концепции АСЕАН 2025 [ASEAN Community Vision 2025], объединение должно стать «политически сплоченным, экономически интегрированным и социально ответственным» сообществом. В качестве одной из целей также указана интеграция и дальнейшее развитие валютных и финансовых рынков региона.

Перспективы интеграции и развития валютных и финансовых рынков региона связаны с действующими в регионе соглашениями: Многосторонней Чиангмайской инициативой, Совещанием руководителей центральных банков стран Восточной Азии и Тихого океана, Экономическим и политическим диалогом и Инициативой по азиатским рынкам облигаций [Аранова; Capannelli]. Однако в настоящее время рынки стран-участниц блока существенно отличаются друг от друга по степени развития и уровню «зарегулированности», что является препятствием на пути их интеграции [Maggiori, Neiman, Schreger; Volz].

В работе исследуются 5 стран-основателей АСЕАН: Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд. Выбор указанных государств обусловлен их долей в совокупном объеме портфельных инвестиций объединения (99,9 %) [Дёмина]. Кроме того, эти страны являются наиболее экономически развитыми участниками Ассоциации.

Индонезия. Совокупный объем активов портфельных инвестиций Индонезии в 2017 г. составил 17,3 млрд долл., увеличившись за 17 лет в 24,2 раза*. Среди исследуемых стран АСЕАН Индонезия занимает 4-е место.

* Здесь и далее рассчитано автором на основе данных Coordinated Portfolio Investment Survey.

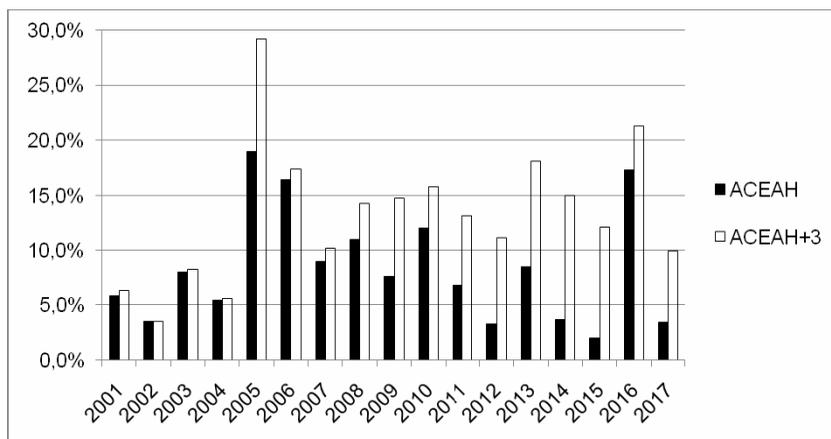


Рис. 1. Доля АСЕАН и АСЕАН+3 в общем объеме активов портфельных инвестиций Индонезии в 2001—2017 гг., %

Удельный вес стран-партнеров по региону в совокупном объеме активов портфельных инвестиций Индонезии невелик. Так, в среднем за период с 2001 по 2017 г. доля АСЕАН составила 8,4 %, АСЕАН+3 — 13,3 %. Наибольшее значение для АСЕАН наблюдалось в 2005 г. — 19,0 %, наименьшее — в 2015 г. (2,0 %) (рис. 1). Для АСЕАН+3 максимальная доля также была отмечена в 2005 г. (29,2 %), минимальная — в 2002 г. (3,6 %).

Если рассмотреть структуру общего объема активов портфельных инвестиций Индонезии в 2017 г. по странам-эмитентам, то лидирующие позиции принадлежат Нидерландам (34,6 %) и США (18,9 %) (рис. 2). Доля остальных стран существенно ниже: на Индию приходится 9,1 %, Люксембург — 7,3 %, Китай — 5,6 %, Гонконг и Сингапур — по 3 %. Также стоит отметить значительную долю конфиденциальных инвестиций и инвестиций, источник которых не определен, — 12,0 %.

Структура общего объема активов портфельных инвестиций Индонезии в среднем за исследуемый период отличается от ситуации 2017 г. Так, наибольший удельный вес (37,7 %) приходится на конфиденциальные инвестиции и инвестиции, источник которых

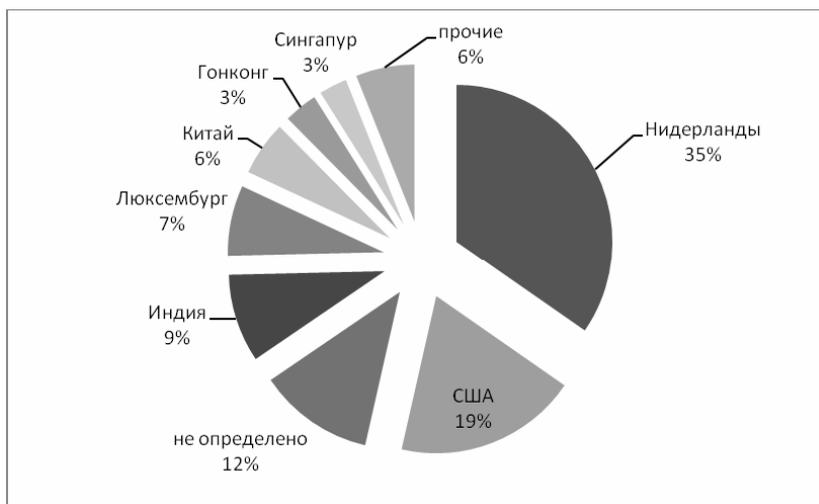


Рис. 2. Структура общего объема активов портфельных инвестиций Индонезии в 2017 г. по крупнейшим странам-эмитентам, %

не определен (рис. 3). Далее следуют Нидерланды (17,1 %) и США (12,3 %).

Если рассмотреть структуру общего объема активов портфельных инвестиций Индонезии по валютам, то по итогам 2017 г. 1 место принадлежит доллару США (66,2 %), за ним следует австралийский доллар с долей 2,3 %. Удельный вес китайского юаня и японской иены составляет менее 0,1 %.

Малайзия. Среди исследуемых стран Малайзия занимает 2 место по объему активов портфельных инвестиций (83,7 млрд долл. в 2017 г., рост по сравнению с 2001 г. в 36,7 раза).

Удельный вес стран-партнеров по региону в совокупном объеме активов портфельных инвестиций Малайзии гораздо выше, чем у Индонезии. Так, в среднем за период с 2001 по 2017 г. доля АСЕАН составила 28,4 %, АСЕАН+3 — 34,6 %. Наибольшее значение для АСЕАН наблюдалось в 2014 г. — 38,5 %, наименьшее — в 2008 г. (15,3 %) (рис. 4). Для АСЕАН+3 максимальная доля также была отмечена в 2014 г. (43,3 %), минимальная — в 2004 г. (21,2 %).

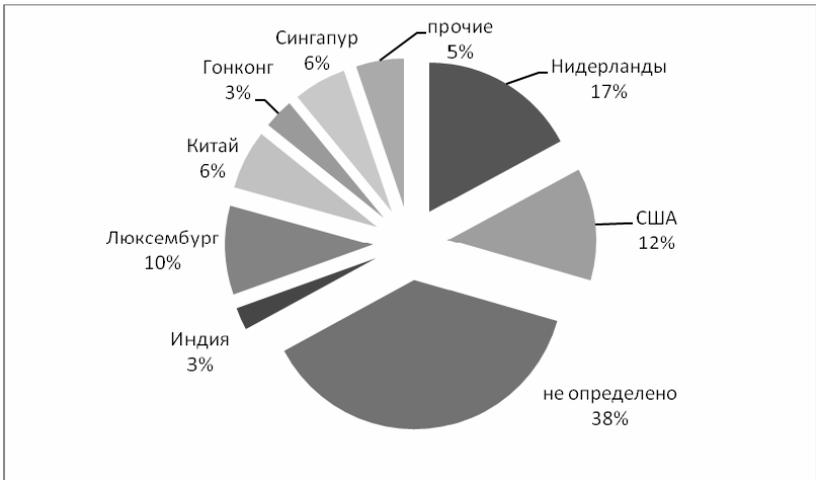


Рис. 3. Структура общего объема активов портфельных инвестиций Индонезии в среднем за период 2001—2017 гг. по крупнейшим странам-эмитентам, %

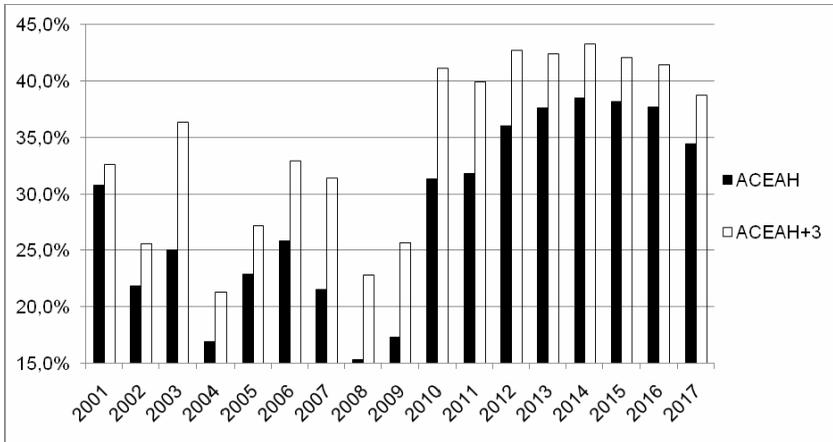


Рис. 4. Доля АСЕАН и АСЕАН+3 в общем объеме активов портфельных инвестиций Малайзии в 2001—2017 гг., %

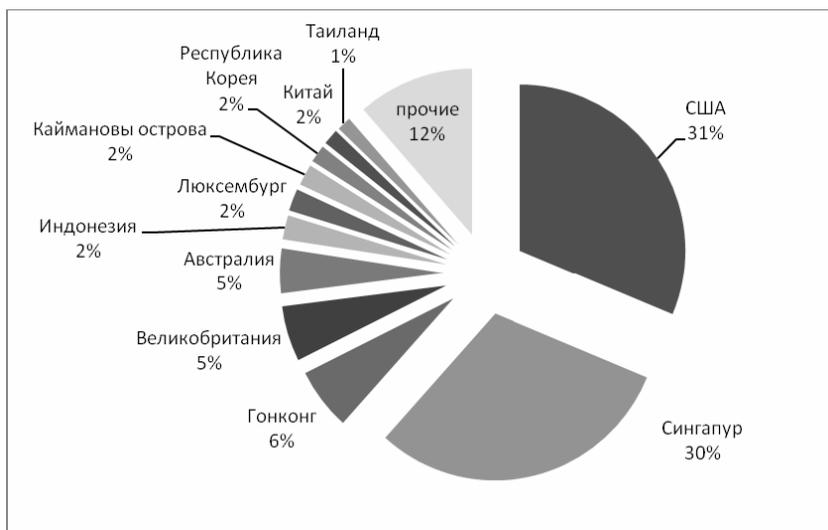


Рис. 5. Структура общего объема активов портфельных инвестиций Малайзии в 2017 г. по крупнейшим странам-эмитентам, %

Если рассмотреть структуру общего объема активов портфельных инвестиций Малайзии в 2017 г. по странам-эмитентам, то лидирующие позиции принадлежат США (31,3 %) и Сингапуру (30,3 %) (рис. 5). Доля остальных стран существенно ниже: на Гонконг приходится 6,0 %, на Великобританию — 5,4 %, Австралию — 4,5 %.

Структура общего объема активов портфельных инвестиций Малайзии в среднем за исследуемый период выглядит так: 1 место теперь у Сингапура (29,0 %), далее идут США (27,4 %) (рис. 6). Среди остальных стран стоит отметить увеличение долей Индонезии (2,9 %) и Республики Корея (3,4 %).

Если рассмотреть структуру общего объема активов портфельных инвестиций Малайзии по валютам, то по итогам 2017 г. лидирующие позиции принадлежат доллару США (67,9 %), за ним следует австралийский доллар с долей 4,5 %. На третьем месте располагаются евро и фунт стерлингов (по 1,8 %), далее следуют японская иена (1,0 %) и китайский юань (0,3 %).

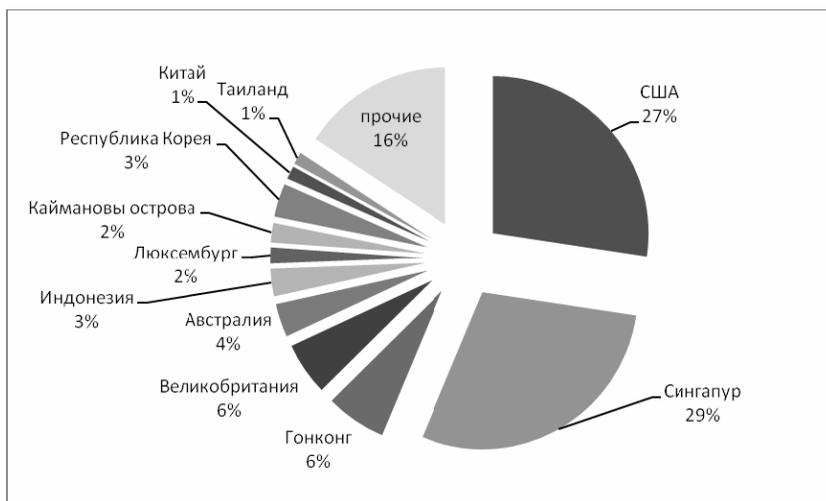


Рис. 6. Структура общего объема активов портфельных инвестиций Малайзии в среднем за период 2001—2017 гг. по крупнейшим странам-эмитентам, %

Филиппины. Совокупный объем активов портфельных инвестиций Филиппин в 2017 г. составил 13,1 млрд долл. (последнее место среди исследуемых стран), увеличившись по сравнению с 2001 годом в 6,1 раза.

Удельный вес стран-партнеров по региону в совокупном объеме активов портфельных инвестиций Филиппин невелик по сравнению с Малайзией. Так, в среднем за период с 2001 по 2017 г. доля АСЕАН составила 12,8 %, АСЕАН+3 — 18,2 %. Наибольшее значение для АСЕАН наблюдалось в 2015 г. — 23,4 %, наименьшее — в 2004 г. (1,4 %) (рис. 7). Для АСЕАН+3 максимальная доля была отмечена в 2014 г. (33,6 %), минимальная — в 2004 г. (2,8 %).

Если рассмотреть структуру общего объема активов портфельных инвестиций Филиппин в 2017 г. по странам-эмитентам, то лидирующие позиции принадлежат США (35,9 %) и Индонезии (18,1 %) (рис. 8). Доля остальных стран существенно ниже: на Гонконг приходится 4 %, Китай, Индию, Великобританию, Люксембург, Каймановы острова и Нидерланды — по 3 %.

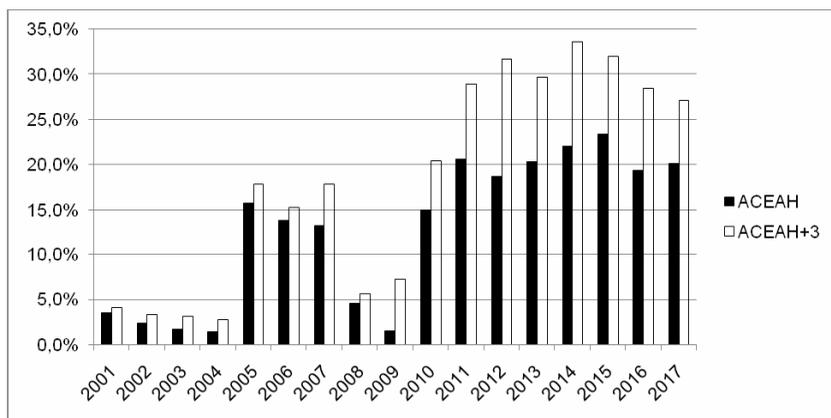


Рис. 7. Доля АСЕАН и АСЕАН+3 в общем объеме активов портфельных инвестиций Филиппин в 2001—2017 гг., %

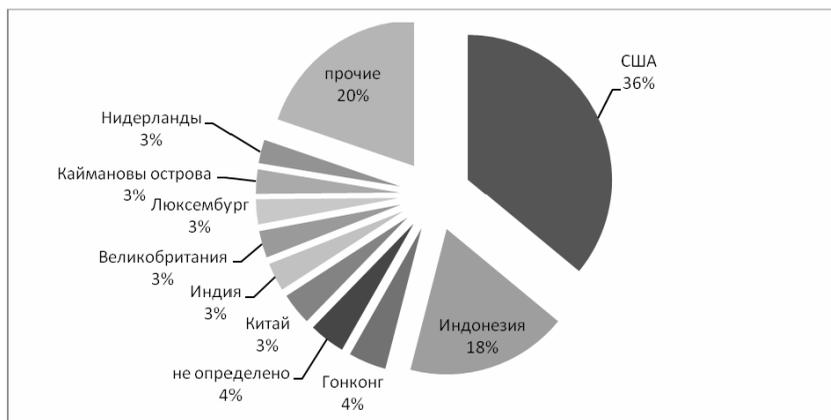


Рис. 8. Структура общего объема активов портфельных инвестиций Филиппин в 2017 г. по крупнейшим странам-эмитентам, %

Структура общего объема активов портфельных инвестиций Филиппин в среднем за исследуемый период не отличается существенно от ситуации 2017 г. Так, лидирующие позиции по-прежнему

принадлежат США (42,6 %) и Индонезии (10,7 %), однако, соотношение долей значительно изменилось (рис. 9). Среди остальных стран стоит отметить увеличение долей Великобритании (6,3 %) и конфиденциальных инвестиций и инвестиций, источник которых не определен (7,8 %).



Рис. 9. Структура общего объема активов портфельных инвестиций Филиппин в среднем за период 2001—2017 гг. по крупнейшим странам-эмитентам, %

Если рассмотреть структуру общего объема активов портфельных инвестиций Филиппин по валютам, то по итогам 2017 г. 1 место принадлежит доллару США (95,0 %), за ним следуют евро (2,2 %) и японская иена (1,6 %). Доли остальных валют ничтожно малы.

Сингапур. Среди исследуемых стран Сингапур занимает 1 место по объему активов портфельных инвестиций — 1,2 трлн долл. в 2017 г., рост за 17 лет в 11,1 раза.

Удельный вес стран-партнеров по региону в совокупном объеме активов портфельных инвестиций Сингапура невелик. Так, в среднем за период с 2001 по 2017 г. доля АСЕАН составила 6,7 %, АСЕАН+3 — 21,5 %. Наибольшее значение для АСЕАН наблюдалось в 2001 г. — 10,2 %, наименьшее — в 2015 г. (4,8 %) (рис. 10). Для

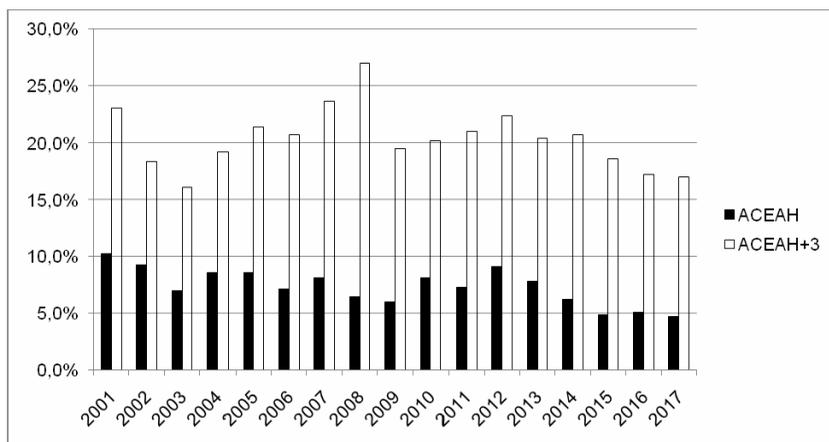


Рис. 10. Доля АСЕАН и АСЕАН+3 в общем объеме активов портфельных инвестиций Сингапура в 2001—2017 гг., %

АСЕАН+3 максимальная доля была отмечена в 2008 г. (27,0 %), минимальная — в 2003 г. (16,1 %).

Если рассмотреть структуру общего объема активов портфельных инвестиций Сингапура в 2017 г. по странам-эмитентам, то лидирующие позиции принадлежат США (29,4 %) и Китаю (9,1 %) (рис. 11). Другие страны занимают более скромные позиции. Для Сингапура, как и для Индонезии, характерна высокая доля конфиденциальных инвестиций и инвестиций, источник которых не определен, — на них приходится 26,8 %.

Структура общего объема активов портфельных инвестиций Сингапура в среднем за исследуемый период немного отличается от ситуации 2017 г. Первое место по-прежнему принадлежит США (26,2 %), за ними следует Китай (7,3 %) (рис. 12). Также высока доля конфиденциальных инвестиций и инвестиций, источник которых не определен — 20,4 %. Кроме того, произошло увеличение долей Великобритании (7,2 %), Республики Корея (4,6 %), Индии (4,5 %), Австралии (3,9 %), Гонконга и Германии (по 3,2 %).

Таиланд. В 2017 г. совокупный объем активов портфельных инвестиций Таиланда составил 53,4 млрд долл. (3 место среди

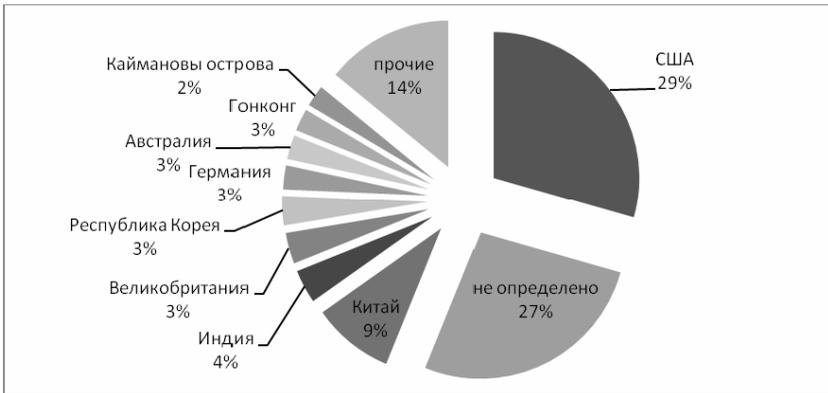


Рис. 11. Структура общего объема активов портфельных инвестиций Сингапура в 2017 г. по крупнейшим странам-эмитентам, %



Рис. 12. Структура общего объема активов портфельных инвестиций Сингапура в среднем за период 2001—2017 гг. по крупнейшим странам-эмитентам, %

АСЕАН-5), увеличившись по сравнению с 2001 годом в 64,8 раза — наибольший прирост среди рассматриваемых стран.

Удельный вес стран-партнеров по блоку в совокупном объеме активов портфельных инвестиций Таиланда невелик, АСЕАН+3 —

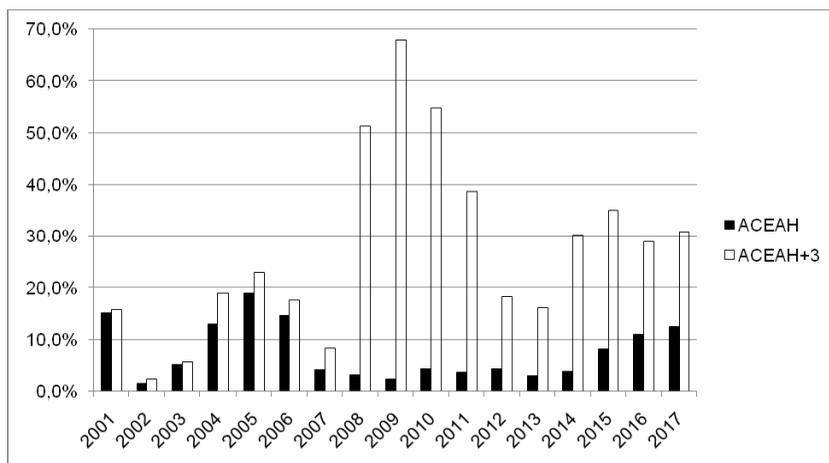


Рис. 13. Доля АСЕАН и АСЕАН+3 в общем объеме активов портфельных инвестиций Таиланда в 2001—2017 гг., %

существенен. Так, в среднем за период с 2001 по 2017 г. доля АСЕАН составила 7,6 %, АСЕАН+3 — 27,3 %. Наибольшее значение для АСЕАН наблюдалось в 2005 г. — 19,0 %, наименьшее — в 2002 г. (1,5 %) (рис. 13). Для АСЕАН+3 максимальная доля была отмечена в 2009 г. (67,8 %), минимальная — также в 2002 г. (2,4 %).

Если рассмотреть структуру общего объема активов портфельных инвестиций Таиланда в 2017 г. по странам-эмитентам, то лидирующие позиции принадлежат Люксембургу (15,0 %), США (12,0 %) и Ирландии (11,8 %) (рис. 14). Далее следуют Китай (8,6 %), Япония и Гонконг (по 7 %). Таиланд характеризуется весьма диверсифицированным портфелем иностранных ценных бумаг — на прочие страны (около 50 государств с небольшим удельным весом каждое) приходится 24,1 % его общего стоимостного объема.

Структура общего объема активов портфельных инвестиций Таиланда в среднем за исследуемый период отличается от ситуации 2017 г. Первое место занимает Республика Корея (15,6 %) (рис. 15), далее следуют США (13,9 %) и Люксембург (7,7 %). Гонконг и Китай делят 4 место с удельным весом по 7,0 %. По итогам всего перио-

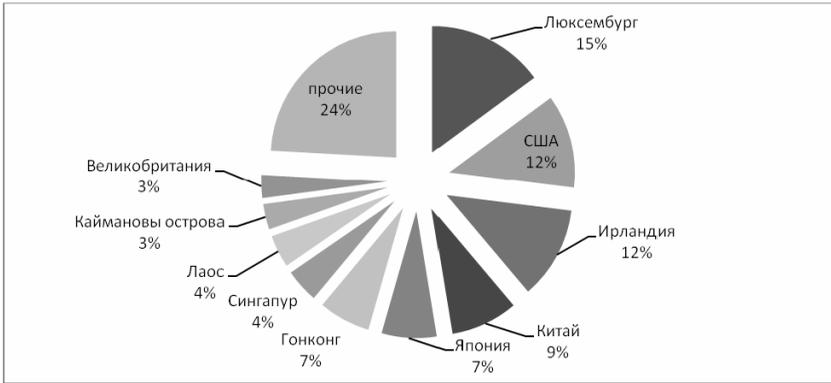


Рис. 14. Структура общего объема активов портфельных инвестиций Таиланда в 2017 г. по крупнейшим странам-эмитентам, %

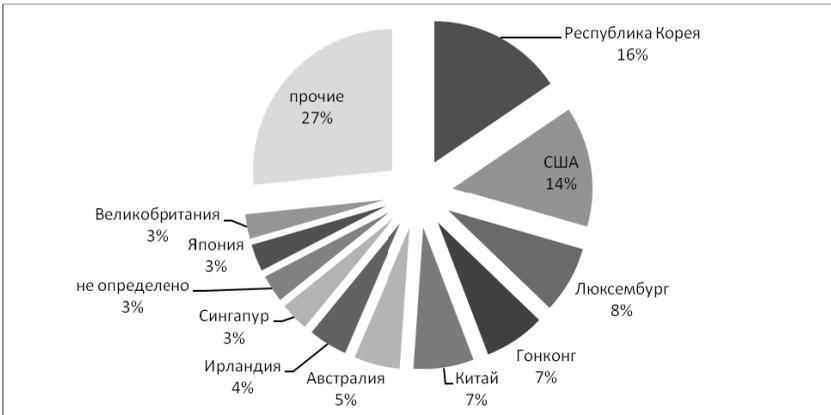


Рис. 15. Структура общего объема активов портфельных инвестиций Таиланда в среднем за период 2001—2017 гг. по крупнейшим странам-эмитентам, %

да 2001—2017 гг. Таиланд по-прежнему характеризуется весьма диверсифицированным портфелем иностранных ценных бумаг, доля прочих стран даже увеличилась — 26,6 %.

Если рассмотреть структуру общего объема активов портфельных инвестиций Таиланда по валютам, то по итогам 2017 г. лиди-

рующие позиции принадлежат доллару США (63,9 %), за ним следуют евро (10,2 %) и японская иена (7,5 %). Удельный вес фунта стерлингов составляет 1,5 %, китайского юаня — 1,3 %.

В исследуемых странах в целом наблюдается невысокая зависимость от региональных партнеров. В среднем за период с 2001 по 2017 г. доля АСЕАН в совокупном объеме активов портфельных инвестиций существенна только для Малайзии (28,4 %). Удельный вес стран-партнеров по АСЕАН+3 колеблется от 13,3 % в Индонезии до 34,6 % в Малайзии. Также большинство портфельных активов стран АСЕАН-5 номинированы в долларах США (от 63,9 % до 95,0 %). В целом можно сделать вывод о большей ориентированности стран АСЕАН-5 на американский и европейские финансовые рынки, чем на рынки региональных партнеров.

Библиографический список

Арапова Е.Я. Интеграционный потенциал АТЗСТ // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 1. С. 68—81.

Дёмина Я.В. Трансграничные потоки капитала в Восточной Азии: влияние мероприятий валютной политики // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 3. С. 99—124. DOI: 10.14530/se.2019.3.099-124.

ASEAN Community Vision 2025. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf> (дата обращения: 03.09.2019).

Capannelli G. The ASEAN Economy in the Regional Context: Opportunities, Challenges, and Policy Options / ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration. No. 145. Mandaluyong City: Asian Development Bank, 2014. 41 p.

Maggiore M., Neiman B., Schreger J. International Currencies and Capital Allocation / NBER Working Paper. 2018. No. 24673. 56 p.

Volz U. Prospects for Monetary Cooperation and Integration in East Asia. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. 338 p.

References

Arapova, E. (2016). Integracionnyj potencial ATZST [Integration potential of free trade area of the Asia-Pacific], *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], vol. 60, no. 1. P. 68—81. (In Russian).

ASEAN Community Vision 2025 (2015). URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf> (accessed: 03 September, 2019).

Capannelli, G. (2014). The ASEAN Economy in the Regional Context: Opportunities, Challenges, and Policy Options. ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration. No. 145. Mandaluyong City: Asian Development Bank, 2014. 41 p.

Dyomina, Ya. V. (2019). Transgranichnye potoki kapitala v Vostochnoj Azii: vliyanie meroprijatij valjutnoj politiki [Cross-Border Capital Flows in East Asia: Impact of Monetary Policy Measures], *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics]*, vol. 15, no. 3. P. 99—124. DOI: 10.14530/se.2019.3.099-124. (In Russian).

Maggiore, M., Neiman, B., Schreger, J. (2018). International Currencies and Capital Allocation. NBER Working Paper. No. 24673. 56 p.

Volz, U. (2010). Prospects for Monetary Cooperation and Integration in East Asia. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. 338 p.

Д.Д. Рыбникова

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В КОНТЕКСТЕ ЧЕТВЕРТОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. В данной статье рассмотрены тенденции развития промышленного сектора Республики Корея в контексте прогнозируемой Четвертой промышленной революции, которая в перспективе коренным образом изменит производственные процессы. В ходе исследования была проанализирована связь между НТП и промышленной революцией и определена степень влияния данных процессов на экономику. Особое внимание уделено современному этапу НТП, который характеризуется внедрением киберфизических систем, позволяющих осуществлять производство без участия человека. На основе анализа было установлено, что Республика Корея, следуя мировым экономическим тенденциям, освоила инновационные технологии в промышленности и создала условия для перехода к Индустрии 4.0.

Ключевые слова: Южная Корея, промышленность, промышленное развитие, промышленная революция, инновации, технологии.

Автор: Рыбникова Дарья Дмитриевна, бакалавр по направлению «Востоковедение и африканистика» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: daria.der@mail.ru

D.D. Rybnikova

Trends in the Industrial Development of the Republic of Korea in the Context of the Fourth Industrial Revolution

Abstract. This article discusses the development trends of the industrial sector of the Republic of Korea in the context of the Fourth Industrial Revolution, which is predicted to change production processes fundamentally. The study investigated the connection between S&T development and the industrial revolution and identified the effect these processes have on economic progress. Special attention was given to the current stage of S&T development, which is characterized by the introduction of cyber-physical systems that allow production without human intervention. Based on the analysis, we found that the Republic of Korea, following global technological trends, has adapted key innovations in industry and created the conditions for transitioning to the Industry 4.0.

Keywords: South Korea, industry, industrial development, industrial revolution, innovation, technology.

Author: Daria D. RYBNIKOVA, Bachelor (Asian Studies), National Research University “Higher School of Economics”
(e-mail: daria.der@mail.ru).

В мировой истории выделяют четыре промышленных революции, начало которым положил переход от ручного труда к машинному. Они представляют собой коренной переворот в экономике, открывающий обширное пространство для инноваций и позволяющий значительно повысить эффективность экономической деятельности за счет нового набора технологий и организационных принципов. Революции происходят на финальном этапе смены технологических укладов (далее — ТУ) — системы ведущих в определенный период технологий и способов их применения. В фазе роста цикла происходит стремительное развитие производства, что ведет к формированию новых секторов экономики и перестройке мирового хозяйства. Однако через 20—30 лет отдача от новых технологий начинает снижаться и экономический рост замедляется. Именно в процессе преодоления рецессии формируются инновации, которые станут ядром нового технологического уклада и приведут к качественному подъему в экономике. Технологические перевороты следуют друг за другом в логической последовательности, т. е. одна революция создает

условия для следующей, что значительно ускоряет научно-технический прогресс [Глазьев].

Первая промышленная революция, как известно, привела к первичной индустриализации в Европе в XVIII—XIX вв. (первый ТУ). Вторая революция произошла в начале XX в. с появлением электричества и изобретением конвейера, благодаря чему удалось создать массовое производство (второй-третий ТУ). В первой половине XX в. произошло переустройство мирового экономического хозяйства в связи с необходимостью развития технологий в военных целях: освоения энергии атома, кибернетики, вычислительной техники, медицины (четвертый ТУ). Наконец, третья революция началась в 1960-х годах, когда страны восстановились после войны, был изобретен компьютер, получило развитие числовое программное управление и микропроцессоры, а позже — промышленные роботы (четвертый-пятый ТУ) [Глазьев].

Четвертый этап промышленной революции характеризуется внедрением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и киберфизических систем в заводские процессы. В таких системах датчики, оборудование и информационные системы интегрированы и соединены на протяжении всей цепочки создания стоимости, выходящей за рамки одного предприятия или бизнеса. Предполагается, что системы будут связываться друг с другом в режиме реального времени, самонастраиваться и адаптироваться к изменениям. Такие сети смогут выстраивать производство с меньшим количеством ошибок, взаимодействовать с производимыми товарами и при необходимости адаптироваться под новые запросы потребителей. Киберфизические системы в корне изменят традиционную логику производства, поскольку каждый рабочий объект будет сам определять, какую работу необходимо выполнить для производства [Тарасов].

В 1060-е — 1970-е годы научно-технический прогресс в Республике Корея (далее — РК) в основном ограничивался отдельными разработками, главным образом по усовершенствованию использования западной технологии в корейских условиях. В 1980-е годы РК перешла к более системному научному прогрессу, включающему в себя освоение передовых технологий и развертывание собственной исследовательской базы. Самыми приоритетными считались иссле-

дования в сферах производства полупроводников, компьютеров и машиностроения, контроля над промышленным загрязнением окружающей среды и за качеством производимых пищевых продуктов.

Уже в 2012 г. РК заняла второе место среди наиболее инновационных стран. В сфере патентной активности РК заняла первое место, а также стала 11-й страной в мире, вошедшей в «космический клуб». Развитие собственных инновационных разработок привело к сокращению импорта технологий: величина технологического экспорта РК увеличилась с 2,178 млн долл. в 2007 г. до 8 млн долл. в 2012 г. [Доклад Юнеско по науке].

При администрации Пак Кын Хе (2013—2017 гг.) началась реализация концепции «креативной экономики», нацеленной на создание новых возможностей для промышленности и бизнеса путем активного внедрения ИКТ. Одним из приоритетных направлений стал поиск новых видов энергии и снижение уровня зависимости страны от традиционных источников энергии. Атомная энергетика рассматривалась как наиболее подходящая альтернатива традиционным энергоресурсам. Это было связано с наличием в РК собственной технологической базы в области использования мирного атома, а также обязательствами правительства сократить к 2020 г. 30 % эмиссии парниковых газов [Кукла]. Важной производственной частью концепции стал Мастер-план по созданию Интернета вещей (подключение приборов и устройств к общей сети Интернет, обеспечивающей между ними обмен данными для совершения операций).

Лидирующие позиции в экспорте страны с 2014 по 2017 г. занимали полупроводники, суда, автомобили, нефтепродукты, плоские дисплеи и сенсоры, компоненты для автомобилей, оборудование для беспроводной связи, синтетический полимер, плоский прокат из стали, компьютеры. Крупнейшие южнокорейские компании начали активно внедрять нанотехнологические продукты, многие из которых уже вышли на рынок (например, в «Самсунг» разработали флэш-память NAND, которая более удобна в применении чем полупроводники).

Несмотря на позитивные события в южнокорейской экономике, в 2018 г. темпы экономического роста снизились. Стало очевидно, что необходимы политика для создания новых двигателей роста в

промышленности и развитие инноваций четвертой промышленной революции.

24 августа 2018 г. был опубликован Бюджет в области инноваций и создания новых рабочих мест. В общей сложности выделено 470 трлн вон на создание рабочих мест, поддержку инновационных отраслей, укрепление сетей социальной защиты и национальной безопасности, что на 9,7 % больше, чем годом ранее (378,5 трлн вон). В 2019 г. планируется увеличить вложения в НИОКР до 20,4 трлн вон, которые будут распределены на фундаментальные исследования технологий будущего, поддержку малых и средних предприятий (МСП) и внедрение инноваций. Порядка 3,6 трлн вон выделено на восемь пилотных проектов: автомобили будущего, беспилотные услуги, новые источники энергии, биотехнологии в здравоохранении, умные фабрики, умные города, умные фермы и финансовые технологии. Кроме этого, 250 млрд вон пойдут на реконструкцию и модернизацию старых промышленных комплексов и продвижение венчурных стартапов [2019 Budget Proposal].

24 апреля 2019 г. в связи с неблагоприятными экономическими и экологическими условиями был опубликован Дополнительный бюджетный план. Для того чтобы снизить выбросы в атмосферу загрязняющих веществ от транспорта, промышленности и домашних хозяйств выделено 2,2 трлн вон. Помимо этого, 0,4 трлн вон направлены на продвижение экологически чистых технологий и транспортных средств (электромобили и автомобили на водородных топливных элементах), установку возобновляемых источников энергии и т. д. [2019 Supplementary Budget Proposal].

Для того, чтобы обеспечить экологически чистую энергосистему в городах, совершенствуются технологии хранения и накопления энергии, таких как накопители энергии на основе разных типов аккумуляторов (литий-ионные, свинцово-углеродные, проточные и др.). Основные задачи таких систем — поддержание максимально долгого бесперебойного энергоснабжения при возникновении чрезвычайных ситуаций, выравнивание пиковых нагрузок в сети и снижение рисков аварий в энергосистеме в режиме реального времени. Накопители энергии используются в транспорте, в системах энергообеспечения зданий, городов, а также районов, не имеющих цен-

трализованной системы электроснабжения. Кроме того, в стадии разработки и совершенствования находятся технологии интеллектуального управления зданиями для эффективного управления энергопотреблением.

В отношении ядерной безопасности и радиоактивных отходов планируется разработать новые безопасные технологии, такие как материалы ядерного синтеза следующего поколения, выдерживающие экстремальные условия, технологии оценки и проверки опасности облучения на ядерных установках, а также безопасности управления демонтажем атомных электростанций.

В электронной промышленности инновационным продуктом является эластичный дисплей — гибкая технология отображения, которая может сгибаться и растягиваться, возвращаясь после деформации в первоначальное состояние. Активно разрабатываются технологии для устройств сенсорной замены, которые позволяют восстановить или усилить утраченную сенсорную функцию, обеспечить высокий уровень распознавания ощущений на основе сенсорных нейронов. Они могут применяться в качестве заменителя органов чувств, функции которых были утрачены. Помимо этого, планируется использовать химические материалы с автономным контролем жизненного цикла, которые обеспечат автономную защиту, отчетность и контроль декомпозиции от внешних средств. Они могут применяться в устройствах Интернета вещей, которые обнаруживают и передают изменения окружающей среды без питания или с низким энергопотреблением, и способствуют повышению безопасности таких конструкций, как дороги, мосты и здания.

Запуск инновационных технологий будет осуществлен с помощью внедрения «регулятивной песочницы» — нормативно-правовой площадки, позволяющей юридическим лицам проводить в ограниченной среде эксперименты по внедрению своих инновационных продуктов без риска нарушения действующего законодательства и тестировать инновационные предложения на рынке с реальными потребителями. Это позволит сократить время выхода продукта на рынок при потенциально более низких затратах и определит соответствующие меры защиты прав потребителей. Тестирование может проводиться для таких цифровых технологий, как блокчейн, облач-

ные сервисы, большие данные и машинное обучение, биометрические технологии, автоматизированные услуги и т. д. [Regulatory Sandbox].

Модернизация традиционных отраслей будет проведена путем интеграции интеллектуальных технологий на традиционных заводах и более тесной взаимосвязи между старыми и новыми технологиями. Будет оказано содействие «проблемно-ориентированным» областям, таким как нанотехнологии, связывающие различные отрасли и технологии для решения технических задач основных отраслей промышленности (например, внедрение элементов передовых технологий в предыдущие технологии производства) [4 чха квахакки-суль кибон кехвэк].

Что касается научно-технической политики, правительство будет снижать барьеры для проведения НИОКР путем упрощения бизнес-планов для МСП, оказывать поддержку с помощью ваучеров на исследования и разработки на предприятиях, содействовать частным инвестициям за счет снижения налогов на НИОКР. Приток выдающихся талантов будет обеспечен за счет внедрения систем выплат для молодых научных работников, занятых в отделах НИОКР. Вместе с этим правительство выдвигает задачу укрепления научно-технического потенциала для будущих вызовов путем масштабного продвижения творческих исследований и поддержки фундаментальной науки в различных областях. К 2022 г. будет создано 260 тыс. новых рабочих мест в сфере науки и технологий [Мун Чжэ Ин тэтхоннён синнён кичжахвэгён ёнсомун].

Уже сегодня можно говорить о том, что РК уверенно продвигается в ключевых сферах четвертой промышленной революции. По данным Министерства науки и информационно-коммуникационных технологий, наблюдается существенный рост спроса в областях, где используются искусственный интеллект, беспилотники, автомобили с автономным управлением, финансово-технические услуги и умные фабрики.

Число граждан, пользующихся услугами Интернета вещей, достигло 18,6 млн по состоянию на декабрь 2018 г., что на 33,2 % больше, чем годом ранее. В апреле 2019 г. РК стала первой страной в мире, которая запустила общенациональные подключения 5G, а ко-

личество пользователей мобильных устройств 5G по состоянию на 10 июня 2019 г. составило 1 млн человек. Предпринимаются усилия по созданию сверхбыстрой интернет-инфраструктуры, способной обрабатывать до 10 Гб данных в секунду.

Кроме того, в конце прошлого года было зарегистрировано 7177 коммерческих беспилотников, что на 60 % больше, чем годом ранее. На сегодняшний день в стране построено 7903 «умных» заводов, которые способны повысить конкурентоспособность среднего бизнеса. К 2022 г. планируется довести их численность до 30 тыс. Общий объем производства промышленных роботов, используемых на таких заводах, вырос с 2,6 трлн вон в 2016 г. до более 3 трлн вон к 2018 г. [Сыматхыкончжан 7,903 кэ кучхук·5G каипчжа 100 манмён тольпха тын 4 чха санопахёнмён чипхё пальпхё].

Таким образом, проведенное нами исследование показывает, что РК за короткое время удалось успешно освоить ключевые отрасли пятого ТУ и перейти на новую ступень качественного развития, что позволило ей стать лидером на рынке передовых технологий. Тем не менее, стагнация традиционных производств РК в последние годы указывает на необходимость перехода к инновационным двигателям роста, основанным на повсеместном внедрении цифровой экономики, прорывах в искусственном интеллекте, Интернете вещей, автономных транспортных средствах и др. РК уже показывает впечатляющие результаты в данных отраслях и при сохранении нынешней ситуации во внешнеэкономических связях сумеет добиться еще большего успеха в осуществлении Четвертой промышленной революции и использовании ее плодов для экономики и населения РК.

Библиографический список

Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993. С. 7—12.

Доклад Юнеско по науке — 2015 — На пути к 2030 году. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406_rus (дата обращения: 03.11.2019).

Кукла М. П. Политика по созданию креативной экономики в Южной Корее // АНИ: экономика и управление. 2016. № 2 (15). URL: <https://cyberleninka>.

ru/article/n/politika-po-sozdaniyu-kreativnoy-ekonomiki-v-yuzhnoy-koree (дата обращения: 08.11.2019).

Мун Чжэ Ин тэтхоннён синнён кичжахвэгён ёнсолъмун : [Речь президента Мун Чжэ Ина на новогодней пресс-конференции]. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2019/01/10/2019011001052.html (дата обращения: 20.10.2019). (На кор. яз.).

Сыматхыкончжан 7,903 кэ кучхук:5G каипчжа 100 манмён тольпха тын 4 чха санопахёнмён чипхё палпхё : [Объявлены показатели 4-й промышленной революции, включая создание 7,903 «умных фабрик» и 1 млн абонентов 5G]. URL: <http://www.mtnews.net/m/view.php?id=6415> (дата обращения: 20.10.2019). (На кор. яз.).

Тарасов И. В. Индустрия 4. 0: понятие, концепции, тенденции развития // Стратегии бизнеса. 2018. № 6 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/industry-a-4-0-ponyatie-kontseptsii-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 08.11.2019).

4 чха квахаккисуль кибон кехвэк (2018~2022) : [Четвертый базовый план по науке и технике (2018—2022)]. URL: <http://www.msit.go.kr> (дата обращения: 01.10.2019). (На кор. яз.).

2019 Budget Proposal (24.08.2018). URL: <http://english.moef.go.kr> (дата обращения: 10.10.2019).

Regulatory Sandbox // Financial Conduct Authority, 2015. URL: <https://www.fca.org.uk/firms/regulatory-sandbox> (дата обращения: 13.10.2019).

2019 Supplementary Budget Proposal (24.04.2019). URL: <http://english.moef.go.kr> (дата обращения: 11.10.2019).

References

2019 Budget Proposal (24.08.2018). (2018) MOEF Press Release. URL: <http://english.moef.go.kr> (accessed: 10 October, 2019).

Glaz'ev, S. J. (1993). *Teoriya dolgosrochnogo tehniko-jekonomicheskogo razvitiya* (The theory of long-term techno-economic development). M.: VlaDar. Pp. 7—12. (In Russian).

Je 4 cha gwahakgisul gibon gyehoek (2018~2022) : [Fourth Basic Plan for Science and Technology (2018 ~ 2022)]. URL: <http://www.msit.go.kr> (accessed: 01 October, 2019). (In Korean).

Kukla, M. P. (2016). *Politika po sozdaniju kreativnoj jekonomiki v Juzhnoj Koree* (Creative economy policy in South Korea) // ANI: jekonomika i upravlenie. № 2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-po-sozdaniyu-kreativnoy-ekonomiki-v-yuzhnoy-koree> (accessed: 08 November, 2019). (In Russian).

Moon Jae-in daetongnyeong sinnyeon gijahoegyeon yeonseolmun : [President Moon Jae-In Speech at New Year's Press Conference]. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2019/01/10/2019011001052.html (accessed: 20 October, 2019). (In Korean).

Regulatory Sandbox. URL: <https://www.fca.org.uk/firms/regulatory-sandbox> (accessed: 13 October, 2019).

Seumateugongjang 7,903 gae guchuk-5G gaipja 100 manmyeong dolpa deung 4 cha saneopyeongmyeong jipyo balpyo : [Announcement of 4th industrial revolution indicators including establishment of 7,903 smart factories and 1 million 5G subscribers]. URL: <http://www.mtnews.net/m/view.php?idx=6415> (accessed: 20 October, 2019). (In Korean).

2019 Supplementary Budget Proposal (24.04.2019). (2019). MOEF Press Release. URL: <http://english.moef.go.kr> (accessed: 11 October, 2019).

Tarasov I.V. (2018). Industrija 4. 0: ponjatje, koncepcii, tendencii razvitija (Industry 4. 0: term, concepts, development trends) // Business strategies. No. 6 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/industriya-4-0-ponyatie-kontseptsii-tendentsii-razvitiya> (accessed: 08 November, 2019). (In Russian).

UNESCO science report: towards 2030. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406> (accessed: 03 November, 2019).

Н.П. Лешакова

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Аннотация. Логистика является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей экономики. На Азиатско-тихоокеанский регион приходится более 30 % оборота логистической отрасли. Для Республики Корея, экономика которой ориентирована на экспорт, логистика начинает играть все более важную роль. Логистика становится не просто обслуживающей отраслью промышленности, а самостоятельной быстро меняющейся отраслью, опирающейся на высокие технологии. Республика Корея ставит перед собой амбициозные задачи развития Кореи как мирового логистического узла, используя географическое положение и инновационные разработки, стремится занять лидирующее положение, как в международных перевозках, так и в сфере Интернет-торговли. Статья посвящена обзору текущего состояния отрасли, перспектив развития и потенциальному сотрудничеству Республики Корея и Российской Федерации в данной отрасли.

Ключевые слова: Республика Корея, логистика, Интернет-торговля, Северный морской путь, эффективные цепочки поставок.

Автор: Лешакова Наталья Павловна, аспирантка Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: Shiningn@ynadex.ru

N.P. Leshakova

Development Prospects of the Logistics Industry of the Republic of Korea

Abstract. Logistics is one of the fastest growing businesses. The Asia-Pacific region accounts for more than 30 % of the turnover of the logistics industry. For the export-oriented economy of the Republic of Korea logistics has been playing an increasingly important role. Logistics is not just a serving industry, but an independent rapidly changing industry, based on high technology. The Republic of Korea sets ambitious goals for the development of Korea as a global logistics hub, using its geographical location and innovative developments to occupy a leading position both in international transportation and in the field of Internet commerce. The article reviews the current state of the logistics industry, development prospects and potential cooperation of the Republic of Korea and the Russian Federation in this area.

Keywords: Republic of Korea, logistics, e-commerce, Northern Sea Route, efficient supply chains.

Author: Natalia P. LESHAKOVA, postgraduate student, Institute of Asian and African Countries, Moscow State University (e-mail: shiningn@yandex.ru).

Экономика Республики Корея ориентирована на экспорт. Доля экспорта в ВВП страны составляет 43 % на конец 2017 г. Поэтому для Республики Корея задачи оптимизации товарных потоков и расширения транспортно-логистической системы являются важными с точки зрения развития экономики страны в целом. В современных условиях глобализации и регионализации, транспортно-логистическая система становится обязательным условием для сохранения конкурентоспособности страны и является ключевым фактором для поддержания устойчивой занятости и экономического роста. В данной статье будут рассмотрены основные направления развития логистической системы Республики Корея, а также перспективы и сложности, связанные с развитием логистики в регионе. Помимо этого, вопрос развития логистики будет рассмотрен с точки зрения перспектив расширения двусторонних отношений между Республикой Корея и Российской Федерацией.

Республика Корея разрабатывает комплексные планы логистики и правила с 1990-х годов. До этого логистические планы несли вспомогательную функцию, и были ориентированы на развитие определенного вида транспорта или транспортных услуг. С 2000-х годов государственная политика была сосредоточена на развитии логистики как отрасли промышленности, а Республика Корея рассматривалась как основной логистический узел в своем регионе. Этому способствовал рамочный Акт о государственной политике в логистической сфере, принятый в 2007 г. В рамках акта было предусмотрено создание пятилетнего плана по развитию отрасли, а также создание стратегии развития на ближайшие 10 лет с возможностью ежегодной корректировки. Уже сейчас Республика Корея занимает 25-е место в мире по качеству логистических услуг согласно рейтингу Всемирного Банка [Country Score Card].

Хорошо выстроенная логистика помогает не только сокращать время доставки, но и оптимизировать стоимость самих товаров. Рассматривая Республику Корея, можно выделить 2 направления транспортно-логистических потоков страны. Первый поток — это внешняя логистика, направленная на внешние рынки грузоперевозок, способствующая экспорту и импорту товаров в страну. Азия становится центром рынка контейнерных перевозок, на который приходится 45 % общего трафика в мире (контейнерные перевозки в Северо-Восточной Азии составляют 34 % от общего объема). Второй поток — это внутренняя логистика, направленная на внутреннего покупателя и грузоперевозки внутри страны/города, способствующая росту внутреннего спроса.

Можно выделить несколько основных тенденций, связанных с этими потоками:

- увеличение инвестиций в железные дороги. Корейское правительство планирует снизить инвестиции в автомобильные дороги и направить больше усилий на развитие железнодорожного сообщения. Около 9—10 триллионов вон собирается ежегодно в качестве транспортного налога, на сегодняшний момент 65,6 % от сборов было инвестировано в автодороги и менее 20 % в железные дороги. Согласно обновленному плану по развитию инфраструктуры будет внесена корректировка,

- инвестиции в железную дорогу будут увеличены до 20—30 %, а инвестиции в автомобильные дороги снизятся до 54—60 %;
- корейское правительство выполнило второй этап реконструкции международного аэропорта Инчхон. Инвестиции в проект аэропорта в общей сложности составили 5,9 трлн вон, была достроена 3-я взлётно-посадочная полоса, расширена парковка, а также построен новый грузовой терминал общей площадью 30 000 м²;
 - продолжение развития порта Пусан. Порт Пусан является первым по величине портом перевалки грузов в Северо-Восточной Азии и вторым в мире после Сингапура. Объем грузоперевозок в 2004 г. составлял 4,25 млн TEU, а в 2018 г. достиг 11,46 млн TEU, увеличившись в 2,7 раза после реконструкции 2012—2016 годов. В ходе реконструкции количество доков для судов было увеличено с 17 до 41. Добавленная стоимость, полученная в результате переработки перевалочных грузов, выросла в 3,4 раза до 1,719 трлн вон с 501,5 млрд вон в 2004 г. Доля перевалки грузов среди всех грузов, поступающих в порт Пусан, также увеличилась с 40,8 % до 52,8 % [Чон Хён Чхоль]. За территорией порта была создана развитая офисная и складская инфраструктура, которая привлекла крупные логистические компании, предоставляющие полный спектр логистических услуг. Помимо этого перед управляющей компанией стоит задача сделать порт не только эффективным с точки зрения морских перевозок, но и комфортным для использования пассажирами, то есть привлечь туристические потоки, тем самым расширив спектр предоставляемых услуг.
 - расширение и интеграция в единую систему основных логистических узлов страны. Корейское правительство построило 5 логистических узлов в стране для обеспечения единой государственной системы снабжения. Логистические узлы появились в следующих регионах: Jungbu regions, Youngnam regions, Nonam regions, Seoul regions and Busan regions, там были созданы логистические комплексы для доработки, фасовки и отправки грузов. При этом правительство инвестировало в создание общей информационной системы на всех 5 узлах.

Последние десять лет отрасль логистики в Корее стремительно развивалась. Это развитие поддержали крупные транснациональные компании Республики Корея. Корейские ТНК, как крупные производственные и оптовые компании сосредоточились на внутренней и внешней эффективности, а также на эффективности цепочек поставок и снижении логистических издержек. С этой целью некоторые компании создали свои собственные логистические компании: second-party logistics (2PL) (дочерние компании, принадлежащие через слияния и поглощения материнским компаниям), которые с помощью понимания специфики товара и поставленного процесса смогли, не снижая качества услуг, снизить издержки. Базируясь на обслуживании основной компании, дочерние логистические компании углубляли свой опыт в логистике, с помощью инвестиций материнской компании разрабатывали собственные информационные решения, а затем расширяли линейку клиентов. Такие компании растут вслед за материнской компанией и фактически всегда защищены от потери товарооборота в случае снижения рыночного спроса со стороны конечных заказчиков. Именно поэтому такие компании растут гораздо быстрее, чем другие логистические компании, в среднем на 20 %. Самыми крупными из них являются Glovis, Pantos, and Samsung-Logitech. Ниже, в табл. 1 можно оценить темпы роста 2PL логистических компаний и 3PL, для которых логистические услуги являются профильным бизнесом.

Таблица 1. Рост оборота логистических компаний РК

Category		2001	2005	2009	2010	CAGR
2PL	Glovis (Hyundai-KiaMotors)		15,408	31,928	58,340	41,0 %
	Pantos (LG Electronics)	1,867	10,009	11,346	14,576	16,7 %
	Samsung-Ligitech	1,621	8,256	11,012	14,667	26,3 %
3PL	Korea Express	9,597	11,717	18,317	20,977	8,6 %
	Hanjin	6,061	7,427	9,032	10,847	8,0 %

Источник: ежегодные отчеты логистических компаний.

Как видно из таблицы, темпы роста дочерних логистических компаний крупных ТНК гораздо выше, чем у профильных логистических компаний, которые участвуют в конкурентной борьбе. При этом лишь одна из логистических компаний РК входит в 10 крупнейших логистических компаний Азиатско-тихоокеанского региона, это компания Korea Express, с долей рынка в 2,1 %.

Важно отметить, что логистика также тесно связана с развитием высоких технологий, так как современные системы учета и отслеживания, все больше опираются на инновации в сфере ИТ. Точность и быстрота доставки зависит от качества технологий, используемых исполнителем. Сегодня клиенты логистических компаний не только хотят получать товар в указанное время, но и иметь возможность отслеживать весь путь движения товара. Этот сервис требует высокой интеграции всех участников процесса, а также гибкости информационной системы. В РК, по инициативе правительства, специально создана школа логистики, на базе которой ведутся разработки и тесты усовершенствованных систем учета и отслеживания грузов.

Глобализация и достижения в области информационных технологий стали катализатором беспрецедентного роста государственно-частных проектов в логистике, включая интермодальные транспортные системы (например, воздушные, морские и наземные перевозки). Появляется возможность интегрировать территориально рассредоточенные производственные системы. Появляются специализированные 3PL—4PL поставщики логистических услуг, которые могут разрабатывать цепочки поставок не только в рамках одной страны, но мира. Использование услуг 3PL провайдеров, дает возможность фирме сосредоточиться на своем основном бизнесе и улучшить общую эффективность затрат в цепочке поставок.

Одним из важнейших геополитических аспектов развития логистики в Республике Корея является расширение контактов между Северной Кореей и Республикой Кореей, так как эксперты считают строительство железнодорожного сообщения между странами выгодным проектом с точки зрения экономики, и крайне важным с точки зрения выстраивания двусторонних отношений.

Для Российской Федерации открытие железной дороги Хасан — Раджин очень выгодно, так как проект потенциально расширяет

возможности доставки грузов из Азии в Европу через РФ. Несмотря на просчитанную экономическую эффективность данного проекта, и возможность снижения стоимости доставки контейнера в Европу в 2 раза дешевле, из-за нестабильных отношений между КНДР и РК, проект пока остается проектом. Хотя является крайне привлекательным для инвестиций.

Специалисты выделяют ряд проблем, решение которых позволит приблизиться к реализации проекта:

- существующая, но недостаточно развитая транспортная инфраструктура;
- недостающие звенья транспортных магистралей;
- отсутствие интермодальных транспортных средств;
- отсутствие технической совместимости в пунктах пересечения границ;
- задержки на таможне;
- проблемы безопасности и надежности.

Решение указанных проблем не только повысит логистическую ценность и уровень транспортных услуг, но и поможет становлению отношений между двумя странами.

Одним из наиболее перспективных направлений сотрудничества между Россией и Республикой Корея в обозримом будущем, является развитие «Северного Морского Пути», который является альтернативой традиционному пути доставки товаров из восточного полушария в западное, при этом маршрут на месяц короче и безопасней (в связи с участвовавшими нападениями пиратов). Для РК это не только возможность оптимизировать цепочки поставок, но и возможность расширить производственные возможности судостроительных верфей.

Уже сейчас между странами началось сотрудничество, на корейских верфях сейчас строится 15 танкеров-ледоколов для перевозки СПГ по арктическому маршруту. В 2019 г. также был подписан контракт между судостроительным комплексом «Звезда» и южнокорейской компанией Samsung Heavy Industries Co Ltd на проектирование судов-газовозов для проекта «Арктик СПГ-2».

«Россия планирует ежегодно перевозить по СМП 50 миллионов тонн грузов к 2024-му году — это закреплено в майском указе Влади-

мира Путина. По словам главы дирекции СМП «Росатома» Вячеслава Рукши, такого показателя удастся достичь и, возможно, превысить его благодаря экспорту энергоресурсов со строящегося комплекса «Арктик СПГ-2» (оттуда ежегодно будет отгружаться 18 миллионов тонн сжиженного газа), таймырской грузовой базы «ВостокУголь» (20 млн т угля) и Паяхского месторождения (более пяти миллионов тонн нефти) [Мельников].

В связи с этим важно отметить еще один пункт данного проекта, который в перспективе сможет оказать влияние на расширение сотрудничества между странами, — это увеличение экспорта в РК энергоресурсов.

В заключение хотелось бы отметить, что перспективы развития логистической отрасли в РК вполне благоприятны, и правительство РК, понимая важность развития отрасли, предпринимает важные шаги на пути становления логистики как отрасли промышленности. При этом существует ряд проектов, которые в долгосрочной перспективе могут значительно расширить интерес к РК как к мировому логистическому и распределительному центру. Однако важно отметить, что эти проекты смогут быть реализованы только при решении ряда политических проблем. Если говорить о сотрудничестве РК и РФ, то тут также существуют перспективные проекты, однако для их реализации, с точки зрения автора, не хватает как государственных гарантий, так и положительно опыта сотрудничества.

Библиографический список

Мельников В. «Арктическая доктрина» США: Северный морской путь будет заблокирован. URL: <https://gia.ru/20191018/1559911797.html> (дата обращения: 30.10.2019).

Чон Хён Чхоль. Порт Пусана до 2025 г. должен превратиться в международный логистический хаб. URL: <https://primamedia.ru/news/826458/> (дата обращения: 27.10.2019).

Country Score Card: Korea, Rep. 2018. The World Bank. URL: <https://lpi.worldbank.org/international/scorecard/radar/254/C/KOR/2018#chartarea> (дата обращения: 12.10.2019).

References

Chon Heng Chol. (2019). Port Pusana do 2025 goda dolzhen prevratit'sya v mezhdunarodnyy logisticheskiy khab [Busan Port to become international logistics hub by 2025]. URL: <https://primamedia.ru/news/826458/> (accessed: 27 October, 2019) (In Russian).

Country Score Card: Korea, Rep. 2018. The World Bank. URL: <https://lpi.worldbank.org/international/scorecard/radar/254/C/KOR/2018#chartarea> (accessed: 12 October, 2019).

Melnikov V. (2019). "Arkticheskaya doktrina" SShA: Severnyy morskoy put' budet zablokirovan [Arctic Doctrine of the USA: Northern Sea Route will be blocked]. URL: <https://ria.ru/20191018/1559911797.html> (accessed: 30 October, 2019) (In Russian).

И.Г. Тетеркина

РАЗВИТИЕ РЫНКА ТУРИСТСКИХ УСЛУГ ВЬЕТНАМА И СОТРУДНИЧЕСТВО С РОССИЕЙ

Аннотация. В XXI веке с учетом постоянного сотрудничества стран в различных областях, а также улучшения уровня жизни людей, происходит активное развитие как внутреннего, так и международного туризма. Вьетнам является одним из самых перспективных направлений для данного вида деятельности и считается страной с высоким спросом на туристские услуги, в том числе и со стороны граждан Российской Федерации. Целью статьи является выявление основных тенденций и перспектив развития рынка туристских услуг рассматриваемого государства, а также анализ его сотрудничества в рамках данного сектора с Россией. В связи с этим на основе данных официальной статистики анализируется уровень развития сферы туристских услуг Вьетнама. Рассмотрены различные факторы, влияющие на рассматриваемый сектор, а именно, уровень экономического развития, географическое положение, обеспеченность объектами всемирного наследия ЮНЕСКО, туристская специализация, туристская конкурентоспособность. Также оценен уровень сотрудничества России и Вьетнама в рамках сферы туризма.

Ключевые слова: Вьетнам, международный туризм, географическое положение, туристская специализация, объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО, туристская конкурентоспособность.

Автор: Тетеркина Ирина Геннадьевна, ассистент кафедры региональной экономики и природопользования СПбГЭУ. E-mail: itisrina@outlook.com

I.G. Teterkina

The development of the tourism market of Vietnam and cooperation with Russia

Abstract. In the XXI century, considering the constant cooperation of countries in various fields, as well as improving the standard of living of people, there is an active development of both domestic and international tourism. Vietnam is one of the most promising areas for this type of activity and is considered a country with high demand for tourist services, including from the citizens of the Russian Federation. The purpose of the article is to identify the main trends and prospects for the development of the market of tourist services, as well as make an analysis of its cooperation in this sector with Russia. In this regard, the level of development of tourism services in Vietnam is analyzed based on official statistics. Various factors affecting the sector are considered, namely, the level of economic development, geographical location, availability of UNESCO world heritage sites, tourist specialization, and tourist competitiveness. The level of cooperation between Russia and Vietnam in the sphere of tourism was also assessed.

Keywords: Vietnam, international tourism, geographical location, tourism specialization, UNESCO world heritage sites, tourism competitiveness.

Author: Irina G. Teterkina, Assistant of the Department of regional Economics and environmental management SPBSUE (e-mail: itisrina@outlook.com).

В дополнение к сотрудничеству России и Вьетнама в различных областях, идёт и стремительное развитие туризма. Вьетнам считается государством с высоким туристским спросом, в том числе и для россиян.

Развитие рынка туристских услуг в государстве поднимается большим количеством ученых. Туризм во Вьетнаме рассматривался с различных сторон во множестве работ как зарубежных, так и отечественных исследователей. Данная статья была написана для структурирования и освещения важнейших причин, оказывающих влияние на данный сектор услуг Вьетнама, сотрудничество в его рамках с Россией, а также для отображения состояния туризма в нынешнее время, используя современные научные данные и методы.

Анализируя уровень экономического развития Вьетнама, непосредственно оказывающего влияние на сферу туризма, обширные реформы с начала эпохи Дой Мой в 1986 г. и строгая приверженность макроэкономической стабильности в последнее время заложили основу для стремительного роста ВВП, который в 2012 г. составлял 5,2 % и достиг 6,8 % в 2017 г. По итогам 2017 г. номинальный ВВП составил 223,837 млн долл., а ВВП на душу населения — 2,390 долл. [*Caûm ASEAN Stats*].

В стране было проведено множество реформ, направленных на стимулирование экономического роста, подписаны различные торговые соглашения, улучшены институты управления; также был достигнут высокий прогресс во внедрении интернета и цифровизации. Тем не менее, несмотря на свои достижения, Вьетнам сталкивается с серьезными проблемами, связанными с его двойным переходом от плана к рынку и от ферм к фабрикам и услугам. На данный момент страну можно назвать аграрно-индустриальной. Вьетнам покинул ряды беднейших в мире и превратился в страну с уровнем дохода ниже среднего, что является достаточно хорошим результатом.

Для более наглядного видения уровня экономического развития государства было проанализировано три международных рейтинга стран за 2018 год. Индекс глобальной конкурентоспособности оценивает макроэкономические и микроэкономические основы национальной конкурентоспособности, которые трактуются как совокупность институтов политики и факторов, определяющих уровень производительности в стране. Оценка дается по четырем основным факторам: создание благоприятных условий, человеческие ресурсы, экономика и инновационная экосистема. В данном рейтинге Вьетнам занимает 55-е место в мире, что является неплохим показателем [*Caûm World Economic Forum: The Global Competitiveness Report*]. Что касается уровня экономической свободы, он оценивается в 55,3 балла, что дает Вьетнаму 128-е место в мире по индексу экономической свободы [*Caûm Heritage*]. В 2018 г. его экономика росла быстрыми темпами и получила выгоду от новых глобальных системных поставок, которые развиваются в результате продолжающейся торговой напряженности между США и Китаем. Для продолжения экономи-

ческого роста Вьетнаму потребуются реформировать государственные предприятия, упростить бюрократические операции, усилить прозрачность бизнес-сектора и повысить признание прав частной собственности. Укрепление институтов для повышения эффективности регулирующего режима, сокращение бюрократии, повышение ее прозрачности и укрепление слабой судебной системы способствовали бы экономической свободе. Также важен рейтинг *doing business*, в котором наглядно отражается влияние уровня экономической свободы на страну. В нем Вьетнам занимает 69 место в мире, что является показателем ниже среднего [*Caïm World Bank: Doing Business*].

Большая часть сферы услуг Вьетнама приходится на туризм. Доля сектора в ВВП страны составляет 9,2 %, а доля занятых в секторе 7,4 % [*Caïm WTTC*]. В сравнении с другими странами Юго-Восточной Азии, данный показатель также является невысоким, что связано с некоторыми проблемами, такими как низкий уровень обеспечения инфраструктурой, визовая политика и др.

В первую очередь, популярность туризма в стране связана с ее географическим положением. Вьетнам находится в восточной части полуострова Индокитай и полностью омывается Южно-Китайским морем. Разнообразие природных условий, которое привлекает в государство множество туристов, обусловлено его расположением на рубеже различных природных зон. Рельеф страны преимущественно горный: почти полностью восточная сторона покрыта горами, плато и плоскогорьями. Горные хребты отделяют Вьетнам от соседних государств, а именно, Китая, Лаоса и Камбоджи. Что касается береговой линии, вдоль нее узкой полосой расположены равнины. Вьетнаму также принадлежат острова и архипелаги.

Страна делится на 2 климатические зоны. На севере климат субтропический муссонный, характеризующийся мягкой и сухой зимой и жарким и влажным летом. Южная часть Вьетнама отличается тропическим климатом: жаркая зима и сезон дождей с конца весны по начало осени.

Говоря о секторе туризма, важно отметить значимость объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. В целом во Вьетнаме насчитывается 8 объектов всемирного наследия, ради которых каждый год в стра-

ну приезжают миллионы человек. Благодаря благоприятному географическому положению, а также многовековой культуре, в стране имеются все виды уникальных объектов: природные, культурные и смешанные. Такое культурное наследие как исторический город Хойан и комплекс памятников Хюэ полностью отражает быт и местные традиции как Вьетнама, так и Юго-Восточной Азии в целом. А такие объекты, как святилище Мишон, цитадель династии Хо и Императорская цитадель Тханг Лонг, показывают культурное влияние на развитие Вьетнама различных азиатских религий и стран.

Природные объекты, а именно Национальный парк Фонг-ня-Кебанг и Бухта Ха-Лонг, представлены тропическими лесами и карстовыми плато с разнообразными геологическими проявлениями, а также живописнейшим приморским ландшафтом благодаря разбросанным на мелководье скалистым известняковым островкам. Биологическая ценность наследия безусловно сочетается с его уникальной эстетикой, что ежегодно привлекает множество туристов. Также производит уникальное впечатление единственный смешанный объект всемирного наследия ЮНЕСКО Вьетнама — ландшафтный комплекс Транг. Это место сочетает в себе ландшафт известняковых карстовых вершин, пронизанных долинами, многие из которых частично погружены и окружены крутыми, почти вертикальными скалами, и храмы, пагоды, рисовые поля и небольшие деревни, что очень впечатляет [*Caïm UNESCO*].

Автором был проведен расчет плотности объектов всемирного наследия ЮНЕСКО Вьетнама, который равен 28. Данный показатель отражает соотношение количества объектов к площади территории и численности населения страны. Для государства данный результат является средним, но не плохим.

Количество иностранных прибытий в государство с каждым годом растёт все больше, динамика прибытий с 2012 г. отражена на рис. 1. На 2018 год Национальной администрацией туризма Вьетнама было зарегистрировано 15 млн человек. Среди них 608 тыс. чел. — прибывшие из России, что говорит о популярности данного направления для граждан РФ. В сравнении с количеством прибывших из стран Азии, которых на 2018 год 12 млн чел., это число достаточно большое, так как расстояние от России до Вьетнама составля-

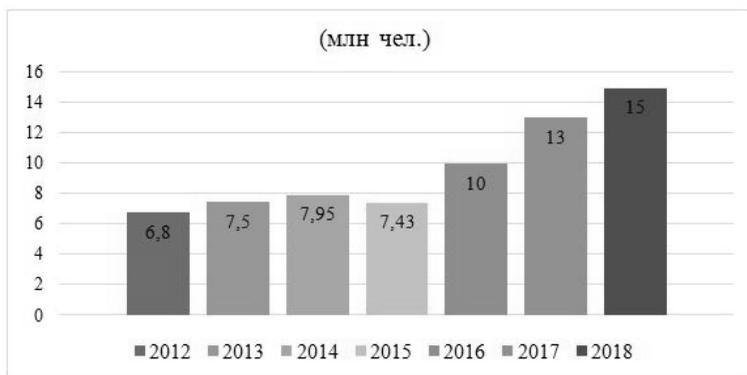


Рис. 1. Динамика международных туристских прибытий во Вьетнам 2012—2018 г. Составлено автором.

ет в среднем 6735 км, что не является удобным [*Caïm Vietnam National Administration of Tourism*].

Благодаря своему благоприятному географическому положению Вьетнам имеет все условия для развития пляжного туризма. Сочетание уникальных и интересных курортных зон и приятного климата делают страну одним из лучших мест для отдыха. Вместе с этим активно развивается спортивный туризм, который включает в себя дайвинг, снорклинг и рыбалку. Также уникальные природные условия способствуют увеличению популярности экологического туризма. Неповторимые достопримечательности Вьетнама содействуют развитию культурно-познавательного туризма. Что касается наименее развитых, но, тем не менее, имеющих в Вьетнаме туристских специализаций, это лечебно-оздоровительный и деловой туризм. В табл. 1 указано, какое влияние оказывают отрасли специализации туризма на развитие данного сектора услуг страны.

Говоря о гражданах России, наиболее волнующие вопросы касаются отдыха во Вьетнаме связаны с санитарией, сервисом и безопасностью. Предпочтение отдается пляжному туризму, нежели культурно-познавательному. Также россияне часто пользуются спа-процедурами, так как во Вьетнаме гораздо больше профессионалов и цены значительно ниже.

Таблица 1. Типология уровня влияния на отрасли туристской специализации Вьетнама. Составлено автором

Туристская специализация	Решающее влияние	Сильное влияние	Слабое влияние	Отсутствие влияния
Пляжный туризм	+			
Спортивный туризм		+		
Экологический туризм			+	
Лечебно-оздоровительный туризм			+	
Деловой туризм				+
Культурно-познавательный туризм	+			

Страна является одним из главных партнеров РФ в сфере туризма. Именно поэтому 4 апреля 2016 г. в столице Вьетнама открылся восьмой национальный туристский офис «Visit Russia», работа которого направлена на регион Юго-Восточной Азии [*Сайт Туристической Ассоциации «Мир без границ»*]. С 2009 г. российским туристам, въезжающим в страну не более чем на 15 дней, виза не требуется. Также ее наличие не нужно для пребывания в некоторых провинциях на срок до 30 дней [*Сайт Vietnam National Administration of Tourism*].

Важным показателем, отражающим уровень развития рассматриваемого сектора, является рейтинг глобальной туристской конкурентоспособности. Вьетнам поднялся на восемь мест в 2017 г., заняв 67-е место в мире. Страна оказалась на 4 месте в списке государств с наибольшим прогрессом. [*Сайт World Economic Forum: The Travel & Tourism Competitiveness Report*]. Основными движущими силами конкурентоспособности страны в сфере туризма и путешествий являются природные и культурные ресурсы, ценовая конкурентоспособность. Вьетнам добился значительного роста показателей благодаря повышению квалификации рабочей силы и частично упрощенного регулирования найма иностранной рабочей силы. Также страна улучшила свои передовые технологии. Сегодня более 94 % национальной территории покрыто сигналом 3G, и индивидуальное использование интернетом выросло с 44 % до 53 %, что свидетельствует о том, что проникновение информационных технологий стано-

вится более устойчивым. Рост экономического развития привел к увеличению количества деловых поездок. Чтобы продолжать развивать конкурентоспособность сектора туризма и путешествий Вьетнам должен сосредоточиться на таких экологических проблемах, как высокий уровень выбросов в атмосферу, обезлесение и ограниченная водоочистка.

Таким образом, рост популярности рассматриваемой сферы услуг во Вьетнаме вызван такими факторами, как благоприятное географическое положение, ускоренное социально-экономическое развитие государства, а также большое количество объектов всемирного наследия ЮНЕСКО и интеграция с другими странами, в том числе и с РФ.

Туристская специализация страны обусловлена ее географическим положением, а также непосредственно связана с обеспеченностью туристской инфраструктурой и количеством уникального наследия ЮНЕСКО. Именно поэтому ключевыми во Вьетнаме являются пляжный и культурно-познавательный туризм.

Что касается отношений Вьетнама и Российской Федерации в сфере туризма, они друг для друга являются одними из главных партнеров. Из общего количества прибывших во Вьетнам за 2018 год 4 % — туристы из России. Для улучшения отношений в рассматриваемом секторе существуют различные проекты, одним из которых является Visit Russia. Также для туристов из России во Вьетнаме действует упрощенный визовый режим.

Библиографический список

Сафина С.С., Амосова Г.М. Анализ туристской конкурентоспособности стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. С-Пб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 30—36.

Сафина С.С., Лимонина И.Г., Калоева А.Т. Рекреационное хозяйство и международный туризм в странах изучаемого региона: Зарубежная Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион, Латинская Америка. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 168 с.

Всемирный банк: Doing business рейтинг стран благоприятности условий ведения бизнеса 2018 г. URL: <http://russian.doingbusiness.org/ru/rankings> (дата обращения: 29.09.2019).

Всемирный совет по туризму и путешествиям: анализ стран по туристской деятельности 2018 г.: Вьетнам. URL: <https://www.wttc.org/economic-impact/country-analysis/country-reports/> (дата обращения: 30.09.2019).

Всемирный экономический форум: доклад о глобальной конкурентоспособности 2017—2018 г. URL: <http://clc.am/F8EdXQ> (дата обращения: 29.09.2019).

Всемирный экономический форум: доклад о глобальной туристской конкурентоспособности 2017 г. URL: <http://clc.am/9uuuPg> (дата обращения: 29.09.2019).

Журнал «Вьетнам брифинг»: Продолжение роста сектора туризма во Вьетнаме в 2018 г. URL: <https://www.vietnam-briefing.com/news/vietnams-tourism-industry-continues-growth-2018.html/> (дата обращения: 02.10.2019).

Международный валютный фонд: Вьетнам 2019 г. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2019/07/16/Vietnam-2019-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-Statement-by-the-47124> (дата обращения: 02.10.2019).

Национальная администрация Вьетнама по туризму: международные прибыли во Вьетнам в 2018 г. URL: <http://www.vietnam-tourism.com/en/index.php/news/items/15150> (дата обращения: 26.09.2019).

Национальная администрация Вьетнама по туризму: официальный сайт по туризму во Вьетнаме. URL: <https://vietnam.travel/> (дата обращения: 27.09.2019).

Официальный сайт всемирного наследия ЮНЕСКО: список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. URL: <https://whc.unesco.org/ru/list/> (дата обращения: 03.10.2019).

Статистический ежегодный сборник АСЕАН 2018 г. URL: <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2019/01/asyb-2018.pdf> (дата обращения: 30.09.2019).

Туристическая Ассоциация «Мир без границ»: Во Вьетнаме открылся офис Visit Russia. URL: <http://www.visit-russia.ru/news/vo-vetname-otkrylsya-ofis-visit-russia> (дата обращения: 29.09.2019).

Фонд «Наследие»: рейтинг стран по индексу экономической свободы 2019 г. URL: <https://www.heritage.org/index/> (дата обращения: 29.09.2019).

References

Safina S. S., Amosova G. M. Analysis of tourism competitiveness of the Asia-Pacific region. Izvestiya Saint-Petersburg state university of economics SPbSUE publishing house, St. Petersburg, 2017. P. 30—36.

Safina S. S., Limonina I. G., Kaloeva A. T. Recreational economy and international tourism in the countries of the studied region: Foreign Europe, Asia-Pacific region, Latin America // Textbook. SPbSUE publishing house, St. Petersburg, 2017, 168 p.

ASEAN Statistical yearbook 2018 URL: <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2019/01/asyb-2018.pdf> (accessed: 30 September, 2019).

Heritage: 2019 index of economic freedom URL: <https://www.heritage.org/index/> (accessed: 29 September, 2019).

International Monetary Fund: Vietnam 2019. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2019/07/16/Vietnam-2019-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-Statement-by-the-47124> (accessed: 02 October, 2019).

Tourism Association “World without borders”: “Visit Russia” office opened in Vietnam URL: <http://www.visit-russia.ru/news/vo-vetname-otkrylsya-ofis-visit-russia> (accessed: 29 September, 2019).

UNESCO: list of UNESCO world heritage sites URL: <https://whc.unesco.org/ru/list/> (accessed: 03 October, 2019).

Vietnam briefing: Vietnam’s tourism industry continues growth 2018. URL: <https://www.vietnam-briefing.com/news/vietnams-tourism-industry-continues-growth-2018.html/> (accessed: 02 October, 2019).

Vietnam National Administration of Tourism URL: <https://vietnam.travel/> (accessed: 27 September, 2019).

Vietnam National Administration of Tourism: international arrivals in Vietnam in 2018. URL: <http://www.vietnam-tourism.com/en/index.php/news/items/15150> (accessed: 26 September, 2019).

World Bank: Doing Business 2018 URL: <http://russian.doingbusiness.org/ru/rankings> (accessed: 29 September, 2019).

World Economic Forum: The Global Competitiveness Report 2017—2018. URL: <http://clc.am/F8EdXQ> (accessed: 29 September, 2019).

World Economic Forum: The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017 URL: <http://clc.am/9yuuPg> (accessed: 29 September, 2019).

WTTC: Country analysis 2018: Vietnam URL: <https://www.wttc.org/economic-impact/country-analysis/country-reports/> (accessed: 30 September, 2019).

И.А. Мусинова

ОБРАЗ ГОСУДАРСТВА ЧОСОН В РАБОТАХ НЕМЕЦКИХ МИССИОНЕРОВ, ДИПЛОМАТОВ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX в.

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать публикации немецких миссионеров, торговцев и путешественников, повествующие о государстве Чосон в период становления германо-корейских отношений (до 1883 г.), а также выявить образ государства Чосон, представленный в этих исследованиях. В статье представлена информация о трудах Филиппа Франца фон Зибольда, Карла Фридриха Августа Гюцлафа, Эрнста Якова Опперта.

Ключевые слова: Корея, образ Кореи, новая история Кореи, государство Чосон, германо-корейские отношения, корейско-германские отношения

Автор: Мусинова Ирина Александровна, преподаватель кафедры востоковедения Уральского гуманитарного института, УрФУ им. Первого президента РФ Б.Н. Ельцина.

E-mail: irina.musinova@gmail.com

I. A. Musinova

The image of Korea in the works of German missionaries, diplomats and travelers in XIX century

Abstract. The article is devoted to the image of Korea (Joseon state) in the books of German missionaries, diplomats and travellers, which

were published before 1883. The works of Philip Franz von Siebold, Karl Friedrich August Gutzlaff, Ernst Jacob Oppert and Max von Brandt were analyzed. German missionaries, travelers and diplomats of the 19th century made a serious contribution to the formation of the Joseon state's image in European countries and Russia.

Keywords: Korea, image of Korea, new history of Korea, Joseon state, German-Korean relations, Korean-German relations.

Author: Irina Al. MUSINOVA, the lecturer of the Department of Oriental Studies, Ural Institute for the Humanities, Ural Federal University named after First President of the Russian Federation Boris Yeltsin (e-mail: irina.musinova@gmail.com).

Первая информация о Корее появилась в немецких источниках одновременно с установлением первых дипломатических контактов между странами [*Kneider*, с. 14; 11, с. 34—35]. В 1644 г. В Пекине произошла встреча принца Сохёна, старшего сына короля Инджо, и иезуитского священника математика и астронома Иоганна Адама Шалля фон Белля (Johann Adam Schall von Bell) из Кёльна [*Kneider*, с. 27—28].

В начале XIX в. немецкий врач и естествоиспытатель Филипп Франц Бальтазар фон Зибольд (Philipp Franz Balthazar von Siebold) в голландской торговой фактории на насыпном островке Дедзима в гавани Нагасаки, несколько раз вступал в контакт с корейскими моряками, терпевшими кораблекрушение у берегов Японии. Японское правительство помещало корейцев в г. Нагасаки, позволяя им проводить там некоторое время и ремонтировать суда. Спустя определенное время, через остров Цусима они отправлялись назад к родным берегам [*Von Siebold*, с. 309—312].

После нескольких подобных инцидентов Зибольд посвятил себя более серьезному изучению корейской культуры, языка и обычаев. Результаты его исследований были опубликованы в книге «Япония: Архив описаний Японии и окрестных земель» [*Von Siebold*]. Кроме описания Японии, в ней дана характеристика географических особенностей, экономики, облика жителей Корейского полуострова, а также южных Курильских островов, о. Сахалин, о. Рюкю. Сведения о Корее посвящена глава VII [*Von Siebold*, с. 307].

Филипп Франц фон Зибольд сравнивал корейцев с жителями Японских островов: «Корейцы, в целом, более высокие, нежели японцы... телосложение у них крепкое, они очень быстрые и подвижные. ... осанка корейцев, в целом, выдает больше уверенности и свободы, чем у японцев. В ней заметно больше энергии и воинственного духа». В плане т.н. «искусства повседневной жизни», а также духовного развития, по мнению автора, японцы значительно превосходят корейцев [*Von Siebold*, с. 315]. О жилище фон Зибольд писал, что оно было «простое, даже бедное», но это компенсировалось тем, что корейцы получали пищу в изобилии и могли свободно посещать дома «недружелюбных японцев» [*Von Siebold*, с. 313].

Благодаря тому, что у Филиппа Франца фон Зибольда были хорошие отношения с контролировавшими его японскими чиновниками, он несколько раз попадал на официальные встречи с корейцами. В книге подробно описывается встреча, произошедшая 17 марта 1828 г. [*Von Siebold*, с. 320]. Благодаря таким встречам, а также информации, полученной от японцев, автору удалось собрать сведения об административном и территориальном делении государства, типах жилищ, некоторых обычаях, этикете, традиционных играх, языке и одежде. Автор составил приблизительное описание флоры корейского полуострова, а также небольшой немецко-корейский разговорник [*Von Siebold*, с. 325].

Первым немцем, кто непосредственно побывал на территории Чосона, был лютеранский миссионер Карл Фридрих Август Гютцлаф (Karl Friedrich August Gutzlaff) [*Kneider*, с. 13—15]. Когда британская Ост-Индская компания запланировала экспедицию под руководством британского торговца Х. Линдси (H.H. Lindsay) на север региона с целью установления новых торговых связей, Гютцлаф присоединился к ней как переводчик и врач. В конце февраля 1832 г. экспедиция vyplыла из Макао, 17 августа 1832 г. достигла западного побережья государства Чосон. Через месяц корабль отправился назад в Китай [*Kneider*, с. 35].

Пока судно ожидало официального ответа, у Гютцлафа был ряд возможностей, чтобы сойти на берег [*Kneider*, с. 36—37]. Свои впечатления Гютцлаф опубликовал в книге «Путевой журнал трех путе-

шествий вдоль побережья Китая в 1831, 1832 и 1833 гг. с заметками о Сиаме, Корее и островах Лу-Чу» [*Gutzlaff*].

Корея описывается в Главе VI. В главе представлены: краткие сведения о стране, первая и вторая встречи с местным населением и описание его «варварства», подарки королю, отказ корейцев подписывать торговое соглашение с европейцами и отбытие. Записи сделаны в хронологическом порядке в форме путевого дневника, повествование ведется от первого лица.

Гюцлаф говорит о «варварском» характере государства Чосон, отмечая, что «оно не может похвастаться тем стремительным развитием, которое демонстрируют Китай и Япония». В качестве главной причины «отсталости» государства Чосон Гюцлаф называет нежелание контактировать с иностранцами [*Gutzlaff*, с. 320].

В книге подробнее всего описаны контакты членов экипажа с местным населением: как с рыбаками, так и с населением на побережье. При встрече местные жители общались с ними при помощи китайских иероглифов [*Gutzlaff*, с. 320]. В деревни, расположенные вдоль берега, иностранцам заходить не позволялось, но автор отметил «убогость и примитивность жилищ». Отмечалось, что «мужчины-корейцы не очень высокие, среднего телосложения». Одежду местного населения Гюцлаф сравнивал с китайской, назвав ее «похожей», «но более широкой, без пуговиц», в качестве особенностей отмечались «конусообразные» шляпы и прически. Женщины «одежды в короткие жилеты, носят разнообразные прически» [*Gutzlaff*, с. 326].

В переговорах участвовали местные чиновники, которые обещали зафиксировать требования иностранцев в письменной форме и передать королю. Общение с ними характеризуется в книге следующим образом: «Поведение у местных чиновников такое же непоследовательное, как в Китае, если не хуже. Когда мы просим, ничего не предоставляется, когда мы требуем — дается все». Гюцлаф говорит о том, что обращение корейцев «сильно отличается от вежливого обращения китайцев», что корейцы «постоянно угрожают жизни и здоровью членов команды» [*Gutzlaff*, с. 326—328].

Гюцлаф отмечает наличие большого потенциала для торговли: торговля активно ведется на границе с Китаем, товары изобильны,

очень похожи на аналогичные на рынках в Южной Европе. Кроме того, постоянно отмечается, что на полуострове есть плодородная земля и другие ресурсы, которые используются корейцами неэффективно, но иностранцев к этим ресурсам не допускают: «Корейцы лучше будут питаться только соленой рыбой, нежели позволят китайцам заняться обработкой обширных земель на территории страны» [*Gutzlaff*, с. 319].

Свои записи о Корее оставил и немецкий дипломат Максимилиан Август фон Брандт или Макс фон Брандт (*Maximilian August Scipio von Brandt*). Большую часть своей дипломатической карьеры он провел в Восточной Азии, в частности, в Японии. В 1862 г. он стал немецким консулом в г. Йокогама, начиная с 1872 г. был немецким министром-резидентом в Японии. В 1897 г. он опубликовал работу «Восточноазиатский вопрос: Китай, Япония и Корея. Прошлое и настоящее» [*Von Brandt*].

В книге на 30 страницах дан краткий обзор японо-корейских отношений с привлечением источников на японском и китайском языках. В главе I дается подробная характеристика вторжению японских войск в Корею в 1592 г. и его последствиям для японо-корейских отношений, в Главе II — событиям 1895 г. и японо-китайской войне [*Von Brandt*]. Другие главы подробно рассказывают о дипломатической деятельности Макса фон Брандта. В 1875—1893 гг. он был послом Германии в Китае, в 1882—1883 гг. активно участвовал в заключении неравноправного соглашения с Кореей. Именно в этом контексте он собирал информацию об истории, экономике страны, а также исследовал ее место в Восточноазиатском регионе [*Kneider*, с. 28].

К середине XIX в. Корея (Чосон) оставалась самой «закрытой» для представителей Запада восточноазиатской страной. Ошибочное предположение, что в государстве скрыты несметные сокровища, заставило торговца и искателя приключений из Пруссии Эрнста Якова Опперта (*Ernst Jacob Oppert*) трижды пытаться подписать торговый договор с Чосон, используя все доступные способы. Особенно хорошо известна в историографии его попытка в апреле 1867 г. раскопать с этой целью могилу отца Тэвонгуна, принца Намёна. Жители Чосона сравнивали Опперта с пиратами [*Gutzlaff*, с. 68—69].

Работа Э.Я. Опперта была достаточно подробно проанализирована корейским исследователем Ким Сонджу [*Kim Sun-ju*]. Текст «Ein Verschlossenes Land: Reisen nach Corea» на немецком языке был опубликован в 1880 г. в Лейпциге. Англоязычные переводы были опубликованы одновременно в Лондоне и Нью-Йорке. Эта публикация — первая отдельная крупная монография о Корее на немецком языке.

Текст можно разделить на две основные части: первая — главы I—VI, вторая — главы VII—IX. В первых главах представлены самые разнообразные сведения об истории, языке, географии, культуре государства Чосон. Э.Я. Опперт постарался объединить информацию из европейских источников, источников китайского и японского происхождения. В трех последних главах содержатся дневниковые записи от первого лица о трех путешествиях автора на Корейский полуостров с целью «открытия» страны [*Von Brandt*, с. 179].

Корея была представлена в тексте в сравнении с Китаем и Японией. Обе страны были ранее «открыты» раньше Кореи и, следовательно, более известны в Европе. Сравнение начинается с географических аспектов: «Корея, расположенная между двумя большими империями, такими как Китай и Япония, до сих пор считалась государством незначительным», и заканчивается описанием культурных особенностей: «туземцы не так любят чай, как их соседи, и не прилагают никаких усилий, чтобы выращивать его» [*Von Brandt*, с. 160].

Ключевой образ государства Чосон, представленный в книге Опперта — «запретная, закрытая земля» (*Ein verschlossenes land*) [*Kim Sun-ju*; с. 178]. Чтобы противопоставить Корею «цивилизованному» западному миру, часто используются такие слова, как «варварский», «дикий» и «примитивный». В тексте упоминается «Полуварварское правительство государства Чосон» [*Von Brandt*, с. 104], говорится, что «в полном пренебрежении к своим религиозным церемониям и обычаям корейцы едва ли поднимаются выше уровня дикарей» [*Von Brandt*, с. 112] или «как только они [корейские чиновники] отбрасывают свой официальный характер, кажутся тем, что они есть на самом деле — дикими варварами безо всякой маскировки» [*Von Brandt*, с. 130].

Одна из самых скудных глав работы — глава V, которая знакомит читателей с корейским языком. Эрнст Яков Опперт упоминает, что корейский язык «гораздо труднее японского или китайского», что «было мало европейцев, которые изучали корейский язык, а лингвистические работы католических священников были уничтожены огнем из-за религиозных преследований во времена правления Тэвонгуна» [*Von Brandt*, с. 155—157].

Несмотря на упомянутые выше недостатки, Опперт оставил большое количество систематизированных сведений, которые позволили европейцам углубить свои знания о государстве Чосон XIX в., его взаимоотношениях с Китаем и Японией [*Kneider*, с. 29].

Подводя итог, можно сказать, что немецкие миссионеры, путешественники и исследователи XIX в. внесли серьезный вклад в изучение государства Чосон. При написании работ авторы активно пользовались переводным китайским и японским историческим материалом.

На формирование представлений большинства немецких исследователей XIX в. о Корее, особенно К.Ф. Гюцлафа и Э.Я. Опперта, оказали влияния ключевые концепции того времени (идеи империализма, «цивилизаторской» миссии белого человека, представления о «недоразвитости» и «варварстве» стран Востока, культурном превосходстве стран Запада). Нередко накопление информации о стране было продиктовано желанием приобрести новые колонии на вновь «открытых» территориях, эксплуатации заморских рынков и накопления богатства, потребности в знании других, чтобы управлять ими. В результате, в работах нередко можно встретить такие слова, как «варварский», «дикий» и «примитивный». Корея представлена либо как «закрытая страна», «страна-отшельница», либо как «другое», «промежуточное» между Китаем и Японией государство.

Библиографический список

Gutzlaff, Karl Friedrich A. Journal of Three Voyages Along the Coast of China, in 1831, 1832 and 1833 With Notices of Siam, Corea, and the Loo-Choo Islands. F.: Westley and A.H. Davis, 1840—450 p.

Kim Sun-ju. Representing Korea as the “Other”: Ernst J. Oppert’s A Forbidden Land: Voyages to the Corea // *The Review of Korean Studies* Vol. 7, No. 1. P. 145—164.

Kneider, Hans-Alexander. Germans in Korea prior to 1910. Seoul: Hankuk University of Foreign Studies, 2007. 278 p.

Oppert, Ernst Jakob. Ein verschlossenes land: Reisen nach Corea. Nebst darstellung der geographie, geschichte, producte und handelsverhaltnisse des landes, der sprache und sitten seiner bewohnen. Brockhaus, 1880. 313 p.

Von Brandt, Max. Ostasiatische Fragen — China, Japan, Korea — Altes und Neues, Berlin 1897. 359 p.

Von Siebold, Philipp Franz. Nippon. Archiv zur Beschreibung von Japan und dessen Neben- und Schutzländern. Vol.2. Würzburg ; Leipzig : L. Woerl, 1897. 362 p.

References

Gutzlaff, Karl Friedrich A. Journal of Three Voyages Along the Coast of China, in 1831, 1832 and 1833 With Notices of Siam, Corea, and the Loo-Choo Islands. F.: Westley and A.H. Davis, 1840—450 p.

Kim Sun-ju. Representing Korea as the “Other”: Ernst J. Oppert’s A Forbidden Land: Voyages to the Corea // *The Review of Korean Studies* Vol. 7, No. 1. P. 145—164.

Kneider, Hans-Alexander. Germans in Korea prior to 1910. Seoul: Hankuk University of Foreign Studies, 2007. 278 p.

Oppert, Ernst Jakob. Ein verschlossenes land: Reisen nach Corea. Nebst darstellung der geographie, geschichte, producte und handelsverhaltnisse des landes, der sprache und sitten seiner bewohnen. Brockhaus, 1880. 313 p.

Von Brandt, Max. Ostasiatische Fragen — China, Japan, Korea — Altes und Neues, Berlin 1897. 359 p.

Von Siebold, Philipp Franz. Nippon. Archiv zur Beschreibung von Japan und dessen Neben- und Schutzländern. Vol.2. Würzburg ; Leipzig : L. Woerl, 1897. 362 p.

А.С. Игнатенко

СИСТЕМА ТОРГОВЫХ ДОГОВОРОВ КОРЕИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.*

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ международных торговых договоров заключённых Кореей в период с 70-ых годов XIX до начала XX вв. Внешняя торговля Кореи до заключения договоров с иностранными государствами в последней четверти XIX в. ограничивалась незначительным товарообменом с Китаем и Японией. В Корею второй половины XIX в. преобладающее натуральное производство, отсутствие единой денежной системы, низкая покупательная способность подавляющего большинства населения, низкая производительность ремесленного производства и т. д. тормозили развитие товарно-денежных отношений. Тем не менее, к началу нового века в стране медленно созревали предпосылки для зарождения и развития капиталистических отношений.

Ключевые слова: Корея, открытие Кореи торговый договор, неравноправный договор, конец XIX — начало XX вв.

* Исследование выполнено в рамках Программы стажировок работников и аспирантов российских вузов и научных организаций в 2019/2020 учебном году на базе Международной лаборатории региональной истории России Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Автор: Игнатенко Анастасия Сергеевна, аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточное отделение РАН. E-mail: ignatenckoanastasya@yandex.ru

A.S. Ignatenko

The system of trade agreements in Korea in the late XIX — early XX centuries

Abstract. The article provides a comparative analysis of international trade agreements concluded by Korea in the period from the 70s of the XIX to the beginning of the XX centuries. Foreign trade of Korea until the conclusion of agreements with foreign states in the last quarter of the XIX century was limited to insignificant exchange of goods with China and Japan. In Korea, the second half of the 19th century was dominated by the nature of subsistence production, the lack of a unified monetary system, the low purchasing power of the absolutely predominant part of the population, the low productivity of craft production, etc. slowed down the development of commodity-money relations. Nevertheless, by the beginning of the new century, the conditions for the emergence and development of capitalist relations were slowly ripening in the country.

Keywords: Korea, opening of Korea trade agreement, unequal agreement, late XIX — early XX centuries.

Author: Anastasia S. IGNATENKO, graduate student of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (e-mail: ignatenckoanastasya@yandex.ru).

Открытие Кореи в последней четверти XIX в. и повлекшее за этим подписание «неравноправных договоров» с Японией и западными странами изменило её международный статус в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Первые попытки «открытия» Кореи были предприняты европейцами и японцами ещё в 50—60-е годы XIX в. В 1866 г. Франция попыталась установить политические связи с Кореей, в 1871 г. попытка открытия Кореи была совершена США и Японией. Но все они оказались неудачными. Россия в 1854—1856 гг. предприняла первые попытки исследования берегов Кореи [*Первые известия о Корее в России (1675—1884)*] с целью изучения Тихоокеанского побережья.

Окончательное «открытие» Кореи состоялось в 1876 г. с подписанием Канхванского договора о дружбе с Японией. Договор полностью соответствовал системе международных договоров Восточной Азии, называемый в историографии как «неравноправный договор» [*Han Seunghoon*].

Термин «неравноправный договор» [*Han Seunghoon*] обычно используется для описания иностранной агрессии в Корею, Китае и Японии в XIX веке. Страны Восточной Азии были вынуждены заключать неравные договоры с западными или соседними державами без двусторонних соглашений, равенства или взаимности. Основными элементами неравного договора являются:

- 1) экстерриториальность (консульская юрисдикция);
- 2) низкие ввозные пошлины при утрате тарифной автономии;
- 3) статус наиболее благоприятствуемой нации.

В 1876 г. Корея, которой был навязан договор под жестким военно-политическим давлением Японии, вынуждена была «открыть» себя. Затем последовали аналогичные договоры Корейского государства с США, Великобританией, Германией. И только 7 июля 1884 г. Россия и Корея заключили Договор о дружбе и торговле, поставивший наши отношения на юридическую основу. Договор составлен по образцу корейско-английского договора и содержал преамбулу и 13 статей. В статье 1 указывалось на приверженность двух стран идеям мира и дружбы. «Отныне да будет постоянный мир и дружба между Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величеством Королем Корейским и их подданными...».

По этому договору Япония имела право на создание в портовых городах Кореи (Пусан, Вонсан, Инчхон (Чемульпо)) японских селтльментов подчиняемых японской юрисдикции, ведение открытой торговли в Корею по сниженной тарифной ставки.

Затем последовали аналогичные договоры Кореи с США (1882 г.), Германией (1883 г.), второй вариант договора с Великобританией (1883 г.), Россией (1884 г.), Италией (1884 г.), Францией (1886 г.), Австрией (1892 г.), Бельгией (1901 г.) и Данией (1902).

Китай, Япония и Корея пытались максимально реализовать свои национальные интересы в начале 1880-х годов посредством пересмотра неравноправных договоров.

Именно соседняя Япония навязала Корее первый неравноправный договор от имени западных держав, используя экстерриториальность, открытие портов и снижение тарифа на импорт. В то время как в торговле между Китаем и Японией применялись тарифы в 5 %, японское правительство ввело беспошлинную торговлю в Корее.

Структура договора оформлялась в период с начала 80-х годов XIX в. Рассматривая договор как исторический источник можно выделить общее и особенное в договорах, подписанных с другими государствами. Общей была структура договора [*Chung Henry, Верховский*]:

- Преамбула;
- 13 статей (1 ст. о дружбе; 2 ст. правила работы дипломатических служб; 3 ст. экстерриториальность; 4 ст. открытие портов для международной торговли; 5 ст. правила торговли в открытых портах; 6 ст. правила оказания помощи потерпевшим крушение судам; 7 ст. правила посещения других портов, не открытых для внешней торговли; 8 ст. поддержка в изучении культуры Кореи; 9 ст. правила на ввоз и вывоз товаров; 10 ст. срок действия договора; 11 ст. правила пересмотра договора; 12 ст. перевод текста договора на языки; 13 ст. ратификация);
- Правила торговли в Корее (1 ст. вход и очистка судов; 2 ст. посадка и доставка груза, и оплата пошлин; 3 ст. защита доходов);
- Протокол;
- Импортный тариф;
- Экспортный тариф.

Единственным договором, отличающимся по структуре, являлся Канхванский договор о дружбе и торговле 1876 г. Он состоял также из преамбулы, 12 статей и дополнительного соглашения о торговле с Кореей, которое состояло из 11 статей [*Chung Henry, Верховский*]. Три основных признака неравноправного договора были соблюдены и в японо-корейском договоре. Но в чём причина различия в структурах этих договоров?

Сразу после заключения договора с Японией Корея испытала негативные последствия потери тарифной автономии по причине

безналогового импорта и экспорта. Правительство Кореи пыталось избежать неравенства в договорах, которые Китай и Япония заключили с западными державами.

Япония стремилась получить те же привилегии, что и Китай. Японское и корейское правительства вели переговоры о пересмотре своего договора с 1880 г. Первоначально Япония была настроена более благоприятно относительно пересмотра формы и структуры договора с Кореей, аналогичного корейско-американскому договору. Однако отношение японских властей изменилось в связи с политикой проводимой Великобританией после подписания корейско-китайских правил морской и сухопутной торговли.

С усилением напряженности в отношениях между Китаем и Японией началась конкуренция за получение особых экономических привилегий в Корее. С другой стороны, Корея стремилась снизить привилегии, которыми пользуются Китай и Япония, до уровня привилегий, предоставленных США и Великобританией.

Кроме того, Ли Хунчжан предложил Великобритании помочь пересмотреть первый корейско-британский договор, заключённый в 1882 г. Поскольку Великобритания надеялась заключить новый договор, с более выгодными для себя условиями, посредством помощи китайскому правительству, которое столкнулось с угрозой французского военного вторжения во Вьетнам. В целях защиты Вьетнама от Франции Китай был готов согласиться на пересмотр первого варианта корейско-британского договора.

Тем временем Япония попросила Великобританию, США и Германию ратифицировать договор с Кореей, используя это как способ ослабить политику Китая в Корее. Однако японское правительство негативно восприняло содержание договоров связанное с торговлей западных держав с Корейским королевством, японские власти настаивали на внесении поправок в эти договоры.

Корея заключила новые договоры с Великобританией и Германией 26 ноября 1883 г. В этих договорах тарифная ставка на ввоз иностранной продукции была установлена в размере 7,5 %.

Однако попытки Китая, Японии и Кореи пересмотреть неравноправные договоры не увенчались успехом. Одной из причин было то, что Великобритания, которая являлась основоположником сис-

темы неравноправных договоров в Восточной Азии, заключила договор 1883 г. с Кореей, не ратифицировав договор с Кореей в 1882 г. Однако за кулисами существовали конфликты между Китаем и Японией, желающими расширить своё политическое и экономическое влияние в Корее.

Договоры, которые Корея заключила с Соединенными Штатами, Великобританией и Германией, предусматривали тарифные ставки в размере 10 % и 20 % и гарантировали тарифную автономию Кореи. Хотя эти договоры были результатом посредничества Китая, они также отражали намерение Кореи не заключать неравноправные договоры в начале 1880-х годов. Более того, в 1882 г., когда Корея подписала договоры с западными державами, Япония предложила проект пересмотра своих договоров со странами Запада и США. В проекте Япония установила тарифную ставку для основного импорта на уровне 10 % и обеспечила свою тарифную автономию.

Однако договоры Кореи с США, Великобританией и Германией гарантировали экстерриториальные права этим странам. Учитывая, что Япония уже настаивала на отмене экстерриториальности до 1880-х годов, это нельзя не рассматривать как неспособность Китая или Кореи признать действия Японии по отмене принципа экстерриториальности в странах Восточной Азии.

Прежде всего, Лондон, который выступал против изменений в системе договоров, отказался ратифицировать договор, подписанный Кореей в 1882 г. с Англией и Германией, и подписал новый договор (второй договор между Кореей и Великобританией) в ноябре 1883 г. Второй договор между Кореей и Великобританией отражал структуру и суть «неравноправного договора», применяемого в Восточной Азии в пользу западных держав.

Кроме того, Соединенные Штаты, которые первоначально ратифицировали американо-корейский договор, использовали свои привилегии наиболее благоприятствуемой нации, чтобы иметь равную долю в этих договорах.

Однако неспособность реформировать неравную систему договоров была вызвана не только ролью Британии. Конкуренция и конфликт между Китаем и Японией для обеспечения влияния в Корее также сыграли важную роль.

Несмотря на то, что Россия и Корея были соседними государствами, имели общую границу, официальные связи между ними были установлены позже, чем с Японией и странами Запада. Главная причина этого состояла в том, что давний сюзерен Кореи Китай сильно противился нормализации отношений Кореи с Россией. В тот период Англия и Китай активно продвигали миф о «русской угрозе» Корею, о намерениях России поработить Корею. Цель такого мифа была предельно ясна и понятна — не допустить сближения России и Кореи, российского и корейского народов, подготовить почву для закабаления Кореи.

Заметим, что российское министерство иностранных дел долгое время воздерживалось от попыток установить дипломатические сношения с Кореей, аргументируя это бедностью и малонаселённостью Приморской области. Положение изменилось с началом США в апреле 1880 г. зондажа почвы для подписания договора с Сеулом.

Российская империя занимала выжидательную позицию в этом вопросе. Самым нежелательным результатом являлось подписание договоров с Кореей Великобританией, Германией и США. В донесении посланника в Токио барона Розена министру иностранных дел Н.К. Гирсу от 27 апреля / 9 мая 1882 г. высказывается опасение по этому вопросу, также высказывается мнение о необходимости убедить Японию в том, что она должна являться «единственной нацией, имеющей сношения с Кореею, и менее ясно, что советы Китая в пользу открытия Кореи иностранцам направлены к подрыву японского влияния в этой стране» [*Первые известия о Корее в России (1675—1884)*]. В 1882 г. с США, затем в 1883 г. договоры были подписаны с Великобританией и Германией. Российская империя, побоявшись упустить возможность оказывать влияние на Корейском полуострове заключила «договор о дружбе» с Кореей в 1884 г.

Основными элементами неравноправного договора были экстерриториальность, низкие ввозные пошлины при утрате тарифной автономии и высокий статус наиболее благоприятствуемой нации. Все эти элементы прослеживались в договорах подписанных Кореей во второй половине XIX в. [*Денисов*].

Для географического и геополитического положения Кореи открытие портов играло немаловажную роль. В большей степени тор-

говля велась через морские порты, нежели через сухопутные торговые пути. С Россией хоть и была на момент 1876 г. общая граница, но дипломатические отношения не были налажены вплоть до 1884 г., когда впервые был подписан русско-корейский договор. Все Западные государства и Япония «проникали» в Корею через открытые морские порты. Через портовые города в Корею проникали не только иностранцы с жадной получить выгоду в этой стране, но и ввозили в неё новые знания и технологии, уже существующие в западной культуре. Изменения в экономической и социальной сферах жизни корейского общества, происходившие под влиянием всё больше проникающих инноваций, дали толчок перехода от традиционных форм социально-экономических отношений к капиталистическим.

В основе пересмотра неравноправных договоров было восстановление тарифной автономии и увеличение импортных пошлин в трех странах Восточной Азии.

Библиографический список

Верховский Н.В. Сборник торговых договоров и других вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными государствами. М-во торговли и промышленности, 1915. С. 370—392.

Денисов В.И. Россия — Корея: дипломатическим отношениям 125 лет // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 5. С. 1—11.

Первые известия о Корее в России (1675—1884). Серия «Российское корееведение в прошлом и настоящем». Т. 7. М.: Первое марта, 2010. С. 49—51, 58—62.

Chung Henry. Korean Treaties. Harvard University. 1919. URL: <https://archive.org/details/koreantreaties00chungoog/page/n14> (дата обращения: 07.11.2019).

Han Seunghoon. The Endeavour to revise unequal treaties in East Asia in the Early 1880s // International Journal of Korea History, 23(1). 2018. P. 87—115.

References

Verkhovsky N.V. Collection of trade agreements and other agreements resulting from them, concluded between Russia and foreign countries. Ministry of Commerce and Industry, 1915. P. 370. 392.

Denisov V.I. Russia—Korea: 125 years of diplomatic relations // Bulletin of MGIMO-University, No. 5, 2009. P. 1—11.

The first news of Korea in Russia (1675—1884). Series “Russian Korean Studies in the Past and Present.” Т. 7. М.: First of March, 2010. S. 49—51, 58—62.

Chung Henry. Korean Treaties. Harvard University. 1919. URL: <https://archive.org/details/koreantreaties00chungoog/page/n14> (accessed: 07 November, 2019).

Han Seunghoon. The Endeavour to revise unequal treaties in East Asia in the Early 1880s // International Journal of Korea History, 23(1). 2018. P. 87—115.

А.О. Лушников

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕЕ: ОТ АССИМИЛЯЦИИ К ЭТНОЦИДУ*

Аннотация. Японская империя стремилась к собственной гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Контроль над Кореей был необходим для дальнейшей экспансии. Таким образом, японским колониальным властям в Корее было необходимо обеспечить максимально возможную стабильность управления новоприобретенными территориями. Доклад посвящен описанию процесса эволюции этнической политики японской колониальной администрации на протяжении трех основных этапов колониального периода (1910—1945 гг.) с точки зрения понятий ассимиляции и этноцида, причинам подобной политики.

Неоднозначность оценок колониального периода во многом является причиной напряженности корейско-японских отношений на современном этапе, и для ее преодоления необходимо разрабо-

* Работа выполнена в рамках программы «Поддержка корееведения в ведущих зарубежных вузах» Министерства образования Республики Корея и Академии корейских исследований (Academy of Korean Studies) (AKS-2015-OLU-2250003).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

тать чёткую позицию по всем его аспектам, в том числе и по вопросу этнической политики.

Ключевые слова: колониальная Корея, этноцид, ассимиляция, японская политика в Корее, корейско-японские отношения.

Автор: Лушников Алексей Олегович, магистрант, лаборант-исследователь Центра Корееведческих Исследований Дальневосточного Федерального Университета.

E-mail: klipergod2@gmail.com

A.O. Lushnikov

The evolution of ethnic politics in colonial Korea: from assimilation to ethnocide

Abstract. Empire of Japan managed to escape colonial enslavement and sought its own hegemony in the Asia-Pacific region. Control over Korea was necessary for further expansion. Thus, it was vital for Japanese colonial authorities to guarantee the most possible stability in the administration of the newly acquired territories. The paper's purpose is to describe the process of Japanese colonial administration's ethnic policy evolution during three main periods of colonial period (1910—1945) according to assimilation and ethnocide concepts and reasons of such policy.

The ambiguity of assessments of the colonial period is largely the cause of modern tensions in Korea-Japan relations and in order to overcome this tensions it is necessary to develop a clear position on all aspects of the colonial period, including the issue of ethnic policy.

Keywords: colonial Korea, ethnocide, assimilation, Japanese policies in Korea, Korea-Japan relations.

Author: Aleksei O. LUSHNIKOV, undergraduate student, assistant researcher in Centre of Korean Studies of Far Eastern Federal University (e-mail: klipergod2@gmail.com).

Колониальный этап является одним из самых противоречивых в корейской истории. Разногласия в оценках данного периода до сих пор оказывают влияние на современные корейско-японские отношения. Память об этом периоде часто используется как удобная причина для создания антияпонских настроений в обществе по любому, даже самому незначительному поводу.

Как следует определять этническую политику японских колониальных властей — как ассимиляцию или как этноцид?

Понятие ассимиляции подразумевает, что народ, вошедший в состав нового государства, должен принять социокультурные особенности нового общества и частично утратить собственную культурную и этническую идентичность [Вакула, с. 34].

Ассимиляция является одной из составляющих частей этноцида, который Пьер Кластр определяет как окончательное подавление всех культурных различий между завоевателем и завоеванным, подавление самоидентификации менее развитого народа. Подобную политику он называет характерной для «белого мира», мира европейских держав. Согласно его точке зрения, они обладают безграничными возможностями для проведения политики этноцида в силу своего экономического доминирования [Clastres, p. 105—108].

Этноцид также может подразумевать: запрет или ограничение на использование родной устной и письменной речи; насильственное переселение или выселение народов с их традиционных мест проживания; лишение или ограничение их права на участие в работе органов местного управления; создание условий, рассчитанных на полное уничтожение их культурной самобытности [Горбунов, с. 149].

Для Японии, во многом перенявшей опыт колониальной экспансии Европы, было естественно проводить схожую политику уже в собственных колониях, с поправкой на местную специфику. Более того, в материалах миссии Ивакуры напрямую указывалась возможность применения колониального опыта Франции в Алжире для формирования японской колониальной политики в Корее [Caprio, p. 53].

В конце XIX — начале XX в. за влияние, а в дальнейшей перспективе — и контроль над Кореей боролись ее более крупные соседи: Китай, Россия и Япония. В силу комплекса причин, среди которых стоит выделить ожесточенную фракционную борьбу корейских элит и поражение России в Русско-японской войне 1904—1905 гг., победителем в борьбе за Корею оказалась Япония.

Внедрение и распространение прояпонских взглядов в период протектората (1905—1910 гг.) среди корейцев решало несколько задач — обеспечение лояльного отношения корейского населения к японским властям в будущем, подготовка почвы для последующей

японизации и внедрение идеи, что японское господство выгодно самой Корее, в частности — её модернизации.

Японские колониальные власти не питали пустых иллюзий о том, что процесс подавления и вытеснения корейской национальной культуры с последующей её заменой японской будет быстрым. По самым оптимистичным оценкам предполагалось, что для успешной реализации данной политики потребуется от 50 до 100 лет [Caprio, p. 202].

Во время первого этапа (1910—1919 гг.) колонизации, известного как «Сабельный режим», управление японской администрации отличалось ограниченной ассимиляцией и жестким подавлением любого сопротивления. Ограниченность ассимиляции проявлялась элементами сегрегации — школьное образование для корейцев и японцев было раздельным и по разным программам, что подчеркивалось указом 229 [Артемьев], изданным в 1911 г.

Подобная политика спровоцировала сопротивление, вылившееся в Первоапрельское движение, что заставило японскую администрацию пересмотреть свою политику. Название «политика культурного правления» подчеркивает, что японские власти изменили свою стратегию, ослабив давление на коренное население, при этом усилив ассимиляцию.

Для пропаганды того периода было характерно подчеркнутое уважение к праву корейцев на собственную культурную идентичность. Однако это право реализовалось при условии принятия ими одновременно и японских ценностей, что продвигалось системой образования.

Японские учебные материалы были крайне идеологизированы, в учебниках по обоим языкам для изучения предоставлялись японские мифы и сказки, тексты про синтоизм, японские государственные атрибуты и прочие символы японской культуры, что способствовало воспитанию «японского духа» [Results of Three Year's Administration of Chosen Since Annexation, p. 6—7].

Важным признаком перехода от ограниченной ассимиляции к полномасштабной стала отмена запрета на поступление корейских школьников в японские школы и наоборот. Главным событием для образовательной политики в данный период стало открытие шесто-

го по счёту для Японии и первого для колонии университета. Студентов-корейцев было мало, так как вступительные экзамены проводились строго на японском языке, а от абитуриента требовалось хорошее владение японской классикой, например «Гэндзи моногари» [Тертицкий, с. 296].

По мере приближения к началу Второй мировой войны режим ужесточался. Произошло повторное ограничение политической свободы. Был взят курс на максимально жесткое подавление корейской национальной культуры [*Thriving Chosen: a Survey of Twenty-Five years' Administration*, p. 79—93]. Данная политика предполагала максимальную возможную японизацию местного населения.

Началось жёсткое противодействие использованию корейского языка в общественных местах: с 1937 г. его запретили использовать в госучреждениях.

В образовательной политике также произошли сдвиги, с 1938 г. колониальные власти постановили, что вся образовательная система в Корее отныне будет подчинена трём принципам: «ясности кокутая» (неразрывной связи японского императора и подданных), «единства метрополии и Кореи» и «выносливости и закалки».

Следствием этого стало издание третьего Указа об образовании от 3 марта 1938 г., который уравнивал статус корейскоязычных школ и японоязычных. Из статуса обязательного предмета корейский язык переходил в категорию факультативов [Тертицкий, с. 298].

На этом политика этноцида не останавливалась, с 1941 г. корейский язык вообще исключался из школьной программы. Количество часов японского языка же было увеличено.

В таком состоянии система образования пребывала до 1945 г. Под давлением внешних обстоятельств японские власти взяли курс на проведение полноценного этноцида, что выразилось в планах на создание всеобщей системы школьного образования уже с 1948 г. [Тертицкий, с. 299].

Общее напряжение росло, пропаганда колониальных властей становилось всё более одиозной — это объяснялось военными нуждами. Корейское население стало подлежать призыву в японскую армию. С 1938 г. корейцам позволили поступать на службу в япон-

скую армию на добровольных началах [Иванов, с. 203], с 1944 г. была введена всеобщая воинская повинность.

Говоря об эффективности проводимых колонизаторами мероприятий, нельзя также не отметить определенного дуализма ситуации. С одной стороны, действительно стало вырастать поколение корейцев, владевших родным языком значительно хуже, чем японским, или же не владевшим им вовсе. Система образования была направлена на привитие детям японской культуры и системы ценностей. Если бы система была совсем неэффективной, то не было бы потока корейцев, добровольцами записывавшихся в японскую армию, не было бы такого явления, как камикадзе корейского происхождения [Иванов, с. 215].

С другой стороны, грубость, с которой данная политика проводилась в периоды «сабельного режима» и милитаризации, приводила к росту антияпонских настроений и общего неприятия навязанной из Японии системы образования, чему способствовало то, что обещанного уравнивания в правах между японцами и корейцами так и не случилось. Политика Минами Дзиро фактически остановила модернизацию корейского образования, имея целью настолько вытравить корейское национальное самосознание, что потребность в отдельных системах образования отпадет сама собой.

Рассматривая этническую политику колониальных властей в Корею относительно вышеуказанных понятий, можно прийти к нижеуказанным выводам: японская политика не была направлена на полное истребление корейского населения, так как колониальные власти были заинтересованы в увеличении числа рабочих рук. Об этом свидетельствует тот факт, что в период колониального господства население корейского полуострова выросло [Grajdanzev, p. 72—73].

Политика по ассимиляции коренного населения генерал-губернаторства постепенно эволюционировала из ассимиляции в этноцид, что было вызвано изменившейся международной обстановкой. Развязанная Японской империей война на Тихом Океане и в Китае превращала Корею в глубокий тыл, что требовало ускорения процесса японизации местного населения.

Библиографический список

Артемов Е.М. Указ об образовании 1911 г. как инструмент японской политики ассимиляции в корейском генерал-губернаторстве // Корё сарам. URL: <https://koryo-saram.ru/ukaz-ob-obrazovanii-1911-g-kak-instrument-yaponskoj-politiki-assimilyatsii-v-korejskom-general-gubernatorstve> (дата обращения: 10.09.2019).

Вакула И.М. Культурная ассимиляция и диаспоризация общества в современных условиях // Философия права. 2016. № 2. С. 33—37.

Горбунов С.Н. Этноцид — международное преступление // Вестник РУДН Серия Юридические науки. 2000. № 2. С. 148—151.

Иванов К.В. Исторические проблемы Кореи периода 1905—1945 гг. и их современное наследие: колониальная модернизация, ассимиляция корейцев и проблема «прояпонских деятелей»: Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2014. 267 с.

Тертицкий Ф.К. Образовательная политика Японии в колониальной Корее // Вестник РГГУ Серия История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 20. С. 290—302.

Caprio M.E. Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910—1945. Seattle and London: University of Washington Press, 2009. 320 p.

Clastres P. De l'Ethnocide // L'Homme. 1974. Т. 14. № 3—4. P. 101—110.

Grajdanzev A. Modern Korea. N.Y.: Institute of Pacific Relations, 1944. 330 p.

Results of Three Year's Administration of Chosen Since Annexation / Government-General of Chosen. Keijo (Seoul), 1914. 95 p.

Thriving Chosen: a Survey of Twenty-Five years' Administration / Government-General of Chosen. Seoul, 1935. 93 p.

References

Artem'ev E. M. (2015). Ukaz ob obrazovanii 1911 g. kak instrument yaponskoj politiki assimilyatsii v korejskom general gubernatorstve [1911's decree on education as an instrument of Japanese assimilation policy in Government—General of Korea], *Koryo saram* [*Goryeo man*]. URL: <https://koryo-saram.ru/ukaz-ob-obrazovanii-1911-g-kak-instrument-yaponskoj-politiki-assimilyatsii-v-korejskom-general-gubernatorstve> (accessed: 10 September, 2019) (In Russian).

Caprio M.E. (2009). Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910—1945. Seattle and London: University of Washington Press, 2009. 320 p.

Clastres P. (1974). De l'Ethnocide // L'Homme. 1974. Т. 14. № 3—4. P. 101—110.

Gorbunov S.N. (2000). Etnocid — mezhduнародное prestuplenie [Ethnocide is an international crime], *Vestnik RUDN Seriya Yuridicheskie nauki*. [RUDN Journal of Law]. 2000. № 2. P. 148—151. (In Russian)

Grajdanzhev A. (1944). Modern Korea. N.Y.: Institute of Pacific Relations, 1944. 330 p.

Ivanov K.V. (2014). Istoricheskie problemy Korei perioda 1905—1945 gg. i ih sovremennoe nasledie: kolonial'naya modernizatsiya, assimilyatsiya korejcev i problema «proyaponskih deyatelej» [Historical problems of Korea during 1905—1945 period and their modern legacy: colonial modernization, Korean's assimilation and problem of «pro-Japanese activists»], Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyi universitet, 2014. 267 p. (In Russian).

Results of Three Year's Administration of Chosen Since Annexation (1914) / Government-General of Chosen. Keijo (Seoul), 1914. 95 p.

Tertickij F.K. (2012). Obrazovatel'naya politika Yaponii v kolonial'noj Koree [Educational policy of Japan in colonial Korea] *Vestnik RGGU Seriya Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. [Journal of RSUH Series Philology. Cultural studies. Oriental studies.]. 2012. № 20. P. 290—302. (In Russian)

Thriving Chosen: a Survey of Twenty-Five years' Administration (1935) / Government-General of Chosen. Seoul. 93 p.

Vakula, I. M. (2016). Kul'turnaya assimilyatsiya i diasporizatsiya obshchestva v sovremennykh usloviyah [Cultural assimilation and diasporization of society in modern conditions], *Filosofiya prava* [The philosophy of law]. 2016. № 2. P. 33—37. (In Russian).

А.М. Харитонова

«О ПРЕБЫВАНИИ В МАНЬЧЖУРИИ И ПОРТ-АРТУРЕ»: РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ ДИПЛОМАТА Г.А. ПЛАНСОНА

Аннотация. Статья посвящена обзору материалов двух дневников российского дипломата Георгия Антоновича Плансона (1859—?), которые он вёл в Маньчжурии в период с 1 января по 2 ноября 1904 г.; в Санкт-Петербурге и Портсмуте в период с 1 января по 4 октября 1905 г.

Анализируемые дневники содержат рассуждения Г.А. Плансона о причинах русско-японской войны, о ходе военных действий. Дипломат даёт довольно критическую оценку высшему командному составу русской армии, даёт оценку роли Маньчжурии в войне, рассуждает о возможности её присоединения. «Портсмутский» дневник подробно описывает этап формирования состава делегации в Петербурге на мирную конференцию, ведение переговоров в США, подписание договора и возвращение в Петербург.

Автор статьи приходит к выводу, что данные дневники дипломата Г.А. Плансона безусловно представляют собой научный интерес. Из дневников очевидно, что среди российских дипломатов об исходе войны было известно за несколько лет до ее начала, отчего война не была популярна. Отдельный научный интерес представляет описание процесса формирования состава русской делегации в США, зафиксированы персоны, которые по тем или иным причи-

нам не стали делегатами. Дневники также содержат материалы по смежным темам, например, связанным с дипломатической жизнью начала XX века, особенностям ведения дипломатического протокола. Новизна статьи заключается в том, что в научный оборот вводятся новые архивные материалы.

Ключевые слова: Русско-японская война, Г.А. Плансон, Маньчжурия, Портсмутский мирный договор, Россия, дневники.

Автор: Харитоновна Анна Михайловна, ассистент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки СПбГУ. E-mail: a.kharitonova@spbu.ru

A.M. Kharitonova

**“About staying in Manchuria and Port-Arthur”:
Russo-Japanese war seen by diplomat G. A. Planson**

Abstract. The report is devoted to the analysis of the materials of two diaries of the Russian diplomat Georgy Antonovich Planson (1859—?). The author uses a microhistorical approach as a methodology, since it can be used to identify prevailing ideas and trends in society at that time as a whole.

The author of the article concludes that diplomatic diaries are certainly of scientific interest. It is obvious from the diaries that among the Russian diplomats, the outcome of the war was known several years before it began, as a result, the war was not popular. Of particular scientific interest is the description of the process of forming the composition of the Russian delegation in the United States; persons were recorded who for one reason or another did not become delegates. The diaries also contain materials on similar topics similar to the diplomatic life of the beginning of the XX century, and the specifics of maintaining a diplomatic protocol. The novelty of the article lies in the fact that new archival materials are introduced into scientific circulation.

Keywords: Russo-Japanese War, G.A. Planson, Manchuria, Portsmouth Peace Treaty, Russia, diaries.

Author: Anna M. KHARITONOVA, Assistant Professor, Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries SPbSU (E-mail: a.kharitonova@spbu.ru).

Георгий Антонович Плансон (1859—?) был российским дипломатом французского происхождения. В 1884 г. он окончил факультет восточных языков и юридический факультет Санкт-Петербург-

ского университета. Затем поступил на службу в Азиатский департамент министерства иностранных дел и последующие 30 лет трудился в системе МИД на дипломатической должности в зарубежных командировках или в Санкт-Петербурге. Находясь за рубежом в качестве дипломатического работника, Г.А. Плансон вёл дневниковые записи. В фонде Государственного архива РФ (г. Москва) сохранилось 9 дневников, написанных им во время службы в Китае, Корее и Сиаме. В дневниковых записях хранятся заметки о текущей политической ситуации в стране пребывания, зафиксированы встречи с правителями государств, священнослужителями, высокопоставленными чиновниками. Кроме того, в дневниках можно найти в ограниченном количестве записи этнографического характера. В Китае Г.А. Плансон работал с 1902 по 1905 гг., служил в ведомстве российского наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева начальником дипломатической канцелярии. Незадолго до окончания войны Г.А. Плансон вернулся в Санкт-Петербург, принимал активное участие в подготовке переговоров с Японией в Портсмуте. На Портсмутской мирной конференции он присутствовал в качестве секретаря русской делегации; в Корее — в качестве генерального консула с 1905 по 1909 гг.; в Сиаме с 1910 по 1916 гг. служил в качестве поверенного в делах и генерального консула [ГАРФ, д.189].

В течение трех лет, начиная с 1902 г., Г.А. Плансон работал в Китае в ведомстве российского наместника на Дальнем Востоке в качестве представителя МИД. Об этом периоде сохранились подробные дневниковые записи о его пребывании в Маньчжурии: см.: [ГАРФ, д. 211], [ГАРФ, д. 212]. Дипломат способствовал развитию русско-китайских отношений. Им были сформулированы «семь пунктов» или семь условий вывода русских войск из Маньчжурии. О Г.А. Плансоне, как об авторе этих условий см. подробнее [Лукоянов, с. 405], [Харитонова, с. 471—472].

В дневнике «О пребывании в Порт-Артуре и Пекине», датированном ноябрем 1902 — декабрем 1903 гг., Георгий Антонович задолго до начала русско-японской войны записал возможные негативные последствия этой войны. Он привел четыре пункта неприемлемости войны с Японией, которые сводились к бесцельности, чрезмерной затратности этой войны, еще большему разжиганию ре-

волюционного движения в России и непопулярности войны в стране [ГАРФ, д. 211, л. 33—34].

Дневник Г.А. Плансона, который он вёл в Маньчжурии, был составлен в период с 1 января по 2 ноября 1904 г [ГАРФ, д. 212]. Эти хронологические рамки приходятся на первый год русско-японской войны. Анализируемый дневник содержит рассуждения Г.А. Плансона о начале русско-японской войны. Дипломат критически оценивает длительный и безрезультатный обмен проектами и контрпроектами между российским и японским правительствами о положении дел в Корее и Маньчжурии. Г.А. Плансон сетовал, что бесполезный обмен проектов и контрпроектов не достоин России. Он неоднократно предлагал адмиралу Алексееву Е. И. отправиться в Петербург, чтобы лично доложить о серьёзности положения на Дальнем Востоке: «...Вам, прежде всего, надо ехать в Петербург, теперь момент удобный. Японцы, очевидно, подождут ответа. Они ждут 5 месяцев. Надо доложить государю лично о положении, Вы пропустили предыдущие два момента, когда можно было ехать. Теперь опять настал благоприятный момент, надо им пользоваться и прямо доложить государю» [ГАРФ, д. 212, л. 29—29.об.]. Дипломат был непреклонен и утверждал, что все решения принимаются в Петербурге, и адмиралу необходимо принять в этом участие, поскольку из-за недопонимания всей ситуации в Петербурге не могли бы без разъяснений Е.И. Алексеева вынести правильное постановление: «Теперь или никогда. Если пропустить настоящий момент, то потом уже будет поздно. Из Петербурга пришлют или слабый ответ, полную уступку по всем пунктам, что нельзя допустить, или ответ достойный — и тогда, может, начнется война. Предупредить это можно, только если Вы лично объясните положение и достигните прекращения переговоров» [ГАРФ, д. 212, л. 30]. Несмотря на все доводы дипломата, в январе 1904 г. адмирал отказался ехать в Петербург, напротив, Е.И. Алексеев уже был готов мобилизовать Приамурский край и объявить японцам войну.

Представляется интересным отметить, что в дневниковых записях от 23 января 1904 г. Г.А. Плансон записал пророческие слова Е.И. Алексеева «...Вы можете быть посланником в Корею» [ГАРФ, д.212, л.35]. Так оно и произошло, менее чем через два года в декабре 1905 г. Г.А. Плансон был назначен Генеральным консулом в Сеуле.

В дневнике дипломат описывает начало войны, отбытие японских дипломатических работников из Порт-Артура и ночные атаки японцев. В период с января по октябрь 1904 г. по дневниковым записям можно проследить ухудшение настроения адмирала Е.И. Алексеева, который во время Русско-японской войны был назначен Главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Тихом океане.

Дипломат даёт довольно критическую оценку высшему командному составу русской армии. В качестве причины многих поражений российской дипломатии и военной силы он видит затягивание процесса принятия решений и их несвоевременность. Дает оценку роли Маньчжурии в войне, рассуждает о возможности ее присоединения. В качестве иллюстрации несвоевременности предложений можно процитировать дневниковую запись от 19 сентября 1904 г.: *«Легко догадаться, что он [А.Н. Куропаткин — А.Х.] писал, вероятно, то же, что он говорил на Совещаниях, а именно, что нам Южная Маньчжурия не нужна, а надо присоединить Северную до линии железной дороги. Но это невозможно теперь. Это было бы возможно раньше, пока Южная Маньчжурия была вообще закрыта для всех. Но мы показали дорогу. Теперь там будут другие, если мы не пойдем»* [ГАРФ, д. 212, л. 3].

«Портсмутский» дневник «О пребывании в Петербурге и Америке» датирован январем — октябрём 1905 г. [ГАРФ, д. 213]. Г.А. Плансон описывает процесс формирования делегации для мирной конференции, указывает, что на роль уполномоченного по заключению мира помимо С. Ю. Витте рассматривался дипломат Н.В. Муравьев. Г.А. Плансон был обеспокоен тем, что его в делегации могли заменить на И.Я. Коростовца, однако, в итоге, на мирную конференцию отправились оба дипломата. По прибытии в США Георгий Антонович отмечал различия в отношении к делегациям. Несмотря на то, что к русской делегации была проявлена большая симпатия, чем к японской, дипломат писал о тяжёлом впечатлении, которое производили обстоятельства, окружающие делегацию. Также не ускользнул от дипломата факт всеобъемлющей поддержки японской делегации со стороны США и Великобритании. И как закономерный результат — давление со стороны США на делегацию Российской Империи.

Автор статьи приходит к выводу, что данные дневники дипломата Г.А. Плансона безусловно представляют собой научный интерес. Из дневников очевидно, что среди российских дипломатов об исходе войны было известно за несколько лет до ее начала, отчего война не была популярна. Отдельный научный интерес представляет описание процесса формирования состава русской делегации в США, где указаны лица, которые по тем или иным причинам не стали делегатами. Дневники также содержат материалы по смежным темам, например, связанным с дипломатической жизнью начала XX века, особенностям ведения дипломатического протокола.

Библиографический список

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 818. Плансон Георгий Антонович, дипломат, посол в Сиаме, Генеральный консул в Сеуле, начальник дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке. Оп. 1. Д. 189.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 818. Плансон Георгий Антонович, дипломат, посол в Сиаме, Генеральный консул в Сеуле, начальник дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке. Оп. 1. Д. 211.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 818. Плансон Георгий Антонович, дипломат, посол в Сиаме, Генеральный консул в Сеуле, начальник дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке. Оп. 1. Д. 212.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 818. Плансон Георгий Антонович, дипломат, посол в Сиаме, Генеральный консул в Сеуле, начальник дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке. Оп. 1. Д. 213.

Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв.». СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.

Харитонов А. М. Российский дипломат Г.А. Плансон в китайской научной и художественной литературе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. СПб., 2017. Т. 9. Вып. 4. С. 469—476.

References

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. (GARF) F. 818. Planson Georgij Antonovich, diplomat, posol v Siame, General'nyj konsul v Seule, nachal'nik diplomaticheskoj kanceljarii namestnika na Dal'nem Vostoke. [State Archive of Russian Fede-

ration (SARF). Fund 818. “Planson Georgy Antonovich, diplomat, ambassador in Siam, General Council in Seoul, the head of the diplomatic office of the governor in the Far East”] Op. 1. D. 189. (In Russian).

GARF. F. 818. Op. 1. D. 211. (In Russian).

GARF. F. 818. Op. 1. D. 212. (In Russian).

GARF. F. 818. Op. 1. D. 213. (In Russian).

Lukoyanov I. V. (2008). “Ne otstat' ot derzhav...” Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX — nachale XX vv. [“Do not lag behind the powers ...” Russia in the Far East in the late XIX — early XX centuries]. St.Petersburg, Nestor-Istoriya, 2008. 668 p. (In Russian).

Kharitonova A. M. (2017). Rossijskij diplomat G. A. Planson v kitajskoj nauchnoj i hudozhestvennoj literature [Russian diplomat G.A. Planson in Chinese fiction and academic literature] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 13. Vostokovedenie. Afrikanistika. SPb. 2017. T. 9. Vyp. 4. P. 469—476. (In Russian).

Е.В. Яковкин

РУССКАЯ МОЛОДЁЖЬ НА «ЖЕРТВЕННЫХ РАБОТАХ» В МАНЬЧЖУ-ДИ-ГО В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В годы Второй мировой войны в Японии и Маньчжу-Ди-Го было объявлено о трудовой мобилизации населения. Этого не избежала и русская диаспора в Маньчжурии. На трудовом фронте, прежде всего, была задействована русская молодёжь. Взяв на вооружение лозунг «Всё для фронта, всё для победы», русская молодёжь под контролем маньчжурской государственной организации Кио-Ва-Кай направлялась на различные виды «жертвенных» работ в Маньчжу-Ди-Го. В данной статье рассматривается механизм привлечения русской эмигрантской молодежи к различным видам труда от сельского хозяйства до промышленности. Кроме того анализируется русская эмигрантская печать, которая описывала работу и значение «жертвенных» работ русской эмиграции.

Ключевые слова: Великая восточноазиатская сфера процветания, Вторая мировая война, русская эмиграция, Тихоокеанская война, трудовой фронт, Кио-Ва-Кай, Маньчжоу-Го, Маньчжурия, японская пропаганда, трудовая мобилизация, Маньчжу-Ди-Го, Японская империя.

Автор: *Яковкин Евгений Васильевич*, преподаватель ГБПОУ «Колледж олимпийского резерва пермского края», аспирант Пермского Государственного Национально Исследовательского Университета. E-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru

E. V. Yakovkin

Russian youth on “sacrificial” works in Manchukuo during the World War II

Abstract. During the World War II in Japan and Manchukuo was announced labor mobilization of the population. This was not avoided by the Russian Diaspora in Manchuria. On the labor front, first of all, Russian youth was involved. Having adopted the slogan “Everything for the front, everything for victory” Russian youth under the control of the Manchurian state organization Kio-Wa-Kai (Concordia Association) was sent to various types of “sacrificial” work in Manchukuo. This article discusses the mechanism of attracting Russian emigrant youth to various types of work from agriculture to industry. Russian emigrant press, which described the work and significance of “sacrificial” works of Russian emigration, is also analyzed.

Keywords: Greater East Asia Co-Prosperity Sphere, World War II, Russian emigration, Manchukuo, Manchuria, Concordia Association, Hakko ichiu, Empire of Japan, Pacific War, labor mobilization.

Author: Eugene V. YAKOVKIN, Lecturer, College of Olympic Reserve of Perm region, PhD student, Perm State University (e-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru).

Государство Маньчжу-Ди-Го было важнейшей экономической ресурсной базой для Японии после западных стран. А после экономической блокады Японии со стороны США с середины 1941 г. роль Маньчжу-Ди-Го выросла еще больше. В Маньчжу-Ди-Го экономика строилась на пятилетних экономических планах. Кроме того в 1940 г. в Японии и Маньчжу-Ди-Го была опубликована программа экономического развития в странах японо-маньчжурско-китайского блока. С 1942 г. началась вторая пятилетка. В связи с начавшейся войной большое внимание было обращено на развитие промышленности: производство стали, легких металлов и жидкого горючего. Кроме того необходимо было направить усилия на развитие сельского хозяйства и продуктов первой необходимости [*Вишерский В.*, с. 11].

Организацией труда в Маньчжу-Ди-Го занималась Кио-Ва-Кай (именуется также как Сэ-Хэ-Хой или Общество согласия — прим. автора). Эта организация играла роль политической партии и организации, которая пронизывала все сферы жизнедеятельности в

Маньчжу-Ди-Го. У неё имелись добровольческие отряды Кио-Ва-Кай, которые привлекались к пропагандистской и трудовой работе. 26 декабря 1940 г. Государственный Совет Маньчжу-Ди-Го издал указ, согласно которому добровольческие отряды Кио-Ва-Кай должны были стать «авангардными отрядами армии труда, имея целью вести за собой весь народ и содействовать охране государства». Был создан Центральный штаб армии труда, во главе которого был поставлен начальник центрального штаба Кио-Ва-Кай генерал Миякэ. В провинциях Маньчжу-Ди-Го были созданы провинциальные штабы, в уездах — уездные. Во главе провинциальных штабов стали губернаторы провинций, во главе уездных — начальники уездов. Отряды Кио-Ва-Кай были разделены на основные — трудовые работы и пропагандистская деятельность и специальные — содействие обороне страны (противопожарные, автомобильные отряды, отряды зенитной артиллерии, отряды охраны железнодорожных линий) [Гэньичи Т., с. 46—47]. С 1935 г. к работе в Кио-Ва-Кай стали привлекать русских эмигрантов. В 1938 г. были созданы добровольческие отряды Кио-Ва, в которых служили русские эмигранты [Юбилей..., с. 7].

Во время Всеманьчжурского съезда Кио-Ва-Кай в столице Маньчжу-Ди-Го Синьцзине в октябре 1941 г. начальник Центрального штаба генерал Миякэ Кодзи принял русскую делегацию во главе с начальником Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (далее ГБРЭМ — прим. автора) генерала В.А. Кислицина. Генерал Миякэ поблагодарил русских эмигрантов за их работу, особо отметив, что участие русской эмиграции в созидательной работе Кио-Ва-Кай является одним из важнейших факторов становления организации [Единение, с. 9].

7 декабря 1941 г. Япония напала на США. Началась Тихоокеанская война. В Японии и Маньчжу-Ди-Го войну называли Священной Великой Восточно-Азиатской войной. Первые месяцы побед американцами и англичанами сменились тяжёлыми поражениями Японии в сражениях при Мидуэи 4—7 июня 1942 г. и Гуадалканале с 7 августа 1942 г. по 9 февраля 1943 г. Экономическая ситуация в Японии и у её союзников с каждым месяцем и годом становилась всё хуже и хуже. В Японии приступили к активной мобилизации на-

селения в важнейшие отрасли промышленности. За 1943 г. было мобилизовано 699 728 человек. В четыре раза больше, чем в предыдущем году [История войны..., с. 96]. Правительство Маньчжу-Ди-Го постановило оказать помощь Японии. В Японию вывозилась сельскохозяйственная продукция. С каждым годом ситуация становилась всё сложнее. В стране была введена карточная система, количество выдаваемых продуктов зависело от возраста [*Воросова А.И.*, с. 68]. В октябре 1942 г. во время очередного всеманьчжурского съезда Кио-Ва-Кай упомянутый выше генерал Миякэ заявил: «Мы, население, должны быть такими же бойцами на внутреннем фронте, как солдаты на передовых позициях. В настоящее военное время условия жизни в Маньчжу-Ди-Го по сравнению с другими странами более удовлетворительны и наблюдающаяся у нас нехватка в продуктах ничего не значит. Её надо терпеть. Мы должны бодро смотреть на будущее и победить в этой великой войне» [Всеманьчжурский..., с. 8].

Для увеличения трудовых усилий в 1943 г. в Маньчжу-Ди-Го был принят закон об обязательной трудовой повинности. Сразу же после этого Кио-Ва-Кай была развёрнута кампания по организации трудового фронта. До этого момента трудовые усилия прилагали добровольческие отряды Кио-Ва, а также созданный в 1939 г. так называемый Добровольческий трудовой корпус Маньчжу-Ди-Го подчинявшийся Кио-Ва-Кай. Один из высших руководителей русского отдела Кио-Ва-Кай В.С. Барышников в своей пропагандистской статье писал: «Годы прошедшей войны с исключительной яркостью показали, что судьбы российских эмигрантов в историческом ходе событий связались с судьбами народа Великого Ниппон, а равно других восточно-азиатских народов [...] В дни войны Кио-Ва-Кай самым активным образом содействует правительству в выполнении важнейших государственных задач, поставленных перед Маньчжу-Ди-Го Священной войной. В Дни войны Кио-Ва-Кай стал поистине мощной идеологической и организующей силой, мобилизующей все возможности на помощь фронту». Далее автор призывает членов Кио-Ва-Кай так проводить работу, чтобы идеи войны были понятны населению, что в свою очередь будет вдохновлять людей на трудовые подвиги [*Барышников В.С.*, с. 5].

К трудовой повинности привлекались мужчины от 19 до 22 лет, не призванные в армию Маньчжу-Ди-Го. Русских эмигрантов призывали на службу в отряд «Асано», а после его расформирования в конце 1943 г. в Русские воинские отряды армии Маньчжу-Ди-Го. Каждый из молодых людей, не призванных на военную службу, в течение четырёх месяцев в году должен был отбыть трудовую повинность. Всего в первый год было призвано 77 тыс. жителей Маньчжу-Ди-Го. Из призванной молодежи создавались трудовые дружины. Дружины формировались по национальному признаку. Каждая дружина делилась по военному принципу: состояла из отделений, взводов, рот, батальонов. Созданные дружины направлялись на различные виды работ: сельскохозяйственные и мелиоративные работы, строительство автострад, шоссе, железнодорожных линий, гидроэлектростанций, сооружение дамб и портов. Кроме того дружинники Кио-Ва-Кай привлекались к работе на промышленных предприятиях [Такахаси Г., с. 42—43].

Кроме дружин из молодых людей призывного возраста были созданы студенческие дружины. В них было мобилизовано около 6 тыс. студентов из 19 высших учебных заведений Маньчжу-Ди-Го. Студенческие дружины в основном направлялись на сельскохозяйственные и землекопные работы, кроме того студенты направлялись на работы в промышленные предприятия [Гэнъичи Т., с. 42—43]. Физически здоровые студенты Северо-маньчжурского университета и средних школ во время учебного года проходили курс военной подготовки. Летом они отправлялись на «жертвенные» работы и в военно-трудовые лагеря. «Жертвенные» работы получили такое название из-за того, что труд был бесплатным и человек приносил таким образом жертву государству. Летом 1943 г. студентов СМУ отправили на работу по постройке дамбы на реке Сунгари. Была выдана специальная военная одежда. Распорядок дня был следующий: 5:30 — подъём, переключка, приведение себя в порядок, уборка; 6:00 — сбор, построение, подъем флагов под гимн, молитва, завтрак; 7:00—12:00 работа; 12:00 — обед и отдых; 13:30—17:30 — сбор, работа; 18:00—18:30 — возвращение в лагерь; 19:00 — ужин, переключка, распределение нарядов на следующий день, спуск флагов, после свободное время; 22:00 — отбой. Кроме того студенты проходили во-

енную подготовку, которую проводил подполковник Н.Б. Коссов со своими помощниками [М.Х., с. 6—7].

Ещё одним местом трудового фронта для русских эмигрантов стал Тоогенский район (провинция Саноцзян, уезд Тан Юань) в 300 км от Харбина. Здесь находились три поселения: Новопокровская, Петро-Павловская и Воскресенская. Начальником района был М.Н. Гордеев — один из руководителей ГБРЭМ. Маньчжурские власти, стремясь обеспечить русских эмигрантов работой и освоить новые районы Маньчжурии, начали целую переселенческую кампанию. Кампания проводилась с октября 1943 г. до лета 1945 г. Всего было переселено более 3000 русских эмигрантов. Активно привлекалась молодёжь, которую освобождали от воинской повинности [Эфенлиева Г.В., с. 292]. На новый трудовой фронт направлялись учащиеся, так летом 1944 г. их направили на работу в Тоогенский район. Каждому учащемуся была выдана специальная униформа Добровольческого трудового корпуса Маньчжу-Ди-Го, включающая в себя брюки, китель, кепи. Кроме того они получили винтовки, лопаты. Учащиеся проходили военную подготовку и улучшали местную дорогу. По воспоминаниям эмигрантов условия работы были очень тяжелые. Жили в палатках [Авенариус С., Мустафин А., Верболо Э., с. 52—60].

Отмечая роль молодежи в жизни Маньчжу-Ди-Го в журнале-официозе ГБРЭМ «Луч Азии» (В период 1938—1944 г. официальным органом ГБРЭМ была еженедельная газета «Голос эмигрантов», в конце 1944 г. он был закрыт — прим. автора) в феврале 1945 г. писали: «На различных жертвенных работах, выполняемых эмигрантской молодежью по собственной инициативе и желанию, можно встретить и студентов высших учебных заведений, и учащихся повышенных и высших народных школ, и членов различных молодежных организаций, которые тем самым вкладывают свою лепту в общегосударственное дело». Русская молодежь была призвана собирать средства на боевые самолеты японской армии, подарки семьям воинов, железный лом [Шаромов А., с. 37—38]. Кроме того ГБРЭМ с эмигрантов собирала ежемесячно деньги в «Фонд победы». Сбор лома и сбор денег с русских эмигрантов проводился совместно с Кио-Ва-Кай [Российская эмиграция..., с. 99]. Маньчжурскими властями в 1944 г. был выдвинут лозунг: «Всё для фронта, всё для побе-

ды», который должен был вдохновить всех российских эмигрантов в их трудовых усилиях для победы в Священной Великой Восточно-Азиатской войне. Вообще в эмигрантской печати пытались показать ту высокую роль, которую играет русская эмиграция на производственном фронте. В статьях описывалась работа разных производственных мастерских русских эмигрантов в Маньчжурии: мастерская братьев Максимовых, мастерская «П.Я. Иванов» [Российские эмигранты..., с. 16—17].

После того как союзники Японии в Европе потерпели поражение, произошли большие изменения в жизни российской эмиграции. Еще 6 мая 1945 г. министр иностранных дел Японии Того Сигэнори заявил о решимости Японии довести войну против Англии и США до победного конца [Волин А., с. 27—28]. Вести войну против СССР Япония не имела никакого желания. Пытаясь избежать каких либо обвинений со стороны советских властей, японское командование решило расформировать Российские воинские отряды армии Маньчжу-Ди-Го. В июле 1945 г. они были преобразованы в трудовые отряды [Молодые силы...]. Таким образом, вся российская молодежь к лету 1945 г. была привлечена к так называемому трудовому фронту в Маньчжу-Ди-Го. Лишь события августа 1945 г. прервали трудовые усилия русских эмигрантов на пользу Маньчжу-Ди-Го и Японской империи. После атомных бомбардировок Японии Советский Союз объявил войну Японии и начал боевые действия. 14 августа 1945 г. Япония согласилась капитулировать. Маньчжурия в ходе скоротечной советско-японской войны была полностью занята частями красной армии.

Подведем итоги. Идея трудового фронта, придуманная японскими властями, провалилась. Японская империя со своими союзниками не могла противостоять военно-экономической мощи США. Участие русских эмигрантов и других граждан Маньчжу-Ди-Го в «жертвенных» работах широко освещалось в русской эмигрантской печати вплоть до последних дней войны. Принудительный характер трудовой повинности привёл к тому, что русская молодежь возненавидела японские порядки. Многие молодые русские эмигранты в годы войны стали советскими патриотами и всячески приветствовали приход Красной армии, небезосновательно считая её своей освободительницей от японского владычества.

Библиографический список

Авенариус С., Мустафин А., Вербола Э. На полях и болотах Тоогэна // Политехник. 1976. № 8. С. 52—60.

Барышников В. С. Кио-Ва-Кай в дни войны // Время. 23.07.1944. № 199 (4500). С. 5.

Вишерский В. Все силы Маньчжу-Ди-Го к достижению конечной победы // Луч Азии. 1945. № 5(131). С. 11.

Волин А. Война в Европе окончена // Луч Азии. 15.05.1945. № 10 (136). С. 27—28.

Воросова А.И. Август 1945 г. в Хайларе // Русская Атлантида, 2011. № 40. С. 68.

Всеманьчжурский съезд Кио-Ва-Кай разрешил важнейшие вопросы // Голос эмигрантов, 11 октября 1942. № 41 (229). С. 8.

Гэнъичи Такахаши. Великая Восточноазиатская война и Маньчжоу-Го // Восточное обозрение. Выпуск XX. Июль—сентябрь 1944. С. 46—47.

Единение всех народностей Маньчжурской империи // Заря. 12.10.1941. № 275. С. 9.

История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том III. Первый период войны. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. С. 96.

М.Х. Наши студенты на постройке дамбы // Политехник. 1977. № 9. С. 6—7.

Молодые силы — в ряды борцов на производственном фронте // Время. 30.05.1945.

Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920—1945). Сборник документов. Южно-Сахалинск, 1994. С. 99.

Российские эмигранты-активные работники производственного фронта // Луч Азии, 15.03.1945. № 6(132). С. 16—17.

Шаромов А. Российская молодежь в ни войны за Великую Восточную Азию // Луч Азии. 1945. № 4(130). С. 37—38.

Эфендиева Г.В. «Целина по-маньчжурски»: Тооген в творчестве харбинских авторов // Любимый Харбин-город дружбы России и Китая: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16—18 июня 2018 г.). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. С. 292.

Юбилей общественных добровольческих дружин // Голос эмиграции. 26.09.1943. № 1. С. 7.

References

Avenarius S., Mustafin A., Verbola E. (1976). Na polyakh i bolotakh Toogena [Varbola In the fields and bogs of Toogans] // Politehnik. № 8. P.52—60. (In Russian).

Baryshnikov V.S. Kio-Va-Kay v dni voyny[All the forces of Manchu-Di-Go to achieve the ultimate victory] // Vremya. 23.07.1944. № 199 (4500). P. 5. (In Russian).

Visherskiy V. (1945). Vse sily Man'chzhu-Di-Go k dostizheniyu konechnoy pobedy [August 1945 in Hailar] // Luch Azii. № 5(131).P.11. (In Russian).

Volin A. Voyna v Yevrope okonchena [The War in Europe is over] // Luch Azii. 15.05.1945. № 10 (136). P. 27—28. (In Russian).

Vorosova A.I. (2011). Avgust 1945 goda v Khaylare[August 1945 in Havlar] // Russkaya Atlantida. № 40.P. 68. (In Russian).

Gen"ichi Takakhasi Velikaya Vostochnoaziatskaya voyna i Man'chzhou-Go [The Great East Asian war and Manchukuo] // Vostochnoye obozreniye. Vypusk XX. Iyul'-sentyabr' 1944. P. 46—47. (In Russian).

Yedineniye vsekhnarodnostey Man'chzhurskoy imperii[Unity of all the peoples of the Manchu Empire] // Zarya, 12.10.1941. № 275. P. 9. (In Russian).

M.H. (1977). Nashi studenty na postroyke damby[Our students on the construction of a dam] // Politehnik. № 9.P.6—7. (In Russian).

Molodyye sily — v ryady bortsov na proizvodstvennom fronte [Young forces-in the ranks of fighters on the production front] // Vremya. 30.05.1945. (In Russian).

Rossiyskiye emigranty-aktivnyye rabotniki proizvodstvennogo fronta[Russian emigrants-active workers of the production front] // Luch Azii. 15.03.1945. № 6 (132). P. 16—17. (In Russian).

Sharomov A. (1945). Rossiyskaya molodezh' v ni voyny za Velikuyu Vostochnuyu Aziyu [Russian youth during the war for the Great East Asia] // Luch Azii. № 4(130). P. 37—38. (In Russian).

Efenliyeva G.V. (2019). «Tselina po-man'chzhurski»: Toogen v tvorchestve kharbinskikh avtorov [“Virgin in Manchu”: Toogan in the works of writers of Harbin]// Lyubimyy Kharbin-gorod druzhby Rossii i Kitaya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 120-letiyu russkoy istorii g. Kharbina, proshlomu i nastoyashchemu russkoy diaspory v Kitaye (Kharbin, 16—18 iyunya 2018 g.). Vladivostok: Izd-vo VGUES. P. 292. (In Russian).

Yubiley obshchestvennykh dobrovol'cheskikh druzhin [Anniversary of public volunteer squads] // Golos emigratsii. 26.09.1943. № 1. P.7. (In Russian).

Н.В. Дмитриевская

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПЕРИОД ТРЕТЬЕЙ И ЧЕТВЕРТОЙ РЕСПУБЛИК (1963—1979 гг.)*

Аннотация. В настоящей статье представлен анализ политики национальной безопасности в период Третьей и Четвертой Республик (1963—1979 гг.). С приходом к власти Пак Чжон Хи, а затем и с установлением в Республике Корея военной диктатуры, национальная безопасность выходит на первый план. Автор статьи подробно рассматривает восприятие угроз национальной безопасности в указанный период и ее структуру. Также автор делает акцент на соответствующих мерах государственного регулирования в нескольких основных направлениях: оборонная политика, взаимодействие с США и вывод американских войск с территории Корейского полуострова, внешняя политика и межкорейские отношения.

Ключевые слова: Республика Корея, КНДР, США, политика национальной безопасности, Пак Чжон Хи, Третья Республика, Четвертая Республика, доктрина Никсона, чучхесон.

Автор: Дмитриевская Наталья Викторовна, ассистент кафедры корееведения СПбГУ. E-mail: natdmitrievskaya@yahoo.com

* Настоящая работа выполнена в рамках Программы поддержки корееведения в ведущих университетах, реализуемой Министерством образования Республики Корея и Центром развития корееведения при Академии Корееведения (AKS-2016-OLU-2250002).

N.V. Dmitrievskaya

National Security Policy during the Third and Fourth Republics in South Korea (1963—1979)

Abstract. The article analyzes South Korean national security policy during the Third and Fourth Republics (1963—1979). With Park Chung-hee's coming to power and further military dictatorship installation national security policy becomes the political concern of the highest importance.

The article examines threats perception and structure of the national security at the time. Much attention is paid to the national regulations which have influenced the policy forming in following directions: defense policy, interactions with the US and American troops withdrawal, foreign policy and inter-Korean relations.

Keywords: Republic of Korea, South Korea, US, DPRK, national security policy, Park Chung-hee, Third Republic, Forth Republic, Nixon doctrine, jucheson.

Author: Natalia DMITRIEVSKAYA. Assistant Professor, Saint Petersburg State University (e-mail: natdmitrievskaya@yahoo.com).

Приход к власти Пак Чжон Хи посредством военного переворота и установление в стране военного режима повлекли за собой значительные изменения в политической и экономической структуре Республики Корея. В указанный период Южная Корея в целом продолжает обладать основными характеристиками стран Третьего мира, в соответствии с чем большое влияние на принятие политических решений оказывает личностный фактор, связанный с авторитарностью власти, и сфера политики национальной безопасности не являлась исключением. Однако стоит отметить, что переосмысление национальной безопасности во многом связано не только с практическим, но и с теоретическим интересом генерала Пака к этой теме. Пак Чжон Хи с самого начала своего президентства признавал важность не только традиционной концепции, основанной на военной и дипломатической сфере, но и так называемой концепции «всеобъемлющей» безопасности (comprehensive security), и выстраивал политику национальной безопасности в стране уже в соответствии с ней.

Понимание угроз

В оценке основных угроз и международной обстановки правительством Пак Чжон Хи прослеживаются значительные различия с пониманием угроз в период Первой Республики.

Так, генерал Пак Чжон Хи не разделял мнения своего предшественника о возможности возрождения японского милитаризма. Более того, он стремился наладить японо-корейские отношения, о чем говорил в послании президенту Л. Джонсону [7.4 намбуккондонсонмён, с. 39]. Во многом это обуславливалось жизненным опытом самого Пак Чжон Хи, но при этом такая позиция в большей степени соответствовала реальному положению дел. Пак Чжон Хи считал, что Япония не только является членом нового либерального мира, но и в случае нормализации межгосударственных отношений может оказать значительную помощь Южной Корее в решении таких внешних и внутренних вопросов, как, например, выход Южной Кореи из ситуации региональной изоляции и создание стимула к сближению с некоммунистическими странами АТР. Кроме того, причислив Японию к членам либерального мира, и тем самым поставив ее на один уровень с Республикой Корея, Пак Чжон Хи добился эффекта естественной ликвидации одной из значительных угроз национальной безопасности.

Следует учитывать, что Пак Чжон Хи выделял защиту режима в качестве одной из сфер национальной безопасности, подтверждением чему служил переворот Юсин в 1972 г. и «усиление национальной безопасности» [Чон Ильчжун, с. 154].

Структура национальной безопасности в 1963—1979 гг.

Основными целями правительства Пак Чжон Хи в 1963 г. были названы экономическое развитие и укрепление национальной безопасности, в соответствии с чем требовалось не только переосмысление общей концепции и стратегии развития, но и изменение структуры государственных органов власти со смещением акцента на сферу экономики и национальной безопасности.

14 декабря 1963 г. Пак Чжон Хи официально объявил о реформировании государственного аппарата и перевёл Комиссию по обсуждению экономических и технических вопросов, Контрольно-ревизионное управление, Главное разведывательное управление и другие органы национальной безопасности в прямое подчинение президенту. Кроме того, 17 декабря 1963 г. был создан Совет национальной безопасности — главный государственный орган по определению стратегии и планированию политики национальной безопасности, также напрямую подчинявшийся президенту и не входящий в состав других министерств. Таким образом, при президенте Пак Чжон Хи впервые национальная безопасность начинает выделяться как отдельное политическое направление с сепаратной структурой управления. На это указывают и качественные изменения в системе государственной власти: Главное разведывательное управление было трансформировано по модели американского ЦРУ, и выполняло вспомогательную роль передачи всей внешней и внутренней информации, связанной с вопросами национальной безопасности, непосредственно президенту страны для предотвращения ее искажения [Чон Нэхёк, с. 317].

В 1970 г. Совет национальной безопасности опубликовал официальный Документ об основах политики национальной безопасности, в котором освещал и систематизировал основные установки политики в этой сфере [Хон Чунги, с. 121], что ещё раз подтверждает выделение аспекта безопасности в качестве отдельного направления политики.

Политика национальной безопасности в 1963—1979 гг.

Генерал Пак Чжон Хи придерживался мнения, что для обеспечения национальной безопасности необходимо последовательно развивать оборону, международные отношения и политику объединения.

В оборонной политике правительства Пак Чжон Хи главным направлением было создание системы обороны с опорой на собственные силы (*чачжу кукпан*) посредством развития оборонной про-

мышленности. После событий 1968 г., когда с целью поддержания мира в стране были мобилизованы отряды резервных войск численностью в 2,5 млн человек, и армия не смогла обеспечить всех огнестрельным оружием американского производства, нехватка вооружения стала очевидной. В целом идея создания обороны с опорой на собственные силы заключалась в постройке на деньги японского займа ряда крупных заводов, которые стали бы ядром оборонной промышленности, а также переоснастка ведущих предприятий в целях увеличения перехода к массовому производству огнестрельного оружия [*Ким Чоннён*, с. 117—120]. В соответствии с выбранным политическим курсом в августе 1970 г. было учреждено Агентство по развитию обороны, начались разработка и производство оружия и боеприпасов, направленные на национализацию оборонной промышленности, в Министерстве обороны был учрежден Департамент оборонной промышленности [*Кукпаннучжикче*]. В рамках этой политики правительством Пак Чжон Хи были достигнуты значительные результаты: с 1972 г. началось постепенное массовое производство винтовок, пулеметов, артиллерийских снарядов, малолитражных вертолетов, гаубиц, танков [*Ко Кёнбын*, с. 56].

В 1975 г. на развитие оборонной политики с опорой на собственные силы было потрачено рекордное количество средств, которое даже превысило расходы КНДР в той же области [*Ким Чоннён*, с. 311].

Одним из важнейших направлений политики национальной безопасности Пак Чжон Хи считал укрепление отношений с США, но не в виде принятия односторонней помощи, а на уровне взаимного сотрудничества. В послании от 1964 г. Пак Чжон Хи называл США дружественным государством, а их отношения — неразделимыми общей судьбой [*Пак Чжон Хи*, 1965, с. 55]. Однако он также писал, что демократия западного типа, которую пропагандируют США, не соответствует реалиям Республики Корея, поэтому необходимо укреплять корейскую самостоятельность (*чучхесон*), и на основе этого создавать независимое корейское общество [*Пак Чжон Хи*, 1963, с. 227].

В 1964 г. началась Вьетнамская война, в связи с чем администрация Л. Джонсона потребовала от южнокорейского правительства от-

правки корейских войск во Вьетнам для участия в вооруженном конфликте на стороне США. Президент Пак Чжон Хи удовлетворил просьбу американского правительства, и в феврале 1965 г. во Вьетнам прибыли корейские саперные войска, а затем в октябре того же года — корейские сухопутные войска. Однако, в соответствии с политикой приоритета национальных интересов в марте 1965 г. министр иностранных дел Республики Корея Ли Дон Вон посредством переговоров с президентом Л. Джонсоном и заключения в следующем году меморандума Брауна добился от американского правительства подтверждения оказания помощи в проведении модернизации и перевооружении корейской армии, выдачи государственного займа и доступа к военным материалам в качестве компенсации за отprawку войск во Вьетнам [Ли Донвон, с. 117].

В июле 1969 г. была объявлена доктрина Никсона, одним из положений которой было сокращение военного контингента в Азии, и в соответствии с которой в 1970 г. из Южной Кореи была выведена 7-я американская дивизия. Правительство Третьей Республики оказалось перед угрозой ослабления объединенной обороноспособности в рамках корейско-американского альянса. Решением этой проблемы стало усиление альянса на основе совместного военного участия. Так, в 1970 г. был создан первый корейско-американский военный корпус, а с 1976 г. начались совместные корейско-американские военные учения [Ли Донвон, с. 118]. Также важно отметить, что в 1971 г. переговоры на уровне министров обороны США и Кореи, функционирующие на постоянной основе с 1968 г., переросли в корейско-американские консультативные встречи с участием представителей МИД.

В целях преодоления очередного кризиса союзнических отношений с США, связанного с решением президента Дж. Картера о повторном сокращении американского военного присутствия в Южной Кореи, в 1978 г. президент Пак Чжон Хи предложил создать Совместный корейско-американский штаб, который должен был объединить командование американскими и корейскими войсками, а также принять на себя обязанности проведения военных операций, возложенные ранее на командование штаба ООН [Чо Соннэль, с. 19].

Таким образом, президент Пак Чжон Хи инициировал качественное развитие альянса с США и укрепил систему национальной безопасности с опорой на собственные силы.

Наряду с оборонной политикой развитие отношений с другими государствами являлось одной из главных составляющих системы национальной безопасности в 1963—1979 гг., а именно «укрепление сотрудничества с дружественными государствами и расширение международных связей» [Пак Чжон Хи, 1963, с. 123]. Правительству Пак Чжон Хи удалось не только закрепить существующие контакты, но и получить признание среди других стран и тем самым расширить географию отношений Южной Кореи, что явилось затем основой создания рынка экспорта.

Как говорилось выше, Пак Чжон Хи считал, что нормализация отношений с Японией является важным фактором обеспечения национальной безопасности Республики Корея. К тому же, путем заключения японо-корейских дипломатических отношений возможно было добиться признания Южной Кореи единственным легитимным государством на Корейском полуострове, а правительства Пак Чжон Хи — законным, тем самым ликвидировать возможность укрепления отношений Японии и Северной Кореи. Налаживание отношений послужило бы стимулом и к совместному обеспечению региональной безопасности. Такая политика привела к расширению и укреплению связей между государствами как на политическом, так и на военном уровне: в 1972 г. была создана Парламентская лига Республики Корея и Японии, а в 1978 г. — Корейско-японский парламентский совет по вопросам безопасности. Участились также и взаимные визиты представителей южнокорейского и японского правительства.

Активным также было и развитие отношений с другими антикоммунистическими государствами азиатского региона. В 1964 г. правительство Пак Чжон Хи приступило к созданию проекта системы сотрудничества стран АТР, в которую вошли бы такие государства, как Таиланд, Малайзия, Япония [Ли Донвон, с. 161—170]. Первые успехи активной международной политики правительства Пак Чжон Хи появились уже в июне 1966 г., когда по инициативе Республики Корея был создан Азиатско-Тихоокеанский совет (ASPAC), в кото-

рый вошли 10 стран, в том числе Япония, Малайзия, Филиппины, Австралия, Новая Зеландия, Тайвань, Вьетнам, Лаос. Эта система стала региональной площадкой для обсуждения вопросов политики, экономики, общества, культуры, при этом Южная Корея играла в ней ведущую роль.

С началом активного экономического роста необходимо было создать прочную основу для дальнейшего развития, поэтому правительство Пак Чжон Хи не исключало возможности активизации отношений со странами коммунистического блока, однако, первая стадия нормализации отношений предполагала лишь налаживание торгового обмена.

Значительную роль в укреплении системы национальной безопасности сыграли изменения в политике объединения. После вступления в должность президента Пак Чжон Хи совершил в 1964 г. визит в Западную Германию, во время которого главы двух государств обсудили проблемы разделения нации и возможности экономического и культурного обмена [*Ли Донвон*, с. 161]. Существует мнение, что именно суждения немецкого лидера, который придерживался реалистичных взглядов на объединение, повлияли на переоценку взглядов Пак Чжон Хи на политику объединения. Он пришел к выводу о безрассудности имеющейся теории «похода на Север» и объединения военным путем, а также определил в качестве первичной задачи для нормализации отношений улучшение экономического положения Северной Кореи [*Пак Ёнчжун*, с. 540]. В целом эта позиция также соответствовала лозунгу правительства Пак Чжон Хи: «Сначала — развитие, потом — объединение» (*Сонгонсоль, хутхоньиль*).

В сентябре 1971 г. были проведены встречи разделенных семей по линии Красного Креста, а 4 июля 1972 г. начальник Разведывательного управления Ли Ху Рак обнародовал Совместное заявление Севера и Юга от 4 июля, провозглашавшее основные принципы мирного объединения при невмешательстве третьих сил [7.4 намбуккондонсонъмён]. Модель объединения в период президентства Пак Чжон Хи можно свести к четырем основным стадиям развития межкорейских отношений: 1) укрепление государственной мощи Республики Корея; 2) межкорейские переговоры и содействие обменам на основе главенствующей роли Южной Кореи; 3) договор о

взаимном ненападении; 4) осуществление объединения. Очевидно, что президент Пак Чжон Хи признавал возможность объединения только при условии политического и экономического превосходства Республики Корея, а значит, и под ее эгидой.

Политика национальной безопасности в период Третьей и Четвертой Республики значительно трансформировалась в связи с переосмыслением концепции, а также начался процесс выделения национальной безопасности в самостоятельное направление государственного регулирования, следствием чего стали качественные изменения практически во всех сферах ее развития: укрепление альянса с США на основе взаимного участия, оборонная политика с опорой на собственные силы, экономический рост, и соответственно, укрепление политической, экономической и военной мощи страны в целом, создание предварительных условий для мирного объединения. В целом стратегически политика национальной безопасности правительства Пак Чжон Хи была очень удачной за счет принципа замены угрозы или снижения степени ее опасности путем налаживания прямых контактов и диалога.

Библиографический список

7.4 намбуккондонсонмён: // Хэнчжончачхибу. Куккакироквон : [Совместное соглашение Севера и Юга от 4 июня// Министерство регионального управления. Национальный архив]. URL: <http://www.archives.go.kr/next/search/listSubjectDescription.do?id=003345> (дата обращения: 10.03.2017). (На кор. яз.).

И Донвон. Тэтхоннённёнль кыримё : [Создавая портрет президента]. Сеул: Корёвон, 1992. (На кор. яз.).

Ким Чоннём. А, Пак Чонхи: Ким Чоннём чончиххевегорок : [А, Пак Чжон Хи: мемуары Ким Чоннёма]. Сеул: Чунъань М&В, 1997. (На кор. яз.).

Ко Кёнъын. 1970-нёндэ ханбандо кунбикёнчжэнгва намбукхан ве : [Межкорейские отношения и гонка вооружений на Корейском полуострове в 1970-е гг.]. Сеул: на правах рукописи. 1988. (На кор. яз.).

Кукпанпучжикче — Тэтхоннённён че 1450 хо, 1959.2.18// Куккапомнён чонбо сентхо : [Административная структура Министерства обороны — Указ президента № 1450 от 18.02.1959// Информационный портал государственных зако-

нов]. (URL: <http://law.go.kr/lInfoP.do?lsiSeq=16169#0000> (дата обращения: 10.08.2016). (На кор. яз.).

Пак Ёнчжун. И сынъанный кукчечильсоинсикква ильбонгван: синминчжи сигие иссо мангукква конгугый мунчже// Хангукчончхивегёсанончхон : [Понимание миропорядка и взгляды на Японию Ли Сынмана: вопросы гибели и основания государства в период колонизации// Сборник статей по истории политики и международных отношений Республики Корея] Сеул. 2009. Том 31. № 1. С. 77—113. (На кор. яз.).

Пак Чонхи тэтхоннён ён соль мунчжип (1963.12—1964.12) : [Сборник речей президента Пак Чжон Хи (1963.12—1964.12)]. Сеул: Информационный центр официальных заявлений президента. 1965. Кн. 1. (На кор. яз.).

Пак Чжон Хи. Куккава хёнъмёнъгва на : [Государство, революция и я]. Сеул: Хянмунса. 1963. (На кор. яз.).

Пак Чжон Хи. Пак Чонхи тэтхоннён ён соль мунчжип : [Сборник речей президента Пак Чжон Хи]. Сеул: секретариат президента. 1965. Кн. 1. (На кор. яз.).

Хон Чунги. Хангук чачжукукпан чончхэгый ёксачжок пёнчхонквачжонъе кванхан ёнгу : [Исследование, посвященное историческому процессу изменения политики национальной обороны в Республике Корея]. Сеул: на правах рукописи. 2004. (На кор. яз.).

Чо Соннёнль. Ханбандо пхёнхвачхечже кучхукква ханмитонмэн: юёнса, чуханмигун муже чунъсимыро : [Формирование системы мира на Корейском полуострове и альянс США и РК: история ООН, вопросы военного контингента]. Сеул: на правах рукописи. 2004. (На кор. яз.).

Чон Ильчжун. Юсинчхечжесый мосунгва ханмикальтын: минчжучжуй омнын куккаанбо// Сахвева ёкса : [Противоречия системы Юсин и напряженность в отношениях РК и США: национальная безопасность без демократии// История и общество]. Сеул. 2006. Том 70. (На кор. яз.).

Чон Нэхёк. Кёкпённый сэнъэрыль торапомё : [Оглядываясь на резко изменившуюся жизнь]. Сеул: Самьянъ эд. 2001. (На кор. яз.).

References

Cho Sŏngryŏl. (2004). Hanbando p'yŏnghwach'eje kuch'uk kwa hanmidongmaengry uensa, chuhanmigun munje chungshimŭro: [Forming of a new peace paradigm and US-ROK alliance: UN history and problems of US troops disposition in South Korea]. Seoul: manuscript. (In Korean).

Chŏng Ilchun. Yushinch'ejeui mosun'gwa hanmigaltŭngr minjujuui ōmnŭn kukkaanbo // Sahoewa yŏksa: [Jushin system contradictions and tension between the US

and ROK: national security without democracy// Society and History]. Seoul. 2006. Vol. 70. (In Korean).

Chōng Raehyōk. Kyōkpyōnūi saengaerūl torabomyō: [Looking back at drastically changed life]. Seoul: Samyang. 2001. (In Korean).

Hong Chunki. Han'gung chajugukpang chōngch'aegūi yōksajōng pyōnch'on' gwajōng kwanhan yōn'gu: [Research of historical transformation process of national defense policy in South Korea]. Seoul: manuscript. 2004. (In Korean).

I Tongwōn. Taet'ongnyōngūl kūrinyō: [Picturing the President]. Seoul: Goryeowon. 1992. (In Korean).

Kim Chōngnyōm. A, Pak Chōnghūi: Kim Chōngnyōm chōngch'ihogorok: [Ah, Park Chung Hee: memoirs of Kim Cheongnyeom]. Seoul: Jungang. 1997. (In Korean).

Ko Kyōngūn. 1970-nyōndae hanbando kunbigyōngjaenggwa nambuk'an we: [Interkorean relations and arms race on the Korean Peninsula in 1970s]. Seoul: manuscript. 1988. (In Korean).

Kukpangbujikche// Kukkabōmnyōngjōngbosent'ō — Taet'ongnyōngnyōng che 1450 ho, 1959. 2. 18.: [Administrative Organization of the Ministry of Defense// National Law Information Center]. URL: <http://law.go.kr/lInfoP.do?lsiSeq=16169#0000> (accessed: 10 August, 2016). (In Korean).

Park Chung-hee. Pak Chōnghūi taet'ongnyōng yōnsōlmunjip: [Selected Speeches of President Park Chung-hee]. Seoul: Office of The President. 1965. Book. 1. (In Korean).

Pak Yōngchun. I Sūngmanūi kukchejilsōinshikkwa ilbon'gwann shingminji shigie issō manggukkwa kōn'gugūi munje // Han'gukchōngch'ioegyosanonch'ong: [Rhee Syngman's world order comprehension and view of Japan: state ruin and establishment problems during the colonization period // Journal of Korean Association for Political And Diplomatic History]. Seoul. 2009. Vol. 31. № 1. P. 77—113. (in Korean).

Pak Chōnghūi taet'ongnyōng yōnsōlmunjip (1963.12—1964.12): [Selected Speeches of President Park Chung-hee (1963.12—1964.12)]. Seoul: Center of the President's official statements. 1965. Book 1. (In Korean).

Е.Л. Логиновский

СЕВЕРКОРЕЙСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА КОНТАКТОВ КИМ ИР СЕНА С КНР: СМЕНА АКЦЕНТОВ В 1992—2019 гг.

Аннотация. Данные о контактах Ким Ир Сена с КНР, которые существуют в публикациях КНДР 1992—2019 гг., претерпели сложную эволюцию, в ходе которой сменилось четыре этапа. В первой половине 1990-х годов и практически полностью в 2000-е годы официальная историография стремилась не отходить от ранее взятого курса на отображение в первую очередь свидетельств отношений вождя с китайскими деятелями, наделенных символическим значением для правящей идеологии. В середине 1990-х годов, а также с 2007 г. до наших дней принято раскрывать относительно больше сюжетов по этой теме. Стало известно о широком ряде контактов, которые невозможно изучать посредством анализа ранее выпущенных работ Ким Ир Сена.

В 2010-х гг. читатели и зрители внутри и за пределами КНДР могут узнать из официальных публикаций об истории отношений первого лидера страны с Китаем существенно больше, чем прежде. Раскрытие новых данных о связях Ким Ир Сена с различными представителями КНР находится в тесной связи с общим состоянием китайско-северокорейских отношений в конкретный период времени.

Ключевые слова: Ким Ир Сен, Китай, международные отношения, историография.

Автор: Логиновский Егор Леонидович, независимый эксперт.
E-mail: login-egor@mail.ru

E. L. Loginovskiy

North Korean Evidences of Kim Il Sung's Communications to the PRC: Changing Trends, 1992—2019

Abstract. The data relating to Kim Il Sung's communications to the People's Republic of China have gone through deep changes from 1992—2019. There were two different approaches in official publishing activities. Books published during the early 1990s as well as ones printed in the early to mid-2000s show that the main trend in publication activities was aimed at closest possible follow-up the old historiographical pattern, supposing mostly to depict evidences of mutual contacts bearing symbolic significance for DPRK-Chinese exchanges history. The mid-1990s and post-2006 times both reflect Pyongyang's intention to change the trend while disclosing the same evidences in relatively greater numbers than before. The previous official version of Kim's heritage often proves useless if one intends to check newly-disseminated data.

Should readers and TV watchers both in North Korea and abroad desire to explore the history of Kim Il Sung's communications to China, they can extract much more information from official publications in the 2010s than before. There is strong connection between state-run dissemination activities with emphasis on history of Kim's relations to various Chinese figures and the overall state of DPRK-Chinese bilateral relations at every proper time.

Keywords: Kim Il Sung, China, international relations, ideological work.

Author: Egor L. LOGINOVSKIY, independent scholar
(e-mail: login-egor@mail.ru).

В первом «Полном собрании сочинений» (ПСС, 1992—2012) Ким Ир Сена собрано по меньшей мере 740 работ, специально фиксирующих контакты руководителей КНДР с представителями иностранных государств. В 25 трудах из этого числа сообщается о связях официального Пхеньяна с красным Китаем, который отпраздновал в текущем году 70-летие своего основания [Ким Ир Сен чончжип

моннок]. Дополнительно выпускаются издания, где приводятся новые данные о связях вождя с китайской стороной либо эти связи представлены в нетрадиционном ракурсе. В ряде случаев невозможно подтвердить достоверность таких данных, пользуясь только официально признаваемыми сочинениями Кима.

В наше время на ресурсах КНДР возможно ознакомиться с рядом работ, способных дать владеющему корейским языком читателю пищу для размышлений о связях Ким Ир Сена с китайским руководством после 1949 г., но встречаются они отнюдь не часто. Так, на двух известных порталах до сих пор не имеется работ, непосредственно посвященных отношениям с Китаем после основания народной республики. Лишь очень небольшое число трудов Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, где развитие связей с Пекином при жизни великого вождя затрагивается в числе других тем, может хотя бы в какой-то мере расширить знания по данному вопросу. Упоминания даже официально признаваемых контактов с деятелями КПК и КНР, таких как посещение между 1979 и 1991 гг. храма Конфуция в пров. Шаньдун, известное по беседе с дочерьми Ё Ун Хёна 16 ноября 1991 г., или встреча с генеральным секретарем ЦК КПК Ху Яобаном в мае 1984 г., упомянутая в выступлении 21 апреля 1992 г., крайне редки.

Можно встретить и выдержки из трудов вождя, где обсуждается китайская проблематика вне связи с дипломатией официального Пхеньяна. Чаще всего такие выдержки ничего не сообщают об отношениях с КНР, а рассматривают Китай как участника антияпонской борьбы 1920-х — 1940-х гг. или же как геополитического игрока. Записей подобного рода также крайне мало [Ури минчжок канъданъ; Ури минчжоккири].

1992—1993 гг. Работы самого Ким Ир Сена, изданные в два указанных года, раскрывают отношения с КНР лишь в той мере, которая соответствует поддержанию установившегося образа вождя как борца с японским империализмом. В связи с этим уделяется внимание встречам с родственниками Чжан Вэйхуа, соратника Кима, и Шан Юэ, его наставника, которые имели место в период 1985—1992 гг. и ранее не встречались в высокостатусных публикациях работ лидера республики [*Ким Ир Сен*, 1992, с. 295; *Ким Ир Сен*, 1993, с. 447—458]. Существенно, что отношения с государственными дея-

телями КНР не раскрываются даже при переиздании в начале 1990-х гг. тома «Сочинений», охватывающего первые месяцы существования красного Китая [ср.: *Kim Il Sung*, 1981; *Kim Il Sung*, 1992].

В свою очередь, важную, однако отрывочную, информацию содержат сочинения Ким Чен Ира. Её можно адекватно анализировать при наличии познаний в сфере дипломатического протокола. В 1993 г. из источников информации на корейском языке, а в 1995 г. — на иностранных языках, стало широко известно о беседе Ким Ир Сена с Шанхайской балетной труппой, которая состоялась в промежутке с июля 1971 по сентябрь 1972 гг. [*Ким Чен Ир*, с. 437].

1994—1998 гг. Середина и конец 1990-х гг. были, напротив, отмечены распространением информации о не менее чем девяти контактах Ким Ир Сена с китайской стороной на высшем уровне, которая зачастую нигде и никогда более не приводится и оставляет широкое поле для специальных изысканий. В частности, упоминания визитов в КНР в декабре 1954 и октябре 1970 гг., а также прибытия делегации из Китая весной 1951 г. прошли цензуру и были включены в неавторизованные тома воспоминаний вождя, не являющиеся частью ПСС [*Ким Ир Сен*, 1996, с. 89; *Ким Ир Сен*, 1998, с. 241, 248].

С другой стороны, редакторы письменного наследия Ким Ир Сена сделали важный символический шаг, отступив от линии, которую они выдерживали ещё в 1992 г., и включили полный текст телеграммы в адрес Мао Цзэдуна от 1 октября 1949 г. в ПСС (т. 10, 1994 г.) [*Ким Ир Сен чончжип моннок*, с. 79]. Мы уверены, что этот шаг стал результатом стремления Пхеньяна увековечить очередной юбилей основания КНР. Очевидно, он был санкционирован лично Ким Ир Сенем, поскольку при его жизни интервал от выдвижения идеи до ее реализации в печатном издании занимал от полугода до года, и вождь в любом случае успевал отдать нужное распоряжение до своей кончины в июле 1994 г.

1999—2006 гг. Далее в том же десятилетии наблюдалось заметное сокращение числа указаний на контакты вождя с представителями КНР. Работы этого периода приводят крайне небольшое число примеров поддержания отношений двух государств даже на высшем уровне. Так, в начале 2000-х годов в биографических изданиях указывалось лишь четыре визита Ким Ир Сена в Китай (сентябрь 1982,

ноябрь 1984, май 1987, октябрь 1991 гг.), которые и сегодня весьма часто упоминаются в КНДР [Ким Ир Сен: Биографический очерк, с. 339, 362, 363].

В очерке биографии Ким Ир Сена в «Историческом словаре» (2-е изд., т. 1, сентябрь 1999 г.) нет ни одного конкретного примера его общения с лидерами Китая, и единственный факт из истории взаимных визитов (официальный визит в КНР в сентябре 1982 г.) встречается только в биографии Ким Чен Ира в том же издании [Ёкса сачжон 1]. Примечательно, что даже в этих условиях материалы контактов с деятелями КПК и КНР в апреле 1975, декабре 1976 и октябре 1977 гг. были помещены в ПСС в 2004—2006 гг. [Ким Ир Сен чончжип моннок].

2007—2019 гг. Еще в конце 2000-х годов северокорейские власти санкционировали постепенное расширение объема информации о связях Ким Ир Сена с КНР. Так, в период 2008—2011 гг. впервые увидели свет в качестве составных частей ПСС труды вождя, в которых обозначены моменты из отношений с пореформенным Китаем, не зафиксированные нигде более и по сей день. Таковы речь на митинге в честь приезда вождя в г. Чэнду 21 сентября 1982 г. и беседы с представителями китайского партийно-государственного руководства (май 1985, сентябрь 1987, март 1990 гг.) [Ким Ир Сен чончжип моннок]. В литературе, ориентированной на широкие слои населения КНДР, также приводятся не известные прежде факты. Книга «Полководец Ким Ир Сен — отец сонгун» (вып. 2, сентябрь 2008 г.) сообщает, что в октябре 1949 г. Ким Ир Сен направил от своего имени подарок Мао Цзэдуну — два пистолета-пулемета корейской сборки [Сонгун-э обои...].

С другой стороны, новая официальная биография (корейское издание — апрель 2011 г.), рассчитанная на самую широкую аудиторию как в КНДР, так и за рубежом, крайне скупо осветила связи вождя с официальным Пекином. Из общеобязательного дискурса был исключен визит в Китай в 1991 г. Это вызывает вопросы на фоне сохранения слов вождя о визите в ПСС (т. 94, апрель 2011 г.), а также подтверждения практики ежегодной отправки подарков Киму от имени ЦК КПК не только в пореформенные годы, но и ранее (на-

пример, в 1977 г.) [История революционной деятельности..., с. 494; Кан, Рю; Ким Ир Сен, 2011, с. 90, 113].

К источникам ранее не известной информации о связях Ким Ир Сена с руководством КПК и КНР относятся и документальные фильмы, транслировавшиеся телевидением КНДР в 2010-х годах. Среди них имеется выдающееся по содержанию произведение под названием «Внешнеполитическая деятельность великого вождя товарища Ким Ир Сена, осуществленная совместно с товарищами из Китая — Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и Дэн Сяопином». Впервые фильм был показан 10 июня 2011 г. и позднее не раз повторялся. В нем сообщается, что в течение 1953—1991 гг. Ким Ир Сен имел 26 встреч с указанными китайскими лидерами, в том числе 20 на территории КНР, пять на территории КНДР и одну в Индонезии. 23 события, представленные в фильме, ранее не были широко известны либо же вовсе не были известны в КНДР [Видэхан сурён...].

Отметим, что к лету 2011 г. из официальных изданий работ вождей было достоверно известно о 43 контактах Ким Ир Сена с КНР, причем пять из них определяются только при наличии специальных знаний об истории внешней политики КНДР и дипломатическом протоколе. Масштаб раскрытия данных находится при этом в диапазоне от упоминания места, времени, участников до публикации материалов встречи с корейской стороны. В свою очередь, перечисленные в фильме контакты, конечно, представлены выборочно и не отражают всей картины связей «вечного Президента КНДР» с партийно-государственными деятелями соседней страны, однако и эта подборка без малого в семь раз больше числа официальных встреч вождя с китайским руководством, которое сообщается в стандартной версии жизни Кима образца 2000-х и начала 2010-х годов.

В середине и конце 2010-х годов были сообщены новые, ранее не известные из доступных источников подробности из истории контактов Ким Ир Сена с китайской стороной как на высшем уровне, так и на условно персональном. Изначально (2013—2014 гг.) это делалось в книжных изданиях, рассчитанных как на северокорейского, так и на иностранного читателя [*Kim, Pak, Han; Kim Myong Suk*]. Позднее, после улучшения в начале 2018 г. отношений КНДР и КНР, данная практика была перенесена и в СМИ. Так, в 2018 г.

в главном издании страны упоминались встречи вождя с маршалом Е Цзяньином в сентябре 1982 г. и неназванным китайским ансамблем песни и пляски в сентябре 1975 г., а в 2019 г. — «знаменательная первая встреча» с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем осенью 1949 г. и визит в КНР в октябре 1954 г. [*Со Нам Иль; Чо Хян Сон; Ли Хё Чжин*].

Завершающим элементом идеологической работы КНДР по вопросам отношений Ким Ир Сена и деятелей КПК и КНР пока остается электронный сборник ряда трудов вождя на китайском языке, созданный в середине августа 2019 г. Ко времени существования КНР относятся семь из 12 позиций сборника, причем некоторые из них (фрагмент телеграммы в адрес Мао Цзэдуна от 1 октября 1949 г.) переведены на иностранный язык впервые [*Ким Ир Сен*, 2019]. На середину декабря 2019 г. работы руководителей страны, литература различных видов, пресса и телевидение сообщили минимум о 76 различных контактах Ким Ир Сена с КНР с октября 1949 по июнь 1994 г.

Заключение. Теоретически северокорейский читатель начала 2010-х годов мог, обращаясь исключительно к работам вождя и литературе о событиях его жизни, составить представление о символических и важных вехах в отношениях лидеров Северной Кореи и Китая, а также узнать о крайне ограниченном числе контактов, информации по которым практически не было в открытом доступе. Этому способствует давняя тенденция работы редакторов сочинений лидеров республики: работы, напрямую посвященные какому-либо событию, могут быть изъяты при переизданиях, однако в публикациях, формально не связанных с сомнительными эпизодами прошлого, небольшие фрагменты текста, где затрагиваются неудобные вопросы, как правило, остаются нетронутыми. Как следствие, указания на факты реальных встреч первого лица КНДР с представителями КНР сохранялись в текстах различных работ Кима 1950-х — 1990-х годов, в заглавиях которых вопросы отношений с Пекином специально не анонсировались. (Конечно, при прямом политическом заказе цензура работает более тщательно, как это произошло с упоминаниями Н.С. Хрущева в выступлениях Ким Ир Сена 1950-х годов.)

Однако несистематические упоминания контактов с лидерами КПК и КНР помимо малого количества официально признанных

дат не были способны даже в теории поколебать мифологизированный образ вождя, боровшегося «за превращение всего мира в независимый» якобы без заметного влияния фактора Пекина. Расширение в 1994—1998 гг. числа авторитетных свидетельств таких контактов не являлось признаком фундаментальной смены подходов, так как сложившаяся в результате тенденция историографии внешней политики КНДР, актуальная для периода 1999—2006 гг., поощряла выдвигание на первый план отношений с Россией, а не с Китаем.

С конца 2000-х годов широкие массы жителей Северной Кореи бесперывно получают более ёмкие источники информации о контактах первого руководителя республики с Китаем. Эти факты позволяют утверждать, что уже при Ким Чен Ире был взят иной курс на изложение истории контактов Ким Ир Сена и представителей КПК и КНР, более не предусматривавший безальтернативного повествования о символических и важных вехах этих связей, хотя и допускавший спорадические отступления в сторону прежних историографических воззрений, сложно объяснимые при опоре лишь на доступные сегодня северокорейские свидетельства.

Характерно, что новая историографическая тенденция получила более мощное развитие в последние годы жизни Ким Чен Ира и далее при Ким Чен Ыне, в особенности в те годы, когда КНДР стремилась продемонстрировать возможно более высокий уровень отношений с Китаем. На протяжении всего рассматриваемого периода для официального Пхеньяна был характерен творческий подход к такой демонстрации. Общеобязательный дискурс 1990-х — 2010-х годов отдавал безусловный приоритет описанию связей Ким Ир Сена с деятелями КНР периода реформ и открытости, уделяя Мао Цзэдуну и его сторонникам существенно меньшее внимание. Идеологи КНДР, как правило, показывают, что вождь не был односторонне ориентирован на группировку Мао внутри КПК. Как показывает опыт 2011 и 2019 гг., акцентирование отношений Кима с этой группировкой напрямую связано с видимыми идеологическими сдвигами в КНР в пользу левоконсервативных сил, условно олицетворяемых Бо Силаем и Си Цзиньпином, соответственно.

Библиографический список

Видэхан сурён Ким Ир Сен дончжиккесо Чунгук-э Мо Тхэкдон, Чу Ыннэ, Тын Сопхён дончжидыль-гва чинхэнхасин тэве хвальдон : [Внешнеполитическая деятельность великого вождя товарища Ким Ир Сена, осуществленная совместно с товарищами из Китая — Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и Дэн Сяопином]. Ури минчжоккири. 03.04.2018. URL: <http://uriminzokkiri.com/index.php?type=ccentv&mtype=view&no=38704#pos> (дата обращения: 15.01.2020). (На кор.).

Ёкса сачжон 1 : [Исторический словарь. Т. 1]. 2-е изд. Пхеньян: Квахак пэк-ква сачжон чонхап, 1999. (На кор.).

История революционной деятельности Президента Ким Ир Сена. Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках (ИЛИЯ), 2012 (эл. версия). 546 с.

Кан Чхун Хи, Рю Сын Иль. Ёнвонхи инмин-гва хамкке : [Навечно с народом]. Пхеньян: Пхеньян чхульпханса, 2007. URL: <http://uriminzokkiri.com/index.php?type=cbooks&stype=0&mtype=view&no=2424&pn=8#8> (дата обращения: 15.01.2020). (На кор.).

Ким Ир Сен: Биографический очерк. Пхеньян: ИЛИЯ, 2001 (эл. версия).

Ким Ир Сен чончжип моннок : [Каталог Полного собрания сочинений Ким Ир Сена]. Пхеньян: Чосон нодондан чхульпханса, 2012. (На кор.).

Ким Ир Сен. В водовороте века. Т. 1. Пхеньян: ИЛИЯ, 1992 (эл. версия).

Ким Ир Сен. В водовороте века. Т. 4. Пхеньян: ИЛИЯ, 1993 (эл. версия).

Ким Ир Сен. В водовороте века. Т. 7 (Продолжение). Пхеньян: ИЛИЯ, 1996 (эл. версия).

Ким Ир Сен. В водовороте века. Т. 8 (Продолжение). Пхеньян: ИЛИЯ, 1998 (эл. версия).

Ким Ир Сен. Гуаньюй ЧаоЧжун юи : [О корейско-китайской дружбе]. Пхеньян: Вайвэнь чубаньшэ, 2019. URL: <http://www.korean-books.com.kp/KVMbooks/ch/work/leader1/20190814123256.pdf> (дата обращения: 25.09.2019). (На кит.).

Ким Ир Сен. Ким Ир Сен чончжип 94 : [Полное собрание сочинений. Т. 94]. Пхеньян: Чосон нодондан чхульпханса, 2011. (На кор.).

Ким Чен Ир. Избранные сочинения. Т. 2. Пхеньян: ИЛИЯ, 1995 (эл. версия).

Ли Хё Чжин. ЧоЧун чхинсон кванге пальчжон-э нёндэги-э сэгёчжин пульмёр-э чаук : [Неизгладимые отпечатки в летописи развития отношений дружбы Кореи и Китая] // Нодон синмун. 20.06.2019. (На кор.).

Со Нам Иль. Сонмур-э киттын ттыгоун маым : [Воплощенное в подарке горячее сердце] // Нодон синмун. 15.04.2018. URL: http://rodong.rep.kp/ko/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2018-04-15-4004 (дата обращения: 04.11.2019). (На кор.).

Сонгун-э обои Ким Ир Сен чангун (2) : [Полководец Ким Ир Сен — отец сонгун. Вып. 2]. Пхеньян: Пхеньян чхульпханса, 2008. URL: <http://uriminzokkiri.com/index.php?type=cbooks&stype=0&mtype=view&no=2478&pn=11> (дата обращения: 15.01.2020). (На кор.).

Ури минчжок кандан. URL: <https://www.ournation-school.com/> (дата обращения: 10.11.2019). (На кор.).

Ури минчжоккири. URL: <http://uriminzokkiri.com/> (дата обращения: 10.11.2019). (На кор.).

Чо Хян Сон. Хёнмёнчжок тангёль-гва хёрёнжжок нюдэ-рыль гвасихан чхук-чон мудэ : [Фестивальная сцена, где демонстрируются революционная сплоченность и кровные узы] // *Нодон синмун*. 17.04.2018. (На кор.).

Kim Il Sung. Works. Vol. 5. [1st ed.]. Pyongyang: Foreign Languages Publishing House (FLPH), 1981.

Kim Il Sung. Works. Vol. 5. 2nd ed. Pyongyang: FLPH (digital edition), 1992.

Kim Kwang Il, Pak Hak Il, Han Jong Yon. Anecdotes of Kim Il Sung's Life 2. Pyongyang: FLPH, 2013 (digital edition).

Kim Myong Suk. Echoes Down the Centuries. Pyongyang: FLPH, 2014.

References

Cho Hyang Son (2018). Hyöngmyöngjok tangyölgwa hyöryöñjök nyudaerül kwashihan ch'ukchönmudae : [Stage of the Festival Demonstrating Revolutionary Unity and Blood Ties]. *Rodong Sinmun*. 17 April. (In Korean).

Kang Ch'ung Hui, Ryu Sung Il (2007). Yöngwönhi inmin-gwa hamkke : [Always with the People]. Pyongyang: Pyongyang ch'ulp'ansa. URL: <http://uriminzokkiri.com/index.php?type=cbooks&stype=0&mtype=view&no=2424&pn=8#8> (accessed: 15 January, 2020). (In Korean).

Kim Il Söng chöñjip mongnok (2012) [Catalogue of *Kim Il Sung Complete Works*]. Pyongyang: Chosön rodongdang ch'ulp'ansa. (In Korean).

Kim Il Sung (2019). Guanyu ChaoZhong youyi : [On Korean-Chinese Friendship]. Pyongyang: Waiwen chubanshe. URL: <http://www.korean-books.com.kp/KBMbooks/ch/work/leader1/20190814123256.pdf> (accessed: 25 September, 2019). (In Chinese).

Kim Ir Sen : Biograficheskii ocherk (2001) [Kim Il Sung : Condensed Biography]. Pyongyang: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh (digital edition). (In Russian).

Kim Jong Il (1995). Izbrannye sochineniia 2 : [Selected Works. Vol. 2]. Pyongyang: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh (digital edition). (In Russian).

Kim Kwang Il, Pak Hak Il, Han Jong Yon (2013). Anecdotes of Kim Il Sung's Life 2. Pyongyang: FLPH (digital edition).

Kim Myong Suk (2014). Echoes Down the Centuries. Pyongyang: FLPH.

Ri Hyo Jin (2019). ChoChung ch'insön kwan'gyebalchönüi nyöndaegie saegyöjin pulmyörüi chauk : [Immortal Heritage Inscribed in the Annals of Korean-Chinese Friendship]. *Rodong Sinmun*. 20 June. (In Korean).

Ryöksa sajön 1 (1999) [Dictionary of History. Vol. 1]. 2nd ed. Pyongyang: Kwahak paek kwa sajon chonghap ch'ulp'ansa. (In Korean).

So Nam Il (2018). Sönmure kittün ttügöun maüm : [Warm Affections Enshrined in a Present]. *Rodong Sinmun*. 15 April. URL: http://rodong.rep.kp/ko/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2018-04-15-4004 (accessed: 04 November, 2019). (In Korean).

Sön'gunüi öböi Kim Il Söng changgun (2) (2008) [General Kim Il Sung, Father of Songun. Vol. 2]. Pyongyang: Pyongyang ch'ulp'ansa. URL: <http://uriminzokkiri.com/index.php?ptype=cbooks&stype=0&mtype=view&no=2478&pn=11> (accessed: 15 January, 2020). (In Korean).

Uri minzok kangdang. URL: <https://www.ournation-school.com/> (accessed: 10 November, 2019). (In Korean).

Uriminzokkiri. URL: <http://uriminzokkiri.com/> (accessed: 10 November, 2019). (In Korean).

А.А. Лобова

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КИТАЯ В НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация. В статье рассматриваются подходы китайских философов к женскому вопросу в начале XX вв. В результате проведенного исторического анализа были определены основные акторы, участвующие в дискуссиях о женском вопросе, и выявлен характер первоначальной дискуссии.

Автор пришел к выводу, что китайские философы связывали женский вопрос с проблемой укрепления и реформирования Китая. Женские движения использовались в качестве средства противодействия феодализму и в качестве признака социального прогресса.

Китайские философы считали, женщины должны были иметь открытый доступ к образованию, что в свою очередь может способствовать повышению уровня образования в Китае в целом. Автор пришел к выводу, что особое внимание уделялось вопросу экономической независимости женщин. Включение женщин в процесс труда рассматривался как один из способов выхода из экономического кризиса.

Ключевые слова: Китай, женский вопрос, образование, философия, династия Цин.

Автор: Лобова Алиса Андреевна, аспирантка факультета политологии, кафедры истории социально-политических учений, Московского государственного университета им. Ломоносова. E-mail: alice.l.maps@gmail.com

A.A. Lobova

The women's issues in Philosophical thoughts in China at the beginning of the XX century

Abstract. The paper is to examine the evolution of the Chinese approach to Women's issues at the turn of the 19—20th centuries. Based on a historical analysis of the women's issues in China, several general trends can be identified.

Firstly, the prevalence of the philosophical ideas about women in works of male philosophers was characteristic of China. The idea of gender equality emerged in a society that had not stepped in the civilization of industrialization. For that reason, due to the lack of general education for women and their traditional inferior social status, those male intellectuals were the main force in women's movements.

Secondly, discussion of the "women's issue" took place at the media. In articles and pamphlets, Chinese intellectuals expressed their views on the status of women, their education, etc.

Thirdly, philosophers have considered the problem of women in the framework of the issue of the nation. Therefore, women's movements were not ended in women themselves, but were used as means against feudalism and as a sign of social progress, the emancipation of women was one of the aspects of the emancipation of the nation. The Chinese ideologists saw the value in the self-realization of women, especially in education. Particular attention was paid to the issue of women's economic independence, the inclusion of women in the labor process was considered as one of the ways out of the economic crisis.

Keywords: China, education, philosophy, women's issue, late Qing dynasty.

Author: Alisa A. LOBOVA, post graduate student of Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: alice.l.maps@gmail.com).

Процессы преобразования роли женщин в условиях развивающегося мира относятся к числу наиболее сложных и все еще недостаточно изученных вопросов. Период конца XIX в. и начала XX в. стал поворотным моментом для многих стран. Это эпоха, к которой относится и зарождение женского движения. В Китае его формирование и развитие было неразрывно связано с процессом глубоких

преобразований в государственном устройстве, включая социальную, экономическую и культурную сферы общества. Следует отметить, что период конца XIX в. и начала XX в. был полон важных событий для Китая. Среди них две Опиумные войны 1840—1842 и 1856—1860 годов — военное столкновение династии Цин с западными державами (Англией, Германией, Францией, Россией и Японией) [Бутаков]. Этот процесс оказал сильное и травмирующее действие на ценности, традиционные социально-экономические и политические структуры китайского общества. Поражение Китая стало началом кризиса национальной идентичности среди интеллектуалов, который побудил китайскую элиту искать ответы в опыте западных стран.

Процесс знакомства Китая с западной культурой начался с создания иностранных школ и журналов в метрополиях, оказавшихся под влиянием иностранцев [Zhang, Z. L.]. Именно в этом контексте начинает развиваться дискуссия о положении женщин в Китае. При этом женский вопрос часто был связан с вопросами о гражданстве, нации, суверенитете, коллективной идентичности и социальном участии. Националистические проекты, как правило, вызывают обсуждение прав, а также включение и различия между группами угнетенных и меньшинств, которые могут бросать вызов национальному единству [Heng, G.].

Прежде всего, китайские философы в своих публикациях, посвященных женскому вопросу, отмечают проблему недоступности образования для женщин.

Согласно конфуцианской традиции, женщины не имели права участвовать в социальной жизни, сдавать экзамены на государственную службу. Цель традиционного обучения женщин ограничивалась преподаванием социальной этики и семейных традиций.

Представители новой интеллигенции рассматривали конфуцианскую систему образования как часть феодальной системы, которая и стала одной из причин поражения Китая в Опиумных войнах. Примером этому может служить позиция реформатора Лян Цичао, выраженная им в статье «Призыв женщин к образованию» («论女学»). Он отмечал, что «подлинных граждан воспитывает, прежде всего, мать, и она должна иметь ясное представление о том, как

воспитывать детей», [Liang Qichao] — формирование будущего поколения начинается с обучения матери. Ссылаясь на теорию эволюции Г. Спенсера и социальный дарвинизм, он видел в пренатальном образовании способ улучшения вида. Защита нации (вида) начинается с образования женщин [Liang Qichao].

Помимо этого, согласно Лян Цичао, женщинам нужна экономическая независимость. Традиционно женщины не были вовлечены в труд, они не могли содержать себя, и находились в зависимом положении от мужчин. Если женщины будут образованы и способны найти работу, это может решить проблему бедности в Китае. Кроме того, он считал, что наличие рабочей силы для развитой страны является основой национального благосостояния. Добиться стабильного правительства невозможно, если половина населения страны не участвует в материальном производстве [Liang Qichao].

Так Лян Цичао связывал успех нации с созданием социальных условий для развития женщины как самостоятельной личности. Для него государство формируется сообществом людей, именно от народа зависят его успехи, нация выступает главным достоянием государства и основой для его процветания. Обращаясь к проблеме определения понятия нации, Лян Цичао предлагает сосредоточиться на моральных качествах общества. И одним из путей к идеальному государству он считал просвещение людей и совершенствование их моральных качеств как граждан государства [Liang Qichao]. Поэтому личная независимость и образованность женщины взаимосвязаны с развитием государства.

Другой активный участник дискуссии о женском вопросе, Чэнь Дусю, в своей статье «Путь Конфуция и современная жизнь» [Чэнь Дусю, 1987] («孔子之道与现代现代»), опубликованной в журнале «Новая молодежь» («新青年»), критикует конфуцианство и объясняет, как конфуцианские идеалы не вписываются в современный мир. Он призывал молодых женщин и мужчин освободиться от оков конфуцианской доктрины, и бороться за независимость личности. Чэнь Дусю выступал за освобождение личности, поскольку, по его мнению, духовная свобода и рационализм помогут молодёжи возродить государство. Первый шаг на этом пути — освобождение народа от оков патриархального строя, борьба с различными формами зави-

симости. «Человек — часть целого государства, — писал он, — если каждый его член уважаем и ценим, то и государство заслуживает уважения; если каждый его член здоров и крепок, то и государство прочно» [Duxiu, C., p. 47].

Эту идею он развил в статьях, посвященных женскому вопросу: «我的妇女解放观» (Мой взгляд на женскую эмансипацию), «恶俗篇» (Дурные нравы) «民族解放与妇女解放» (Освобождение нации и женщин), в которых он критиковал феодально-патриархальный строй, многовековое угнетение женщин и подчеркивал, что женщина должна быть свободной и самостоятельной.

Основания идей Лян Цичао и Чэнь Дусю берут свое начало в творчестве Джона Стюарта Милля, а точнее в его произведении «О подчинении женщины». Британский философ рассматривал нехватку имущественных прав замужних женщин. Он описывает роль жены в браке как «личного слугу деспота» и утверждает, что невозможно судить о природе и способностях женщин, потому что им еще не было предоставлено возможностей для самореализации [Mill, J. St.]. Необходимым условием защиты достоинства женщины, если ей этого не предоставляет государство, является возможность самостоятельно обеспечивать себя. Поэтому необходимо разрешить ей заниматься любыми профессиями и занимать любые должности. Что еще немаловажно: если бы женщины получали такое же образование, что и мужчины, это бы обогатило государственную экономику. Вот почему приобретение женщинами равных прав с мужчинами, на самом деле, способствует развитию общества. Из этого примера видно, что изменения в общественно-политической мысли Китая во многих аспектах берут начало в работах Дж. Ст. Милля, Г. Спенсера.

Подчинение образования женщин находится в зависимости от ориентированного на мужчин дискурсом нации, то есть цель образования женщин состоит в том, чтобы сделать их хорошими «матерями», чтобы они могли играть свою роль в «укреплении страны». Отсутствие активных и авторитетных женщин в среде деятелей негативно сказывалось на процессе получения женщинами новых прав и свобод. Анализ основных причин женского угнетения со стороны общества представлен интеллектуалами очень ограниченно.

Фактически, китайские философы никогда не использовали термин «права женщин». Обсуждение женского вопроса было вызвано стремлением сторонников политических реформ заимствовать западные политические механизмы не в целях социального развития, а в качестве инструмента возрождения мощного и эффективного китайского государства. Поэтому женские движения не заканчивались самими женщинами, а использовались в качестве средства противодействия феодализму и в качестве признака социального прогресса, эмансипация женщин была одним из аспектов эмансипации нации. Китайские философы увлекались западными идеями и включались в активную политическую борьбу. Все философские мысли относительно женской проблемы опирались в Китае только на опыт западных государств.

И хотя дискуссии о положении женщин в начале XX в. оказали большое влияние на общественно-политические взгляды более поздних философов, для большинства женщин этого периода почти ничего не изменилось. За исключением получения права на начальное образование, вопрос получения политических, экономических, юридических прав женщин все еще оставался открытым. У женщин того времени не было реального доступа к принятию решений и даже к спорам по поводу их собственной судьбы. За них, в сущности, всё решали мужчины.

В целом, стоит отметить, что, рассматривая факторы геополитики и истории, прослеживая эволюцию женского движения, исследователи часто отмечают, что реализация женских прав и свобод в обществе оказывают воздействие на моделирование региональной политики [Bayes, J.]. Повышение уровня представленности прав и ценностей женщин в обществе может являться признаком изменений в ценностных ориентациях общества.

Поэтому появление возможности получать образование и финансовую независимость для женщин свидетельствует о неспособности существующей власти удовлетворить общественные потребности, а также о либерализации общества и постепенном отходе от феодальной традиции.

Библиографический список

Бутаков А.М. Обзор войн европейцев против Китая в 1840—1842, 1856—1858, 1859, 1860 годах. М.: АСТ, 2002.

Чэнь Дусю. 1916 г. // Собр. соч. Народное издательство провинции Аньхой, 1987.

Bayes J. Gender and Politics: The State of the Discipline. The World of Political Science: The development of the Book Series Barbara Budrich Publishers, 2012. P. 237.

Duxiu C. The Way of Confucius and Modern Life. Sources of Chinese Tradition: From 1600 through the Twentieth Century Vol. 2. New York: Columbia University Press, 2000.

Heng G. A Great Way to Fly': Nationalism, the State, and the Varieties of Third-World Feminism. Feminist Genealogies, Colonial Legacies, Democratic Futures. Ed. M. Jacqui Alexander and Chandra Talpade Mohanty. New York: Routledge, 1997. P. 30—45.

Liang Qichao. On Women's Education//The birth of Chinese feminism: essential texts in transnational theory, edited by Lydia H. Liu, Rebecca E. Karl, and Dorothy Ko. New York: Columbia University Press, 2013.

Liang, Qichao, On the New Citizen, Taipei: Zhonghua Shuju. 1978b.

Mill J.St. The Subjection of Women. London: Longman's Green Reader and Dye, 2012.

Zhang Z.L. The Chinese gentry, studies on their role in Nineteenth-century Chinese society. Seattle University of Washington Press, 1955.

References

Bayes J. (2012). Gender and Politics: The State of the Discipline. The World of Political Science: The development of the Book Series Barbara Budrich Publishers.

Butakov A.M. (2002). Obzor vojn evropejcev protiv Kitaya v 1840—1842, 1856—1858, 1859, 1860 godax. [The overview of the Europeans wars against China in 1840—1842, 1856—1858, 1859, 1860]. M.: AST. (In Russian).

Duxiu C. (1987). 1916. // Wen ji // Anxue renmin chubanshe. [Collected works]. (In Chinese).

Duxiu C. (2000). The Way of Confucius and Modern Life. Sources of Chinese Tradition: From 1600 through the Twentieth Century Vol. 2. New York: Columbia University Press.

Heng G.A. (1997). *Great Way to Fly': Nationalism, the State, and the Varieties of Third-World Feminism. Feminist Genealogies, Colonial Legacies, Democratic Futures.* Ed. M. Jacqui Alexander and Chandra Talpade Mohanty. New York: Routledge. P. 30—45.

Liang Qichao. (2013). *On Women's Education//The birth of Chinese feminism: essential texts in transnational theory,* edited by Lydia H. Liu, Rebecca E. Karl, and Dorothy Ko. New York: Columbia University Press.

Liang Qichao. (1978). *On the New Citizen,* Taipei: Zhonghua Shuju.

Mill J.St. (2012). *The Subjection of Women.* London: Longman's Green Reader and Dye.

Zhang Z.L. (1955). *The Chinese gentry, studies on their role in Nineteenth-century Chinese society.* Seattle University of Washington Press.

А.И. Иванова

КНДР НА ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ-2018 В ПХЁНЧХАНЕ

Аннотация. Прошедшие в 2018 г. в южнокорейском Пхёнчхане зимние Олимпийские игры примечательны участием в них сборной КНДР, которая нерегулярно выступает на зимних играх. XXIII зимние Олимпийские игры в Пхёнчхане стали только девятыми в истории северокорейской сборной. В связи с их нечастым выступлением на международных соревнованиях, судить о методах спортивной дипломатии КНДР достаточно сложно. Олимпийские игры — событие, к которому прикованы миллиарды глаз зрителей всего мира, и у страны, которая принимает соревнования, а также у всех, кто в них участвует, есть возможность создать у публики свой определенный имидж. Поэтому на Олимпийские игры не едут случайные спортсмены или чиновники, все участники преподносят себя только с самой выгодной стороны.

Участие в подобном массовом событии для КНДР — это испытание. Чем реже публика видит северян, тем более внимательно следит за каждым их движением. Делегация КНДР отправила на Олимпийские игры в Пхёнчхан делегатов, создав имидж такой Северной Кореи, какой она сама хочет выглядеть для мира в эту эпоху.

В докладе анализируется участие северокорейской делегации на Олимпийских играх в Пхёнчхане 2018 г. с точки зрения спортивной дипломатии. Исходя из проанализированной информации,

предпринимается попытка сделать вывод о том, какой имидж хотела создать КНДР и какими средствами повлиять на формирование мнения о себе в мире.

Ключевые слова: КНДР, РК, Олимпийские игры, Пхёнчхан-2018, спортивная дипломатия, межкорейские отношения, олимпийское потепление, мягкая сила.

Автор: Иванова Алина Игоревна, магистр востоковедения и африканистики (История Кореи). E-mail: sakanalina@gmail.com

A.I. Ivanova

North Korea at 2018 Pyeongchang Olympic Games

Abstract. The paper analyzes the participation of the North Korean delegation at the 2018 Pyeongchang Olympic Games in terms of sports diplomacy. Based on the actions taken by the DPRK delegation and what western media had to say about it, the author makes an attempt to conclude what image the DPRK was willing to create for the public.

The Winter Olympic Games held in 2018 in South Korean Pyeongchang are noteworthy for the participation of the DPRK national team, which does not show up at the Winter Games on a regular basis. The DPRK sent delegates to the Pyeongchang Olympic Games able to fulfill the tasks of soft power, creating the image of North Korea as it itself wants to look for the world in this era.

The year of 2018 started with an unexpected statement by Kim Jong-un in his New Year's speech, when the North Korean leader expressed the idea of sending DPRK athletes to the Pyeongchang Games. The countries returned to the negotiating table, and this time sports and the Olympic Games contributed to the rapprochement of relations. The relations warming between the North and the South in 2018 got called "Olympic warming." The countries met each other and as soon as possible discussed all the details of the athletes' participation in the Games and a North Korean delegation visit to the South.

Keywords: North Korea, South Korea, Olympic Games, Pyeongchang-2018, sports diplomacy, inter-Korean relations, Olympic warming, soft power.

Author: Alina I. IVANOVA, Master of Korean Studies (e-mail: sakanalina@gmail.com).

Зимние Олимпийские игры 2018 г. выпали на затянувшийся период особого обострения отношений между Сеулом и Пхеньяном. В 2017 г. КНДР провела свое шестое по счету ядерное испытание и несколько испытаний баллистических ракет.

2018 г. начался неожиданным заявлением Ким Чен Ына в его новогодней речи, когда северокорейский лидер высказал идею отправить на Игры в Пхёнчхан своих спортсменов. Страны вернулись за стол переговоров, и сближению отношений в этот раз способствовали спорт и Олимпийские игры. Потепление отношений между Севером и Югом в 2018 г. прозвали «олимпийским потеплением». Страны пошли навстречу друг другу и в кратчайшие сроки обсудили все детали участия в Играх спортсменов и визит на Юг северокорейской делегации.

Северокорейская делегация, посетившая Игры, состояла из 280 человек: 229 болельщиц, четырех членов Национального Олимпийского Комитета, 26 участников показательного выступления по тхэквондо, 21 журналиста и ещё 140 артистов, которые выступили с гастрольями в рамках праздничных мероприятий.

Дипломатическая делегация КНДР состояла из Ким Ё Чжон (родной сестры Ким Чен Ына), Ким Ён Нама (председатель президиума ВНС КНДР), Ри Сон Гвона (председателя комитета по мирному объединению Кореи) и Чхве Хи (заместителя председателя ЦК Трудовой партии и член национального спортивного комитета).

Посещение Ким Ё Чжон Южной Кореи — важный для истории момент, потому как она стала первым членом правящей семьи Кимов, посетившим Республику Корея после Корейской войны. Она присутствовала на встрече с южнокорейским президентом Мун Чжэ Ином 10 февраля 2018 г. в качестве специального посланника от северокорейского лидера. ВВС пишет, что посылая на Олимпиаду «молодую и фотогеничную особу», которая точно привлечёт международное внимание, КНДР пытается создать более свежую и тёплую картинку, и нивелировать потенциальные попытки США использовать Олимпийские игры как напоминание о нарушении прав человека в стране [ВВС].

Команда объединения

Спортивная делегация КНДР была представлена на Олимпийских играх десятью спортсменами в двух видах спорта — женском хоккее и парном фигурном катании.

17 января, за месяц до игр, КНДР и страна-хозяйка мероприятия достигли соглашения об участии обеих стран в церемониях открытия и закрытия под единым флагом.

В объединённую сборную Кореи на Зимних играх-2018 вошли 35 хоккеисток. Спортсменки выступали под флагом Объединения, гимном сборной стала народная песня «Ариран». Несмотря на то, что на церемонии открытия игр спортсмены обеих стран прошли вместе под флагом Объединения, женский хоккей стал единственным видом спорта, где спортсмены выступили единой командой.

Соглашения о совместном шествии на церемонии открытия, а также о формировании объединённой команды по женскому хоккею страны достигли 17 января 2018 г. во время переговоров в деревне Пханмунчжом на линии разграничения огня. Также договорились о составе делегации, в которую вошли 550 человек: высокопоставленные чиновники, болельщицы, показательная команда спортсменов по тхэквондо и творческая группа [Yonhap].

У объединённой сборной Кореи по хоккею состоялось три матча — с Японией, Швецией и Швейцарией. За три игры им удалось только раз забить шайбу в ворота шведок. Сборная Кореи заняла 8, последнее место в списке.

Объединённая команда состояла из 23 южнокорейских и 12 северо-корейских хоккеисток. Девушки начали тренироваться вместе только в конце января, не ранее, чем за три недели до старта Олимпийских игр. МОК назначил условия, согласно которым в каждом матче на ОИ в команде должны выступить как минимум три северо-корейские спортсменки. Благодаря слиянию корейская сборная получила возможность сформировать команду из 35 игроков. В то время как остальные сборные могли пригласить только 23 спортсменов — 20 полевых и трёх вратарей. Несмотря на самые скромные результаты игр корейянок, матчи с их участием привлекли не меньше

внимания, чем игры более опытных соперниц, претендовавших на медали этих зимних игр.

Многие южнокорейские хоккейные болельщики скептически отнеслись к идее объединённой команды, не веря в то, что разовая спортивная инициатива будет иметь долгосрочное влияние на отношения между странами, а тем более — сдержит Ким Чен Ына, отношение к которому в Южной Корее неоднозначное.

Объединённой команде Кореи пришлось преодолеть некоторые языковые барьеры. Южнокорейские хоккеистки для обозначения базовых терминов используют английские слова, в то время как в КНДР для этих понятий есть собственные слова. После первого матча корейки поделились, что языковой барьер мог стать одной из причин столь низкого результата в игре. Тем не менее, вся сборная получила огромную поддержку соотечественников и общее ощущение, что они играют ради большей цели, чем места в рейтинге.

Объединённую команду Кореи тренировала канадский тренер Сара Мюррей, которая высказалась о проблемах в общении между южанками и северянками в команде: «В северокорейском языке нет английских слов, поэтому всё совершенно по-другому. Мы создали англо-северокорейский словарик, чтобы мы могли общаться и, надеюсь, научиться говорить на языках друг друга» [ABC News].

Южнокорейцы внимательно следили за всеми тремя матчами, потому что для большинства из них это была практически единственная возможность вживую увидеть северокорейских спортсменов. Многих из них приятно взволновала причастность к историческому событию, которое сблизило обе страны Корейского полуострова.

Фигурное катание:

Рём Дэ Ок и Ким Чжу Сик

Чтобы получить квоту на участие в олимпийских соревнованиях по фигурному катанию, фигуристам сборной необходимо войти в топ результатов чемпионата мира за год до Игр. Северокорейские фигуристы Рём Дэ Ок и Ким Чжу Сик начали выступать на международных первенствах еще в сезоне 2015/2016 и заняли 7-е место на

Чемпионате четырех континентов. Год спустя, на Чемпионате мира-2017, они стали лишь 15-ми, что не позволило сборной выиграть квоту на участие в Олимпийских играх. Осенью они выступили в турнире Nebelhorn Trophy в немецком Оберсдорфе, соревнованиях, которые открывают сезон взрослых спортсменов, а также являются последним шансом получить квоту на предстоящие Олимпийские игры. 6-е место гарантировало северокорейской паре путевку в Пхёнчхан. Однако позже спортсмены пропустили время подачи заявки на участие в играх и, не использовав свою квоту, едва не были вычеркнуты из списка участников. В результате переговоров 9 января МОК выделил паре дополнительную квоту на участие в играх. В итоге, Рём и Ким стали 13-ми в Пхенчхане, и в том же сезоне заняли 3-е место на Чемпионате четырех континентов и 12-е — на Чемпионате мира. Эта пара — первая северокорейская пара в истории фигурного катания, выигравшая медаль на соревнованиях под эгидой ISU.

На успехи северокорейских фигуристов на Олимпийских играх в Пхёнчхане западная пресса отреагировала неоднозначно. Например, *New York Times* цитирует кембриджского специалиста по Восточной Азии: «Само представление о том, что Рём и Ким добились международного успеха как отдельные личности, в каком-то отношении, не сочетается со сложившимся у нас имиджем Северной Кореи, как главного коллективистского государства, в котором отдельная личность ни на что не влияет». При этом в статье отмечается, что, несмотря на сложные отношения между КНДР и РК, северокорейских спортсменов принимали очень радушно, а Рём, «лицо которой не покидала улыбка и, в своем красном шерстяном пальто, возможно, стала самой фотографируемой спортсменкой на этих Играх». Те, кто узнал о паре только на играх, удивлялись тому, что «в такой бедной стране, как КНДР, есть такие выдающиеся спортсмены» [Longman].

Южнокорейское новостное агентство Yonhap в своей статье называет пару Рём-Ким «очень улыбчивыми», отмечает их превосходные профессиональные навыки и хорошие манеры. На ледовой арене, где тренировались и выступали северокорейские спортсмены, дежурила сотня журналистов, и фигуристы отлично справлялись с давлением прессы — приветствовали журналистов, всегда улыба-

лись, тепло общались с южнокорейскими и зарубежными спортсменами. Рём и Ким произвели на южнокорейскую публику самое положительное впечатление [Юн].

«Армия красоток»: северокорейские болельщицы

В западной и южнокорейской прессе северокорейских болельщиц нарекли «армией красавиц». Они приковали к себе внимание, когда прилетели из Пхеньяна перед началом Игр: все в одинаковых красных пальто с пушистым чёрным воротником и сапожках на каблучке. Будучи милыми и улыбчивыми, северянки тем не менее не общались с прессой, а только улыбались в объективы фотографов. Команда болельщиц превзошла количество самих спортсменов более чем в десять раз.

Западные СМИ насчитали 229 девушек и стали делать всевозможные предположения касательно их происхождения и настоящей цели визита в Пхёнчхан. Многие ведущие новостные агентства уверенно заявили, что девушки проходили строгий отбор по внешним данным, а также — лояльности режиму самим Ким Чен Ыном, однако несчастные красавицы были против своей воли отняты у своих семей, обучены правильно, синхронно и громко болеть за свою команду и отправлены в Южную Корею, только чтобы отвлечь весь мир от новостей жестокого северокорейского режима.

The New Yorker пишет, что чирлидинг, по природе своей, является формой пропаганды, а северокорейская команда болельщиц «занимает собственную стратосферу вооруженного очарования и дисциплины». Армия красавиц представляет собой кукольную версию армейской службы: молодых девушек забирают из лучших университетов ради создания презентабельного образа Северной Кореи [Tolentino].

Статья о северокорейских болельщицах в американском The New Yorker заканчивается такими словами: «Предполагается, что команда болельщиц обладает невероятной силой, но эта сила напрямую связана с тем, до какой степени сами девушки оказываются под контролем. В Пхёнчхане было просто абсурдом наблюдать, как одна

из самых репрессивных и тоталитарных наций в мире пытается развернуть 230 улыбающихся женщин в качестве дипломатического щита. Эта идея настолько нелепа, что почти устрашает. Кто-то в Северной Корее допускает, что женская юность, красота и послушание — это зрелище, способное отвлечь от мысли о ядерной войне» [*Tolentino*].

За время Игр северяне максимально использовали шанс показать себя. Политически — провели переговоры в Голубом доме и передали Муну приглашение в Пхеньян, спортивно — дали возможность своим талантливым фигуристам выступить на крупнейшем старте и лишний раз примелькаться коллегии судей с перспективой получать в будущем более высокие баллы за прокаты, а также сделали женский хоккей символом объединённой сборной, культурно — создали образ дружественно настроенной, неопасной и очаровательной страны главным образом благодаря женщинам в составе делегации. Скорее всего, сделать женщин центром внимания и было планом Северной Кореи. Ким Ё Чжон, Рём Дэ Ок, болельщицы — объективно милovidные молодые женщины, которые достойно, радушно и аккуратно вели себя на публике. Как настоящие леди, они были рады общению с зарубежной публикой и готовы стать центром внимания, но вели себя подчеркнуто сдержанно, четко зная, кому и на какие вопросы нужно или не нужно отвечать. Образ хоккеисток более коллективный — девушек фотографировали главным образом на льду во время матчей, когда их лица были закрыты шлемами, и, как представительницы объединенной сборной, имели только две задачи — подружиться с южнокорейскими спортсменками и постараться внимательно играть в матчах.

На зимних Играх в 2018 г. северянки привлекли взгляды всего мира не только из-за политической ситуации на Корейском полуострове и статуса закрытой страны, но и просто благодаря своей красоте. Обаяние девушек, их достойное поведение на публике и тщательно продуманная стратегия действительно помогли ослабить политическое напряжение и явили всему миру дух примирения с перспективой на как минимум дальнейшие спортивные обмены между Севером и Югом, к которым одинаково стремятся обе страны.

Библиографический список

Сестра Ким Чен Ына приедет на Олимпиаду: кто она и почему это важно // URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42973312> (дата обращения: 05.11.2019).

Юн Тхэсок. Усым манын Рём Дэок — Ким Джусик копхыль, силлёкдо мэнодо медальгам : [Юн Тхэ Сок. Очень радушная пара Рём Дэ Ок — Ким Чжу Сик, на пути к медалям с профессиональными навыками и хорошими манерами]. URL: <http://www.hankookilbo.com/News/Read/201802051742778492> (На кор.) (дата обращения: 26.10.2019).

Koreas to field joint women's hockey team for Olympics, march together at opening ceremony. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20180116009957315> (дата обращения: 02.11.2019).

Longman Jeré. For North Korean Skaters, the Short Program Was Just the Beginning. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/13/sports/olympics/north-korea-figure-skating.html> (дата обращения: 01.11.2019).

Tolentino Jia. The Mesmerizing Spectacle of North Korea's "Army of Beauties" at the Winter Olympics. URL: <https://www.newyorker.com/sports/sporting-scene/the-mesmerizing-spectacle-of-north-koreas-army-of-beauties> (дата обращения: 03.11.2019).

Winter Olympics: Two Koreas unite in women's ice hockey, but language differences pose problems. URL: <https://www.abc.net.au/news/2018-02-06/winter-olympics-language-problems-unified-korea-ice-hockey-team/9399410> (дата обращения: 25.10.2019).

References

Koreas to field joint women's hockey team for Olympics, march together at opening ceremony. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20180116009957315> (accessed: 02 November, 2019).

Longman Jere. For North Korean Skaters, the Short Program Was Just the Beginning. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/13/sports/olympics/north-korea-figure-skating.html> (accessed: 01 November, 2019).

Sestra Kim Chen Yna priyedet na Olimpiadu: kto ona i pochemu eto vazhno. [Kim Chon-un's Sister to come to the Olympics: who is she and why it matters]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42973312> (accessed: 05 November, 2019). (In Russian).

Tolentino Jia. The Mesmerizing Spectacle of North Korea's "Army of Beauties" at the Winter Olympics. URL: <https://www.newyorker.com/sports/sporting-scene/the-mesmerizing-spectacle-of-north-koreas-army-of-beauties> (accessed: 03 November, 2019).

Winter Olympics: Two Koreas unite in women's ice hockey, but language differences pose problems. URL: <https://www.abc.net.au/news/2018-02-06/winter-olympics-language-problems-unified-korea-ice-hockey-team/9399410> (accessed: 25 October, 2019).

Yun Taeseok. Useum maneun Ryeom Daeok — Gim Jusik keopeul, sillyeok-do maeneo-do medalgam. [Yoon Tae-seok. A very welcoming couple Ryom Tae-ok — Kim Joo-sik, on the way to medals with great professional skills and good manners]. URL: <http://www.hankookilbo.com/News/Read/201802051742778492> (in Korean) (accessed: 26 October, 2019).

Научное издание

**Восточная Азия:
прошлое, настоящее, будущее**

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Редактор *М.А. Кириченко*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 29.09.2020.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 25,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 10

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:
Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.